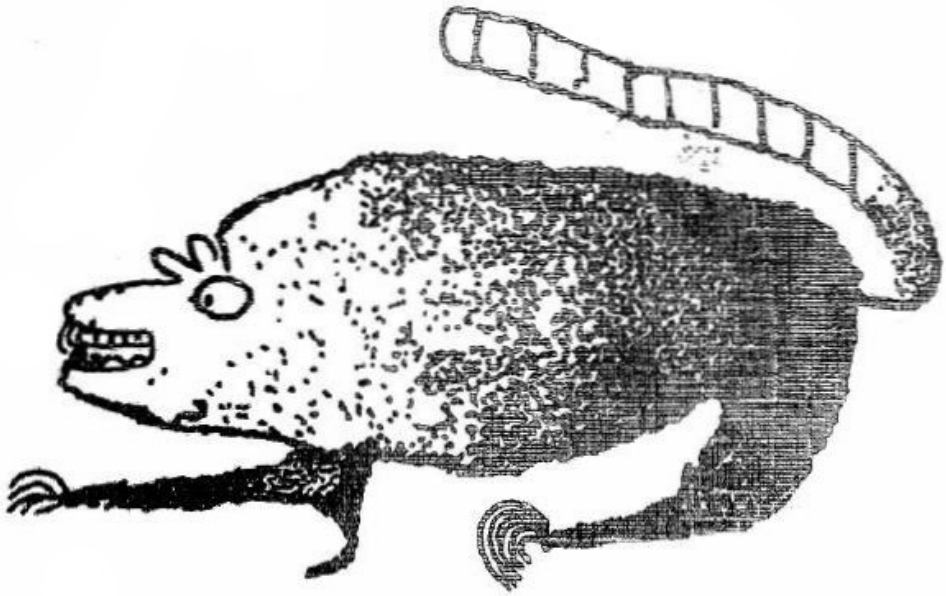
ДРЕВНОСТИ АЛТАЯ

№ 6



ГОРНО-АЛТАЙСК
2001

Горно-Алтайский государственный университет
Кафедра археологии, этнологии и источниковедения

ДРЕВНОСТИ АЛТАЯ

известия лаборатории археологии №6

г. Горно-Алтайск, 2001

Печатается по решению редакционно-издательского совета

ББК 63.4 (2 Рос-Алт)

Древности Алтая. Известия лаборатории археологии №6.
Межвузовский сборник научных трудов. - Горно-Алтайск: Изд. Г-АГУ, 2001 г. - 174 с.

В.И. СОЕНОВ, составление, оформление, макет, **2001 г. ©**
Горно-Алтайский государственный университет, 2001 г. ©

Деревянко А.П., Постнов А.В., Чевалков Л.М.
(г.Новосибирск, г.Горно-Алтайск)

КОМПЛЕКСНЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТЬ-КАНСКОЙ ПЕЩЕРЫ В 1999 г.

В полевом сезоне 1999 г. силами Усть-Канского отряда экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН начаты широкомасштабные стационарные комплексные исследования стоянки первобытного человека в Усть-Канской пещере, расположенной в известняковом массиве «Белый Камень». Памятник находится на правом борту долины верхнего течения р. Чарыш, в 3,5 км восточнее с. Усть-Кан, районного центра Республики Алтай. Географические координаты памятника - 50° 54 40 с. ш. и 84° 48 50" в. д**.**

Объем и задачи исследовательских работ на памятнике были определены современным состоянием проблем палеолитоведения, решение которых связано с комплексным подходом к изучению археологических объектов. Реконструкция природного окружения человека времен палеолита настолько тесно связана с возможностью восстановления хозяйственной деятельности древнейших коллективов, а, следовательно, с интерпретациями морфологического облика артефактов, найденных на стоянках, что практически ни одно современное исследование палеолитических памятников уже не обходится без подробной характеристики фаунистических и флористических остатков, без тщательного геоморфологического анализа, без материалов таких естественно-научных направлений, как почвоведение, карпология, палинология и др. Еще одна, не менее важная особенность современных методов изучения плейстоценовых остатков заключается в том, что подробному исследованию подвергаются все отложения четвертичного периода на памятнике, а не только те, в которых обнаружены остатки человеческой деятельности. Эта «фронтальность» позволяет проследить динамику климатических и ландшафтных изменений в продолжении всего периода плейстоцена и показать закономерность выбора мест для стоянок древними людьми в зависимости от изменения природного окружения в конкретном районе. Естественно, что приоритет для подобных исследований получают памятники, территория которых заселялась неоднократно, и, соответственно, чьи литологические горизонты представляют собой последовательные серии аккумулированной биостратиграфической и культурной информации.

Усть-Канская пещера является именно таким многослойным археологическим объектом. Четвертичные отложения в пещере содержат многочисленные следы жизнедеятельности древних людей всех этапов палеолита. Этот памятник первобытной истории стал широко известен с 1954 г. благодаря исследованию и публикациям СИ. Руденко (Руденко С.И., 1960, с. 104 - 125; Rudenko S.I., 1961, p. 203 - 215). Однако автор открытия, отмечая особую архаичность каменного инвентаря, по ряду причин не смог тогда доказать раннепалеолитический возраст стоянки (Шуньков М.В., 1990, с. 39), а методика раскопок, проведенных полвека назад, оставляет эвристическую ценность интерпретации тех археологических материалов чрезвычайно низкой. Современные исследователи вынуждены признать, что лишь приблизительно, и только по морфологии каменных артефактов можно разделить коллекцию раскопок 1954 г. на две группы, соответствующие крупным палеоисторическим этапам - мустье и позднему палеолиту; что отсутствие аналитической базы естественнонаучных методов исследования отложений Усть-Канской пещеры не позволяет корректно сопоставить их с данными других палеолитических объектов Горного Алтая; что возраст нижнего культурного горизонта обитания точно не определен (Археология..., 1998, с. 100 - 105; Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Чевалков Л.М., 1998, с. 85). Вместе с тем, высокая насыщенность артефактами и остатками фауны литологических слоев Усть-Канской пещеры представляет большой научный потенциал для решения вопросов проблемы освоения человеком территории Северной и Центральной Азии. И это, наряду со слабой изученностью объекта, предполагает острую необходимость возобновления исследований пещеры на современном уровне, который, как отмечено выше, должен носить комплексный характер исследовательских работ на протяжении нескольких полевых сезонов с привлечением широкого круга специалистов гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Памятник в Усть-Канской пещере имеет государственное значение (Постановление Правительства Республики Алтай № 38 от 16.02.1996 г.). В настоящий момент культурный слой пещеры разрушается из-за того, что дневная поверхность отложений внутри пещеры имеет сильный уклон к выходу, а частое посещение людей и выпас коз на территории известнякового массива, где расположена пещера, способствуют медленному, но непрерывному разрушению культуросодержащих горизонтов. Археологическое изучение памятника с последующей музеефикацией объекта - единственная возможность предотвратить его полное уничтожение. Таким образом, возобновление работ на стоянке в Усть-Канскй пещере является не только необходимым, но и своевременным мероприятием.

Комплексное изучение Усть-Канской пещеры в полевом сезоне 1999 г. предполагало: - начать геологическое и геоморфологическое изучение района расположения памятника:

- определить степень нарушений культурного слоя и оценить.общее состояние памятника;
- произвести дополнительные раскопки для получения стратиграфии плейстоценовых отложений внутри полости и создать эталонную для памятника коллекцию артефактов и фаунистических остатков сточной стратиграфической привязкой;
- собрать материал для определения возраста слоев памятника и реконструкции палеоэкологии на различных этапах плейстоцена.

Методика работ на памятнике была основана на комплексе методов, выработанном в течении многолетних исследований отрядов экспедиции ИАЭТ. В частности, таких сложных палеолитических объектов, как Денисова пещера, стоянки Усть-Каракол-1, Ануй-3 и др, расположенных в бассейне реки Ануй, возле границы Алтайского Края и Республики Алтай. Участие в работе отряда представителей различных научных дисциплин обусловило применение не только археологических, но и специализированных стандартных геологических и палеонтологических методов в комплексном изучении объекта и его современной природной обстановки. Изучение современной фауны проводилось путем визуальных учетов, отлова ловушками и капканами. Ископаемый материал по млекопитающим собирался постоянно и полностью на протяжении раскопок плейстоценовых отложений. При описании состава сырья для каменных артефактов использована общепринятая

в геологии классификация. Отбор образцов на ЭПР, радиоуглеродный метод датирования, для спорово-пыльцевого анализа производился по стандартным методикам.

Археологические методы исследования памятника включали различные приемы и способы, направленные на изучение культурного слоя с учетом его стратиграфического положения в разрезе, планиграфии и сохранности.

Для разметки площади раскопа использовалась система прямоугольных декартовых координат (рис. 1). Оси абсцисс, ординат и аппликат (X, Y, Z) проведены через условную нулевую отметку, установленную за пределами раскопа с учетом того, чтобы раскапываемая площадь находилась в положительных значениях осей абсцисс и ординат (рис. 1). При этом координаты точки, равные целым значениям в метрах на системе координат, дают цифровое обозначение квадрату (1х1 м), расположенному в возрастающих абсолютных значениях по осям абсцисс и ординат. При нумерации квадратов сначала указывается значение абсцисс, затем значение ординат. Направления линий разметки зафиксированы от магнитного меридиана. Для жесткого контроля измерений была установлена система подвесной разметки с делением площади на квадраты со стороной 1 м.

Разборка культурных отложений производилась сплошной площадью по квадратам размером 1 х 1 м и уровням глубиной 5 см в пределах одного литологического слоя. Находки, зафиксированные при разборке культурных отложений, подразделялись на 2 группы. Первую группу составляли:

- каменные орудия;
- продукты первичного расщепления камня размером более 2 см;
- определимые фрагменты костей крупных млекопитающих;
- неопределимые фрагменты костей крупных млекопитающих размером более 5 см.

Вторая группа находок включала:

- продукты первичного расщепления камня размером менее 2 см;
- неопределимые фрагменты костей крупных млекопитающих размером менее 5 см;
- кости грызунов.

В процессе разборки культурных отложений по квадратам и уровням находки первой группы оставлялись на вскрытой поверхности слоя в непотревоженном состоянии, а находки второй группы собирались в отдельные пакеты для каждого квадрата, уровня и слоя. На нестратифицированных участках раскопа (отвалы раскопок прошлых лет) все находки относились ко второй группе. Подробные количественные и качественные характеристики вскрытого уровня фиксировались в полевых документах. Затем находки первой группы заносились в виде условных обозначений на план. Для удобства обработки данных с помощью компьютера была составлена таблица, в строки которой заносилась каждая находка, а по столбцам - ее признаки. Для находок первой группы были предусмотрены следующие столбцы: памятник, год раскопок, слой, квадрат, порядковый номер, наименование находки, ее три координаты, положение (сторона, обращенная вверх), горизонтальная и вертикальная ориентация. Порядковый номер присваивался находкам первой группы в системе сквозной нумерации по слоям в пределах одного квадрата. Каждая находка имеет свой индивидуальный шифр, который складывается из названия памятника, номера находки, номера квадрата и номера слоя. Определение горизонтальной и вертикальной ориентации проводилось у находок с длиной плоскости более 3 см. Измерялся угол падения плоскости, на которой залегала находка, относительно горизонтальной плоскости системы координат раскопа с точностью до 5°. Горизонтальная ориентация определялась от оси ординат против часовой стрелки до направления максимального склонения плоскости, на которой лежит находка по горизонтальной угловой шкале горного компаса. Вертикальная ориентация находки определялась по вертикальной угломерной шкале горного компаса как максимальный угол между горизонтальной плоскостью и плоскостью, на которой лежит находка. Глубина залегания находок указывалась в сантиметрах от условной нулевой отметки раскопа. При камеральной обработке признаковое пространство находок расширялось петрографическими, функциональными и морфологическими определениями. Эта таблица в электронной форме составляет основу ГИС-системы по Усть-Канской пещере. В настоящий момент система наполняется данными и будет готова к моменту завершения современного этапа изучения памятника.

Весь грунт, выбранный в процессе раскопок по квадратам и уровням в пределах одного слоя, отправлялся на промывку. Заполнитель кротовин выбирался и промывался отдельно. Промывка грунта проводилась путем активной флотации в системе калибровочных сит с ячеей 0,5 и 0,1 см. Отмытый материал из сит с ячеей 0,5 см просушивался, разбирался по категориям (артефакты, фауна, грубо-обломочный заполнитель по фракциям и т. п.), описывался в полевых документах, фасовался в отдельные пакеты по квадратам, уровням и слоям и передавался специалистам для подробного анализа. Полученный концентрат из сит с ячеей 0,1 см просушивался и затем просеивался на почвенных ситах с диаметром ячеи от 5 до 0,5 мм. Каждая из фракций: 5 мм, 3 мм, 1 мм и 0,5 мм, просматривалась отдельно. Качество выборки костного материала из фракций 1 мм и 0,5 мм контролировалось с использованием лупы Х6 или под бинокулярным микроскопом МБС-10. Костный материал из каждого образца с указанием слоя, горизонта, квадрата и субквадрата раскопа обрабатывался и поступал на коллекционное хранение отдельно. Результаты определений заносились в специально разработанные протоколы с указанием происхождения образца и количества остатков каждого из установленных таксонов.

Предварительное определение остатков мелких млекопитающих проводилось непосредственно в поле. Окончательные определения, уточнения и морфологическая обработка выполнены в лаборатории млекопитающих Палеонтологического института РАН с использованием эталонных коллекции указанной Лаборатории и коллекций Зоологического музея МГУ. Все определения, сравнения и промеры костных остатков выполнены под бинокулярным микроскопом МБС-10 и Motic.

По результатам определений на основании протоколов составлялись итоговые таблицы, по которым строились графики, отражающие послойно общий видовой состав изученных костных остатков мелких позвоночных, их абсолютное количество, а также относительное обилие в процентах. Полученный на промывке археологический и фаунистический материал не фиксировался на общем плане слоя, однако учитывался в

общей характеристике находок по слоям вместе с материалами первой и второй групп.

Объем работ полевого сезона 1999 г. по выше описанной методике выполнен следующий:

- изучена геологическая ситуация памятника, проведены геологические маршруты к местам выхода коренных пород, служащих субстратом для сырья каменных орудий древнего человека;
- сделана инструментальная съемка пещеры, и составлен ситуационный план для геоморфологического анализа;
- начато изучение современных палеоэкологических условий и проведены работы по изучению популяций видового разнообразия животного мира;
- во внутренней части пещеры заложен раскоп 3х10 м слева от центральной оси пещеры. Результаты вскрышных работ разделили площадь раскопа на две части. На основной части раскопанной площади были вскрыты отвалы раскопов предшествующих исследований и результат обвала их стенок (не-стратифицированная часть), а стратифицированная часть, где можно проследить залегание слоев с 1 по 12, составила 6 м^2 (рис. 1);
- промывка нестратифицированной части раскопа позволила получить 628 каменных артефактов, что существенно увеличивает аналогичную по стратификации коллекцию предметов из камня (483 экз.), полученную во время раскопок 1954 г. и хранящуюся в фондах Государственного Эрмитажа (№ 2229);
- разборка отложений стратифицированной части раскопа (рис. 9) позволила получить продольный и поперечный разрезы отложений центральной части пещеры, где зафиксировано 21 литологическое подразделение на глубину до 2 м (рис. 2). В 18-ти из них обнаружен культурный материал. Общая коллекция каменных артефактов этой части раскопа составила 1237 экз., а коллекция определимых остатков костей позвоночных составила более 10 тыс. экз;
- слои 0-5 были разобраны на площади в 6 м^2: в квадратах 7,8,9/29,30, до глубины 1,3 м и на этом уровне законсервированы;
- слои 7-12 разобраны на участке 2 м^2: в квадратах 7,8,9/27,28, на глубину около 1 м. Слои 0 - 5 на этом участке не сохранились из-за обвала стенок шурфа 1975 г.;
- отобраны образцы на радиоуглеродный метод определения абсолютного возраста и определения пыльцевых спектров литологических отложений пещеры.

Стратиграфический профиль в результате работ на памятнике получен по восточной и по северной стенке, мощностью 2,4 м, где сверху вниз вскрыты следующие отложения (рис. 2):

Слой 0. Органогенные отложения из птичьего и козьего помета, вверху рыхлые, внизу спрессованные. Содержат битое стекло, пуговицы, единичные фрагменты керамических сосудов без орнамента, артефакты из камня - преимущественно мелкие отщепы. Слой равномерно покрывает пол пещеры. На северной стенке максимальная мощность до 15 см.

Слой 1. Супесь серая, гумусированная, легкая, пылеватая, мелкокомковатой текстуры. Заполнитель - редкий мелкий и средний щебень известняка и дресва. В слое отмечаются многочисленные ходы землероев, проективная площадь их - до 90%. Включения представлены каменными артефактами и остеологическим материалом, встречены линзы золы. Слой отсутствует в восточной части разреза, а у западной стенки пещеры, где он прослеживается по ходам землероев, достигает максимальной мощности в 70 см.

Слой 2. Супесь палевая, светлая, лессовидная, структура пылеватая. Текстура неясная, вверху - мелкокомковатая, к подошве слоя - слоистая за счет включения линз более белесой и легкой супеси и тонких слойков (первые мм) более каштановой и плотной супеси. Заполнитель - редкий щебень известняка, средний и мелкий. Практически отсутствует в приподошвенной части слоя. Граница слоя четкая и ясная, определена по изменению цвета осадка, подчеркнута текстурой, проведена по резкому увеличению обломочного материала. Мощность слоя от 1 до 20 см.

Слой 3. Глыбово-щебнистый горизонт. Глыбы известняка преимущественно средние и мелкие. Крупные глыбы достигают размеров до 1 м по оси «Ь». Грани и ребра крупных глыб оглажены, глыбы выветрелые и сильно трещиноватые. Средние и мелкие глыбы острогранные, хаотично ориентированы в слое. Щебень и глыбы соприкасаются гранями друг с другом. По цвету и составу заполнителя слой разделен на четыре подслоя.

Слой 3А. Глыбово-щебнистый горизонт с супесчаным лессовидным заполнителем порового типа светлых охристо-палевых оттенков. Во включениях отмечаются галечки фиолетовых и зеленых сланцев, обилие мелкой дресвы и гравия известняка. Граница с нижележащим осадком четкая, проведена по изменению цвета и более редкому распределению обломочного материала в слое. Мощность слоя до 35 см.

Слой 3Б. Глыбово-щебнистый горизонт с супесчаным лессовидным заполнителем коричневато-желтых и буровато-желтых оттенков. Окраска заполнителя неравномерна - пятнами, более желтыми (охристыми) и более буровато-коричневыми, контуры пятен нечеткие. По структуре заполнитель более рыхлый, чем в слое 3А, мелкокомковатый. Включает дресву и гравий известняка, редкие мелкие галечки и гравий фиолетовых и зеленых сланцев. Граница с нижележащим осадком нечеткая, условная, проведена по изменению цвета текстуры заполнителя. Мощность слоя 20 - 25 см. Слой выделен только в северо-западной части разреза.

Слой 3В. Глыбово-щебнистый горизонт с супесчанистым заполнителем линзовидной текстуры. В слое наблюдается переслаивание линз супеси темно-коричневой, охристой, желтовато-палевой, серо-коричневой. В большей части случаев границы линз четкие, линзы залегают согласно падению слоя в западном направлении около 20°. По структуре линзы отличаются большей и меньшей плотностью заполнителя, более светлые линзы содержат мелкокомковатый, плохо сортированный песок, дресву и мелкий гравий, единичные угольки. Слой насыщен культурным и фаунистическим материалом. Темные линзы более плотной пылеватой структуры, с четкой флюидальностью, выраженной в окраске - вероятно, следы размытых кострищ, т.к. содержат единичные угли. Граница с нижележащим слоем четкая, обусловлена переходом к интенсивному черному цвету заполнителя. Максимальная мощность 30 см.

Слой 3Г. Глыбово-щебнистый горизонт с супесчаным заполнителем порового типа. Заполнитель -серая легкая супесь невыраженной текстуры. В основном присутствует на восточной стенке, где залегает согласно дневной поверхности и постепенно выклинивается. Максимальная мощность 55 см.

Слой 4А. Супесь легкая, интенсивно окрашена в черный цвет, в кв. 8/30 со следами прокала мощностью

до 5 см. Слой 4А выдержан по всему разрезу и, благодаря интенсивной окраске, является хорошим маркером для всего разреза. Заполнитель - редкие глыбы и щебень известняка размером от средних глыб до мелкого. Встречены угли и обожженные кости и камни известняка. В кв. 9 слой резко западает, глыбы в месте западения уплощенные, ориентированы вертикально. Структура пылеватая, текстура не выражена. Мощность до 15 см. У западной стенки меняет структуру и текстуру и образует слой 4Б.

Слой 4Б. Супесь коричневато-серая, до черной, мелкокомковатой структуры и флюидальной текстуры. Заполнитель - мелкий щебень известняка и плохо сортированная дресва. Текстура линзовидно-слоистая. Выделен в западной части северной стенки на пристенном участке. Мощность до 15 см.

Слой 5А. Суглинки светло-коричневые, охристые с каштановым оттенком, легкие. Структура пористая, текстура пятнисто-слоистая, с пятнами суглинков более темных коричневых оттенков. Заполнитель- обломки известняка фракции мелких глыб и щебня. Обломки острогранные, хаотично ориентированы в слое. Границы слоя четкие, проведены по изменению цвета осадка. Мощность 18 см.

Слой 5Б. Суглинки буровато-коричневые, более темные и плотные, чем вышележащий осадок. Структура мелкокомковатая, текстура линзовидно-слоистая. Заполнитель аналогичен слою 5А. Во включениях угли и культурный материал. Границы четкие и ясные, языковатые, с затеками в подстилающий осадок. Мощность до 40 см.

Слой 5В. Суглинки легкие, красно-коричневые, до черных, мелкокомковатой структуры и неяснослои-стой текстуры. Включает переслаивание светло-коричневых, темно-коричневых до черных суглинков с ярко-охристыми пятнами в виде небольших линзочек с неровными краями и мощностью первые мм.

Заполнитель - щебень известняка. Обломки оглажены и сильно выветрелы, фиксируются полностью разложившиеся отдельности. Включения - угли, мелкие галечки сланцев. Граница слоя языковатая, четкая, подчеркнута, слоями угля в подошве слоя. Мощность до 20 см.

Слой 5Г. Суглинки коричневато-палевые, легкие, пылеватой структуры, текстурой плохо выраженной слоистости. Текстура скорее пятнистая, в пятнах встречается лессовидная супесь, легкая, пористая, похожая на золу. Заполнитель - глыбы и щебень известняка, от средних глыб до мелкого щебня и дресвы. Во включениях - пятна ожелезнений, редкие угольки. Мощность до 10 см.

Слой 6А. Суглинки темно-коричневые, в сухом состоянии - светло-коричневые, с охристым оттенком, суглинки средние, текстура не выражена. Структура мелкокомковатая. Заполнитель - глыбы и щебень известняка. Обломки изометричные, уплощенные, залегают согласно падению слоя. Слой падает в западном направлении под углом в 70°. Слой прослеживается в восточной части разреза. Нижняя граница слоя условная, проведена по появлению сильно выветрелых обломков известняка. Мощность до 22 см.

Слой 6Б. Суглинки, аналогичные слою 6А, структура мелкокомковатая, от вышележащего осадка отличается заполнителем - щебень сильно выветрелый, встречается полностью разложившийся мелкий щебень, который крошится пальцами. Мощность до 35 см.

Слой 7. Суглинки средние, красно-коричневые, ореховатой структуры, флюидальной текстуры. Заполнитель - щебень и глыбы известняка. Глыбы крупные, выступают из слоя в вышележащие отложения. Погруженные в слой части глыб имеют сильно выветрелую поверхность. Щебень также сильно выветрелый. Встречаются Fe-Mn конкреции, пятна ожелезнения и омарганцевания, единичные угли. Границы слоя четкие. Слой выклинивается к центру раскопанной площади. Мощность до 15 см.

Слой 8. Суглинки серо-коричневатые, мелкокомковатые, пористые, неясной текстуры. Заполнитель -щебень известняка, от крупного до мелкого, редкие мелкие глыбы. Граница слоя четкая, проведена по изменению цвета осадков. Мощность до 15 см.

Слои 9. Слой щебня и дресвы из кальцитов с обломками сталактитов. Заполнитель - суглинок оранжевый с редким щебнем известняка. Обломки кальцитов непрочные, кроме фрагментов сталактитов, и раздавливаются пальцами. Границы слоя четкие, благодаря цвету, слой является маркирующим горизонтом. Мощность до 25 см.

Слой 10. Суглинки темно-красные, средние, плотные, текстура флюидальная. Осадки более красные, чем слой 7, в подошве включают светлые линзы слоя 11, что подчеркивает текстуру. Во включениях отдельные угли, пятна омарганцевания. Мощность до 22 см.

Слой 11. Слой гальки и гравия сланцев. Материал сильно выветрелый. Заполнитель - суглинок охристо-табачного оттенка с зеленоватым тоном. Мощность до 13 см.

Слой 12. Слой суглинка красного с включениями кальцитов и щебня известняка (в подошве слоя линзовидными включениями). Слой 12 более красный, темный, чем слой 10. Щебень сильно выветрелый, разрезается ножом. Слой прокопан на глубину до 8 см.

Остеологический материал, полученный из стратифицированной части раскопа, находится еще в обработке и разделен на три части: остатки крупных млекопитающих, кости орнитофауны и мелких млекопитающих. Предварительно оценивая всю коллекцию костных остатков, можно отметить, что кости крупных млекопитающих очень фрагментарны, и лишь небольшая их доля со следами воздействия древнего человека. Одно из объяснений данного факта состоит в том, что эти следы были уничтожены во время последующей утилизации костей гиенами, и поэтому, возможно, гиены в пещере вторичны.

Из 600 скелетных остатков определено более 30 видов птиц. Большая их часть количественно распределяется в порядке убывания следующим образом: утки ***(Anatidae),*** мелкие воробьиные ***(Passeriformes),*** кулики ***(Charadhidae),*** врановые ***(Corvidae).*** Присутствуют единичные кости белых куропаток ***(Lagopus).*** В целом, ископаемая орнитофауна может характеризовать наличие открытых (степных, альпийских) биотопов. Доминирование водоплавающих и околоводных видов указывает на определенные предпочтения первобытных охотников**.** В коллекции костных остатков присутствуют все виды, определенные ранее Н.К. Верещагиным, вместе с тем зафиксированы и новые для этого памятника виды. Особенно много новых видов определено из образцов микротерриофауны (Деревянко А.П., Постнов А.В., Чевалков Л.М., Кулик Н.А., Агаджанян А.К., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., 1999. с. 105-111.)

Археологический материал в процессе раскопочных работ эпохи палеолита зафиксирован в 18 литологических подразделениях разреза: 1, 2, 3А, 3Б, 3В, 3Г, 4А, 4Б, 5А, 5Б, 5В, 5Г, 6А, 6Б, 7, 8, 9,10.

Археологический комплекс нестратифицированной части раскопа составил 628 каменных артефактов. Фрагменты костей не представляли научный интерес в связи с тем, что происхождение их и возраст в нестратифицированной части раскопа сомнительны. По этой же причине были удалены обломки пород без патины, сколы которых казались «свежими».

Список морфологически определенных вещей, как каменные артефакты, следующий:

Нуклеусы -12 экз.

Отщепы - 353 экз.

Пластины - 85 экз. Обломки - 42 экз.

Изделия с вторичной обработкой и сколы леваллуа - 136 экз.

Типологический перечень орудийных форм следующий:

Сколы леваллуа	15 экз.
Сколы леваллуа ретушированные	42 экз.
Остроконечники леваллуазские	6 экз.
Остроконечники леваллуа ретушированные	5 экз.
Скребла	9 экз.
Выемчатые	5 экз.
Зубчатые	3 экз.
Сколы с ретушью	51 экз.

Из этой части коллекции памятника на хранение в краеведческий музей с. Мендурсоккон переданы монофронтальный одноплощадочный нуклеус с радиальной обработкой латералей и наиболее представительные экземпляры из коллекции орудий (9 экз.):

Пластина леваллуа ретушированная (рис. 3, 2)	2 экз.
Остроконечник леваллуа (рис. 3, 5)	1 экз.
Остроконечник леваллуа ретушированный (рис. 3, 4)	2 экз.
Скребла конвергентные (рис. 3, 1, 3)	2 экз.
Выемчатое	1 экз.
Отщеп с ретушью	1 экз.

Кроме этих предметов, по просьбе заведующего музеем Н.А. Шодоева, в музей на хранение передано 5 обломков из неклассифицируемой части каменного инвентаря.

Археологический комплекс стратифицированной части раскопа насчитывает 1239 артефактов. Из них в раскопе зафиксировано 1124 экземпляра (789 экз. первой группы находок и 355 экз. второй группы находок), на промывке - 115 экз. Общее распределение их по слоям и месту фиксации представлено в таблице 1. В таблице 2 дано распределение каменных артефактов, зафиксированных при промывке литологического вещества, по слоям и морфологическим признакам. В таблице 3 подобное распределение указано для артефактов первой группы из раскопа. Таблица 4 отражает типологический перечень орудийных форм на памятнике.

Таблица 1

Распределение каменных артефактов по слоям и месту фиксации

Слои артефакты	***1***	***2***	***3А***	***3Б***	***3В***	***3Г***	***4А***	***4Б***	***5А***	***5Б***	***5В***	***5Г***	***6А***	***6Б***	***7***	***8***	***9***	***10***	***Все***
первой группы в I раскопе	5	6	5	31	88	116	110	2	64	108	5	71	34	62	18	26	24	14	789
второй группы в раскопе	2	3	2	23	20	36	29	1	12	42	3	35	21	34	15	34	21	2	335
на промывке	2	1	1	3	8	12	20	0	5	22	1	4	13	8	2	5	7	1	115
всего	**9**	**10**	**8**	**57**	**116**	**164**	**159**	**3**	**81**	**172**	**9**	**110**	**68**	**104**	**35**	**65**	**52**	17	**1239**

Таблица 2

Распределение каменных артефактов, зафиксированных при промывке литологического вещества, по слоям и морфологическим признакам

Слои артефакты	***1***	***2***	***3А***	***3Б***	***3В***	***3Г***	***4А***	***4Б***	***5А***	***5Б***	***5В***	***5Г***	***6А***	***6Б***	***7***	***8***	***9***	***10***	***Все***
отщепы	2	1	1	3	3	7	12		3	14			6	5		2	3		62
пластины					1	2	3			4			2	1		1	1		15
обломки					2	2	4		1	3	1	3	3	1	2	1	2	1	26
колотые гальки					2	1	1		1	1		1	2	1		1	1		12
всего	**2**	**1**	**1**	**3**	**8**	**12**	**20**	**0**	**5**	**22**	***Л***	**4**	**13**	**8**	**2**	**5**	**7**	**1**	**115**

Таблица 3

Распределение каменных артефактов первой группы находок, зафиксированных в раскопе. по слоям и морфологическим признакам

Слои артефакты	***1***	***2***	***3А***	***3Б***	***3В***	***3Г***	***4А***	***45***	***5А***	***5Б***	***5В***	***5Г***	***6А***	***6Б***	***7***	***8***	***9***	***10***	***Все***
нуклеусы					3	4	2			1		1							11
отщепы	4	1	2	8	26	38	42		27	55	5	29	22	29	8	13	12	8	**329**
пластины				5	12	13	8		2	9		7	3	7		1	1		**68**
обломки		1	1	5	10	4	10		6	10		12	2	5	2	1			**69**
колотые гальки	1	2		1	6	2	1		3	8		2		3		1	1		**31**
орудия	0	2	2	12	31	55	47	2	26	25	0	20	7	18	8	10	10	6	**281**
всего	**5**	**6**	**5**	**31**	**88**	**116**	**110**	**2**	**64**	**108**	**5**	**71**	**34**	**62**	**18**	**26**	**24**	**14**	**789**

Таблица 4

Распределение орудийных форм, по слоям

Слои орудия	***1***	***2***	***3А***	***3Б***	***3В***	***3Г***	***4А***	***4Б***	***5А***	***5Б***	***5В***	***5Г***	***6А***	***6Б***	***7***	***8***	***9***	***10***	***Все***
отщепы леваллуа						1			2	1				1				2	**7**
отшепы леваллуа ретушированные						3			1	1						1			**6**
пластины леваллуа					1	5	2		1						1	1	2	1	**14**
пластины леваллуа ретушированные				1		2	1		1						1		1		**7**
остроконечники леваллуа				1	1	3	7		1	3			2	3		2	1		**24**
остроконечники леваллуа ретушированные		1			1	1	1			1							1		**6**
скребла				1	5		6		5	5			1	3					**26**
скребки						1	1		1				1						**4**
ножи					1		1			2						2	1		**7**
резцы						1	1			1		2							**5**
острия						2	2		1										**5**
проколки						2													**2**
шиловидные				1		1				1									**3**
выемчатые				2	4	7	3	1	3	1		3			1		1	1	**27**
зубчатые орудие			1	1		8	3			2		2		3			1		**21**
зубчато-выемчатые										1									**1**
тронкированные отщепы							1												**1**
отщепы с ретушью		1		3	10	9	13	1	10	5		11	3	8	5	4	1	2	**86**
пластины с ретушью			1	2	7	9	5					2					1		**27**
неопределимые фрагменты орудий					1														**1**
отбойники										1									**1**
всего	**0**	**2**	**2**	**12**	**31**	**55**	**47**	**2**	**26**	**25**	**0**	**20**	**7**	**18**	**8**	**10**	**10**	**6**	**281**

Из различных слоев отложений пещеры были взяты образцы для определения абсолютного во: раста. Сейчас, учитывая особенности археологического и фаунистического материала, можно дат только предварительную хронологическую интерпретацию разреза.

Отложения эпохи голоцена представлены слоями 0 и 1. На основной части площади раскопа их мощность около 2 см, и только на пристенном участке она резко возрастает.

Толща плейстоценовых отложений сверху вниз включает слой 2 - легкую палевую супесь, слой 3 - глыбовый горизонт с супесчаным заполнителем палевых тонов, слой 4А - черную супесь с включением угля. Этот слой, благодаря выдержанной мощности и интенсивной окраске, является хороший маркером для всего разреза. Ниже него залегает пачка слоев темно-коричневых суглинков (слои 5 - 6 с включением глыб в основании. Это горизонты каргинского и раннесартанского времени. Их подстилают слои 7 и 8 - суглинки красноватых оттенков с обильными глыбами и щебнем. От красноцветных суглинков слоя 10, который включает очажную конструкцию, их отделяет еще один маркирующий горизонт разреза - слой 9. Это слой щебня и дресвы из кальцитов с обломками сталактитов. Заполнитель -суглинок ярко-оранжевый с редким щебнем известняка. Присутствие такого

количества сталактитов в слое кальцитов указывает на определенный режим температуры и влажности, который существовал в пещере в течение длительного времени и больше не повторялся. Из образца слоя 10 определено 8 скелетных остатков ***Lagurus lagurus-transiens.*** Время обитания этого зверя определяется второй половиной среднего плейстоцена, что, скорее всего, соответствует времени седиментации отложений слоя 10, что подтверждает и его стратиграфическая позиция.

Наиболее яркой археологической находкой является очажный комплекс в слое 10 (рис. *4*). Очаг округлой формы, диаметром около 1 м, обложен по периметру крупными плоскими плитками известняка, расположенными под углом около 40° к центру комплекса. Общая мощность слоя с вкраплениями угольков около 20 см. На поперечном разрезе прослеживается, что углистая масса залегает в три слоя. Очевидно, комплекс использовался неоднократно. Непосредственно в комплексе и рядом с ним обнаружены артефакты и костные остатки.

В целом, каменная индустрия памятника отражает доминирование леваллуазской техники расщепления (рис. *5*). Большую часть коллекции составляют орудия. Нуклеусы занимают подчиненное положение. Орудийный комплекс достаточно выразительный и однородный - мустьерский. Преобладают леваллуазские изделия, скребла, ретушированные отщепы, реже встречаются зубчато-выемчатые формы. На преимущество леваллуазских приемов расщепления указывают изделия с фасетированными рудиментами ударных площадок (рис. *5, 2, 4, 6, 10, 14, 15, 16*)**.** Среди орудийных форм, как особенно выразительные изделия, можно отметить леваллуазские ретушированные пластины (рис. *5, 2, 3, 6, 14, 16*), леваллуазские остроконечники (рис. 5, 4, 10). Интересной особенностью коллекции каменных изделий 1999 г. является отсутствие явных позднепалеолитических форм - микропластин и микронуклеусов и скребков высокой формы. Однако, предварительно оценивая особенности каменной индустрии Усть-Канской пещеры, можно отметить, что позднепалеолитические черты в оформлении орудийного набора и техники первичного скалывания отмечаются со слоя 6А. В качестве примера можно привести обработку орудийных форм, характерных как для мустье, так и для позднего палеолита: концевой скребок (рис. *5, 7*), конвергентное скребло слоя 5А (рис. *5, 9*), боковой скребок из слоя 5А (рис. *5, 72*). Обращает на себя внимание продольное вентральное скребло, которое по сути несет следы четкой бифасиальной обработки (рис. *5, 8*). Отмечая сохранение леваллуазской традиции в слоях 2-6, необходимо отметить элементы параллельного скалывания. Такими яркими примерами переходных форм от леваллуазского расщепления к параллельному могут служить нуклеусы из 5Б и 3В сгуэя. Нуклеус из слоя 5Б уплощенный, сохраняет радиальную обработку фронта и контрфронта, имеет преимущественную площадку, но она гладкая и с нее уже производится серия параллельных снятий (рис. *5, 11*). Нуклеус из слоя 3В демонстрирует еще большей компонент леваллуазской техники: он уплощен, имеет серединновыпуклую ударную площадку, радиальную подготовку. Однако «контрфронт» этого нуклеуса служит вторым фронтом для параллельного снятия пластин. Это изделие по морфологии отнесится к двуплощадочным двухфронтальным ортогональным ядри-щам параллельного типа скалывания (рис. *5, 5*).

Очевидно, что окончательные выводы о характере индустрии слоев Усть-Канской пещеры на полученном материале делать рано. Разнообразие орудийных форм оставляет необходимым продолжение исследований и увеличение стратифицированной коллекции каменной индустрии. Присутствие в индустрии памятника как леваллуазской техники расщепления, так и параллельной, делает этот объект весьма интересным для решения проблем перехода от мустьерской культуры к позднепалео-литической. Широкий хронологический диапазон отложений пещеры, наряду с высокой насыщенностью культурных горизонтов находками, позволяет отнести Усть-Канскую пещеру к уникальным геоархеологическим объектам для палеореконструкций культурно-исторических и геолого-климатических процессов на территории Северной Азии.

Исследования проведены при поддержке РГНФ, проект № 00-01-00391 а.

Литература

1. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. - Новосибирск: Изд-во Института Археологии и этнографии СО РАН, 1998 - С. 100 -105.
2. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Чевалков Л.М. Новые исследования Усть-Канской пещеры в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. -Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - Т. IV. - С. 85-89.
3. Деревянко А.П., Постнов А.В., Чевалков Л.М., Кулик Н.А, Агаджанян А.К., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Новые данные по Усть-Канской пещере // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. -TV.- С 105 -111.
4. Руденко С.И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // Материалы и исследования по археологии СССР. - №79. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 104 — 125.
5. Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. -159 с.
6. Rudenko S. I. The Ust'-Kanskaia palaeolithic cave site, Siberia // American Antiquity. -1961. - V. 27, № 2. - P. 203-215.

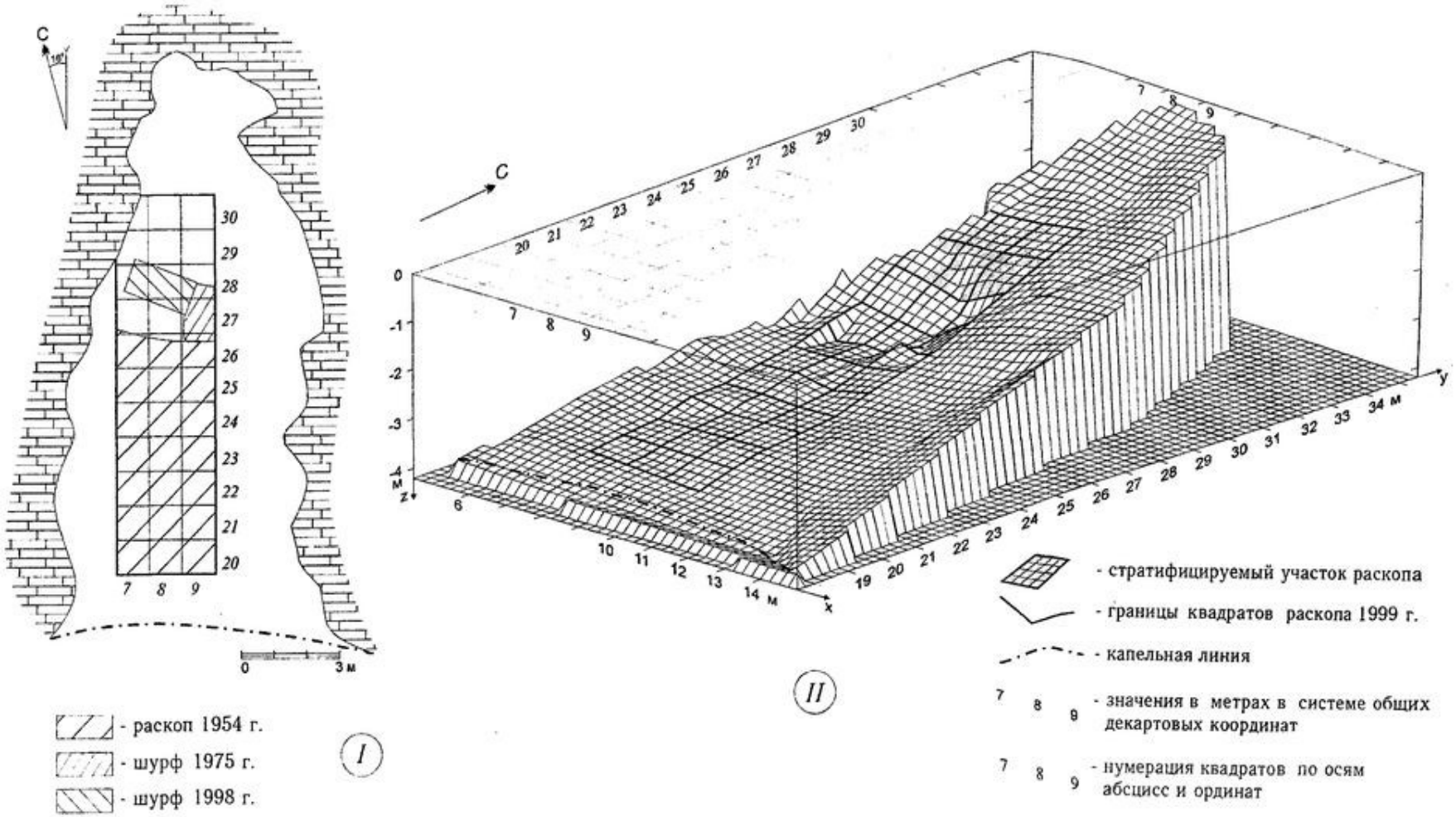

С
30
29
28
27
26
25
24
23
22
21
20
7 8 9
0 3 м
- раскоп 1954 г.
- шурф 1975 г.
- шурф 1998 г.
I
С
0
-1
-2
-3
-4
м
z
6 10 11 12 13 14 м
x
7 8 9
20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 м
y
II
- стратифицируемый участок раскопа
- границы квадратов раскопа 1999 г.
- капельная линия
7 8 9 - значения в метрах в системе общих декартовых координат
7 8 9 - нумерация квадратов по осям абсцисс и ординат

Рис.1

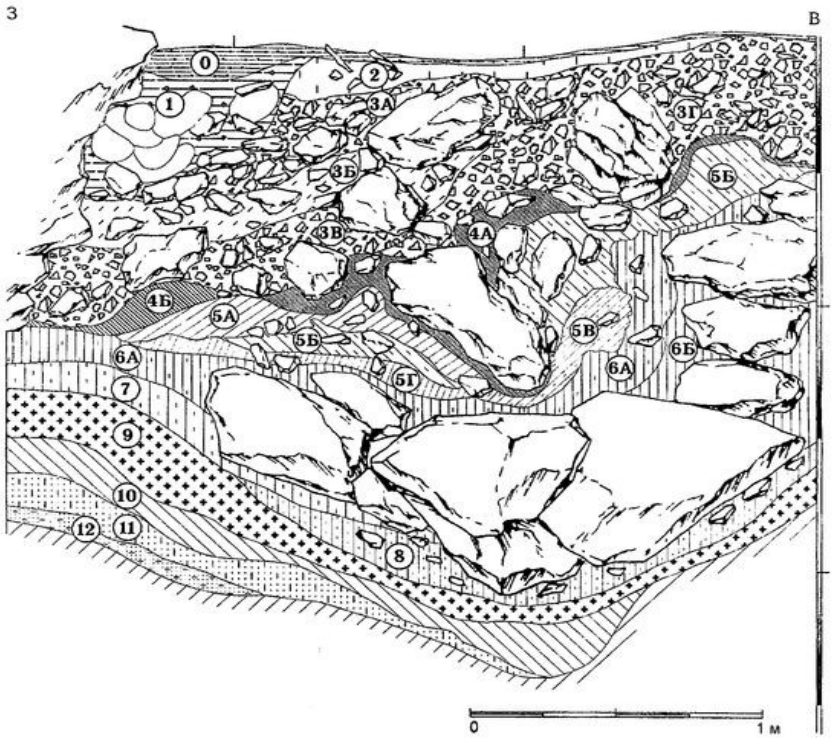


Рис.2

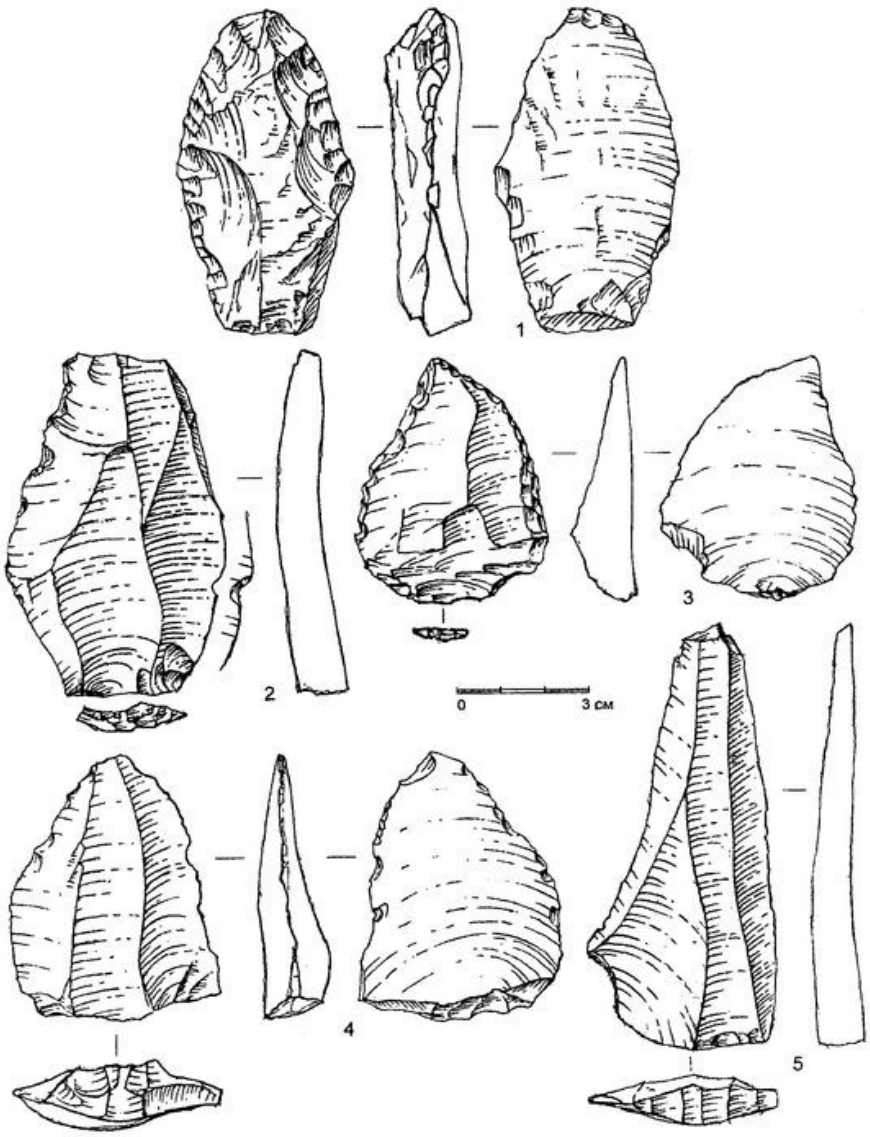


Рис.3

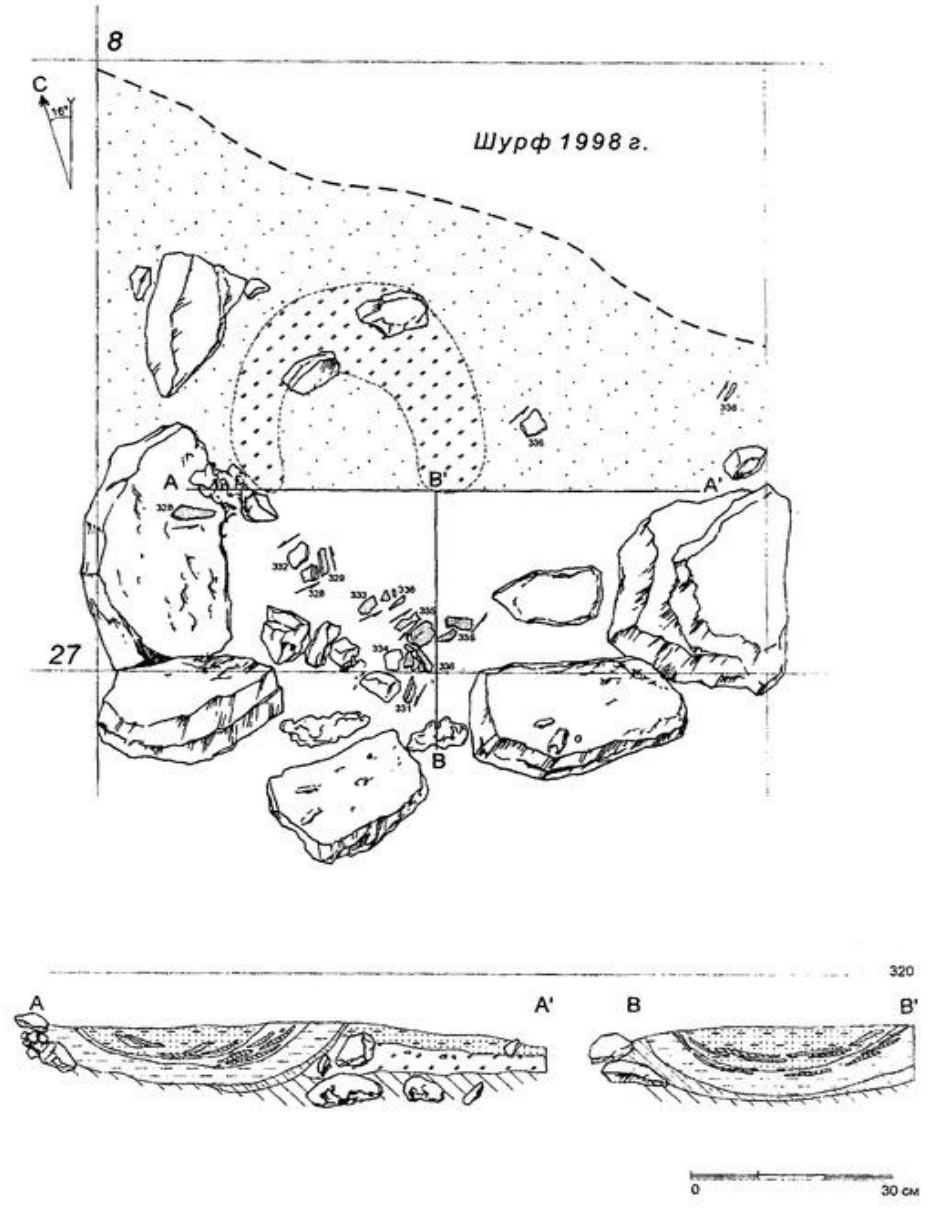

8
С
Шурф 1998 г.
A
B'
A'
27
B
320
A
A'
B
B'
0
30 см
- суглинок бурый с серым оттенком,с включением серых и оранжевых линз
- суглинок бурый с обильным включением серых линз и мелких угольков
- суглинок красновато-бурый с редким включением угольков
- суглинок бурый до коричневого с многочисленными включениями мелких угольков
- оранжевые линзы
- серые линзы
- суглинки красновато-сургучные
- законсервированный участок очага

Рис.4

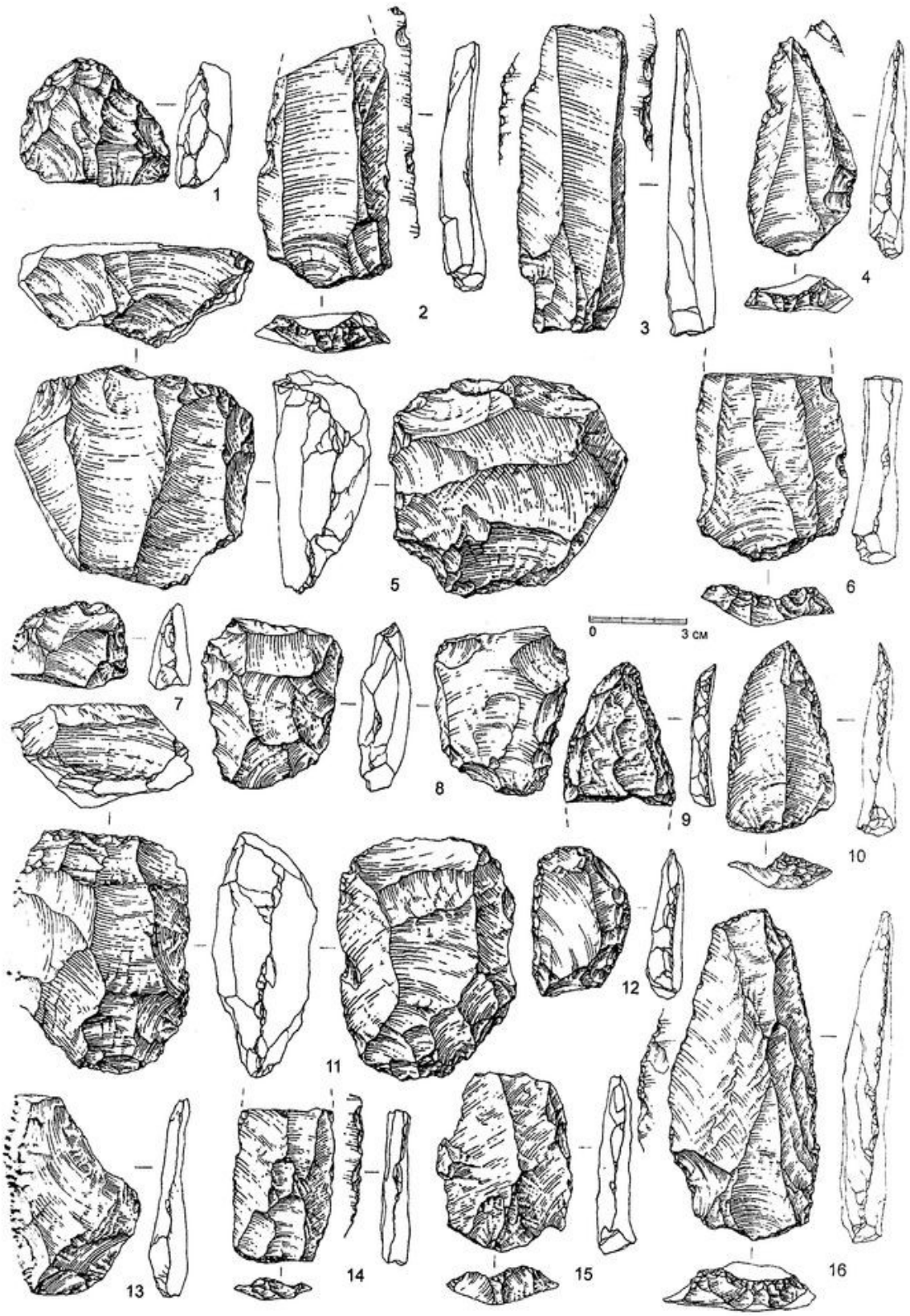


Рис.5

Список иллюстраций к статье Деревянко А.П., Постнова А.В., Чевалкова Л.М.

Рис.1. Усть-Канская пещера: I - план центральной камеры; II - компьютерная модель поверхности четвертичных отложений внутри пещеры с элементами разметки раскопа 1999 г.

Рис.2. Стратиграфический разрез Усть-Канской пещеры по северной стенке раскопа 1999 г.

Рис.3 Орудийные формы из нестратифицированной части раскопа Усть-Канской пещеры 1999 г.: 1 - скребло конвергентное, 2 - пластина леваллуа ретушированная; 3 - скребло конвергентное на сколе леваллуа, 4 -остроконечник леваллуа ретушированный; 5 - остроконечник леваллуа.

Рис.4. Очажный комплекс 10 слоя в Усть-Канской пещере.

Рис.5. Усть-Канская пещера. Каменный инвентарь. (4 - слой 2; 2 - слой 3Б; 3, 5 - слой 3В; 1,6- слой 4А; 9, 12, 14 - слой 5А; 11- слой 5Б; 7 - слой 6А, 8, 13 - слой 6Б; 10, 16 - слой 9; 15 - слой 10). 1,7, 12 - скребки; *2,* 6, 14, 16 - пластины леваллуа ретушированные, 3 - ретушированная пластина; 4, 10 - остроконечники леваллуа ретушированные; 5, 11 - нуклеусы; 8, 9, 13 - скребла; 15 - отщеп леваллуа (рисунки А В.Абдульмановой).

Соёнов В.И.
(г.Горно-Алтайск)

РЫБОЛОВСТВО НА АЛТАЕ

Введение

Виды рыболовства в Сибири. Рыболовство является одной из главных промысловых форм хозяйства населения Сибири с эпохи первобытности. Исследователями выявлено три вида древнейшего рыболовства сибиряков: спорадическое, сезонное и круглогодичное (Эверстов С.И., 1988, с.118).

Спорадическое рыболовство, главным признаком которого является наличие в культурных слоях остатков ихтиофауны при полном отсутствии рыболовных орудий, характерно для всех этапов человеческой истории, по крайней мере, начиная с эпохи мустье (Борисковский П.И., 1980, с.119). При этом виде рыболовства рыбу ловили руками или применяли нерыболовческие орудия типа дубинки, копья, кинжала, силков, лука со стрелами и даже просто палки. Многие простейшие приемы рыбной ловли по происхождению были преимущественно охотничьими, поскольку охота появилась значительно раньше рыболовства.

Сезонное рыболовство возникло в конце плейстоцена-раннем голоцене, когда повышается роль рыболовческих занятий в связи с радикальными изменениями ландшафта Сибири из-за таяния ледников и появления сотен тысяч озер (Косарев М.Ф., 1991, с.32; Эверстов С.И., 1988, с.118). Не последнее значение в повышении роли рыболовства в самом конце палеолита-мезолите имело, видимо, сокращение поголовья зверей, вызванное интенсивной охотой человека и климатическими изменениями. Для сезонного рыболовства характерны уже специфические рыболовные орудия: гарпуны, остроги, рыболовные крючки, колотушки (Эверстов С.И., 1988, с.21).

Круглогодичное рыболовство - стадиально наиболее поздний вид рыболовства. В Сибири оно возникло в раннем голоцене (мезолите) и характеризуется выделением рыболовства в самостоятельную форму хозяйства (Эверстов С.И., 1988, с.24). Новая форма хозяйства становится первостепенным занятием преимущественно населения лесной зоны Зауралья и Приобья, Верхнего Прианга-рья, Прибайкалья, Западного Забайкалья, у которой охота на диких животных постепенно утратила ведущую роль. При круглогодичном рыболовстве к вышеперечисленным орудиям, применяемым при сезонном рыболовстве, добавляется рыболовная сеть. Кроме того, происходит усовершенствование уже имевшихся специальных орудий (гарпунов, крючков), а также развивается строительство плавучих средств (плотов, лодок).

Таковы основные виды рыболовства в Сибири, которые дошли в определенных модификациях до этнографического времени. И совсем не обязательно то, что стадиально более поздние виды рыболовства полностью заменяли предшествовавшие виды. Они вполне сосуществуют друг с другом.

Несмотря на то, что рыболовство сформировалось в самостоятельную форму хозяйства еще в эпоху мезолита, все же в последующее время оно было очень неравномерно развито в различных регионах Сибири (Косарев М.Ф., 1991, с.30-133). В связи с этим возникает закономерный вопрос: а было ли рыболовство в Горном Алтае? Если да, то когда оно появилось, какие виды рыболовства существовали и какова была роль рыболовства в хозяйстве населения в древности и средневековье? Ответы на эти вопросы можно получить, рассмотрев природные особенности Горного Алтая на предмет пригодности для занятия рыболовством, а также изучив имеющиеся археологические, этнографические, лингвистические и фольклорные данные.

Исследователи о рыболовстве в Горном Алтае. Рыболовство в Горном Алтае до настоящего времени не было предметом специального исследования. Это связано с тем, что население значительной части Алтая в российско-советской исторической науке было принято считать кочевниками, основу хозяйства которых издревле составляло кочевое скотоводство в сочетании с охотой. Тем не менее, разные авторы обращались к рыболовству при рассмотрении вопроса о хозяйстве алтайцев разных эпох.

С.И.Руденко считал, что реки Горного Алтая не изобиловали рыбой, поэтому рыболовство играло в горноалтайском хозяйстве ничтожную роль (Руденко СИ., 1960, с.260).

С.В.Киселев в «Древней истории Южной Сибири» отмечал: «совсем мало мы знаем о древнем алтайском рыболовстве. Здесь нам на помощь приходят все те же изображения охоты на седле из Кудыргэ. На них среди различных животных мы видим двух рыб...Эти рыбы... - также объект добычи» (Киселев СВ., 1951, с.512).

Л.П.Потапов в книге «Очерки по истории алтайцев», доныне являющейся единственной обобщающей работой по истории алтайцев, только для позднесредневекового и этнографического времени Северного Алтая допускает нескотоводческий характер хозяйства с наличием рыболовства, земледелия и собирательства в незначительных объемах и примитивной форме (Потапов Л.П., 1953, с.111-129, 205-229). По его мнению, у северных алтайцев - челканцев, тубаларов, кумандинцев, шорцев имелось сезонное рыболовство, которое было важным подспорьем в летнем питании. Относительно рыбной ловли у южных алтайцев, Л.П.Потапов пишет на 210 странице своей книги: «рыболовство у южных алтайцев отсутствовало», хотя на 203 станице приводит

длинную цитату из письма миссионера СЛандышева с описанием пяти южных алтайцев удивших рыбу на берегу Катуни. Подобные противоречия в тексте исследователя объясняются, видимо, подгонкой материалов в заранее заданные схемы.

Природные условия для рыболовства в Горном Алтае

Горный Алтай имеет разветвленную систему рек и значительное количество озер. В целом речная лента включает более 20 тысяч больших и малых рек с суммарной протяженностью 62555 км (Маринин А.М., Самойлова П.С., 1987, с.45). Большинство рек имеет типичный горный характер: они бурны и стремительны. Но, вырываясь в межгорные котловины, реки начинают течь медленнее. Питание рек идет за счет таяния снегов в горах, осадков и подземных вод. Основная водная артерия Горного Алтая - р.Катунь длиной 688 км и среднегодовым расходом воды 640 $м^3$ /сек берет начало из ледника Геблера у южного склона г.Белуха. Ее наиболее крупные притоки - реки Чуя, Урсул, Кокса, Сема, Иша, Аргут, Кадрин. Вторая по величине река Горного Алтая - Бия длиной 280 км и среднегодовым расходом воды 477 $м^3$/сек берет свое начало из Телецкого озера. Самыми крупными ее притоками являются реки Пыжа, Лебедь, Сарыкокша.

Количество озер в Горном Алтае - около 7000. Их общая площадь превышает 600 кв.км (Маринин А.М., Самойлова Г.С, 1987, с.50). Самое крупное озеро - Телецкое имеет объем воды около 40 куб.км. По глубине Телецкое озеро занимает шестое место в мире (325 м). Остальные озера, образование которых связано с ледниковой деятельностью, а также карстом и перестройкой речных долин, имеют сравнительно небольшие размеры. В настоящее время в вышеуказанных реках и водоемах обитает более 20 видов рыб. Они представлены хариусом, тайменем, щукой, османом, гольяном, налимом, пескарем, окунью, карасем, чебаком и др.

Источники по рыболовству Остатки ихтиофауны в слоях поселений. Наиболее древние костные остатки рыб обнаружены в полевой сезон 1999 года в культурных слоях Усть-Канской пещеры (устное сообщение Л.М.Чевалкова). Подавляющая часть материалов Усть-Канской пещеры датированы поздним мустье Деревянко А.П., Агаджанян А.К.., Барышников Г.Ф. и др., 1998, с.100-105).

К более позднему времени принадлежат кости рыб из слоев 11 и 12 Денисовой пещеры (Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994, табл.2). Указанные слои датированы радиоуглеродным методом в пределах 4190±30 - 5200±30 лет назад (Орлова Л.А., 1994, с.202-206) и отнесены к афанасьевской культуре эпохи палеометалла (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с.109-113).

В пределах эпохи бронзы - раннего железа датированы слои поселений Майма I и XII в Нижней Катуни, где обнаружены кости рыб (Полосина Я.Ю., 1990, с.13-14). В слое 8 Денисовой пещеры, относящемся к VI-II вв.до н.э. (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с.101-105), также найдены кости рыб (Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994, табл.1, 2).

К гунно-сарматскому времени принадлежат находки костей крупных рыб в слоях поселения Майма I (устное сообщение С.М.Киреева). К концу гунно-сарматского времени относится находка рыбной кости в слое 4 Денисовой пещеры (Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994, табл.1), датированого III-VI вв.н.э. (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с.100-101).

В слоях 1-3 Денисовой пещеры, датированных эпохой средневековья - этнографическим временем (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с.98-100) тоже зафиксированы кости рыб (Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994, табл.1, 2).

Орудия рыболовства. К наиболее ранним находкам рыболовных принадлежностей относится слегка изогнутый костяной стерженек с утолщением к середине от крупного составного рыболовного крючка со шляпкой в верхней части и с боковым желобком в нижней части для крепления жальца (рис.1 - 1). Он обнаружен на поселении Тыткескень VI в Средней Катуни в ранненеолитическом слое, датированном VI тыс.до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994, с. 112).

К этому же периоду относятся костяные стерженьки мелких рыболовных крючков из поселения в устье р.Куюм в Средней Катуни. Первый асимметричный стерженек с утолщением к середине в верхней более тонкой части имеет шляпку, а в нижней - два выступа (рис.1 - 2). Второй асимметричный стерженек с утолщением к середине имеет по два параллельных выреза на каждом конце (рис.1 - 3). Куюмский комплекс датирован более ранним периодом, чем большемысские памятники (по крайней мере, не позднее IV тыс.до н.э.), т.е. финальным неолитом (Кунгурова Н.Ю., 1992, с.13).

К большемысской энеолитической культуре отнесены: фрагмент костяного стержня составного крючка, найденный в слое поселения Тыткескень II, а также коллекция из цельных и составных крючков, обнаруженная в погребении Нижнетыткескенской пещеры I.

У фрагмента стержня из памятника Тыткескень II сохранился один конец с оформленной шейкой и пропиленным на конце пазом (рис.1 -4) (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с.26).

В нижнетыткескенском пещерном погребении обнаружен самый представительный в Горном Алтае набор рыболовных крючков (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с.34-36). В состав набора входят разнотипные крючки. 1) полный составной крючок, самый крупный в коллекции, представляет собой веретенообразный каменный стержень, утолщающийся к середине (рис.1 - 7). В его верхней части имеется шляпка, а в нижней - два выступа. На нижнем конце вырезан паз для жальца. Изготовленное из целого клыка кабарги слабоизогнутое жальце оснащено двумя бородками (рис.1 - 8). 2) полный составной крючок меньших размеров, чем первый. Конструктивно идентичен предыдущему (рис.1 - 9). Стерженек из камня. Жальце, в отличие, от жальца первого крючка, изготовлен из обрезанного на 1/3 клыка кабарги (рис.1 - 10). Бородки жальца представляют собой просто запилы. В коллекции имеется второй (парный) необработанный клык того же животного, который, видимо, был запасным (рис.1 - 11). 3) третий по величине каменный стерженек конструктивно идентичен предыдущим, но в нижней части не имеет паза и вырезов для крепления жальца (рис.1 - 5). Жальце с одной бородкой изготовлено из кости. Оно имеет почти прямую форму, а на конце - три нарезки (рис.1 - 6). 4) мелкий каменный стерженек, аналогичный по форме предыдущим (рис.2 - 1). Вместо прорези в нижней части имеется грубый пропил, параллельный длинной оси. 5) мелкий каменный стерженек, напоминающий по форме предыдущие, но более упрощенный и грубый (рис.2 -2). В верхней части сделана

кольцевая нарезка. Нижние выступы оформлены слабо. Углубления или прорези для вставления жальца нет. Возможно, стерженек недоделан. 6) мелкий каменный стерженек с обломанным верхним концом и слабо выделенными выступами внизу, без прорези для жальца (рис.2 - 9). 7) обломок стерженька с прорезью для крепления нити (рис.2 - 10). 8) два костяных цельных крючка одинаковой формы (один обломан) представляют собой плоские изделия с острием, оканчивающимся бородкой и базовой частью (рис.2 - 11, 12). Крючки применялись не сами по себе, а вставлялись в какую-то оправу. 9) три конструктивно одинаковых составных крючка изготовлены из птичьей кости, расчлененной пополам (рис.2 - 3, 4, 5). На проксимальном эпифизе прорезался паз, в который вставлялся резец суслика. В верхней части стерженька крючка имеются круговые нарезки. 10) остатки костяных составных крючков из мелких трубчатых костей птиц (рис.2 - 6,7,8). 11) запас жалец в виде костяных основ когтей мелких хищных птиц и резцов суслика.

Поселение Тыткескень II датировано концом IV тыс.до.н.э. - рубежом IV-III тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с.26). Погребение нижнетыткескенской пещеры радиоуглеродным методом датировано 3250 - 3350 гг.до н.э., т.е. серединой второй половины IV тыс.до.н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с.42).

К эпохе бронзы - раннего железа относится находка в культурном слое поселения Майма III в Нижней Катуни каменного грузилы-стержня фаллической формы с желобком для шнура на одном конце (Киреев СМ., Булычев С.С, 1990, с.9).

К эпохе раннего железа отнесены бронзовый рыболовный крючок и роговый гарпун из Денисовой пещеры (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с.102-103). Двусторонне-бородчатый гарпун со слегка ассиметричным пером имеет слегка утолщенное у основания тулово без упора (рис.2 - 13). Бронзовый крючок с изогнутым стержнем имеет в верхней части стержня шейку, оканчивающуюся шляпкой. Жальце крючка оснащено бородкой (рис.2 - 14).

К концу периода раннего железа принадлежит рыболовный крючок с расплющенной отогнутой головкой стержня и с двумя бородками на жальце, обнаруженный в погребении кургана 12 могильника Чёба V в Средней Катуни (Киреев СМ., 1990, с.17). Курган датируется автором раскопок концом III-II вв.до н.э.

К эпохе раннего железа или гунно-сарматскому времени принадлежат два костяных гарпуна и заготовка рыболовного крючка из Денисовой пещеры (Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В., Анойкин А.А., 1999, с.349-350). Один костяной гарпун имеет удлиненное, округлое в разрезе тулово и симметричное перо с оттянутыми жальцами. Второй костяной гарпун имеет удлиненное, овальное в разрезе тулово и асимметричное перо с одним оттянутым жальцем (рис.2 - 18). Слегка искривленная заготовка рыболовного крючка имеет прямоугольное в сечении тулово и плоское изогнутое перо со скругленным утолщением в нижней части (рис.2 - 17).

К гунно-сарматскому времени относятся железный рыболовный крючок и костяной гарпун из могильника Верх-Уймон в Верхней Катуни. Костяной гарпун из кургана 8 длиной 18 см со слегка выпуклой спинкой имеет остроугольное острие и бородку. На противоположном конце имеется отверстие диаметром 0,5 см (рис.2 - 16) (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.24). Крупный железный рыболовный крючок из кургана 28 изготовлен из прута подквадратного сечения. Верхний конец стержня крючка заканчивается петлей. Жальце имеет бородку (рис.2 - 15) (Соёнов В.И., 2000, с.48). Могильник Верх-Уймон предварительно датирован нами в пределах I-V вв.н.э. (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.57). Однако результаты последующих раскопок (1995 и 1999 гг.) позволяют предположить датировку в пределах III-V вв.н.э.

Изделия из костей рыб. В погребении 17 могильника Усть-Куюм в Средней Катуни обнаружено украшение в виде бус из 63 позвонков щуки (Берс Е.М., 1974, с.25). Погребение датируется эпохой палеометалла по элементам погребального обряда и предметам сопроводительного инвентаря.

Еще один фрагмент такого же украшения в виде просверленного позвонка крупной рыбы найден в культурном слое городища Черемшанка в Средней Катуни (Киреев СМ., 1991, с.86). Первоначально городище было датировано автором работ VII-VI вв.до н.э. Но после повторного обследования в 1994 году оно передатировано рубежом эр - первой половиной I тыс.н.э. (Киреев С.М., 1995, с.137).

Изображения рыб. Наиболее древним изображением является рисунок тайменя на валуне-стеле погребения 25 могильника Усть-Куюм в Средней Катуни, относящегося к периоду бронзы (Берс Е.М., 1974, с.31).

Более многочисленны изображения рыб в памятниках пазырыкской культуры эпохи раннего железа. Золотые лепестки в виде рыбок (рис.3 - 2) обнаружены во Втором Туэктинском кургане в Центральном Алтае (Руденко СИ., 1960, рис.103). Эти листки были покрытиями вырезанных из дерева подвесок к конской упряжи. Во Втором Башадарском кургане в Центральном Алтае найдена фигура рыбы (рис.3 - 3), вырезанная из рога (Руденко СИ., 1960, с.260). Данная находка, видимо, является элементом украшения одежды или пояса.

Графическое изображение рыбы (рис.3 - 4) известно по татуировке на правой ноге погребенного человека из Второго Пазырыкского кургана в Восточном Алтае (Руденко СИ., 1953, рис.80, 172). Данный рисунок выглядит схематично: обозначены контуры рыбы, кружками намечены глаза, изображение жаберные щели, а также раздвоенный хвостовой плавник и три пары боковых плавников. Судя по общему очертанию тела и головы, по форме хвостового плавника и наличию трех усиков - это изображение налима (Руденко СИ., 1960, с.294).

Две аппликации-нашивки на одежду вырезанные из бересты в виде голов льва, держащей в пасти голову извивающейся рыбы (рис.3 - 5), найдены в погребении кургана 3 могильника Уландрык IV в Юго-Восточном Алтае (Кубарев В.Д., 1987, с.88-89). Аппликации имеют значительную стилизацию персонажей, но изображение рыбы просматривается четко. Рыба имеет раздвоенный хвостовой плавник, два круглых отверстия-глаза на голове и ряд из семи плавников на одной стороне. На теле рыбы прорезаны полумесяцы, видимо, символизирующие чешую рыбы. Вероятно, один из фрагментов аппликации-нашивки на одежду или колчан из этого же кургана тоже является изображением рыбы (рис.3 -6).

Стилизованные изображения рыб, вырезанные из двух сшитых полос тонкой кожи, найдены в кургане 25 могильника Барбургазы 1,в Юго-Восточном Алтае (Кубарев В.Д., 1992, с.84). От изображение одной рыбы сохранилась хвостовая часть с раздвоенным плавником (рис.3 - 8), а от второй - еще и тело рыбы с тремя парами плавников (рис.3 - 9), назначение фигур рыб не совсем ясно. Они, возможно, являются аппликациями-

нашивками на верхнюю одежду или колчан.

Близкие к вышеуказанным кожаные изображения рыб известны в погребении кургана 4 могильника Узунтал III в Юго-Восточном Алтае (рис.3 - 7). По мнению автора раскопок, они имеют культовое назначение (Савинов Д.Г., 1993, с.15).

Остальные изображения рыб этого периода являются подвесками на покрышки седел, вырезанные из кожи и войлока, обнаруженные в Первом Пазырыкском кургане и в кургане 1 могильника Алаха I на плато Укок.

На одном из пазырыкских седельных покрышек подвесок в виде рыб имелось по шесть с каждой стороны, а на другом - по две (Руденко СИ., 1953, с.282). Рыбы в подвесках первого седла (рис.4 -4) переданы схематично и упрощенно, с раздвоенным хвостовым плавником, двумя спинными в ряд с двумя брюшными. Изображения вырезаны из толстой кожи и частично покрыты синим мехом и полосками оловянной фольги. К плавникам привязаны пучки конского волоса, выкрашенного в красный цвет.

Подвески второго седла выполнены в виде рыб с головами баранов во рту (рис.4 - 6). Вырезаны они из толстого войлока и покрыты тонкой кожей. Тело рыбы извивается вокруг головы барана. На схематически выполненной голове рыбы имеются два глаза - золотых кружочка; раздвоенный хвостовой плавник и неестественно выглядящие остальные плавники, расположенные в непрерывный ряд от головы до хвоста. По хребту рыбы на узкой полоске красной кожи расположены золотые кружочки.

В ак-алахинском кургане обнаружены 12 (целых и во фрагментах) экземпляров подвесок в виде рыб, принадлежавших трем седлам (Полосьмак Н.В., 1994, с.45-49). Каждый комплект из четырех изображений отличался от другого орнаментацией и цветом: в первом комплекте на каждый из четырех красных рыб было пришито один под другим по четыре светло-бежевые аппликации в виде птиц с поднятым крылом и распущенным хвостом, головами в разные стороны (рис.4 - 1); во втором комплекте на боковых войлочных рыбах имелись аппликации двух красных противопоставленных головок орлов (рис.4 - 2); на третьем комплекте был орнамент в виде разноцветных завитков из войлока (рис.4 - 3). У всех рыб имелось по три пары орнаментированных плавников. Курганы пазырыкской культуры, где имеются изображения рыб, датированы по разному в пределах VI-II вв.до н.э.

К периоду средневековья относятся схематичные изображения двух рыб на накладке передней луки седла (рис.4 - 5) из кургана 9 могильника Кудыргэ в Восточном Алтае (Гаврилова А.А., 1965, с.35). Одно изображение рыбы не закончено, а вторая рыба нарисована в профиль. У второй рыбы отражены: глаз в виде точки, рот в виде черточки, слабо раздвоенный хвостовой плавник и две пары плавников на теле в виде нескольких параллельных черточек. Курган 9 могильника Кудыргэ датирован VI-VII вв.н.э.

Изображение плавучего средства. На сегодняшний день нам известно одно достоверное изображение плавучего средства - лодки (рис.3 - 1). Оно обнаружено на скалах Ялбак-Таша (Калбак-Таша) в Центральном Алтае. Рисунок выполнен очень схематично в технике выбивки. Лодка с приподнятой носовой частью имеет на борту 18 пассажиров в виде вертикальных линий. Изображение датировано авторами исследования серединой II тыс.до н.э. (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.,1992, с.81), т.е. эпохой бронзы.

Сведения о рыболовстве и плавучих средствах у алтайцев в этнографическое время. У челканцев и тубаларов Северного Алтая в XVIII веке зафиксирован старинный обычай давать в качестве калыма непременно лодку и рыболовную сеть длиной в одну сажень (Потапов Л.П., 1953, с.123).

В архивных материалах первой половины XIX века имеются сведения о рыболовстве у кумандинцев, где отмечается, что они занимались рыбной ловлей в реках и озерах, возле которых живут: «рыбу ловят одними удами...» (Сатлаев Ф.А., 1974, с.64).

О рыболовстве и плавучих средствах на Алтае во второй половине XIX веке писали Н.Б.Шерр, В.В.Радлов, СЛандышев. М.В.Чевалков и другие. В частности, Н.Б.Шерр писал, что кумандинцы Северного Алтая ловят рыбу для собственных потребностей рыболовными снастями, которые ничем не отличаются от русских (Сатлаев Ф.А., 1974, с.64-65).

В.В.Радлов в своих записках 1861 года пишет, что когда он со своими спутниками остановился на ночлег на Телецком озере, то «...наши лодочники тотчас принялись ловить рыбу на ужин. И хоть сеть у меня была лишь короткая, они быстро наловили вполне достаточное для еды количество красивых серых рыб, которых татары называют кызык, а русские - телецкой сельдью...». Далее он пишет, что «...татары стекаются в это время [в начале июля - В.С.] со всех сторон к озеру и заготавливают рыбу на зиму...Татары сушат ее на воздухе» (Радлов В.В., 1989, с.63). Исследователь, описывая православную миссию в Онгудае, тоже отмечает, что некоторые из жителей миссии занимаются рыбной ловлей. Но он их считает не "алтайцами", а "телеутами" (Радлов В.В., 1989, с. 183).

Миссионер С.Ландышев, описывая как он занимался насильственной христианизацией южных алтайцев, отмечает, что «на берегу Катуни мы увидели человек около пяти калмыков, удивших рыбу, пошли к ним, но они до того засуетились и с такой поспешностью побросались в лодку, что один не успел захватить уды; переплыли реку и скрылись в лесу» (цит. по: Потапов Л.П., 1953, с.203).

Другой миссионер - алтаец-телеут М.В.Чевалков, много путешествовавший по Горному Алтаю, в своей автобиографической работе неоднократно пишет про рыбную ловлю. В частности, он описывает, что «после Ильин дня мы, сделав свой невод *(сөзӱрме),* поехали на берег Телецкого озера на 20 верст выше Кебезени и стали ловить рыбу кызык. За месяц выловили 40 пудов. Живущие там тирге-ши (кергеши - тубалары - В.С.) рыбачат сетями каждую ночь. Их сети не бывают более десяти арши-нов, но этими сетями они вылавливают за раз больше, чем мы своими пятидесятиаршинными сетями» (перевод наш - В.С.). Далее М.В.Чевалков описывает тиргешские приемы ловли рыбы сетями с лодки (Чевалков М.В., 1980, с.32). Автор описывает также, как он обменял соленую рыбу на другой товар и с товарищем поплыл на лодках к телесам Челушмана для торговли, а позже - как на Телец-ком озере сделал плот и перевез в Кебезень рыбу, пойманную сетями и купленный им орех (Чевалков М.В., 1980, с.38,48).

Сведения о рыболовстве у кумандинцев Северного Алтая в XX веке имеются в историр-этнографическом очерке Ф.А.Сатлаева, где описаны некоторые приемы и орудия рыбной ловли (Сатлаев Ф.А., 1974, с.64-66).

Сведения о рыболовстве в фольклоре и народной медицине алтайцев. В эпосе содержатся

многочисленные упоминания о лодках, рыбах и рыболовстве. Например, в героическом сказании *«Öскүс-Уул»* земля держится на быках и гигантских рыбах *кер балык* (сом), а главный персонаж сказания является рыболовом-охотником, который ловит рыбу на медные крючки с берестяной лодки (Алтай баатырлар, 1980, с. 11, 13, 21, 23 и др.).

В алтайских загадках, записанных в XIX веке В.И.Вербицким, имеются загадки про невод: «Баж *агач, ічі кэндырь, пут таш»* (Вербицкий В.И., 1993, с.239) - голова деревянная, брюхо из конопли, ноги каменные; про лодку и весло: *«Барып, барып йол йок; кезип, кезип кан йок»* (Вербицкий В.И., 1993, с.237) - едешь, едешь - следа нет; режешь, режешь - крови нет.

Среди примет, записанных В.И.Вербицким, имеется примета: «Посевъ хлеба определяется печенью первой попавшейся весной по разливе воды щуки. Если конецъ печени къ голове толще, предпочитается посевъ ранжй; середка толще - среднш; конецъ къ хвосту толще - поздній» (Вербицкий В.И., 1993, с.239-240).

Кроме того, он записал ряд пословиц: *«Тенгэренын кужін тудаін - деп, не занайзын? Тэныстын балыгын тудаін - деп, не санайвын?* - Что мнишь схватить небесную птицу? Что думаешь схватить морскую рыбу?»; *«Алабугада мін - йок, Апу кыжідэ ой - йок.* - Отъ окуня ухи, Отъ дурака ума - не жди»; *«Балык андыган, байбас, Тюбедеги кургабас.* -Рыбакъ богатъ не будетъ, Хотя подолъ у него и не просыхаетъ»; «Балыкчінын *колу ак, Малчінын тюзю ак.* - У рыболова белы руки, У скотовода -лицо» (Вербицкий В.И., 1993, с.217, 218, 224, 226).

Среди алтайских песен, зафиксированных В.И. Вербицким, есть песня «Нужда в песеннике». В ней имеются строки: *«Сайга чабак туюнаптыр, Сайбыр чортоны кайда-тырь? Сайдуут улус тюунап-тырь, Сарынчізы кайда тыр? Кумга чабак тюунап-тырь, куйбыр чортоны кайда-тыр?...»* -Собрались чебаки къ плесу, Где-же щуки этого плеса? Собрались хорошие люди, Где-же песенникъ? Собрались чебаки на мель, Где-же ловкая щука?... (Вербицкий В.И., 1993, с.214).

В.И.Вербицким записаны также ряд алтайских преданий, среди которых есть предание «О происхождении Эрлика и другихъ разумныхъ существъ», где говорится о том, что «когда еще человека не было, Ульгэнь усмотрел на море плавающую, какъ льдину, массу земли и на ней приросший слой глины, похожий на остовъ человека». Ульгэнь снял слой глины и сделал из него человека. Он «...назвалъ эту первую разумную тварь свою Эрлт (мужественный) и оставил его. Остальная масса... сделалась великою рыбою. Ульгэнь назвалъ ее пель (таймень)» (Вербицкий В.И., 1993, с.113).

В предании «О сотворении мира» творец *Ульгэнь* «...создалъ въ море три велиюя рыбы и утвердилъ на нихъ землю. Две изъ рыбъ поставлены по краямъ, а одна въ середине подъ землею. Эта средняя стоитъ головой къ северу; когда она склоняетъ голову книзу, тогда на севере делаются топи; если-же она сильно преклонитъ голову, то утопитъ всю землю...». Рыбой управляет богатырь, который дергает за веревки и заставляет рыбу поднимать или отпускать голову (Вербицкий В.И., 1993, с.111-112).

В другом предании «О всемирном потопе» *Ульгэнь* велел построить *керел*-корабль человеку по имени *Нама,* у которого одного из трех сыновей звали *Балыкса,* т.е. Рыбак (Вербицкий В.И., 1993, с.113). Корабль был построен из дерева, изнутри и снаружи обклеен берестой со смолой. В качестве якоря использованы восемь чугунных кругов.

В алтайской народной медицине, некоторые приемы которой зафиксированы В.И.Вербицким, при переломах костей больным дают пить «...варенный рыбій клей», а при укусе змеи рану «припаривают печеной горячей рыбой, какая случится» (Вербицкий В.И., 1993, с.110).

Названия рыб. В современном алтайском языке и диалектах широко представлены термины, обозначающие рыб. Щука - *чортон, шортон, каскыр.* Хариус - *чарагаи, чарааи, чаргаа, чаргы, шран, кымжу.* Ерш - *чараа-чечен, јаран-чечен, јардак-чечен, бöкчöй, јорш.* Гольян - *чоодырак, алты - нак, алтын карын, карынбок, күмүжек, одорок, мајыбаш.* Плотва - *чабак, шабак, соорок.* Серебряный карась - чаар, *чарты, чаган, ак балык.* Ленок - *туулы, тоолы, ускуч.* Язь - *тулмай, јес балык чагар.* Лапша рыба - *сүлеи*, *шили, кына, чилти.* Елец - *суртай, сырак, сорок, шабак, чабак.* Подкаменщик ("бычок", "широколобка") - *сööк баш, бакабаш, бактамаш, бакамаш, ўзўт балык.* Сибирский голец - *сöлöм, ўрўп, куртум.* Осман - *осмон, усман, оспон.* Сич Правдина ("килька") - *одоро*, удара *күмүжек, одорок.* Телецкий сич ("селедка") - *кызык, шокур.* Осетр - *кумар, бöкрöö, белбекир, кууче-чен, кубар чече, чалбыш.* Налим - *корты, корту, мантыс, карачын.* Сом - *кер балык, калтар, коор ийт балык, корт.* Золотой карась - *келтеге, јес балык, јес табак, сары тай, чарты, карас.* Линь - *јылмай, кара балык, каратай, карсырт, күлер-коо, сэры балык.* Стерлядь - *боской, оской, көстöрöк чеечик.* Пескарь - *битўрген, боскос, бўдўр, ийт балык, öксöö, калбан шокыр, бўдўрге.* Таймень -*бел, педер, бедере, лем.* Нельма - *ак балык, чал, чалгы, чалык, чалбалык.* Окунь - *алабуга, албуга. алатай, оокын.* Карп, сазан - *азыбаш, азубаш, келтеге, чагар, шаран* (Сазанкин М.М., 1995).

Термины рыболовства. Рыбак - *балыкчы.* Сеть, невод - *шўўн.* Удочка - *кармак.* Удилище -*кармаксап.* Леса — *кармактын кылы.* Поплавок - *кайкалаачы.* Лодка - *кеме.* Весло - *кайык.* Плот -*сал.* Икра - *ўркене, öркöнö.* Косяк - *ўўр.* Пруд - *көлмök.* Запруда - *буук.* Запор - *бök.* Силок - *тузак.* Ловушка - *чертки* и т.д. (Русско-алтайский словарь, 1964).

Топонимика, связанная с рыболовством и плавучими средствами.

Названия рек, р.*Балык* - 1. рыба, 2. город; *р.Балык-Суу* - рыбная река; *р.Балыкту-Јул (Балык-туюл)* - река с рыбой; *р.Балыкту* - с рыбой; *р.Алтыгы-Балыкту* - нижняя река с рыбой; *р.Ўстиги-Балыкту* - верхняя река с рыбой; *р.Балыкту-Коол* - река с рыбой; *р.Балыкту-Суу* - река с рыбой. *р.Балыкчы* - рыбак; *р.Кадраты* - ерш, хариус (тув., монг.); *р.Кемелўк (Кемелик)* - лодочная; *р.Кеме-Чапкан* - лодку рубил, делал; *Кök-Öрö-Сал-Јок* - плота нет на реке Кök-Öрö; *р.Шукшулар - (шашкы* -острога (шор.); *шашкы* - острога (тодж.); *шашкылаар* - бить острогой рыбу) река, где бьют рыбу острогой.

Названия озер, *оз.Балыкту-Көл*- озеро с рыбой; *оз.Бел-Көл* - тайменевое озеро; *оз.Салду-Көл* -озеро с плотом; оз. *Чарааңду-Көл* - озеро с хариусами.

Названия населенных пунктов, *с.Балыкчы* - рыбак; *с.Балыкту-Јул (Балыктуюл)* - река с рыбой.

Названия мысов: *м.Алтыгы-Кемелўк (Кемелик)* - нижний лодочный; *м.Ўстиги-Кемелўк (Кемелик)* - верхний лодочный;

Названия гор; *г.Сал-Кечў*- переправа на плоту; *г.Чортон* - щука; *г.Балыкчы* - рыбак (Молчанова О.Т., 1979,

с.112-358).

Обсуждение материалов

Исходя из природных особенностей Горного Алтая, которые характеризуются не только горным ландшафтом, но и обилием больших и малых рек, а также значительным количеством озер, мы можем говорить о наличии достаточных условий для рыболовческих занятий. Богатые рыбные запасы, включающие более двух десятков видов рыб, вполне пригодны для рыболовства в течение всего года.

Обычно остатки ихтиофауны в памятниках подтверждают употребление населением рыбы в пищу. Но плохая сохранность остатков рыб в памятниках Горного Алтая не всегда дает возможность обнаружить их археологическим путем. Тем не менее, на сегодняшний день, уже зафиксировано некоторое количество костных остатков рыб, принадлежащих к разным периодам от палеолита до этнографического времени. Видовой состав рыб по обнаруженным костным остаткам не определялся. Все найденные рыбные кости принадлежат крупным рыбам. И это неудивительно, т.к. кости мелких рыб сохраняются хуже и могут быть зафиксированы в ходе расколок только при полной промывке культурных слоев или при особых обстоятельствах, когда имеется массовые скопления остатков рыб. Не исключено, что кости рыб в некоторые слои могли попасть случайно, например, в результате охотничьей деятельности хищных птиц, как предполагают некоторые исследователи (Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994, с.172). Но, на наш взгляд, в большинстве случаев сохранившиеся кости рыб являются кухонными отбросами.

Таким образом, остатки ихтиофауны в культурных слоях поселений указывают на занятие древнего населения Горного Алтая рыбной ловлей с эпохи мустье до этнографического времени.

Как отмечалось выше, из специальных рыболовных принадлежностей в памятниках Горного Алтая обнаружены крючки, гарпуны, грузило. Наиболее древние неолитические крючки (рис.1 -.1-3) относятся к составным, имеющим размеры от крупных до небольших. Их стержни изготовлялись из камня, а жальца, возможно, из дерева или кости животных. В период энеолита, наряду с составными крючками из камня, костей или зубов животных либо костей птиц (рис.1 - 4-11; 2 - 1-10), в Горном Алтае появляются цельновырезанные крючки из костей животных (рис.2 - 11,12). Размеры крючков тоже разные: от крупных до маленьких. В более позднее время - в эпоху раннего железа население Горного Алтая использует крупные бронзовые крючки (рис.2 - 14,17). В гунно-сарматское время форма крючков не претерпевает кардинальных изменений, а меняется материал, из которых они изготавливались: крючки стали делаться из железа (рис.2 - 15). В целом, крючки из памятников Горного Алтая отражают все этапы эволюции рыболовных крючков, начиная с самых ранних форм (Эверстов СИ., 1988, с.91-107). Крючки эпохи раннего железа" и гунно-сарматского времени по форме уже идентичны современным рыболовным крючкам.

Гарпуны известны в Горном Алтае только в памятниках раннего железа и гунно-сарматского времени. Они изготовлялись из рога или кости. По размещению бородок гарпуны можно разделить на два типа: односторонне-бородчатые (рис.2 - 16,18) и двусторонне-бородчатые (рис.2 - 13). Односто-ронне-бородчатые гарпуны более характерны для гунно-сарматского времени, а двусторонне-бородчатые-для пазырыкского времени.

Грузило-стержень из поселения Майма III является одним из основных атрибутов сетных орудий I тыадо н.э. К сожалению, по его внешнему виду нельзя установить, к какой конструктивной разновидности сети он принадлежал: к объячеивающей или отцеживающей. В памятниках Горного Алтая других периодов грузила на данный момент не зафиксированы

В целом, мы видим, что рыболовные принадлежности из памятников Горного Алтая представлены преимущественно орудиями индивидуального лова, за исключением грузила. Впрочем, несмотря на отсутствие грузил в памятниках, можно предположить, что сетевой промысел мог играть более значительную роль, нежели представляется по количеству находок. В древности часто на сетях использовались в качестве грузил простые камни, которые заворачивались в бересту или укреплялись в кольце из лозы. В материалах поселений такие грузила редко археологам удается выделить из случайных галек или осколков камня (Матющенко В.И. 1973, с.78; Сидоров Е.А., 1989, с.35).

Таким образом, памятники Горного Алтая содержат орудия, характерные для всех видов рыболовства в Сибири Наличие разнотипных рыболовческих орудий свидетельствует о наличии доли рыболовного промысла в системе хозяйства населения.

Надо полагать, что люди в древности были не меньшими прагматиками, чем в настоящее время. Показателем этого являются археологические материалы, свидетельствующие о максимальном использовании ими условий природной среды, в которой они проживали, а также ресурсов и материалов, которые были им доступны. В этом плане рыболовная отрасль не является исключением. О материалах для изготовления рыболовных принадлежностей речь шла выше: что они изготовлялись не только из специально добытых металлов или камня, но и из костных остатков животных и птиц, которые становились объектами охоты. Что же касается рыболовства, то что не употреблялось в пищу - шло на удовлетворение других нужд. При археологических раскопках в Горном Алтае мы редко можем добыть материалы, свидетельствующие о максимальной утилизации рыбных остатков. Но все же некоторые данные имеются: из рыбьих позвонков изготовлены отмеченные выше украшения, обнаруженные в Усть-Куюме и Черемшанке. Кроме этого, по всей видимости, из других несъедобных частей рыбы делался, например, клей, как зафиксировано этнографически (Вербицкий В.И., 1993, с.110). Общеизвестным фактом является практика изготовления в Сибири из рыбьей кожи одежды, обуви, головных уборов и т.д. (Новицкий Г., 1941, с.47; Косарев М.Ф., 1991, с.69). Вполне возможно, что эта практика существовало и у населения Горного Алтая.

На определенную роль рыболовства в хозяйственной жизни населения Горного Алтая указывают изображения рыб, обнаруженные в памятниках. В Горном Алтае обнаружены изображения рыб, относящиеся к трем эпохам: палеометаллу, раннему железу и средневековью. О стилистических особенностях усть-куюмского изображения тайменя эпохи палеометалла мы не можем судить, т.к. оно не опубликовано. Пазырыкские рыбы имеют оригинальную иконографию: они изображены как бы в виде сверху (рис.3 - 2-9; 4 - 1-4,6). Подобная манера передачи фигур рыб известна в Китае среди изображений на бронзовых тазах "пань" XIII-XI вв.до н.э. из

Шаньси и на рукоятках ножей тагарской культуры VII-III вв.до н.э. (Полосьмак Н.В., 1994, с.91-93). По всей видимости, как справедливо полагает - В.Полосьмак, в большинстве случаев в пазырыкских изображениях рыб запечатлена в стилизованном виде одна реальная хищная рыба - налим. Почему именно налим - в данный момент убедительно объяснить невозможно, хотя его изображения известны особенно в Восточной Сибири, начиная с эпохи камня. Надо отметить, что все пазырыкские изображения рыб обнаружены в погребениях, а на петроглифах или в материалах поселений их вообще не обнаружено. В связи с этим обычно делается вывод о незначительности или даже ничтожности роли рыболовства у пазырыкцев. Между тем, даже в западносибирских древностях таежных районов, где рыболовство было основной или, по крайней мере, одной из ведущих отраслей хозяйства, фигуры рыб неизвестны до эпохи средневековья (Косарев М.Ф., 1991, с.148). Сложившееся соотношение количества изображений зверей, птиц и рыб у на-селения Горного Алтая не отражает реальной значимости рыболовства. Причины присутствия фигур рыб в погребальных комплексах связано с тем, что образ фантастической рыбы у пазырыкцев был кокером нижнего мира (Полосьмак Н.В., 1994, с.93). Подводный и подземный миры у сибирских народов нераздельны, и нехарактерность фигур рыб для петроглифов и материалов поселений Горного Алтая, как и для других регионов Сибири, объясняется «...представлениями древних людей о несовместимости, противоположности видимого и подводного миров» (Косарев М.Ф., 1991, с.150).

Средневековые изображения двух рыб из могильника Кудыргэ отличны по иконографии от пазырыкских фигур рыб: они нарисованы в профиль (рис.4 - 5). Профильные рисунки являются самыми распространенным видом изображений фигур рыб, что затрудняет поиск аналогий. Но, в то же время, смысловое значение образа рыб в средневековье, несомненно, остается таким же, как и в пазырыкское время. В данном случае для нас ценно то, что рыбы на кудыргинском рисунке являются объектами добычи, как и звери.

Таким образом, изображения, обнаруженные в памятниках Горного Алтая прямо указывают на то, что рыбы являлись объектами добычи, а также свидетельствуют, что население знало о внешних особенностях имеющихся видов рыб. Такие изображения рыб могли быть созданы только теми, кто многократно наблюдал различные виды рыб.

Изображение лодки на Ялбак-Таше (рис.3 - 1) тоже является указанием на определенную роль рыболовства в хозяйстве, т.к. строительство плавучих средств и развитие рыболовства - это два взаимосвязанных вида деятельности. Значительная древность изображения плавучего средства (середина II тыс. до н.э.) свидетельствует о технической оснащенности рыболовной отрасли в Горном Алтае уже в эпоху бронзы. Использование плавучих средств позволяет людям передвигаться по водоемам и рекам, что заметно увеличивает возможности эффективной рыбной ловли.

О рыболовстве в этнографическое время, как о древней отрасли хозяйства свидетельствует зафиксированный у челканцев и тубаларов, ставший старинным уже в XVIII веке, обычай давать в качестве калыма лодку и рыболовную сеть. Этот обычай подчеркивает значение сетевого рыболовства в хозяйственной жизни населения: не мог подобный обычай зародиться, если рыбная ловля не являлась жизненно важным занятием.

Судя по, отмеченным выше, архивным материалам, работам путешественников и исследователей, в этнографическое время в Горном Алтае имелись разные способы рыболовства от ловли рыбы руками до развитого сетевого рыболовства. В источниках отмечается, что алтайцы ловили рыбу снастями, не уступавшими по производительности русским изделиям (удами, сетями, неводами) с применением плавучих средств (лодок) или другими способами (с берега или находясь в воде). О квалификации алтайских рыбаков свидетельствуют вышеупомянутые 1) данные В.В.Радлова, о том, как, на его удивление, быстро лодочники наловили рыбу для еды на Телецком озере; 2) данные М.В.Чевалкова, как тубалары сетями не более десяти аршинов вылавливали за раз больше рыбы, чем он вылавливал со своими спутниками, пользуясь пятидесятиаршинными сетями. В этих же работах имеются сведения об употреблении в пищу свежей рыбы (В.В.Радлов) и способах заготовки рыбы впрок: вяление (В.В.Радлов), соление (М.В.Чевалков).

Таким образом, в архивных документах XVIII-XIX вв., в работах путешественников и исследователей содержатся сведения об орудиях и способах рыбной ловли, об употреблении рыбы и способах его заготовки впрок, о высокой квалификации рыбаков, об оснащенности рыболовной отрасли плавучими средствами.

В различных жанрах фольклора алтайцев имеются прямые или косйенные сведения о рыболовстве и плавучих средствах. Об орудиях рыбной ловли говорится в героическом эпосе (уды) и загадках (невод, сеть). Причем в них говорится о материалах и даже способах изготовления этих орудий. О названиях рыб имеются сведения в героическом эпосе *(кер балык* - сом), пословицах *(алабуга* -окунь), песнях (*чабак* - плотва, *чортон* - щука), преданиях *(бел* - таймень). В предании о происхождении первого человека и других разумных существ сразу после *Эрлика* появляется не кто-нибудь, а именно рыба (таймень). В фольклоре рыбе (иногда, наряду с быками) доверена даже роль опоры всей Земли. Такое отношение к рыбе, также такое количество сведений, касающихся рыб, рыбной ловли и т.д. могли быть только в фольклоре народа, у которого рыболовство играет в жизни важную роль.

Из рыбы, судя по пословице, алтайцы варили уху, а, судя по приметам народной медицины, рыбу. пекли и варили из нее клей. О занятии населения рыболовством прямо говорится в героическом эпосе, пословицах, загадках. Даже имя одного из трех сыновей *Намы* в предании о потопе в переводе на русский означает "рыбак". Подобное собственное имя не могло возникнуть или сохраниться у народа, не имевшего рыболовства.

О времени ловли щук (в период весеннего разлива) говорится в алтайской примете, где также содержатся наблюдения: «...если конецъ печени (пойманной весной щуки - В.С.) къ голове толще, предпочитается посевъ рантй; середка толще - среджй; конецъ къ хвосту толще - позднш». Естественно, уловить такую закономерность путем многолетних наблюдений могли только те, кто ловил и разделывал щук годами.

Наличие у алтайцев плавучих средств подтверждают фольклорные сведения: в героическом эпосе *Öскўс-Уул* занимается рыбной ловлей с берестяной лодки и перевозит на ней через море войска царя *Караты-каана;* среди алтайских загадок есть загадка про лодку и весло; а в предании о потопе люди и твари спасаются на построенной сыновьями *Намы* деревянном корабле, обклеенном изнутри и снаружи берестой со смолой и

имеющем восемь якорей в виде чугунных кругов. Такие детали при описании лодок и корабля могли сохраниться только у населения, знакомого со строительством плавучих средств.

Таким образом, в фольклоре и народной медицине алтайцев содержатся прямые и косвенные свидетельства о рыболовстве: об орудиях рыбной ловли и приемах их изготовления, о названиях рыб, о времени ловли отдельных видов рыб, о способах ловли и приготовления рыбы, о применении рыбы и продуктов из нее в народной медицине и в быту (клей), о роли рыбы в мировоззрении алтайцев, о видах, способах и материалах изготовления плавучих средств и т.д. Это позволяет нам сделать вывод о том, что рыболовство у алтайцев играло достаточно важную роль, что вызвало отражение его элементов во многих образцах устного народного творчества.

Обращает на себя внимание тот факт, что в современном алтайском языке и его диалектах широко представлены термины обозначающие рыб. Их сравнение с названиями рыб у соседних тюркоя-зычных народов показывает, что, несмотря на некоторую разницу в произношении, они в ряде случаев имеют явную терминологическую связь, а в остальных названиях разница более значительная. Например: щука - *чортон, шортон, каскыр* (алт.+ диалекты); *шортан* (шор.); *сортан* (хак.); *шортан, шуруш* (тув.). Хариус - *чараган, чараан, чаргаа, чаргы, шран, кымжу* (алт.+ диалекты); *коора* (шор.); *хоора* (хак.); *кадыргы* (тув.). Налим - *корты, корту, мантыс, карачын* (алт.+ диалекты); *корту* (шор.); *хорты, миндір* (хак.); *мезил* (тув.). Таймень - бел, *педер, бедере, лем* (алт.+ диалекты); *пел* (шор.); *пил* (хак.); *бел* (тув). Окунь - *алабуга, албуга, алатай, оокын* (алт.+ диалекты); *алабуга* (шор.); *ала буъа* (хак.); *ала-бува* (тув.). Ерш - *чараа-чечен, јаран-чечен, јардак-чечен, бökчöй, јорш* (алт.+ диалекты); *палык* (шор.); *тіктірбе* (хак.); *тенниг балыг* (тув.). Карась - *чаар, чарты, чаган, ак балык, келтеге, јес балык, јес табак, сэры тай, чарты, карас* (алт.+ диалекты); *такпай балык* (шор.); *пазыр* (хак.). Ленок - *туулы, тоолы, ускуч* (алт.+ диалекты); *мыйыт, шокар* (тув.). Язь - *тулмай, јес балык, чагар* (алт.+ диалекты); лура, *упта балык, ак балык* (шор.); *свектуг балык* (тув.). Елец - *суртай, сырак, сорок, шабак, чабак* (алт.+ диалекты); *камнык* (шор.); *ак балык* (тув.). Пескарь - *битÿрген, боскос, бÿдÿр, ийт балык, öксöö, калбан шокыр, бÿдÿрге* (алт.+ диалекты); *пÿдÿрге* (шор.); *пыра* (хак.); *байлан, салдык байлан* (тув.) и т.д. (Русско-хакасский словарь, 1961; Русско-алтайский словарь, 1965; Русско-тувинский словарь, 1980; Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я., 1993, Сазанкин М.М., 1995).

Сравнение южносибирских тюркских названий рыб с монгольскими дает относительно слабое сходство. Для сравнения приведем монгольские названия вышеперечисленных рыб: щука - *цурхай;* хариус - *хадар загае, балиус загас;* ерш - *хадран загас, багай шврвг, шилний сойз;* карась - *хэлтэг загас, хоолонтий;* ленок - *зэвэг;* язь - *булууцгай загас;* налим - *гутаар загас;* пескарь - *жараахай, гурцгий;* таймень - *тул;* окунь - *алгана* (Дамдинсурэн Ц., 1982).

Большинство монгольских названий рыб, видимо, восходят еще к достепному периоду жизни монголов. Терминология сформировалась, когда они проживали в горно-таежном регионе бассейна Амура от его верховий до среднего течения (Вайнштейн СИ., 1991, с.287). Переселившись в степи в конце I - начале II тыс.н.э., монголы заимствовали из тюркских языков термины для степного скотоводства, а также слова, обозначающие некоторые злаки, степных животных и насекомых (Кызласов Л.Р., 1992. с.150). Но в то же время они сохранили свои термины для обозначения диких лесных животных, свиней, лошадей, а также рыб.

В алтайском языке сохранилось определенное количество терминов, так или иначе связанных с эыболовством. Их сравнение с рыболовческими терминами соседних тюркоязычных народов Южной Сибири показывает, что они не идентичны, но имеют определенную связь. Более того, прослеживается связь алтайских терминов рыболовства с древнетюркскими терминами. Рыба - *балык* (алт.), палых (хак.), *балык* (тув.), *палык* (шор.): *balaq, balïq* (древнетюрк.). Рыбак - *балыкчы* (алт.), *палыхчы* хак.), *балыкчы* (тув.), *палыкчы* (шор.), *balïqčÏ* (древнетюрк.). Рыбачить - *балыктаар, балык андаар* букв, «охотиться на рыбу») (алт.), *палыхтирга* (хак.), *балыктаар* (тув.), *палыктall* (шор.), *avla* («охотиться», «поймать [в свои сети]») (древнетюрк.). Сеть, невод - *шÿÿн* (алт.), п*ÿÿ*, *сöзірбе* (хак.), *четки (*тув.), *сöзÿрбе, аг* (шор.), *av* (1. сеть, невод; 2. охота) (древнетюрк.). Удочка - *кармак* (алт.), *хармак* (хак.), *кармак* (тув.), *карбак, ÿлгеш* (шор.). Поплавок - *кайкалаачы* (алт.), *кламок* (хак.), *сыырткыыш -чекпези* (тув.), *калыкка* (шор.). Леса - *кармактын кылы* (алт.), *хармах кылы* (хак.), *сыырткыыш баа* (тув.), *карбак чиби* (шор.). Косяк - *ÿÿр* (алт.), *öö*р (хак.), *вер, меец* (тув.). Лодка - *кеме* (алт.), *киме* (хак.), *хеме* (тув.), *кебе* (шор.), *kemi, кетä* (древнетюрк.). Весло - *кайык* (алт.), *искі* (хак.), *эшкиш* (тув.), *эшки* (шор.), *kürgäk* (древнетюрк.). Пруд - *көлмök* (алт.), *тупгор тув* (хак.), *кылымал хеелбек, хелчук* (тув.), *айланчык* (шор.), *kölmäп* (водоем, небольшое озеро) (древнетюрк.). Запруда - *буук* (алт.), *туг, тулгаг, тулгор* (хак.), *моондак* (тув.), *tamula* (устраивать запруду) (древнетюрк.). Икра - *ÿркене, öркöнö* (алт.), *өрген, ÿзÿрген* (хак.), *уургене* (тув.), *öрткен* (шор.). Плот - *сап* (алт.), *сап* (хак.), *сал* (тув.), *сал* (шор.), *salla* (плыть на плоту) (древнетюрк.).

Некоторые рыболовческие термины тюркоязычных народов Южной Сибири имеют определенное сходство с монгольскими: поплавок - *ховуур, холбого* (монг.), *кайкалаачы* (алт.), *кламок* (хак.), *калыкна* (шор.); весло - *сэлбуур, сэлуур, хаяур* (монг.), *кайык* (алт.); пруд - *цверем, хев, нуурмаг* (монг.), *көлмök* (алт.), *тулвор тув* (хак.), *кылымал хоолбек, холчук* (тув.), *айланчык* (шор.), *kölmän* (водоем, небольшое озеро) (древнетюрк.); Ловушка *-занга, хавх, урхи* (монг.), *хахпан* (хак.), *какпа-дузак* (тув.), *какпыш, шергей* (шор.). Плот - *сал, дунз* (монг.), *сал* (алт.), *сал* (хак.), *сал* (тув.), *сал* (шор), *salla* (плыть на плоту) (древнетюрк.). Леса - *шижим* (монг.), *карбак чиби* (шор.). Однако, как видно из вышеуказанных примеров, связь между южносибирскй тюркской и монгольской рыболовческой терминологией достаточно слабая, а часть из этих сходных слов имеет явные тюркские корни и была, видимо, в свое время заимствована монголами (например, вышеуказанные термины «пруд», «плот»).

Рыболовные занятия и названия рыб отражены в личных именах и фамилиях алтайцев: *Ÿркене, Сортон, Балыкчы, Корты* (один из алтайских зайсанов XIX в.), *Балыкса* (сын *Намы* из преданий), *Балыкчинов, Кортин, Чортонов, Салкин, Балыкин, Чараганов, Суртаев* и др.

Рыболовство отражено и в географических названиях Горного Алтая. Значительное количество названий рек, озер, а также названия некоторых населенных пунктов, гор, мысов связаны с названиями рыб, рыболовством или названиями плавучих средств. Судя по приведенному выше далеко не полному перечню топонимов, в Горном Алтае имеются чисто рыболовческие географические названия, отмечающие рыбные места *(р.Балык, р.Балык-Суу, р.Балыкту-Јуп (Балыктуюл), с.Балыкту-Јул (Балыктуюл), р.Балыкту, р.Алтыгы-*

Балыкту, р.Ӱстиги-Балыкту, р.Балыкту-Суу, р.Балыкту-Коол, оз.Балыкту-Кӧл), названия рыб *(р.Кадраты, оз.Бел-Кӧл, оз.Чарананду-Кӧл, г.Чортон),* занятие людей рыболовством *{р.Балыкчы, с.Балыкчы, г.Балыкчы),* способ рыбной ловли *(р.Шукшулар),* а также плавучие средства *(г.Сал-Кечӱ, р.Кемелӱк (Кемелик), м.Алтыгы-Кемелӱк (Кемелик), м.Ӱстиги-Кемелӱк (Кемелик), Кӧк-Ӧрӧ-Сал-Јок, р.Кеме-Чапкан, оз.Салбу-Кӧл).*

Такие признаки, как широкая распространенность рыболовческой терминологии, присутствие близких по звучанию основ в разных языках, неразделенность (отсутствие специализации) рыболов-ческих и охотничьих терминов могут свидетельствовать о глубокой древности отмеченных выше лексических элементов (Селезнев А.Г., 1994, с.30).

Таким образом, изучение терминологии, обозначающей рыб и элементы рыболовства, а также изучение топонимики свидетельствуют о том, что в южносибирских тюркских языках рыболовческая и рыбная терминология и топонимика сложились в глубокой древности. Они сохранились до настоящего времени, не испытав значительного влияния других языков, в том числе даже монгольского, несмотря на завоевание в XIII веке и последующее многовековое соседство. Последнее обстоятельство, характеризующееся устойчивостью терминологии по конкретной отрасли хозяйства, присуще для языка, носители которой занимались рыбной лов'лей с древнейших времен и имели разработанную терминологию соответствующего характера.

Заключение

Горный Алтай имеет большое количество рек и озер со значительными запасами рыбы. Наличие подобных условий, несомненно, предполагает определенную роль рыболовства в системе хозяйства населения с самых древнейших времен. Наличие рыболовства подтверждается этнографическими, фольклорными, лингвистическими и документальными данными, находками в культурных слоях поселений и в погребениях остатков ихтиофауны и рыболовных принадлежностей, а также находками в них изделий из костей рыб и изображений плавучего средства и рыб, выполненных древними мастерами.

В культурных слоях Усть-Канской пещеры, датированных эпохой мустье, обнаружены первые следы рыболовства в виде костей крупных рыб. Полное отсутствие специальных рыболовных орудий указывает на существование в тот период в Горном Алтае самого раннего вида рыболовства - спорадического. Следует отметить, что в тот период рыболовство не играло значительной роли в хозяйственной жизни населения, а основными формами хозяйства были охота и собирательство.

Глобальные изменения климата в конце плейстоцена-раннем голоцене стали основной причиной интенсивного развития рыболовства. Это привело к употреблению специфических рыболовных орудий (крючков) в Горном Алтае, начиная с раннего неолита. То есть, мы можем говорить о возникновении здесь сезонного рыболовства не позднее конца эпохи камня. Этот вид рыболовства, ориентированный на промысел рыбы только в определенное время года в хозяйстве имел, видимо, уже подсобную роль. Занятие сезонным рыболовством предполагает определенную форму оседлости населения (Эверстов С.И., 1988, с.119).

Развитие строительства плавучих средств и появление сетевого рыболовства в Горном Алтае относится к эпохе бронзы-раннего железа. Они свидетельствуют о времени возникновения круглогодичного рыболовства, который соответствует прочному оседлому образу жизни людей (Косарев М.Ф., 1991, с.32-33; Эверстов СИ., 1988, с.119). На данный момент, в силу слабой изученности поселенческих комплексов, трудно говорить о рыболовстве в эпоху бронзы-раннего железа, как о самостоятельной форме хозяйства на всей территории Горного Алтая. Но можно предположить, что в тот период рыболовство становится одним из важных отраслей хозяйства населения, проживавшего по берегам основных алтайских рек.

В дальнейшем, по мере развития производящих форм хозяйства, рыболовство (наряду с охотой) становится важным хозяйственным занятием только таежных районов Алтая, где земледелие и скотоводство не стали надежными и стабильными хозяйственными отраслями. В остальных районах рыболовство не стало одним из главных форм хозяйства, а было лишь подсобной отраслью, хотя была достаточно развитой и технически оснащенной. Это положение рыболовства сохранилось до этнографического времени.

В заключении хотелось бы отметить, что, к сожалению, мы ничего не можем сейчас сказать о запорном рыболовстве на Алтае в древности и средневековье, поскольку археологическим путем запорные рыболовные сооружения не зафиксированы. Но судя по некоторым архаичным элементам рыболовства алтайцев, рыбная ловля с применением запорных сооружений было широко распространена в Горном Алтае. Будущие исследования, на наш взгляд, смогут дать более полные представления об этом. Данная статья является первой специальной работой по означенной теме, поэтому мы в ней не стремились охватить все аспекты древнего и средневекового, а тем более этнографического рыболовства. Мы попытались здесь лишь продемонстрировать, что изучение рыболовной отрасли в Горном Алтае незаслужено обходится вниманием исследователей и тезисно изложили некоторые свои наблюдения по данной теме.

Литература

1. Алтай баатырлар. - Горно-Алтайск, 1980. - Том X. - 215 с.
2. Берс Е.М. Из раскопок в.Горном Алтае у устья р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск, 1974. - С. 18-31
3. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. - М., 1980. - 240 с.
4. Васильев С.К., Гребнев И.Е. Фауна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры //Деревянко А.П., Молодин В.И Денисова пещера - Новосибирск, 1994 - Часть I. - С.167-180.
5. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. - М, 1991. - 296 с.
6. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. - Горно-Алтайск, 1993. - 270 с.
7. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - *М, -П.,* 1965. - 144 с
8. Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. - Улаанбаатар, 1982 - 840 с.
9. Деревянко А.П., Агаджанян А.К, Барышников Г.Ф. и др. Археология, геология и палеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. - Новосибирск, 1998. - 174 с.
10. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. - Новосибирск, 1994. - 261 с.
11. Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В, Анойкин А.А. Археологическое изучение голоценовых слоев Денисовой

пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. -Новосибирск, 1999. - Том V. - С 348-353.
12. Древнетюркский словарь. - Л.. 1969 -676 с.
13. Киреев С.М. Отчет об археологических исследованиях в долине р.Чеба на Средней Катуни в 1989 году. (Зона затопления Катунской ГЭС). - Горно-Алтайск, 1990 (Архив лаборатории археологии ГАГУ).
14. Киреев С.М. Поселение Черемшанка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). - Барнаул, 1991 — С.84-88.
15. Киреев С.М. Новое обследование городища Черемшанка //Алтай и тюрко-монгольский мир (тезисы, статьи). - Горно-Алтайск, 1995. - С. 135-139.
16. Киреев С.М., Булычев С.С. Раскопки поселения Майма III в 1989 году // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1990. - С.7-9.
17. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень- II // Культура древних народов Южной Сибири. - Барнаул, 1993. - С.25-30.
18. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень VI на Катуни //Археология Горного Алтая - Барнаул, 1994.-С.111-123.
19. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф, Археология Нижнетыткескенской пещеры I. - Барнаул, 1995. -150 с.
20. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. -642 с.
21. Косарев М.Ф Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. - М., 1991. -201 с.
22. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск, 1987 -201 с.
23. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - Новосибирск, 1992. -219 с.
24. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П Петроглифы Алтая. - Новосибирск, 1992. - 123 с.
25. Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение з устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1992. - С.3-22.
26. Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. - Кемерово, 1993. -149 с.
27. Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. - Красноярск, 1992. - 224 с.
28. Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая. - Барнаул, 1987. - 110 с.
29. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья // Из истории Сибири - Томск, 1973.- Выпуск 9. -С.4-79.
30. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1979. - 398 с.
31. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком (1715). - Новосибирск, 1941. - С.44-52.
32. Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование голоцена Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. - Новосибирск, 1994. - С.202-206.
33. Полосина Я.Ю. Предварительный анализ остеологического материала поселений Майма I, Майма III и Майма XII // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1990 - С. 12-14.
34. Полосьмак Н.В, «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). - Новосибирск, 1994. - 124 с.
35. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. - М.-Л., 1953. -444 с.
36. Радлов В.В. Из Сибири. -М./1989. -749 с.
37. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л., 1953. - 387 с.
38. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.-Л., 1960. - 360 с.
39. Русско-алтайский словарь. - М., 1964. - 875 с.
40. Русско-тувинский словарь. - М., 1980. - 561 с.
41. Русско-хакасский словарь. - М., 1961. - 968 с.
42. Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1993. - С.4-18.
43. Сазанкин М.М. Алтай талада учурап турган балыктардын аттары // Аптайдынчолмоны. - 1995 (какай) jbm. -№126 - Куран айдын"12 куни.
44. Сатлаев Ф.А. Кумандинцы. - Горно-Алтайск, 1974. -200 с.
45. Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. - Новосибирск, 1994. - 175 с.
46. Сидоров Е.А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. - Новосибирск, 1989. - С. 16-41.
47. Соёнов В.И. Результаты.раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 2000. - №5. - С 48-62.
48. Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. - Горно-Алтайск, 1992. - 116 с,
49. Чевалков М.В. Чббблкбптун]уруми. - Горно-Алтайск, 1980. - 110 с.
50. Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. - Новосибирск, 1988. - 143 с.

Список иллюстраций к статье Соёнова В.И.

Рис. 1. Орудия рыболовства из археологических памятников Горного Алтая (1 - Тыткекень VI; 2, 3 - Куюм: 4 - Тыткескень II; 5-11 - Нижнетыткескенская пещера).

Рис 2 Орудия рыболовства из археологических памятников Горного Алтая (1-12 - Нижнетыткескенская пещера; 13, 14, 17, 18- Денисова пещера; 15, 16 - Верх-Уймон).

Рис. 3 Изображения плавучего средства и рыб из археологических памятников Горного Алтая (1 — Ялбак-Таш (Калбак-Таш); 2 - Туэкта: 3 - Башадар; 4 - Пазырык; 5, 6 - Уландрык IV; 7 - Узунтал III; 8,9- Барбургазы I).

Рис. 4 Изображения рыб из археологических памятников Горного Алтая (1-3 - Ак-Алаха I; 4, 6-Пазырык; 5-Кудыргэ).

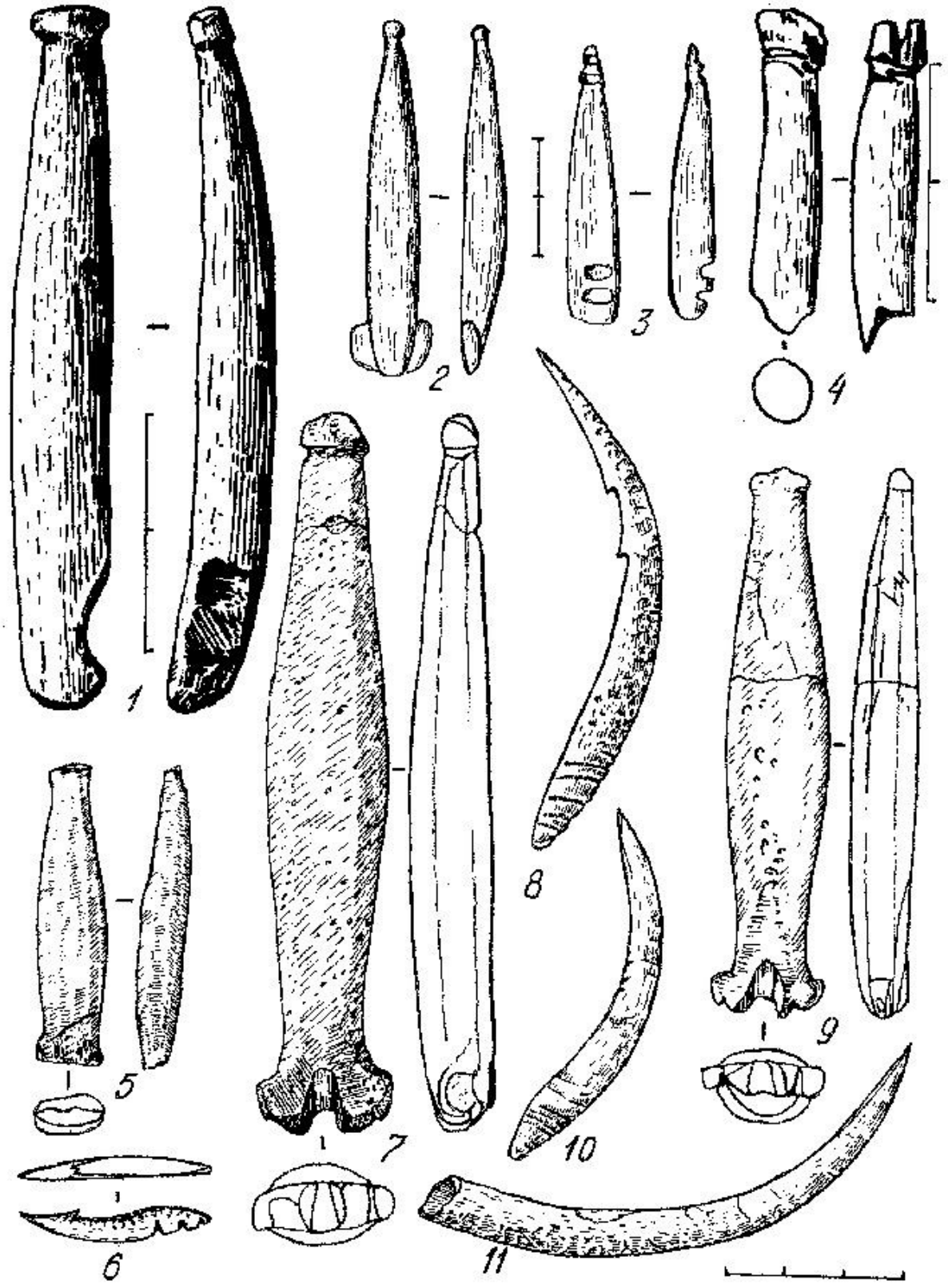


Рис.1

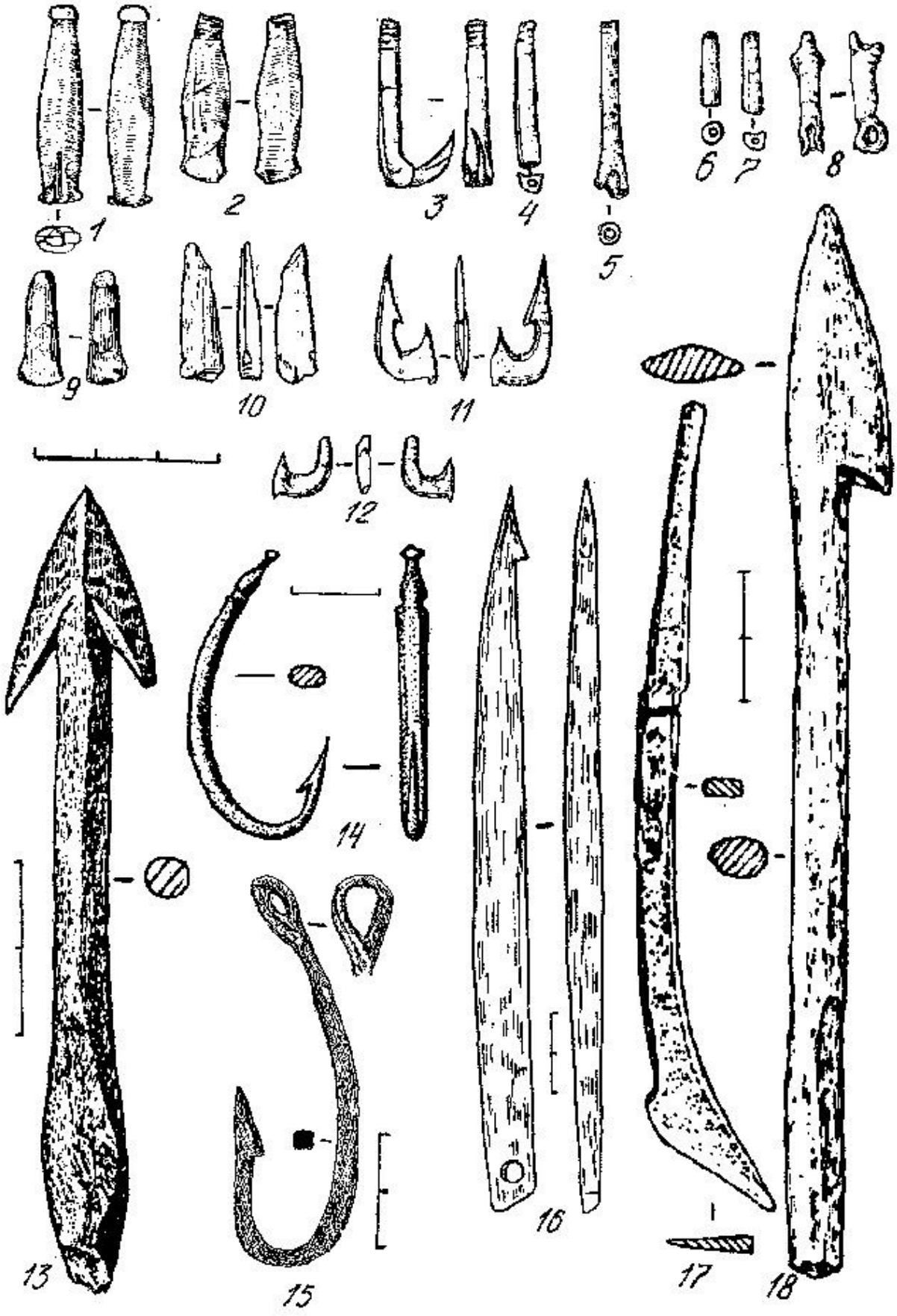


Рис.2

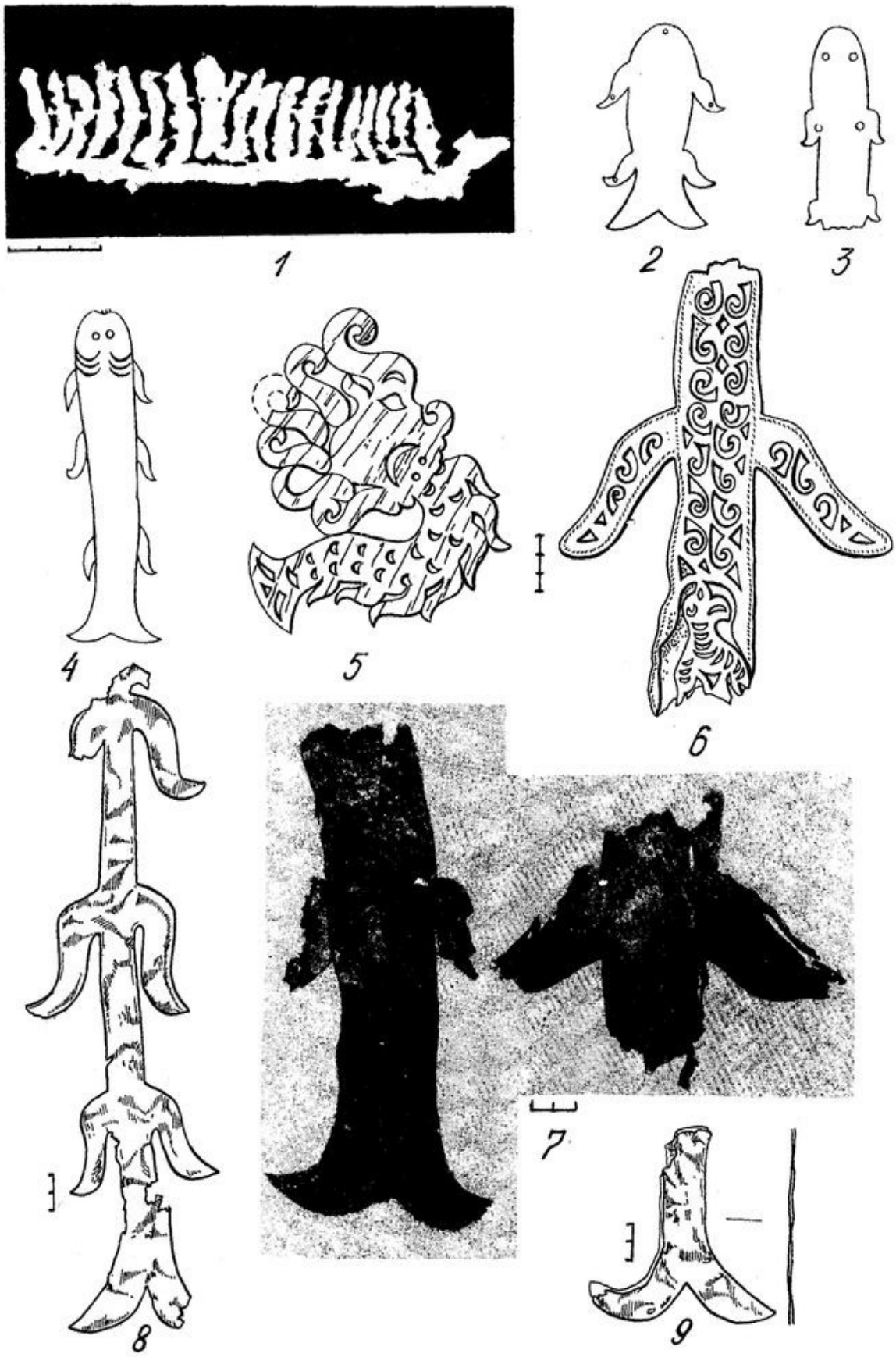


Рис.3

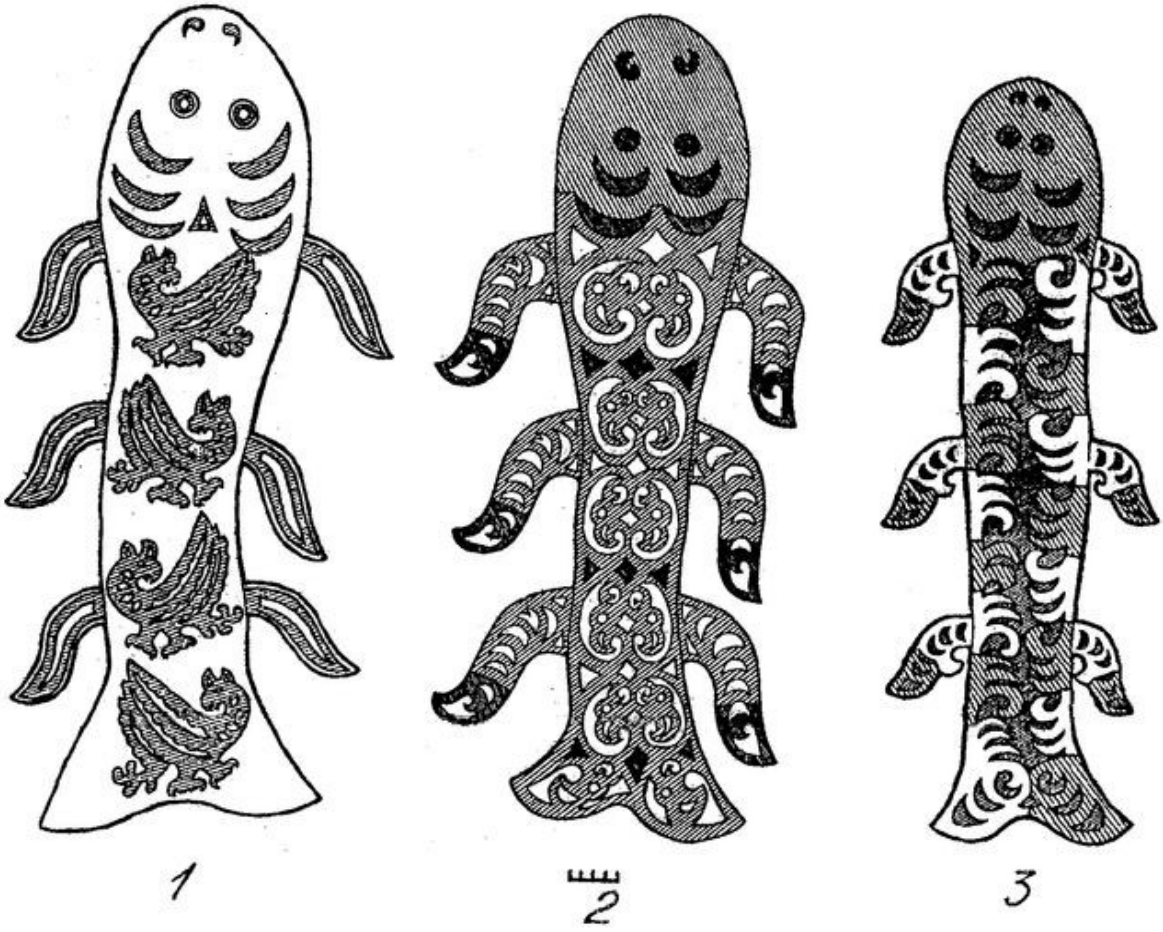


Рис.4

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю.
(г.Новосибирск)

БИКЕ I, II: ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

Широкомасштабные полевые исследования в среднем течении р. Катуни позволили ввести в научный оборот большой массив новых археологических источников. Особый интерес представляет метод сплошного изучения археологических "микрорайонов", включающих разновременные памятники, что позволяет проследить динамику этнокультурного развития в отдельно взятом районе на протяжении всех исторических эпох. Одним из примеров такого подхода являются работы Восточно-Алтайского отряда Алтайской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН в урочище Би-ке на правобережье Катуни (Рис. 1).

Настоящая статья посвящена публикации новых материалов афанасьевской культуры, полученных при раскопках могильников Бике I и II в 1989-1990 гг. Этим работам предшествовали полевые исследования в 1988 г., среди материалов которых есть и результаты раскопок афанасьевского кургана под №10 в могильнике Бике I (Кубарев В.Д., Киреев СМ., Черемисин Д.В., 1990, с.57- 63, рис. 20-26).

Другие погребальные памятники эпохи энеолита, входящие в разновременный могильник Бике I, располагались без видимого порядка вокруг цепочки курганов эпохи ранних кочевников как с западной, так и с восточной стороны от нее (Рис. 2). За курганами сохранены номера генерального плана урочища Бике, где сосредоточено более 100 разновременных объектов.

ОПИСАНИЕ КУРГАНОВ

Бике I. Курган 31 (Рис. 3). Насыпь сильно задернована, с северной и южной сторон подрезана пахотой. После снятия дерна выяснилось, что она сложена из валунов и рваного камня, с земляным заполнением в центре. Диаметр насыпи по линии В-3 -10 м, высота - 60 см. В восточной части кургана при зачистке найдено 4 фрагмента толстостенной керамики. При разборке насыпи в ней также обнаружены нуклеус и два каменных орудия, напоминающих песты или терочники.

В центре каменной насыпи, под земляной засыпкой; прослеживается могильный холм, включавший галечный выброс и мешаную супесь из могильной ямы. Могильная яма, овальной в плане формы ориентирована длинной осью по линии В-3. Её размеры: 300 х 200 х 105 см. Яма была перекрыта в продольном направлении 8-10 лиственничными жердями. Несмотря на плохую сохранность, удалось установить их диаметр (8-10 см.).

Заполнение могильной ямы - темная гумусированная супесь. На глубине 105 см - костяк погребенного (женщины?), ориентированной головой на восток. Положение - на спине, ноги согнуты в коленях, стопы ног поджаты к тазу (Рис. 3, 2). Под раздавленным черепом пятно темно-малиновой охры, мощностью 1-2 см. Более яркая охра красного цвета хорошо сохранилась на лицевых костях черепа и отдельным небольшим пятном в головной части погребения. Сохранность костяка плохая. Сопроводительный инвентарь отсутствует.

Бике I. Курган 32 (Рис. 4). Расположен в 5 м к северо-востоку от кургана 31. Невысокая насыпь едва прослеживалась на дневной поверхности. После снятия дерна и зачистки обнаружилось, что курган, диаметром 4 м сложен валунами и глыбами рваного камня, уложенными в один -два слоя. Высота насыпи, не более 30 см. В южной попе найдено несколько фрагментов керамического сосуда, развал которого, обнаружен при разборе бровки в квадрате 4/В. Восстановленный сосуд имеет вытянутое яйцевидное тулово с округлым дном и высокой шейкой, а также следующие параметры: высота - 21,5 см, диаметр горла - 13,8 см, максимальный диаметр тулова - 14 см. Сосуд орнаментирован вертикальными оттисками отступающей гребенки на венчике, горизонтальным поясом "елочного" орнамента по плечикам и "расчесами" крупнозубой гребенки по нижней части тулова (Рис. 4, 2).

В 1,1 м к юго-западу от сосуда на уровне древней поверхности (гл. 42 см) - обломанный бронзовый нож (Рис. 4, 3). Длина сохранившейся части лезвия - 14,2 см, ширина у основания - 1,7 см.

Под насыпью ненарушенный материковый грунт, могильная яма отсутствует. Очевидно, это жертвенник, связанный с курганом 31.

Бике I. Курган 34 (Рис. 5). Расположен в 40 м к западу от курганной цепочки могильника Бике I. Насыпь была сильно задернована и перед раскопками имела овальную форму размерами 15х12 м, высотой до 1 м.

После зачистки выяснилось, что в двух западных секторах сохранилась ненарушенная насыпь кургана, имеющая форму кольца, сложенного валунами и глыбами рваного камня, а в восточных: секторах эта насыпь частично разрушена, вероятно, более поздним ритуальным (?) сооружением. Более всего пострадала северо-восточная пола насыпи, которая почти полностью была разобрана, а на ее месте сооружена часть каменного кольца, шириной кладки около 1 м, высотой 50-80 см, и врезанного в насыпь кургана с северной стороны. У северной стенки раскопа это кольцо уже не прослеживается, имея, таким образом, разорванную форму, что видимо, является следствием разрушения при много-кратной распашке поля.

Диаметр насыпи основного погребального сооружения -10 м, высота в наиболее сохранившейся части - 70 см. Диаметр же пристроенного каменного кольца - 9,5 м. Центральная часть насыпи кургана состояла из гумусированного грунта, в нижней половине которой прослежены остатки могильного холма погребального сооружения. Он отличается от гумуса заполнения более светлой супесью и мелким обизвесткованным галечником - выбросом из могильной ямы.

После снятия насыпи зачищено пятно могильной ямы с плохо различимыми границами. Яма, овальной в плане формы, размерами 300х220х130 см. Ориентирована длинной осью по линии В-3. Заполнение - чистая светло-серая супесь с включением мелкого галечника. На древней поверхности, в пределах могильного пятна и в заполнении ямы при выборке встречались отдельные фрагменты дерева, очевидно, оставшиеся от перекрытия могилы.

На дне ямы костяк погребенного: на спине, руки вдоль тела; ноги, первоначально согнутые в коленях, развалились в разные стороны. Ориентация головой на запад. Справа от черепа небольшой комочек ярко-красной охры (Рис. 6). Краской (темно-малиновая охра) был посыпан и весь костяк погребенного. Сопроводительный инвентарь отсутствует.

Бике I. Курган 35 (Рис. 7). Расположен в 80 м к северо-западу от основной цепочки курганов Бике Насыпь кургана оказалась сильно задернованной. В ее центре округлая западина в виде воронки диаметром около 5м,глубиной 40 см. После снятия дерна и зачистки обнажилась сплошная каменная насыпь овальной формы размерами 7х8,5 м, высотой около 50 см. Сложена в основном речными валунами средних размеров и более редкими блоками рваного камня.

При снятии насыпи в трех секторах зафиксирован выброс из могильной ямы в виде мелкой гальки, щебня и песка. Видимо, из галечного выброса над могилой был сформирован невысокий надмогильный холм.

Под насыпью открылось пятно могильной ямы, овальной в плане формы, длинной осью ориентированной по линии В-З. Размеры ямы 320х250х110 см. Заполнение ямы: до глубины 50 см - валуны из насыпи, гумусированный грунт; ниже заполнение составляла коричневая глинистая супесь, плотная по структуре. В заполнении встречались древесные угольки. На глубине 85-90 см в западной части ямы остатки кострища (40х50 см). Прокал глины мощностью до 7 см включал древесные угли и золу.

Погребение обнаружено на глубине 110 см, то есть на 10 см ниже кострища (Рис. 8). Костяк женщины на спине, руки вдоль туловища, ноги согнуты в коленях (стопы ног поставлены на дно ямы); видимо, они были подогнуты к груди и затем завалились вправо. У правого локтя пятно охры диаметром 5 см, мощностью до 5 см. Слева от костяка женщины, у её правой руки - костяк ребенка в возрасте 5-6 лет, в аналогичной позе. Сохранность детского костяка плохая, череп раздавлен. На дне ямы сохранилось слабое пятно темно-малинового цвета (остатки подстилки (?), окрашенной охрой). Сопроводительный инвентарь отсутствует.

Могильник Бике II, полностью исследованный в 1990 г., располагался между цепочками курганов скифского времени могильников Бике I и Бике III (см. рис. 2). До раскопок на современной поверхности различались три округлые насыпи, полностью задернованные и вытянутые в цепочку по линии С-Ю с небольшим отклонением к востоку. Могильник был заключен в единый раскоп общей площадью 510 м^2, что позволило исследовать межкурганные пространства и площади за пределами курганных насыпей (Рис. 9).

Бике II. Курган 1 (Рис. 10). Крайний к югу в цепочке курганов Бике II. При зачистке насыпи выявлено округлое кольцо-ограда, сложенное рваным камнем средних размеров. Диаметр кольца -11м, высота - 0,8 м. Юго-западная пола насыпи несколько ниже, камни внутри кольца здесь разрежены, а в центре внешнего кольца-ограды малое внутреннее кольцо, сложенное мелкой речной галькой. Очевидно, это аллювиальный галечник, взятый из ямы, иначе говоря, могильный выброс, которому придана форма кольца. Его диаметр - 3,8 м.

При разборе насыпи в северо-восточном секторе на уровне древней поверхности обнаружен развал большего керамического сосуда (Рис. 11, 6). После реставрации удалось определить его размеры: высота - 49 см, диаметр горла - 22 см, максимальный диаметр тулова - 32 см. Форма яйцевидная с острым дном, короткое, немного отогнутое наружу горло. Орнаментация - "елочный" узор по всему сосуду.

В северо-западном секторе так же на древней поверхности найдены фрагменты венчика другого, очень крупного сосуда (Рйс. 11, 1-3). Несколько фрагментов керамики обнаружено и в остальных секторах насыпи кургана. Таким образом, собрана небольшая коллекция керамики, насчитывающая около 30 фрагментов, не менее чем от пяти различных сосудов (не считая развала целого сосуда в северо-восточном секторе). Как представляется, эти остатки керамической посуды имеют различную культурно-хронологическую принадлежность - от эпохи энеолита (на древней поверхности) до культур раннего железного века (на насыпи кургана).

После снятия насыпи зачищено могильное пятно, овальной в плане формы. Размеры ямы: 220 х 150 х 110 см. Заполнение - темный гумусированный песок и темно-серая супесь. На глубине 30.40 см встречались небольшие фрагменты деревянных плах - остатки продольного перекрытия. На глубине 110 см у восточной стенки яйцевидный остродонный сосуд с высоким и широких горлом, чуть отогнутым наружу венчиком (Рис. 11, 5). Все тулово сосуда орнаментировано рядами "елочного" узора, срез венчика покрыт косыми насечками. Размеры: высота - 21,5 см, диаметр горла - 13,9 см, максимальный диаметр тулова - 16,9 см. Рядом с сосудом крупный фрагмент раздавленной плахи перекрытия.

На глубине 105-110 см костяк погребенного, ориентированный головой на восток, на спине, руки вдоль туловища, ноги согнуты в коленях (Рис. 12). Костяк и дно могилы имеют следы окраски красной охрой. Сохранность костяка хорошая.

Бике II. Курган 2 (Рис. 13). Расположен в 6 м к ССВ от кургана 1. Между внешними краями насыпей курганов 1 и 2 на древней поверхности располагалась фигурная выкладка, сложенная из мелких речных валунов и соединяющая края курганных насыпей (см. рис. 9).

После снятия дерна выявлено кольцо-ограда из рваного камня. Диаметр кольца 16 м. Внутри него - земляная насыпь, высотой до 1 м, сложенная глинистой супесью желто-коричневого цвета. При зачистке насыпи в юго-западном секторе раскопа обнаружен бронзовый наконечник копья (Рис. 15, 1). Он был найден укрепленным острием вверх, в камнях насыпи кургана.

При зачистке и разборе насыпи собрана большая коллекция фрагментов керамики от различных и, очевидно, разновременных сосудов. Керамика встречена также на уровне древней поверхности. Всего собрано около 80 фрагментов от 6 сосудов (Рис. 14). Ряд фрагментов идентичен найденным в кургане 1, то есть в этих двух курганах присутствуют обломки одних и тех же сосудов.

Внутри внешнего кольца-ограды, под земляной насыпью оказалось еще одно, внутреннее кольцо, сооруженное из мелкой речной гальки. Оно выложено в центре кургана по краю могильной ямы. Очевидно, таким образом, искусственно сформирован выброс из ямы. Высота этого кольца до 45 см, внешний диаметр - 4,5 м.

После снятия насыпи, на уровне древней поверхности, в границах могильного пятна обнаружены остатки деревянных плах, перекрывавших могильную яму овальной в плане формы. Размеры ямы: 325х170х110 см. Плахи ориентированы по линии С-Ю, то есть поперек ямы. Зафиксированы остатки как минимум шести березовых (?) плах шириной 20-25 см, толщиной 2-4 см.

В центре ямы плахи провалены внутрь и встречались в виде крупных обломков в заполнении ямы (серая гумусированная супесь) до глубины 90-100 см. На этой же глубине разрозненные кости человека, окрашенные красной охрой. В восточной части ямы фрагмент черепа, три позвонка, ребра; в центре еще несколько

фрагментов черепной коробки. Очевидно, погребение частично разрушила кротовина, проходящая через могильную яму.

На дне ямы (глубина 110 см) остатки костяка погребенного: фрагменты черепа, кости рук и ног (Рис, 16). Можно сделать вывод о западной ориентации погребенного, у правого плеча которого расчищен развал керамического сосуда необычной, биконической формы (Рис. 15, 3). Тулово орнаментировано отстоящими друг от друга поясами "елочного" узора, нижняя часть сосуда покрыта "расчесами" редкозубой гребенки, срез венчика украшен насечками, нанесенными гребенчатым штампом. Венчик и орнаментальные пояса окрашены красной охрой. Этой же краской нанесены две полосы, опоясывающие нижнюю придонную часть тулова. Размеры сосуда: высота - 17 см, диаметр горла -13,7 см, максимальный диаметр тулова - 25 см.

Над левым плечом погребенного - округлое пятно красной охры или киновари диаметром 10 см, мощностью до 5 см. Ноги, первоначально подогнутые к груди, завалились влево; при этом сохранились только малые берцовые кости. Возле левой руки погребенного второй сосуд с яйцевидным остродонным туловом, коротким и широким горлом, орнаментированный гребенчатыми оттисками, образующими "елочку" (Рис. 15, 2). Размеры сосуда: высота - 30 см, диаметр горла - 18,5 см, максимальный диаметр тулова - 20,5 см. Дно могильной ямы окрашено красной охрой. Видимо, это не подсыпка, а следы органической.подстилки, окрашенной охрой. В пользу такого предположения свидетельствует как равномерное (очень тонким слоем) распространение краски по дну ямы, так и её цвет, резко различающийся от более яркого пятна охры или киновари, обнаруженного у плеча костяка и аналогичной по цвету краске, использованной для орнаментации первого сосуда.

Бике II. Курган 3 (Рис. 17). Расположен в 7 м к ССВ от кургана 2. До раскопок его насыпь представляла собой невысокий и задернованный холм. После зачистки обозначилась округлая сплошная насыпь без западины, сложенная из мелкого плитняка. По внешнему краю она была оконтурена рваным камнем более крупных размеров, образующим своеобразную крепиду. Диаметр насыпи 9 м, высота не более 50 см.

После снятия насыпи на уровне древней поверхности костяк погребенного: в скорченном положении, головой на запад, на левом боку; левая рука вытянута к коленным суставам, правая согнута в локте (Рис. 17, 2). Сохранность костяка плохая, сопроводительный инвентарь и какая-либо погребальная конструкция под насыпью отсутствовали.

По всем признакам этот курган отличается от всех, описанных выше, и поэтому его культурная принадлежность будет рарсмотрена отдельно.

Таким образом, объектом нашего исследования в данном случае являются пять погребальных памятников и один ритуальный "поминального" характера. Все курганы с погребениями характеризуются определенным, весьма устойчивым набором признаков, свойственным всем или большинству вписанных памятников. Эти признаки можно свести к следующим категориям.

1) *Надмогильные сооружения:* кольцо-ограда из рваного камня и валунов, окаймляющие земляную насыпь. Исключение составляет курган 35 могильника Бике I, насыпь которого имеет форму сплошной овальной выкладки. Насыпь, как правило, прикрывает собой могильный холм, включающий галечный выброс и супесь из ямы.

2) *Могильные ямы и остатки погребальных конструкций:* овальные в плане, стенки покатые, глубиной 100-130 см; длинной осью ориентированы по линии В-З. Деревянное перекрытие из плах или жердей, уложенных в продольном или поперечном направлении. Дно могилы всегда окрашено охрой.

3) *Погребения:* в основном одиночные, кроме кургана 35, где погребена женщина с ребенком; положение на спине с подогнутыми ногами, руки вытянуты вдоль тела; ориентировка как восточная, так и западная; костяки окрашены охрой, иногда небольшое пятно более яркой и сочной краски находится у черепа или возле руки погребенного.

4) *Погребальный инвентарь:* представлен только керамическими сосудами. Перечисленные признаки позволяют с уверенностью отнести данные погребения к афанасьевской культуре горного Алтая (Цыб С.В., 1984, с.11; 1988, с.163-164), которая представлена в долине Катуни рядом могильников и поселений. К афанасьевской культуре принадлежит и курган 32 могильника Бике I, являющийся "поминальным" сооружением, связанным с погребением в кургане 31. Ритуальные памятники афанасьевской культуры также известны и в других районах Алтая (Владимиров, Цыб С.В.,1982, с. 55-62; Молодин В.И., Петрин В.Т., 1985, с. 66-67, рис. 9, 4; Суразаков А.С., 1987 с. 6, Кубарев В.Д., 1988, с. 23, рис. 16; и т.д.). При этом, как правило, они имеют те же конструктивные особенности, что и курганы с погребениями, рядом с которыми они соседствуют. В качестве находок обычно присутствует керамика, кости животных, угли и зола. В "поминальном" сооружении 32 могильника Бике I впервые найден обломок лезвия бронзового ножа (см. рис. 4, 3). Нож однолезвийный, достаточно крупный (длина сохранившейся части 14,2 см, ширина в верхней части 1,7 см) обломан как *раз* у рукояти. Трудно сказать, была ли рукоять изогнутой или оформлена как-то иначе, но прямое и узкое лезвие типично для раннетагарских, а шире, - для раннескифских бронзовых ножей. Находка эта вместе с позднеафанасьевским керамическим сосудом (см. рис. 4, 2) дает основание датировать это эпохой ранней бронзы. Несомненная связь "поминального" сооружения 32 с афанасьевским курганом 31, возможно, объясняет отсутствие какого-либо погребального инвентаря в могиле. Керамический сосуд, бронзовый нож и, очевидно, мясная пища оставлялись в специально возведенном небольшом жертвеннике. Следы кострищ в таких сооружениях, видимо, отражают "поминальный" характер проводившихся ритуальных действий. В других афанасьевских курганах могильников Бике I эти действия совершались прямо в могиле над погребенными (кострище в кургане 35, см. рис. 8), а керамическая посуда ставилась в отдельных случаях на край могильной ямы (курган 2). При этом мы имеем дело не только с многочисленными фрагментами, но и с целыми сосудами, происходящими из курганов 1 и 2 могильника Бике II и "кургана" 32 могильника Бике I. Три сосуда сопровождали покойников в могилах, один в виде развала находился на уровне древней поверхности у края могильной ямы, еще один также на древней поверхности, под центром ритуальной кладки.

Все сосуды имеют характерный для афанасьевской культуры облик: вытянутое яйцевидное тулово с острым или закругленным дном, довольно высокое, отогнутое наружу горлышко. Орнаментированы горизонтальными рядами "елочки", выполненной гладким или гребенчатым штампом, при этом узор покрывает

все тулово сосуда (Хлобыстина М.Д., 1975, с 19, 26, рис. 2). Несколько отличается орнаментация на сосуде из кургана-жертвенника 32. Горло его украшено вертикальными оттисками отступающей гребенки, по плечикам идет один ряд "елочных" узоров, выполненных в такой же технике, а ниже все тулово покрыто "расчесами" крупнозубого гребенчатого штампа (см. рис. 4, 2). Внутренняя поверхность всех сосудов также затерта крупной гребенкой. Срез венчиков орнаментирован насечками из вдавлений гребенчатого штампа. Перечисленные черты соединяют эти сосуды в одну группу, что дополняет конструктивное сходство курганов и общность погребального обряда. Яркое исключение представляет сосуд из кургана 2 могильника Бике II, находившийся у правого плеча погребенного. Он имеет нехарактерную для афанасьевской посуды биконическую форму тулова с коротким, отогнутым наружу венчиком и округлым дном. Плечики и тулово покрыты пятью поясами "елочного" орнамента, выполненного крупнозубым гребенчатым штампом, по венчику проходит ряд мелкой качалки. Плоский срез венчика также украшен оттисками крупной гребенки. Пространство между поясами орнамента, а также вся нижняя часть сосуда затерта редкозубым гребенчатым штампом. Так же обработана и внутренняя поверхность сосуда. Характерной особенностью сосуда является окраска его красной охрой или киноварью, которая нанесена на срез венчика, горло, орнаментальные зоны и двумя поясами - в нижней части тулова (см. рис. 15, 3). Аналогий этому сосуду нет на Алтае, как, впрочем, и в керамическом материале соседних областей. Нахождение его вместе с типичным афанасьевским сосудом (см. рис. 15, 2) не вызывает вопроса о его датировке и культурной принадлежности. Необычна только форма сосуда и раскраска орнамента, который включает традиционный для афанасьевцев декоративный элемент - "елочку". Характерно и то, что орнамент на нем, как и на многих афанасьевских сосудах, не доходит до дна.

Среди разрозненных фрагментов керамики также встречаются украшенные "елочным" орнаментом выполненные гладким или гребенчатым штампом, что наряду с другими признаками говорит о их принадлежности к афанасьевской культуре. Особенно примечательны фрагменты горла крупного толстостенного (1,8-2 см) сосуда красного цвета, найденные в виде развала на уровне древней поверхности, над насыпью кургана 1 в могильнике Бике II. Он орнаментирован аналогично описанным выше афанасьевским сосудам, то есть снаружи сплошь покрыт "елочкой", нанесенной крупнозубой отступающей гребенкой, а изнутри затерт тем же гребенчатым штампом. Оттисками гребенки украшен и плоский срез венчика (Рис. 11, 1-3). Также вызывают интерес несколько фрагментов верхней части другого крупного толстостенного сосуда с сильно отогнутым наружу венчиком, обнаруженные на уровне древней поверхности у края могильной ямы в кургане 2 могильника Бике II. Видимо, вся поверхность сосуда была затерта мелкозубой гребенкой, а на этом фоне ниже венчика шел ломаный пояс из трех врезных линий, дополнительно проработанных отступающей палочкой (рис. 14, 11-12, 14-15)

В изучении афанасьевской культуры на сегодняшний день существует целый ряд нерешенных проблем, имеющих принципиальное значение. И это, несмотря на ведущиеся в последние годы интенсивные раскопки энеолитических памятников, которые охватывают не только могильники, но и поселения. К таким дискуссионным вопросам, прежде всего, относится проблема верхней хронологической границы этой культуры. В свете последних данных, касающихся отдельных находок и памятников эпохи бронзы в горном Алтае, актуальность этой проблемы ещё более возрастает. Не менее важен и вопрос о внутренней периодизации афанасьевской культуры, получивший определенную разработку в работах отдельных исследователей (Хлобыстина М.Д., 1975; Цыб СВ., 1984, 1988), и который, тем не менее, нельзя считать окончательно решенным. Как нам представляется, результаты, полученные при исследовании афанасьевских памятников на Средней Катуни, могут в какой-то степени приблизить разрешение этих вопросов.

Есть все основания утверждать, что описанные памятники представляют единокультурную группу погребений, образующую -небольшой могильник. В нем не прослеживается четко продуманной планиграфии на местности, хотя курганы в Бике II тяготеет к цепочке, расположенной поперек долины реки. Обращает внимание, что признаки, характеризующие в данном случае эту совокупность памятников как единое целое, в хронологических построениях С.В.Цыба оказываются распределены по разновременным группам (1984, с.11-12). Так, в курганах Бике I, II наряду с восточной ориентацией погребенных присутствует и западная. В то же время, восточная ориентация устойчиво сочетается с овальными в плане ямами, хотя по схеме С.В.Цыба эти признаки относятся к разным хронологических группам памятников (1984, с. 11-12). При этом особенно примечательным является то, что погребения с противоположной ориентировкой входят в состав одного могильника, а именно, Бике II, который, на наш взгляд, является единым комплексом, включающим курганы 1 и 2.

Одновременность создания курганов 1 и 2 подтверждается несколькими моментами. Во-первых, их полное конструктивное сходство (устройство насыпи, оформление могильной ямы, её глубина, наличие керамических сосудов и т.д.). Во-вторых, на древней поверхности между двумя курганами сооружена фигурная выкладка из мелких речных валунов, соединяющая края насыпей. Её происхождение может быть связано с "поминальным" жертвенником, устроенным между насыпями курганов. Тем более, что под камнями выкладки найдены обломки керамических сосудов. Кроме аналогичного жертвенника у кургана 31, подобные сооружения зафиксированы в афанасьевских могильниках Минусинской котловины (Вадецкая Э.Б., 1986, с.17, рис. 1). Однако, ярко выраженная цепочка каменной выкладки, соединяющей насыпи этих двух курганов (см. рис. 9), может служить символом близкого родства погребенными отражать семейный характер древнего афанасьевского кладбища. Например, в более позднюю скифскую эпоху точно также цепочки из камней соединяли насыпи курганов в одном из могильников урочища Бураты (Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1983, с. 103, рис. 8). В-третьих, в пользу такого предположения свидетельствует керамический материал. Так, в кургане 1 под насыпью, на уровне древней поверхности было обнаружено небольшое скопление фрагментов крупного сосуда (см. рис.11, 1-3). Большой фрагмент от этого же сосуда был найден также на древней поверхности под насыпью кургана 2 (рис. 11,4). В другом случае эта ситуация повторяется, но уже наоборот, когда у края могильной ямы кургана 2 обнаружены фрагменты одного сосуда (Рис. 14, 11-12, 14-15) и фрагмент этого же сосуда найден в камнях насыпи кургана 1 (Рис. 14, 13). Кроме того, в районе соединительной кладки между курганами и в насыпи кургана 2 обнаружены фрагменты от одного и того же сосуда, орнаментированные "елочкой", нанесенной отступающей гребенкой (рис. 14, 2, 3). Все это свидетельствует о единовременности сооружения курганов их создателями, что должно было

бы обусловить и единообразие обряда, но, тем не менее, погребенный в первом кургане ориентирован головой на восток, а во втором - на запад. Это говорит о неправомерности рассмотрения ориентации погребенных в качестве одного из решающих критериев в вопросах хронологии и периодизации памятников.

Весьма важным является и вопрос о датировке афанасьевских курганов на могильном поле Бике. По периодизации, предложенной С.В.Цыбом (1984, с. 11; 1988, с. 163-164), большинство признаков, характеризующих рассматриваемые курганы, свидетельствует о принадлежности их к раннему этапу афанасьевской культуры горного Алтая. Однако в нашей публикации, где шла речь о кургане 10 из могильника Бике I, вероятность этого была уже подвергнута сомнению и высказано предположение о *более* поздней дате памятника на основании керамического материала и ритуальных захоронений всех черепов лошадей (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 84-86).

Учитывая большое сходство афанасьевских курганов урочища Бике между собой, можно предпожить и их хронологическую однородность и отнести, так же, как и курган 10, к позднеафанасьевскому времени. Дополнительным аргументом в пользу такого вывода может служить находка бронзового наконечника копья и раскрашенного керамического сосуда новой необычной формы в кургане 2 могильника Бике II. Последняя находка, несомненно, является инновацией в афанасьевской керамике и может быть привнесена из другой культурной общности. Следует также принимать во внимание значительную вариабельность некоторых черт погребальной обрядности афанасьевской культуры, которые необходимо с осторожностью использовать при хронологических построениях.

В районе Средней Катуни известны материалы, отражающие смену афанасьевской культуры другими культурами эпохи бронзы: Усть-Куюмский могильник (Берс Е.М., 1974), поселения Кара-Тенеш (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1980; Погожева А.П., Молодин В.И.,1980) и Малый Дуган (Степанов Н.Ф., 1990).

Материалы эпохи поздней бронзы в горном Алтае представлены лишь случайными находками. В среднем течении р. Катунь известна находка бронзового наконечника копья с прорезным пером, кото-рый по аналогиям датируется концом II - началом I тыс. до н.э. (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Дидиков Б.Х., 1982, с.63, рис. 6, 12). Несмотря на известное количество находок в горном Алтае изделий андроновского и карасукского облика, по мнению алтайских археологов "самих памятников этих культур практически не известно" (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с.72). С этим взглядом следует согласиться. Однако для этих исследователей, разделяющих точку зрения Грязнова о "консервации" афанасьевской культуры в горном Алтае вплоть до раннескифского времени, характерно распространение аналогичного вывода относительно эпохи бронзы в целом Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с.73). То есть афанасьевской культуре отводится огромный период истории горного Алтая с конца IV до начала I тыс. до н.э. Между тем на Алтае открыты новые погребальные памятники начала II тыс. до н.э. В первой публикации этих уникальных погребений В.Д. Кубарев уже предполагал, что они принадлежат новой культуре ранней или развитой бронзы Алтая (Кубарев В.Д., 1986, с.5, с.145). После открытия подобных и, несомненно, синхронных памятников в Бешозеке (Кубарев В.Д., Ларин О.В., Суразаков А.С, 1991) и Озерном (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979; Кудрявцев П.И., Эбель А.В., 1991) можно с уверенностью говорить о существовании на Алтае во II тысячелетии до н.э. самобытной культуры эпохи бронзы, которую следует назвать каракольской - по первой небольшой серии памятников, обнаруженных в с. Каракол. О наличии "особой культуры (или культур) эпохи бронзы" на Алтае свидетельствуют результаты исследований Денисовой пещеры, поселений Кара-Тенеш, Лебедь-I, наскальных рисунков Турочака, Куюса, Карбана (Молодин В.И., 1988, с. 52-53), а также петроглифов Калбак-Таша и Бичикту-Бома (Кубарев В.Д., 1992, с.47-48; 1993, с.104-112).

Но и после серии публикаций новых памятников эпохи бронзы, сторонники гипотезы о "доживании" афанасьевской культуры до начала I тыс. до н.э. в одной из последних работ приводят сомнительные аргументы (планиграфия могильника и сходство насыпей афанасьевскоких курганов с надмогильными сооружениями майэмирской культуры) в пользу своей точки зрения. Однако, авторы уже не так категоричны и вынуждены констатировать, что "традиционная датировка афанасьевской культуры вступает в явное противоречие с радиоуглеродными датами, укладывающимися в пределах IV - начала III тыс. до н.э." (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994, с.27).

Что касается бронзового наконечника копья (см. рис. 15, 1) из могильника Бике И, первой находки подобного рода на Алтае, то, на наш взгляд, она не случайна. Остановимся более подробно на этой редкой, несомненно, любопытной находке. Бронзовый наконечник имеет длину 30 см, ширину 5 см, длина прорези 21 см. Он отлит в двусторонней форме, при этом режущие края пера остро заточены. В верхней части посредине проходит треугольное ребро жесткости. В нижней части наконечник сужается, на концах имеет выступы-отростки для удобства крепления к древку копья. Внутренняя часть прорези наконечника не обработана абразивом, остались следы литейного шва. Это свидетельство того, что изделие отлито в двустворчатой литейной форме.

На Алтае аналогий этому виду оружия нет, но более десятка идентичных зажимных наконечников копий известны по случайным находкам в Минусинской котловине (Гришин Ю.С., 1971, с. 61; Членова Н.Л., 1972, табл. 70, 14, 15, с. 234; 1979, с. 138, рис. 3, 7-15), в том числе и в карасукском жилище. Но эти экземпляры отличаются меньшими, по сравнению с алтайским наконечником, размерами. Более близкой аналогией является массивный (длина 47 см) бронзовый наконечник из погребения на стоянке Дрокино-2 в Красноярской лесостепи. Автор раскопок Л.В.Новых датирует его X-IX вв. до н.э., тогда как серию случайных находок - наконечник из Нижней Кои и Каменного Лога Н.Л.Членова датирует VIII-VII вв. до н.э. Судя по приведенным параллелям, бронзовый наконечник копья с Катуни может быть датирован рубежом II-I тыс. до н.э. или началом I тыс. до н.э. На наш взгляд, обстоятельства его находки в насыпи афанасьевского кургана острием вверх также не случайно. Возможно, такое положение обусловлено каким-то ритуальным действием, смысл которого не совсем понятен. Трудно представить наконечник копья случайной находкой, оброненной на насыпь афанасьевского кургана. Этнографические источники сообщают, что "случайно" найденные раритеты часто приносились к древним могилам и святыням. К примеру, один из авторов этой статьи при осмотре ламаистских обо в Монголии находил бронзовые наконечники стрел и бронзовые дисковидные зеркала, которые были принесены и пожертвованы "хозяину" обо. Согласно нашей интерпретации комплексов могильника Бике II, курган под № 3 был сооружен в

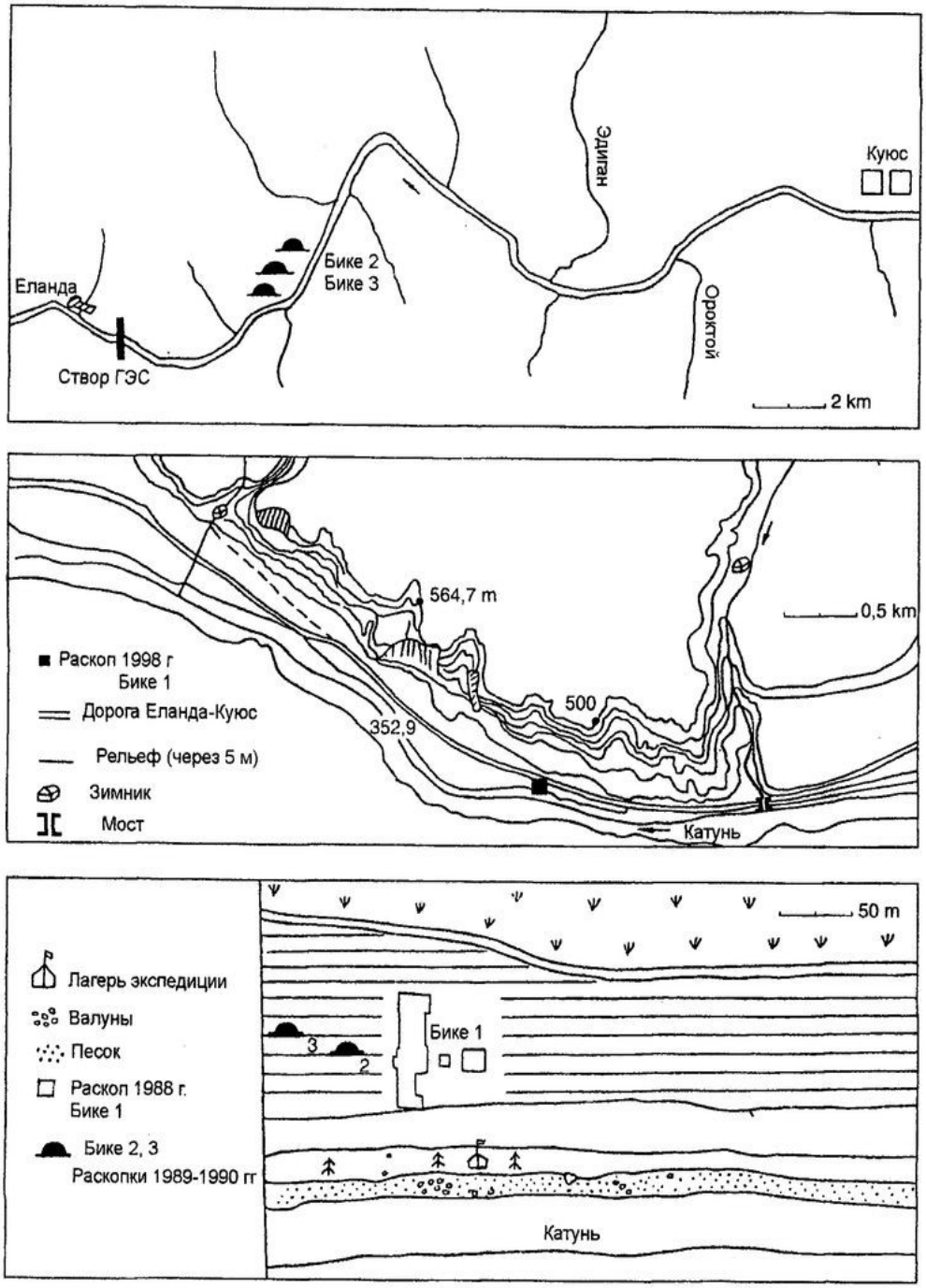

Эдиган
Куюс
Бике 2
Бике 3
Еланда
Ороктой
Створ ГЭС
2 km
564,7 m
0,5 km
Раскоп 1998 г
Бике 1
Дорога Еланда-Куюс
Рельеф (через 5 м)
Зимник
Мост
500
352,9
Катунь
50 m
Лагерь экспедиции
Валуны
Песок
Раскоп 1988 г.
Бике 1
Бике 2, 3
Раскопки 1989-1990 гг
Бике 1
3
2
Катунь

Рис. 1

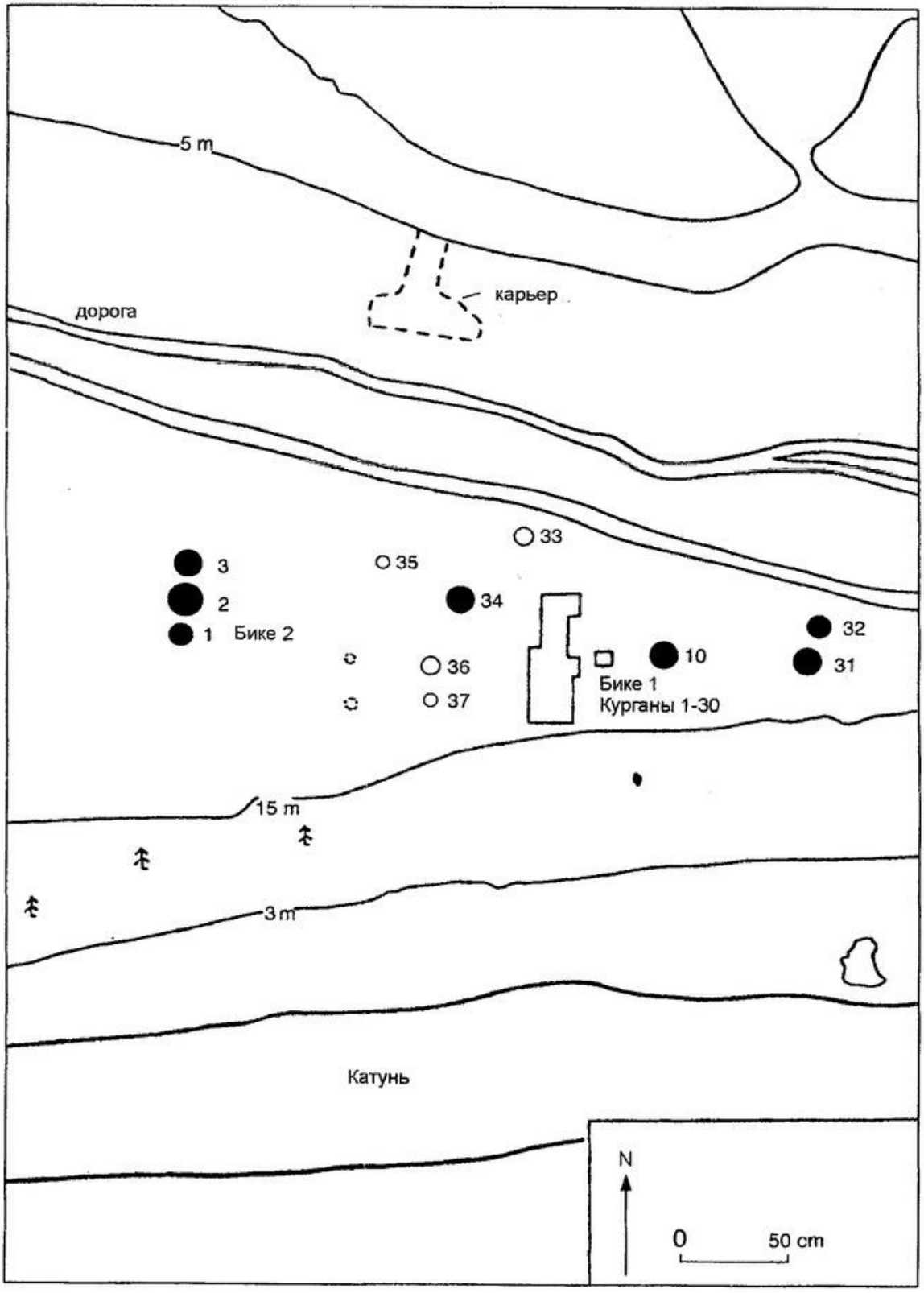

5 m
карьер
дорога
33
35
3
2
1
Бике 2
34
36
37
10
Бике 1
Курганы 1-30
32
31
15 m
3 m
Катунь
N
0
50 cm

Рис. 2

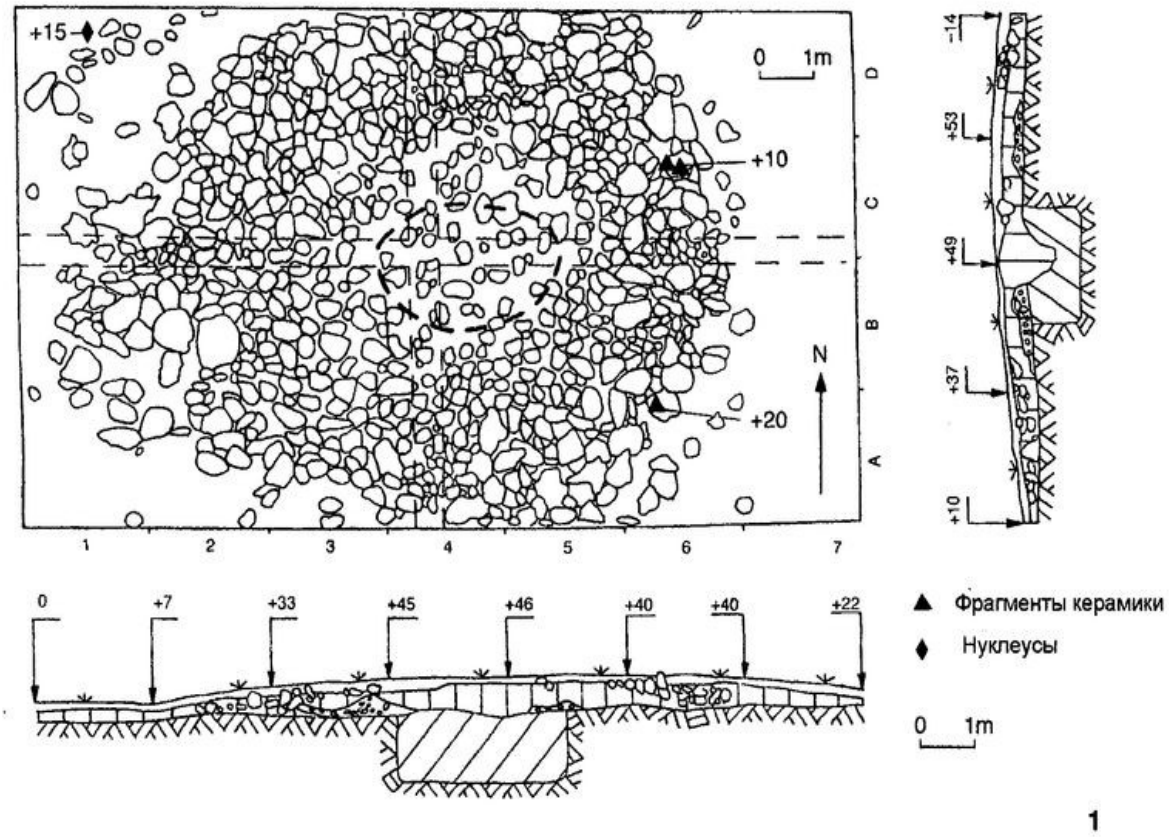

+15
0 1m
+10
+20
N
A
B
C
D
1
2
3
4
5
6
7
-14
+53
+49
+37
+10
0
+7
+33
+45
+46
+40
+40
+22
Фрагменты керамики
Нуклеусы
0 1m
1
95 cm
52 cm
0–105 cm
Охра
N
0 50 cm
2

Рис. 3

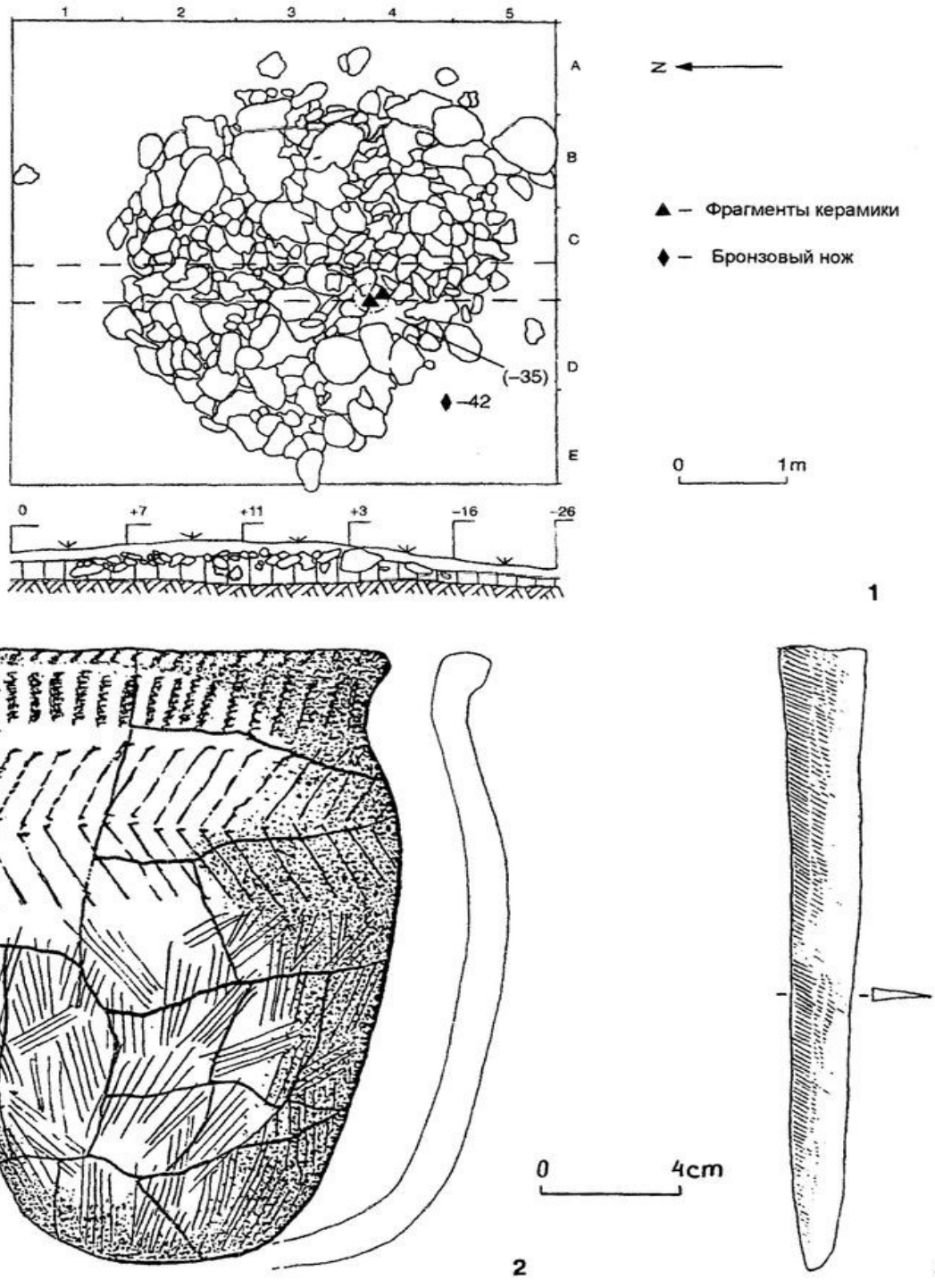

1
2
3
4
5
A
B
C
D
E
N
▲ – Фрагменты керамики
♦ – Бронзовый нож
(–35)
♦–42
0
1m
0
+7
+11
+3
–16
–26
1
0
4cm
2
3

Рис. 4

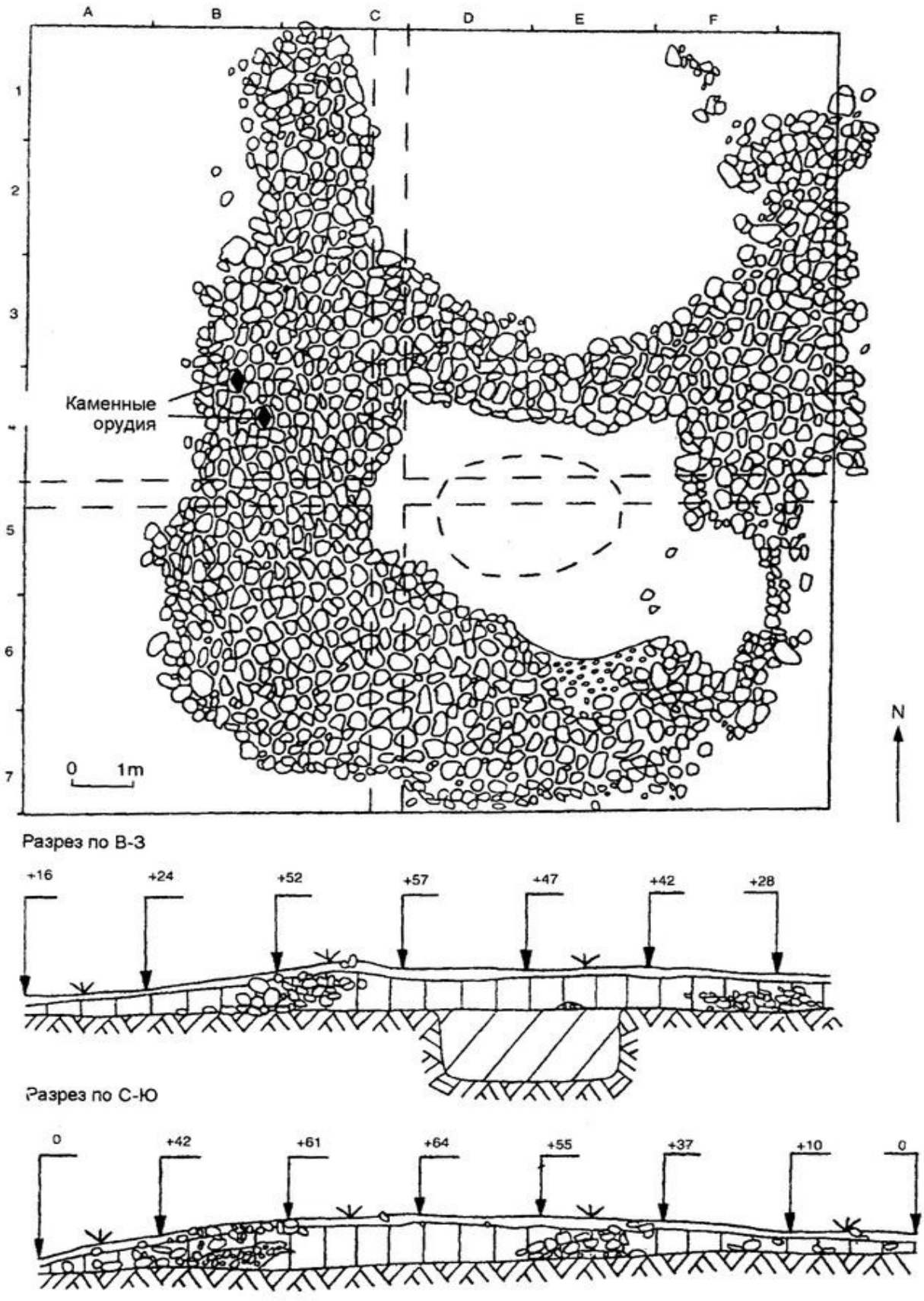

A
B
C
D
E
F
1
2
3
5
6
7
Каменные орудия
0 1m
N
Разрез по В-З
+16
+24
+52
+57
+47
+42
+28
Разрез по С-Ю
0
+42
+61
+64
+55
+37
+10
0

Рис. 5

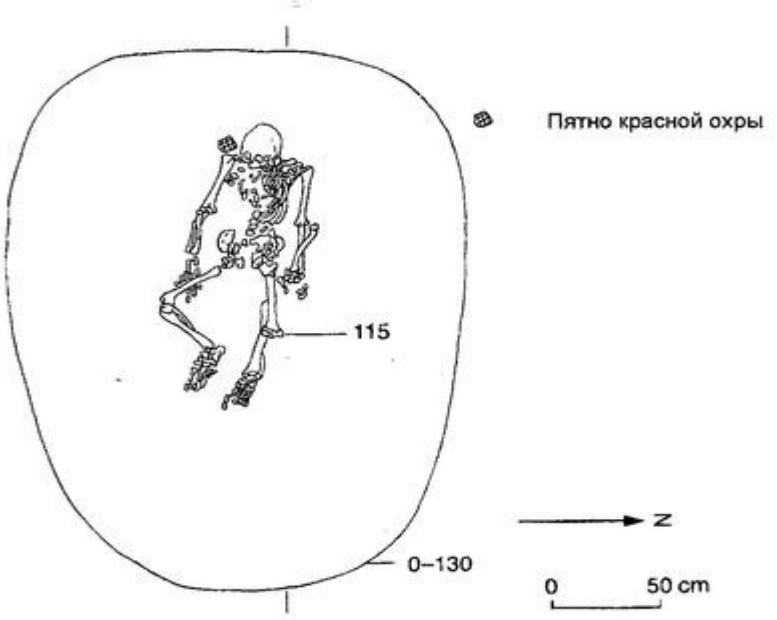

Пятно красной охры
115
0–130
Z
0
50 cm

Рис.6

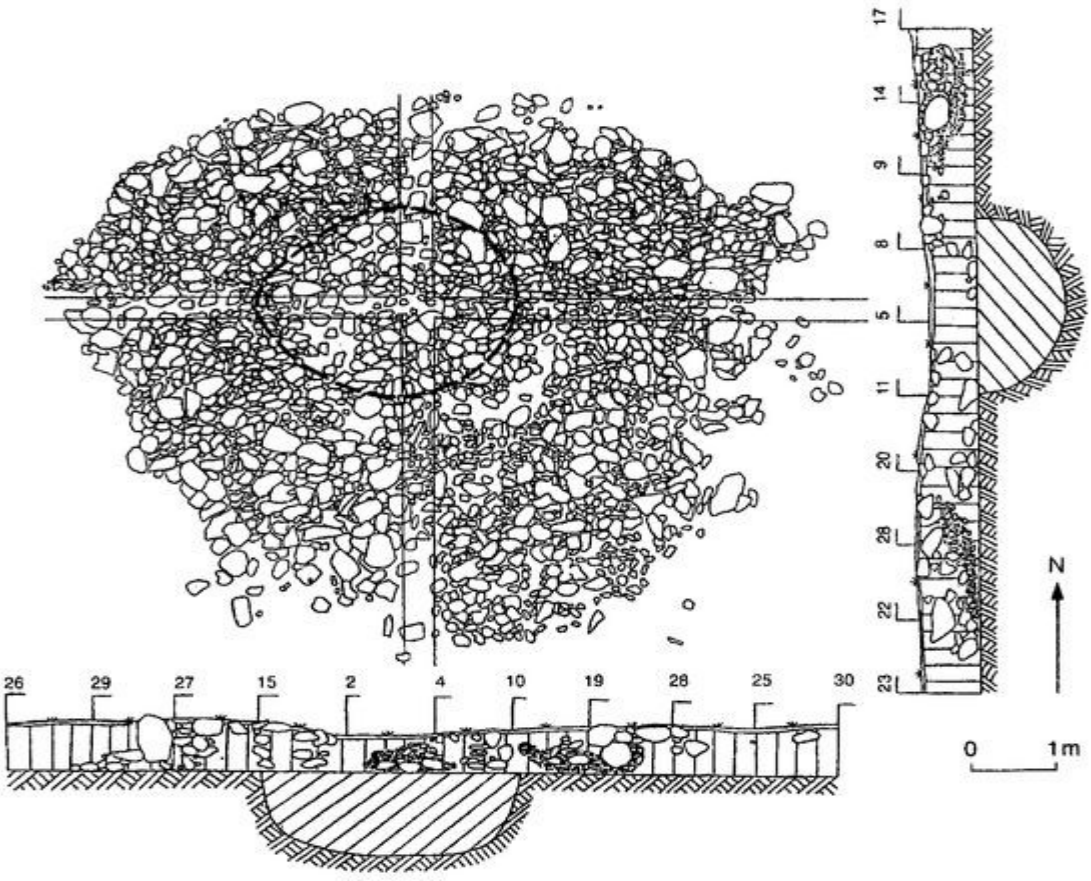

26
29
27
15
2
4
10
19
28
25
30
17
14
9
8
5
11
20
26
22
23
N
0
1m

Рис.7

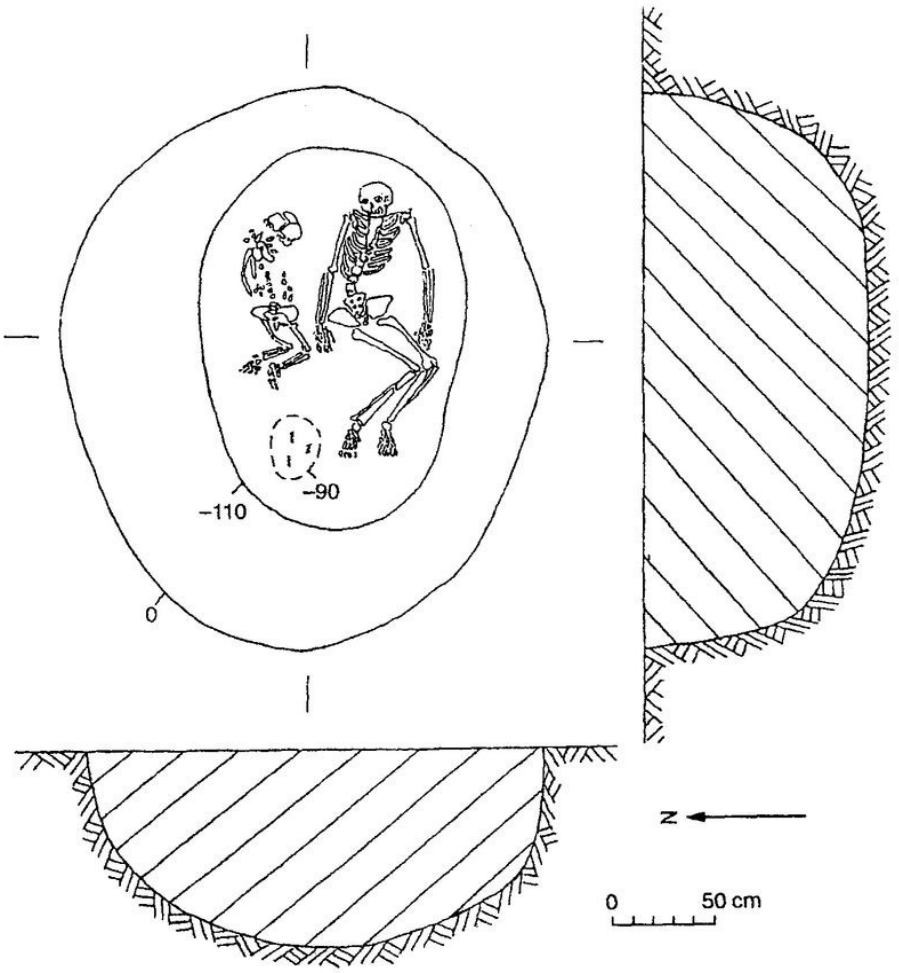


Рис.8

эпоху поздней бронзы. Возможно, именно с погребением "скорченника" в этом кургане и связаны фрагменты керамики, заметно отличающейся от афанасьевской. Она (см. рис. 14, 4, 8-10), как и наконечник копья, может быть, является инвентарем "поминального" жертвенника, устроенного населением эпохи поздней бронзы в насыпи соседнего кургана 2 афанасьевской культуры. Необходимо также упомянуть своеобразную черту погребального ритуала, характерную для всех сейминско-турбинских некрополей: у могил часто втыкались в землю копья, от которых сохранялись бронзовые наконечники (Черных Е.Н., Кузьминых СВ., 1989, с. 20). Возможна и другая интерпретация этой находки: наконечник из насыпи кургана 2 относится к завершающему этапу афанасьевской культуры и непосредственно связан с нарушенным погребениям в том же кургане. В таком случае соотнести дату наконечника и остальных материалов погребений можно, лишь принимая критикуемую нами концепцию о сохранении афанасьевской культуры в горном Алтае до ранне-скифской древности. Более достоверным представляется первое предположение. Правомерность такого заключения покажут дальнейшие исследования на Алтае идентичных памятников.

Таким образом, материалы новых памятников энеолита-бронзы Средней Катуни представляют исключительный интерес. Здесь впервые отмечено появление новых типов керамических сосудов и оригинальной орнаментации, бронзовых раритетов и наличие дополнительных "поминальных" сооружений. Раскопки погребальных памятников этой эпохи следует продолжить.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. - Барнаул: АГУ, 1982. - С. 52-77.
2. Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая, - Барнаул: АГУ, 1994. - С 24-36.
3. Берс Е.М, Из раскопок в Горном Алтае у устья р, Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск: Наука, 1974. - С. 18-31.
4. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. - Л.: Наука, 1986. - 180с.
5. Владимиров Н.В., Цыб СВ. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1982. - С. 55-62.
6. Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. - М.: Наука, 1971. - Вып В3-12.
7. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск: Наука, 1988. - 172с.
8. Кубарев В.Д. Каракольскме сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. - Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. - С. 47-48.
9. Кубарев В.Д. Датировка петроглифов по находкам из погребальных комплексов Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. - Кемерово; КГУ, 1993 - С. 104-112.

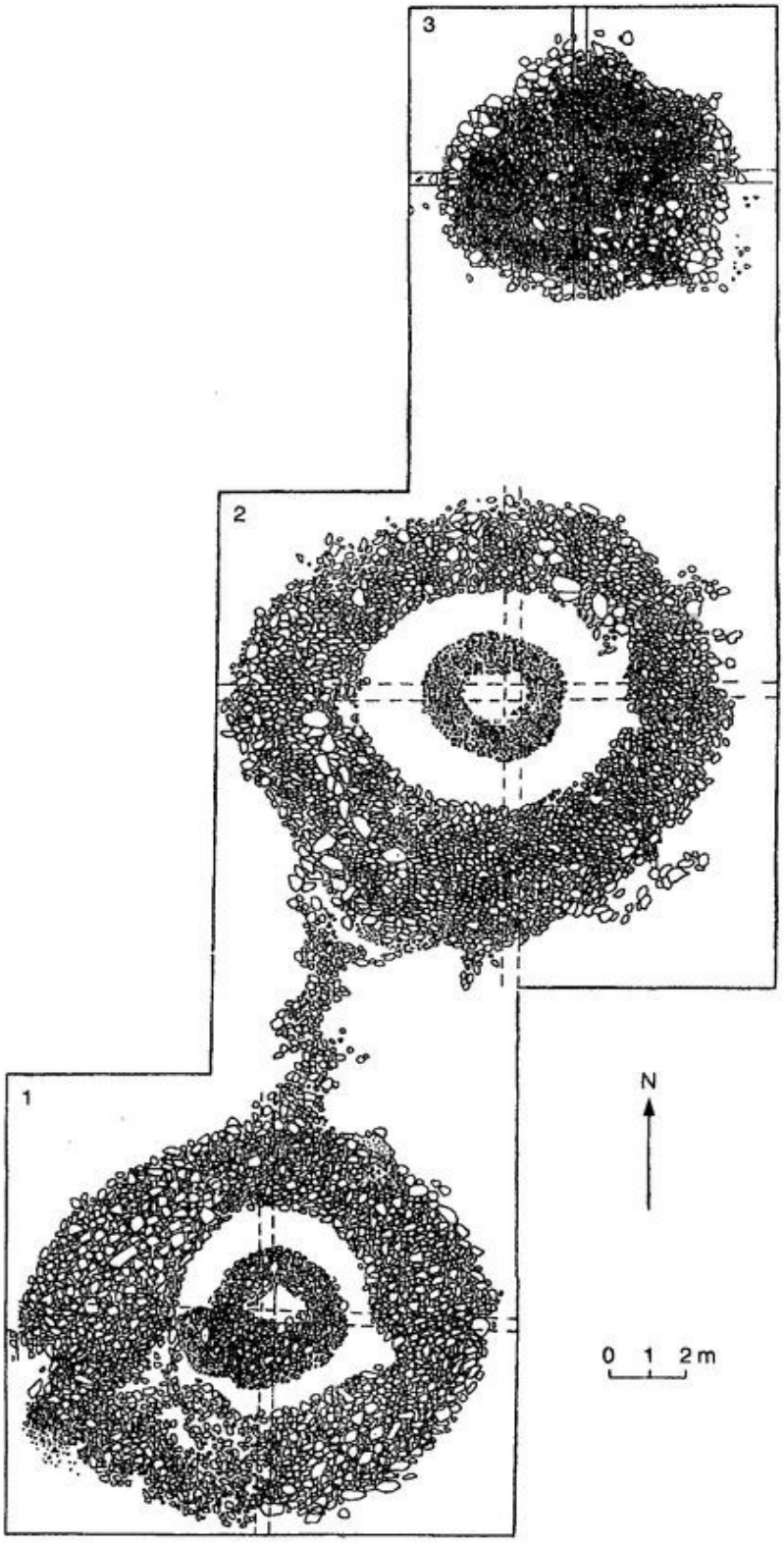


Рис.9

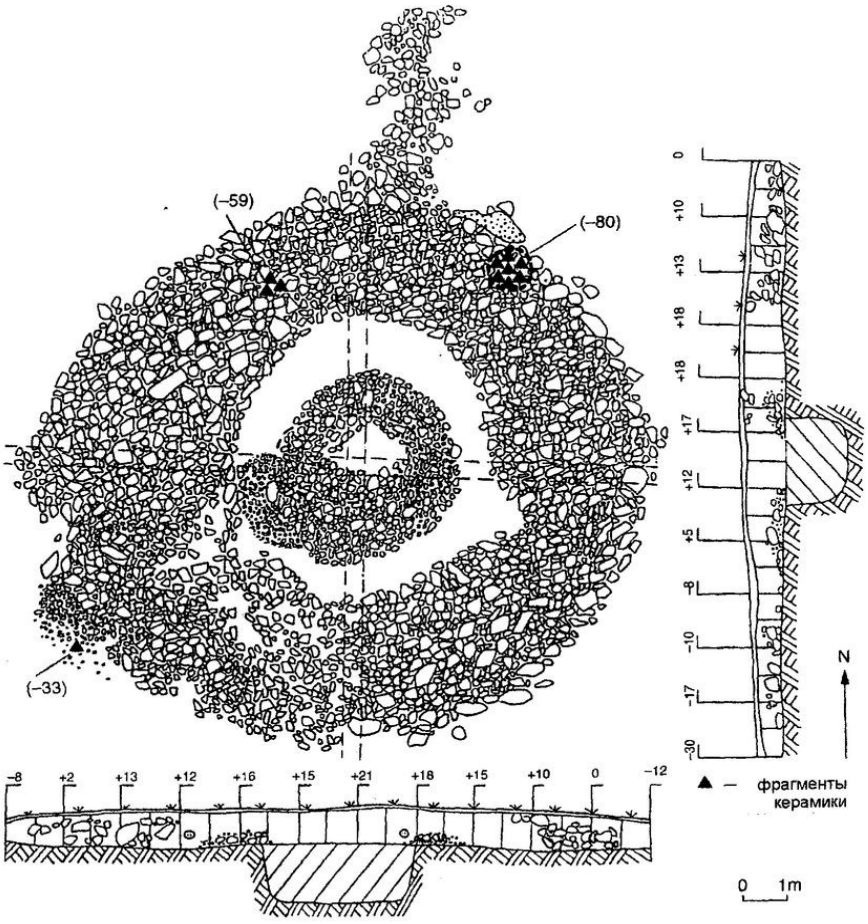


Рис.10

10. Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты //Археоло-гические исследования в Горном Алтае в 1980-1983 гг. - Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1984. - С. 90-109.
11. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 43-95.
12. Кубарев В.Д.,Ларин О.В., Суразаков А.С. Древние росписи Бешозека. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии.- Горно-Алтайск: ГАГПИ , 1992. - С. 45-46.
13. Кудрявцев П.И., Эбель А.В. Погребения эпохи бронзы из Озерного// Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. - Красноярск: КГПИ, 1991. - Т.2. - С. 36-37.
14. Молодин В.И. Проблемы бронзового века Горного Алтая (итоги и перспективы) // Эпоха камня и палеометал-ла азиатской части СССР - Новосибирск: Наука, 1988. - С. 50-56.
15. Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. - Барнаул: АГУ, 1985 - С. 50-73.
16. Новых Л. В. К вопросу о бронзовом веке Красноярской лесостепи // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). - Кемерово: КГУ, 1989. - С. 20-21.
17. Погожева А.П.,Кадиков Б.Х. Раскопки многослойного поселения Кара-Тенеш в 1976 году // Источники по археологии Северной Азии (1935-1976 гг.). - Новосибирск: Наука, 1980. - С. 112-120.
18. Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск (Северная Азия). - Новосибирск: Наука, 1980. - С. 92-98
19. Суразаков А.С Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. С. 3-22.
20. Степанова Н.Ф Поселение Малый Дуган - памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири - Барнаул: АГУ, 1990. - С. 73-66.
21. Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая //СА.-1975. - N 1. - С. 17-33.
22. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Азии. - М.: Наука, 1989. - 320с.
23. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской культуры. - М.: Наука, 1972. - 248 с.
24. Членова Н.Л. Нижняя Коя - новый могильник карасукской эпохи в Минусинской котловине // СА. - 1979. - N 3. -С 132-140.
25. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая //Автореф. канд. дисс. - Кемерово, 1984. - 19с.
26. Цыб С.В. Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - Барнаул: АГУ, 1988. - С. 163-164.

Список иллюстраций к статье Кубарева В.Д., Черемисина Д.В., Слюсаренко И.Ю.

Рис 1. Урочище Бике на Катуни. Топография
Рис. 2 Могильное поле Бике. Раскопы 1989 и 1990 гг.
Рис. 3 Бике I. Курган 31. 1. План и разрезы насыпи. 2. План погребения.
Рис. 4. Бике I. Курган 32. 1. План и разрез насыпи. 2. Керамический сосуд. 3. Бронзовый нож.

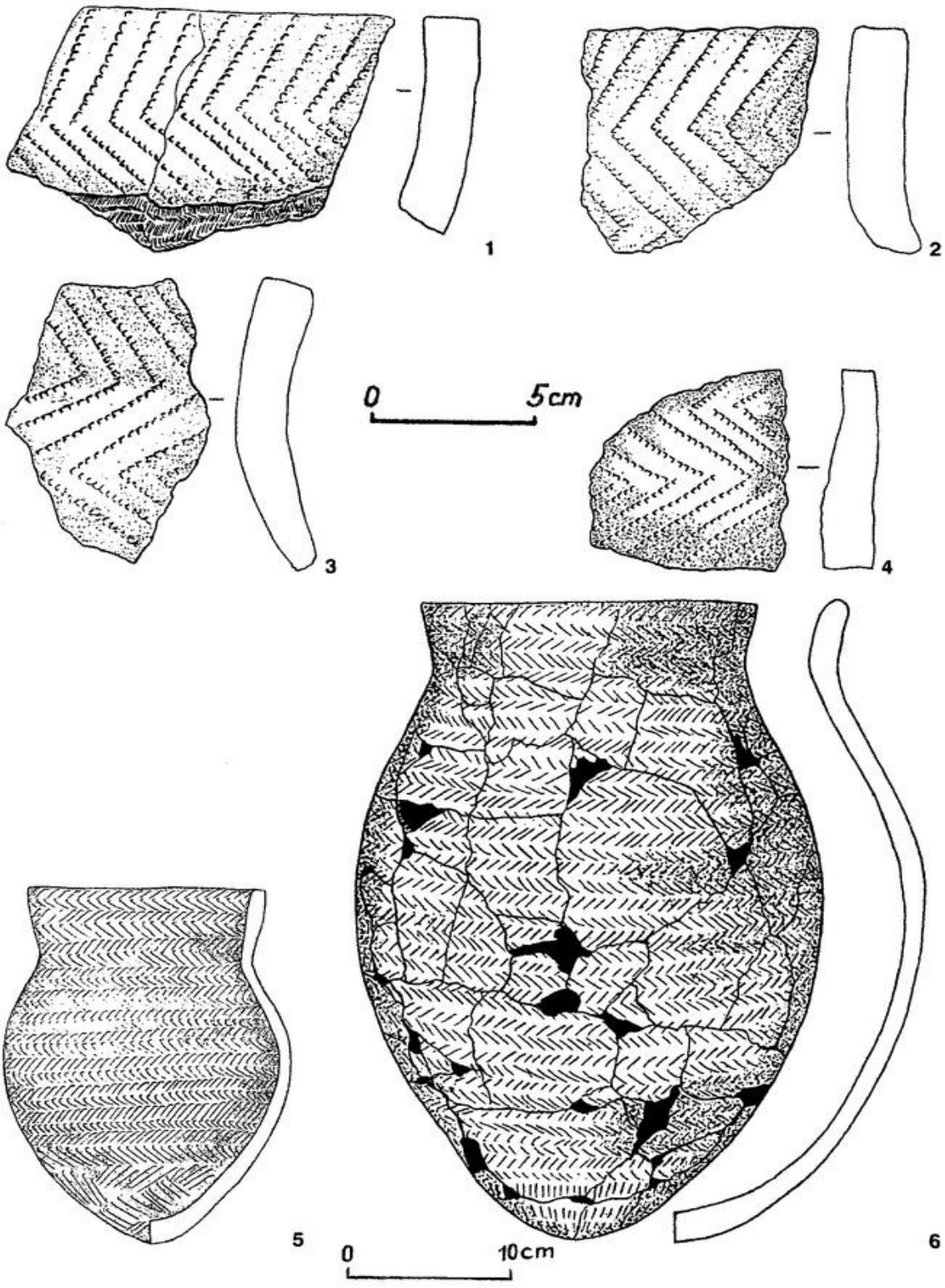


Рис. 11

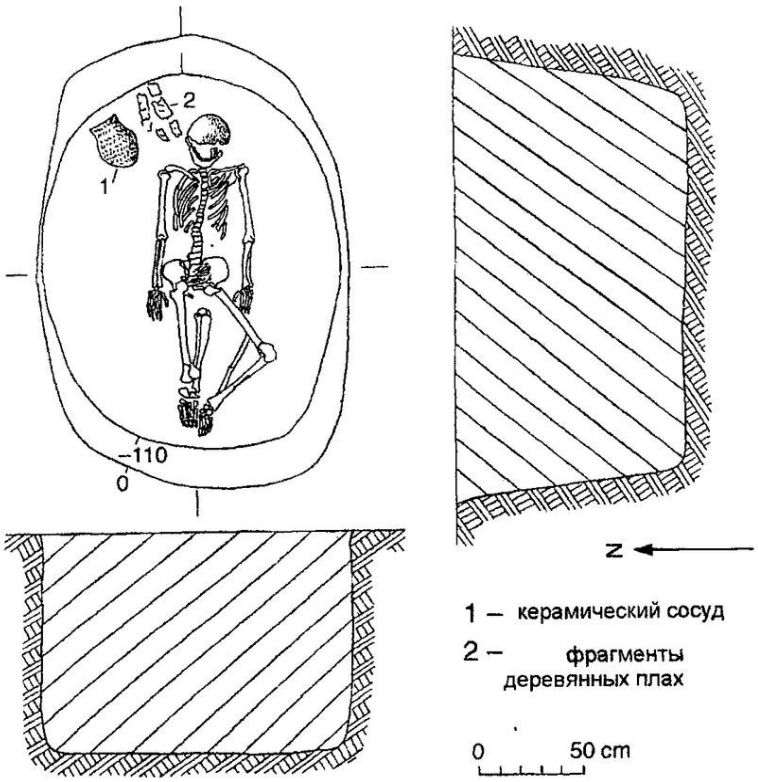


Рис.12

Рис 5. Бике I. Курган 34. План и разрезы насыпи.
Рис. 6. Бике I. Курган 34. План погребения.
Рис. 7. Бике I. Курган 35. План и разрезы насыпи.
Рис. 8. Бике I Курган 35. План погребения.
Рис. 9. Бике II. План раскопа могильника.
Рис. 10. Бике II. Курган 1. План и разрезы насыпи.
Рис. 11 Бике II. Курган 1. Инвентарь: керамика.
Рис. 12. Бике II. Курган 1. План погребения
Рис. 13. Бике II. Курган 2. План и разрезы насыпи.
Рис 14 Бике II. Курган 2. Инвентарь, фрагменты керамических сосудов из насыпи кургана. Рис. 15. Бике II. Курган 2. Инвентарь. 1. Бронзовый наконечник копья. 2-3. Керамические сосуды. Рис. 16. Бике II. Курган 2. План погребения.
Рис 17. Бике II. Курган 3. 1. План и разрезы насыпи. 2. План погребения.

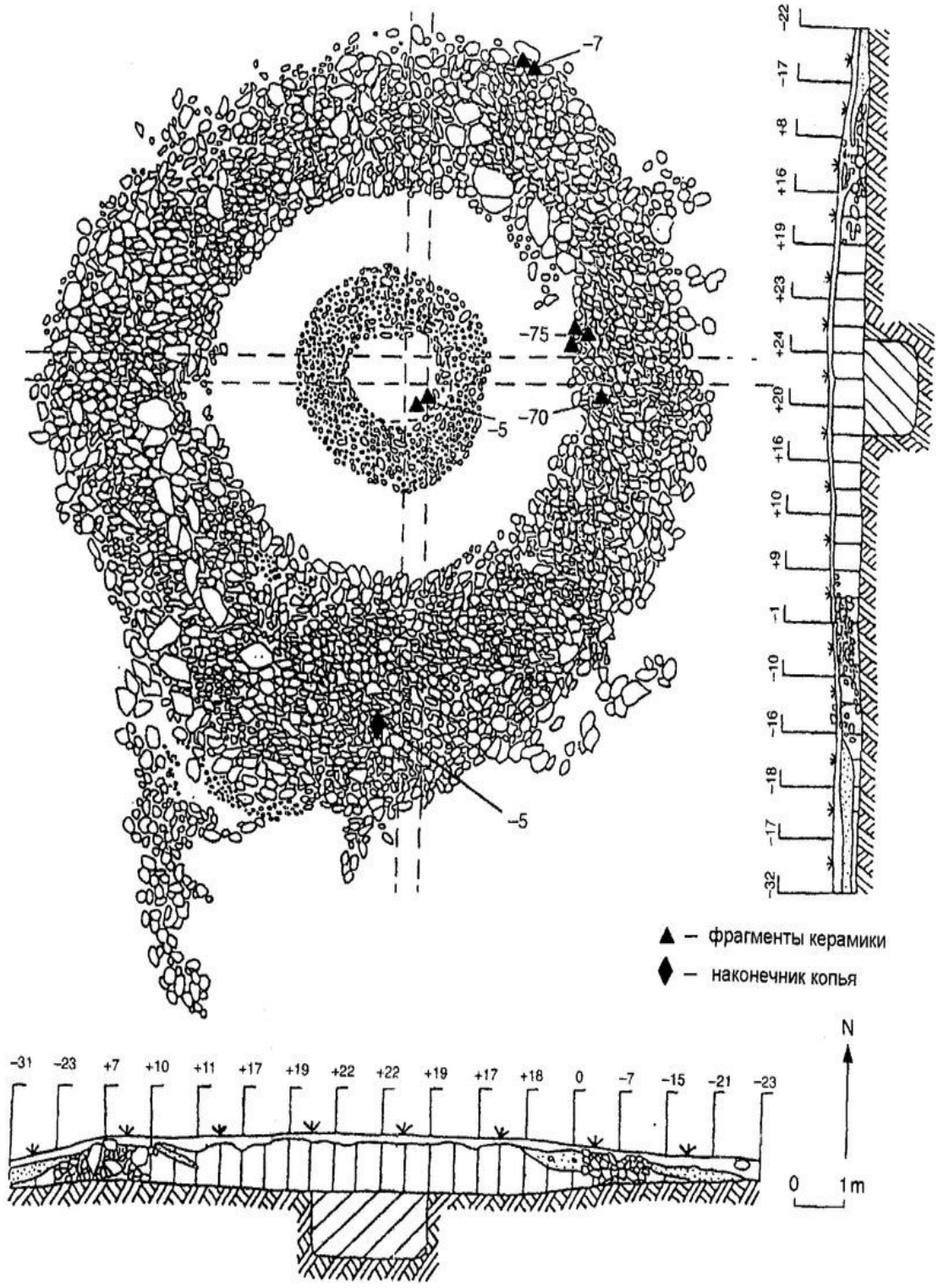

-7
-75
-70
-5
-5
-22
-17
+8
+16
+19
+23
+24
+20
+16
+10
+9
-1
-10
-16
-18
-17
-32
▲ – фрагменты керамики
♦ – наконечник копья
N
-31 -23 +7 +10 +11 +17 +19 +22 +22 +19 +17 +18 0 -7 -15 -21 -23
0 1m

Рис. 13

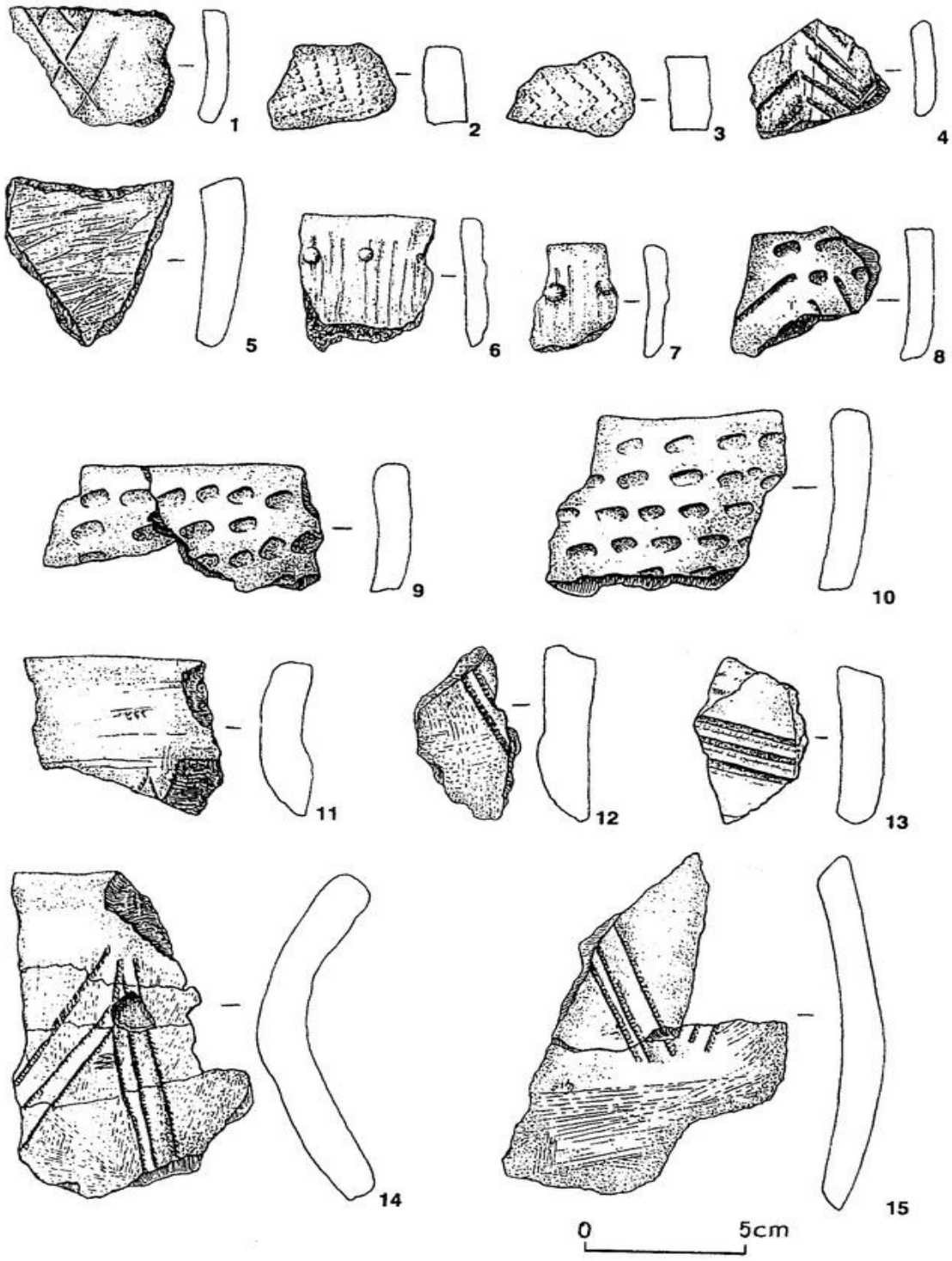


Рис. 14

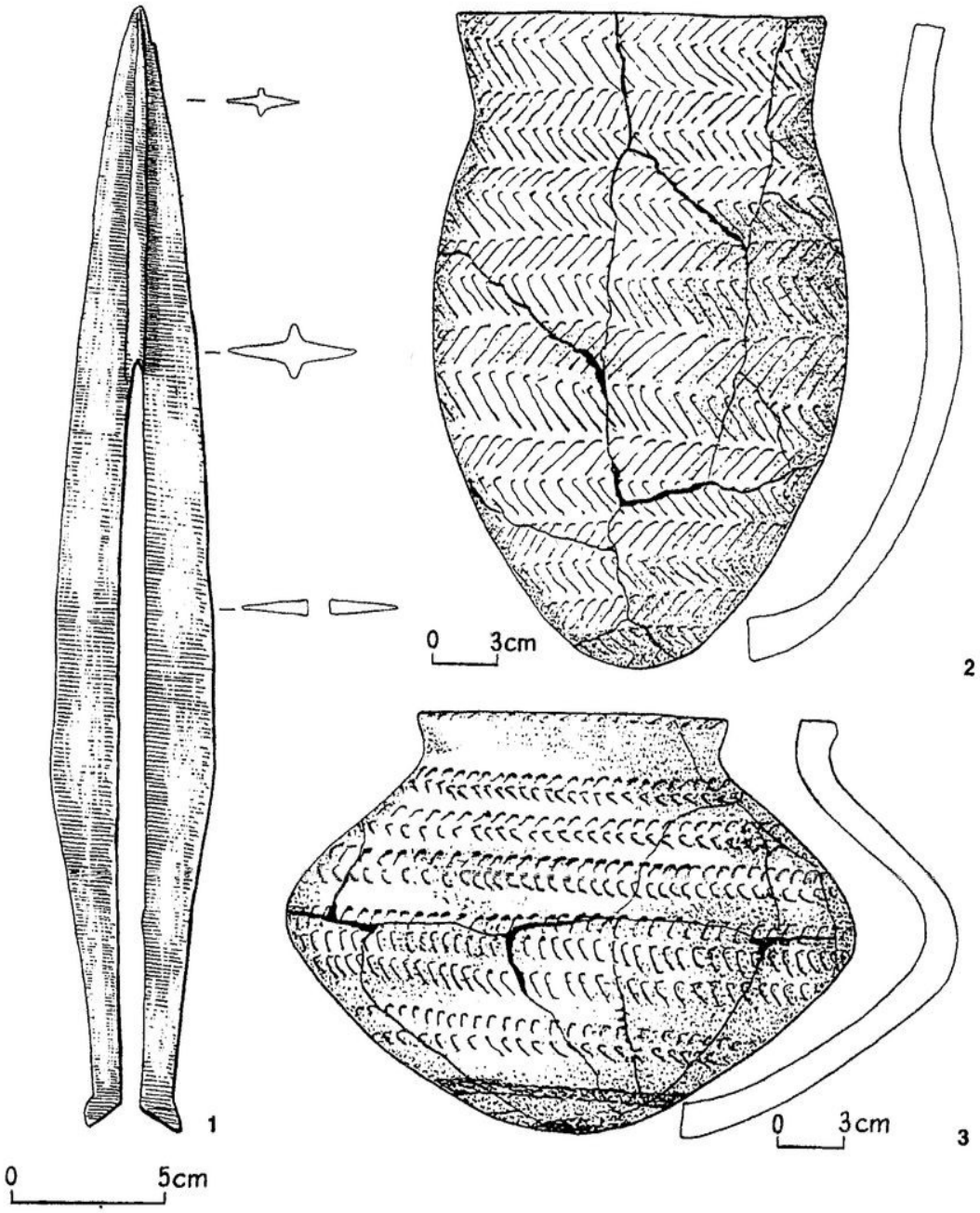


Рис. 15

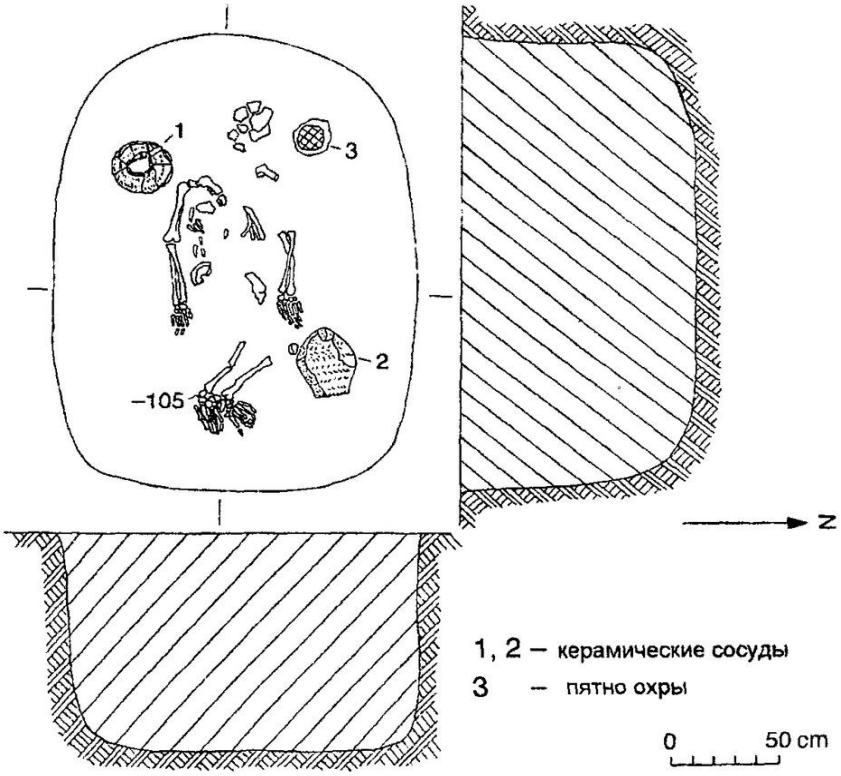
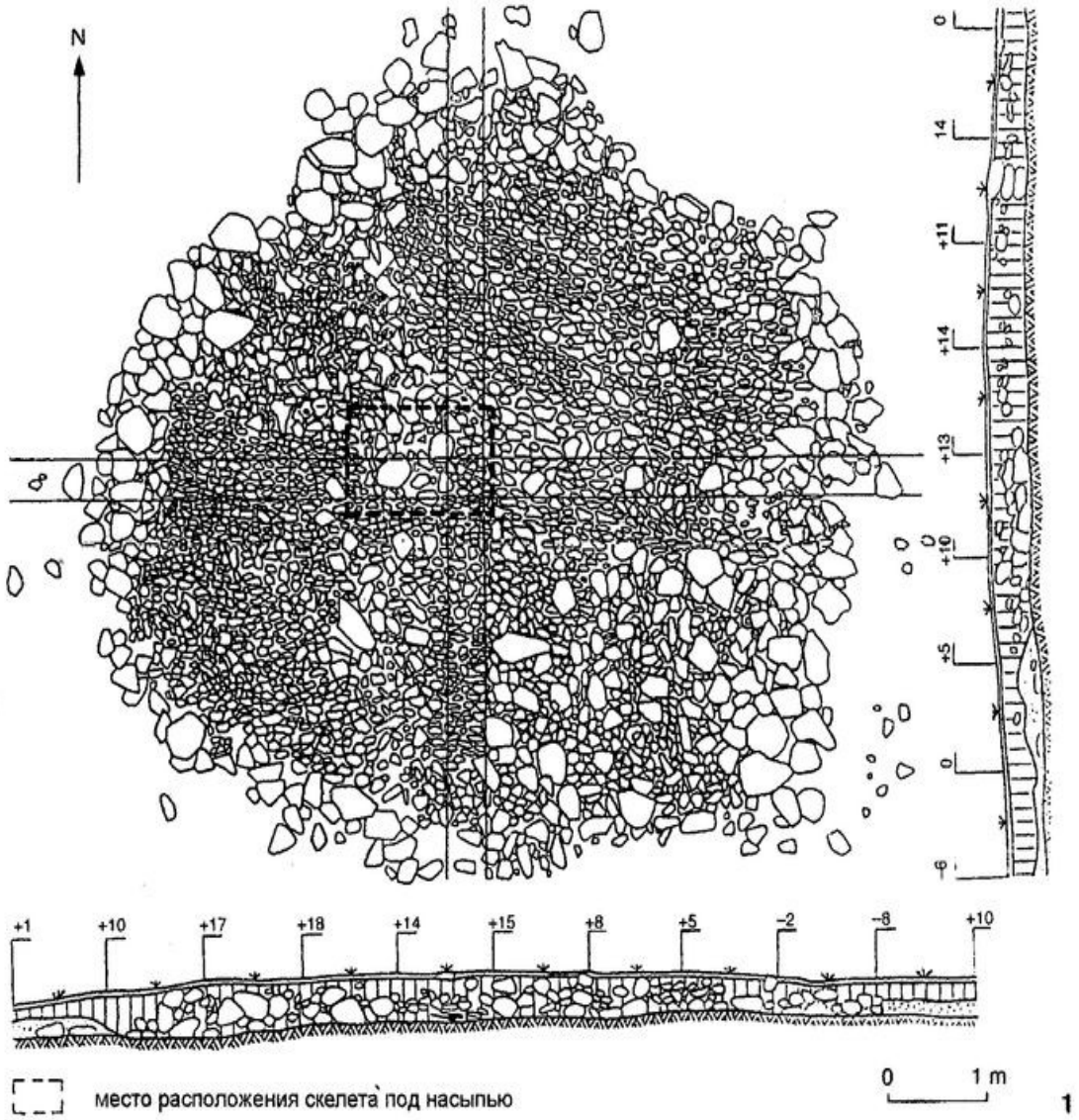


Рис.16


N
0
14
+11
+14
+13
+10
+5
0
φ
+1
+10
+17
+18
+14
+15
+8
+5
-2
-8
+10
место расположения скелета под насыпью
0
1 m
1

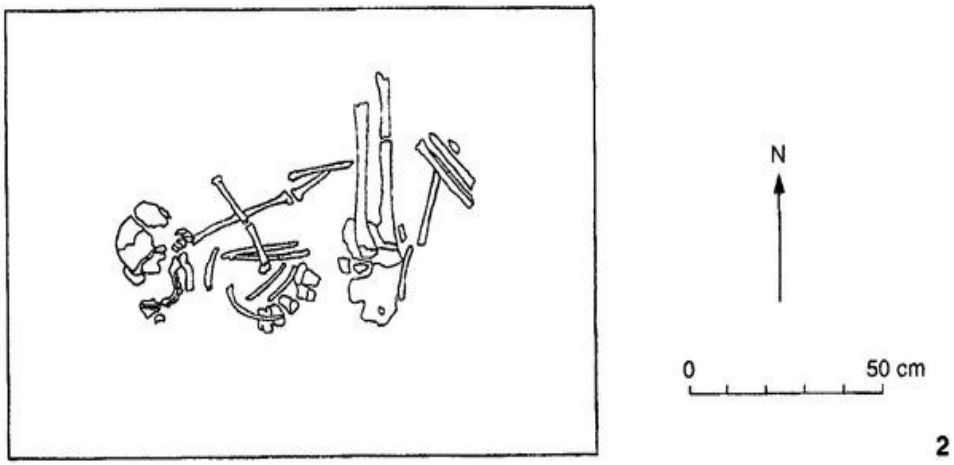

N
0
50 cm
2

Рис. 17

Степанова Н.Ф.
(г. Барнаул)

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

Памятники эпохи бронзы в Горном Алтае (помимо афанасьевских) были открыты лишь во второй половине 70-х гг.

В 1976 г. в пос. Озерный Онгудайского района при строительстве клуба разрушено погребение в каменном ящике. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на З. Из инвентаря, по словам местных жителей, найдены плоскодонный баночный сосуд с гребенчатым орнаментом (рис. 3-6), обломки медной пластины и литейной формы (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979, с. 80; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982). Позднее здесь в двух оградах раскопано еще несколько захоронений. Одна оградка прямоугольной или квадратной формы из вкопанных на ребро сланцевых плит. Умерших укладывали в каменные ящики (6) вытянуто на спине (2), головой на З (1) и СЗЗ (2). В погребениях зафиксированы остатки охры (6) и бересты (5), рисунки на плитах (5). В общей сложности похоронено 4 взрослых человека и 4 ребенка (Погожева А.П., Кадиков Б.Х, 1979, с. 80-84; Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 49-51).

В 1976 и 1978 гг. проводились раскопки на поселении Кара-Тенеш в Чемальском районе. Часть найденной керамики - плоскодонные баночные сосуды с толстыми стенками или сосуды с одутловатым туловом и плавно профилированным венчиком, орнаментированные отступающей палочкой, реже гребенчатым штампом, по венчику рядом защипов и вдавлений, реже встречаются взаимопроникающие фигуры, ромбы, сетки. По мнению авторов раскопок, этот керамический комплекс ближе всего напоминает материалы кротовской или самусьской культур, однако ни к одной из этих культур его отнести нельзя (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1980, с. 199-216; Погожева А.П., Молодин В.И., 1980, с 92-98).

В 1978-79 гг. на поселении Лебедь-I в Турочакском районе получена коллекция керамики, представленная большими тонкостенными плоскодонными сосудами с чуть профилированным туловом. Внешний край венчика орнаментирован отпечатками косопоставленного гребенчатого штампа, тулово орнаментировано косопоставленными прочерченными линиями или параллельными зонами рядов косопоставленных насечек и т.д. Авторы работ сравнивают этот комплекс керамики с материалами памятников крохалевского типа Новосибирского Приобья и смирновского типа Кузбасса (Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т., 1982, с. 18-23; Молодин В.И., 1993, с. 40).

В 1977 г. как археологический памятник была открыта Денисова пещера в Усть-Канском районе. Здесь найдены изделия из металла, камня, обломки глиняных сосудов, датируемые развитой и поздней бронзой (Деревянко А.П., Васильевский Р.С., Молодин В.И., 1985; Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994).

В 1979 г. на могильнике Кара-Коба-I в Онгудайском районе раскопано погребение: в прямоугольной ограде из вертикально поставленных плит, в каменном ящике похоронен ребенок, который был завернут в бересту (Степанова Н.Ф., Цыб С.В., 1996, с. 59-63).

В 1985 г. при производстве земляных работ в с. Каракол Онгудайского района обнаружен курган, где раскопано три погребения каракольской культуры и одно афанасьевской. Каракольцев хоронили в каменных ящиках вытянуто на спине, головой на З. Во всех захоронениях отмечена охра и в двух — рисунки на плитах (Кубарев В.Д, 1988, с. 7).

В 1986 г. у с. Ело Онгудайского района на могильнике Улита в одной ограде раскопаны две могилы, одна из которых афанасьевской культуры, вторая — эпохи бронзы. Погребение эпохи бронзы совершено в грунтовой могиле, умерший уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Из инвентаря найден плоскодонный баночный сосуд (рис. 2-3) и изделие из камня. Здесь же к ограде пристроен каменный ящик, в котором похоронены взрослый человек и подросток. Первый уложен на спине, головой на ЮЗ. Поскольку его череп разрушен камнями, составляющими кладку внутренней части ограды, авторы раскопок предположили, что сооружение ящика по времени предшествовало сооружению ограды (Мамадаков Ю.Т., Цыб СВ., 1991, с. 57-59; Цыб СВ., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., 1998).

В 1987 г. начаты раскопки поселения Малый Дуган в Чемальском районе. В результате работ получена коллекция керамики, представленная баночными иторшковидными плоскодонными сосудами. Орнамент нанесен прокатыванием, реже протаскиванием и штампованием (рис. 2-4). Орнаментальные композиции составляют горизонтальные ряды отпечатков гребенчатого штампа, образующие елочку, реже сетку, иногда разделяются прочерченными линиями и др. На нескольких изделиях по венчику, реже у самого дна имеется ряд жемчужника (Степанова Н.Ф., Пугачев Д.А., 1989, с, 37-39; Степанова Н.Ф., 1990, с. 73-86; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1998, с.245-246).

В 1989 г. в с. Беш-Озек Шебалинского района исследовано разрушенное погребение в каменном ящике. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на З. В захоронении прослежены остатки охры и рисунки на плитах. Из инвентаря найдены обломок лезвия бронзового ножа, оселок, каменная пластина с заточенной частью (Кубарев В.Д, Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992, с 45-47; Суразаков А.С, Ларин О.В., 1994, с. 31-38, 206-209).

С конца 80-х гг., в связи со сплошным обследованием в зоне предполагаемого строительства Ка-тунской ГЭС в Чемальском районе, проведены раскопки на нескольких поселениях, на которых выявлены комплексы керамики эпохи бронзы. В частности, в устье р. Куюм проводятся раскопки с 1987 г. Один из керамических комплексов датирован елунинской культурой. Сосуды орнаментированы шаганием с протаскиванием и шаганием инструментами с крупными зубцами (рис. 2-1; 3-7,8) (Кунгурова Н.Ю., 1992, с. 3-22; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф., 1997, с. 36-41).

В устье р. Тыткескень на поселениях Тыткескень-2,3,6 также получены керамические комплексы, представленные плоскодонными баночными сосудами (Кирюшин ЮФ, Кунгуров А.Л., Долинин Е.В., Кирюшин К.Ю. 1992, с. 39-40; Кирюшин Ю,Ф., Кунгуров А.Л., 1994, с. 111-123; Кунгуров А.Л., 1994, с. 43-58). На поселении Тыткескень 2 найдено более 10 сосудов. Наиболее распространенный способ нанесения орнамента - прокатывание, реже - накалывание, Оттиски штампов образуют горизонтальные ряды елочки или сетки, иногда разделенные прочерченными линиями (рис.3-1,2). На поселении Тыткескень 6 найдено около 10 сосудов, Орнамент нанесен преимущественно прокатыванием, реже накалыванием, в одном случае шаганием с

прокатыванием (рис. 3-3,4) (Кирюшин Ю.Ф, Степанова Н.Ф., 1998, с.246-247).

На поселении Сары-Бел, находящемся также неподалеку от устья р. Тыткескень, получен небольшой керамический комплекс, представленный в т.ч. и баночными сосудами, орнаментированными прокатыванием и накалыванием, а по венчику жемчужником (рис. 2-5,6) (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1995, с. 6-19).

С 1987 г. велись исследования памятника Кучерла I в Усть-Коксинском районе. Керамический комплекс эпохи бронзы представлен плоскодонными открытыми банками. Венчик орнаментирован рядом жемчужин, все тулово украшено рядами горизонтальной елочки, а плоское дно - замысловатым узором. По мнению авторов, данная коллекция относится к эпохе развитой бронзы, но отличается от находок из 10 слоя Денисовой пещеры и погребения у лос.Озерный (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1991. с. 5).

В 1992 г. исследован погребальный комплекс Бертек-56 в Кош-Агачском районе. Это курган из крупных валунов, напоминающих плоскую вымостку, обнесенную круглой оградой. В центре сооружения обнаружены два погребения - взрослого и ребенка в конструкции, представляющей собой подобие цисты: две длинные стенки, между которыми помещался на правом боку вытянуто погребенный, головой почти строго на запад (Молодин В.И., 1993, с. 17-19).

На могильнике Сальдяр в Онгудайском районе раскопано погребение каракольского типа. Оно совершено в каменном ящике, впущенном в яму и ориентированном по линии В-З (Ларин О.В., 1995, с, 121)

Кроме вышеперечисленных памятников к эпохе бронзы относятся случайные находки из разных районов Горного Алтая (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х, 1982; Киреев СМ., Кудрявцев Л.И., 1988 и др.) и отдельные находки с памятников, на которых произведены раскопки. Например, фрагменты керамики найдены в Нижнетыткескенской пещере-! (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф,, 1995), бронзовый наконечник копья - на Бике-И, к. 2 (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюса-ренко И.Ю., 1992), Фрагменты керамики получены из сборов с поселений Б. Дуган, Узнезя-мост в Чемальском районе (Степанова Н.Ф., 1995, с. 62-66), Ламах-2 в Усть-Канском районе (Мамадаков Ю.Т., Цыб СВ., 1990, с. 44-45; Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., 1998) и др. Известны и другие памятники, на которых получены материалы эпохи бронзы, но результаты раскопок пока не опубликованы. Помимо этого существуют памятники, датировка которых определена в широких пределах, например, оградка из Элекманара (Чемальский район) - от позднего этапа афанасьевской культуры до эпохи поздней бронзы (Степанова К.Ф., 1993, с. 97) и др.

В цепом в Горном Алтае известно более 20 памятников эпохи бронзы, не считая петроглифов и местонахождений. Несмотря на то, что большинство раскопанных могильников разрушены и погребальный обряд полностью не реконструирован, основные признаки, характерные для памятников этого периода, все же можно выделить.

Известно несколько видов надмогильных конструкций: ограды из вертикально поставленных плит прямоугольной или квадратной формы - Озерное, Кара-Коба-I, о. 4; насыпь из крупных валунов, обнесенная круглой оградой, - Бертек-56. В Улите ограда была круглой формы из вертикально поставленных плит, однако поскольку здесь, как и в Караколе, наряду с захоронениями бронзы было афанасьевское, не исключено, что оградку могло соорудить афанасьевское население. Захоронения совершались в каменных ящиках (14) - на могильниках Каракол, Озерное, Беш-Озек, Сальдяр, Улита, в сооружении на подобии цисты - Бертек-56 (1), в грунтовых могилах (1) - Улита. Умерших укладывали вытянуто на спине (7) - Каракол, Озерное, Беш-Озек, Улита, вытянуто на правом боку (1) - Бертек-56, головой на З (4) - Каракол, Озерное, Бертек-56, ЗСЗ (1) - Озерное; ЮЗ (1) - Улита. В 11 погребениях зафиксирована охра - на могильниках Озерное, Каракол, Беш-Озек. Улита, рисунки на плитах (7) -Озерное, Каракол, Беш-Озек, остатки бересты (7) - Озерное, Кара-Коба-I, о. 4, плоскодонная керамика (2) - Озерное, Улита. Судя по всему, каменные ящики, положение умерших вытянуто на спине, наличие охры, бересты, рисунков на плитах, баночных сосудов, можно считать основными признаками для погребальных комплексов эпохи бронзы Горного Алтая и каракольской культуры в частности. В то же время очевидно, что исследованы разнотипные могильники, как, например, Озерное и Улита. Однако по количеству преобладают памятники каракольской культуры (Озерное, Каракол, Беш-Озек, Кара-Коба-I, о. 4, Сальдяр, п. 33).

На основании материалов погребальных комплексов уже был поставлен вопрос о передатировке памятников арагольского типа: Арагол, к. 1,4, Теньга II, Карасу II, Улаган (Степанова Н.Ф., 1994).

На могильнике Арагол (Упаганский район) раскопано несколько курганов, два из которых (курганы 1 и 4) могут относится к указанному периоду. Захоронения совершены в грунтовых могильных ямах, в кургане 4 могила имела заплечики и перекрыта бревенчатым накатом. Умершие уложены вытянуто на спине, головой на СВ и В. В обеих могилах отмечена подсыпка из охры, а в кургане 1 оба погребенных находились на подстилке из лиственничной коры и ею же были перекрыты. В позвонке одного из них обнаружен кремневый наконечник стрелы (Руденко СИ., 1926; Хлобыстина М.Д., 1975).

Могильник Теньга II (Онгудайский район) представлял собой одиночный земляной курган с кре-пидной каменной насыпью (оградка-стенка) диаметром 12 м. Кольцо-крепида сложено из двух-трех рядов крупного рваного камня, уложенного на древнем горизонте; ширина кольца около 2 м. Прямоугольная яма глубиной 0,9 м от уровня древнего горизонта, перекрыта продольным накатом из бревен. Погребен мужчина, уложенный вытянуто на спине, головой на СВ. Зафиксированы остатки охристой и углистой подсыпки. Вещей не найдено (Могильников В.А., 1987, с. 23-26).

Курган Карасу II (Онгудайский район) имел каменно-земляную насыпь с кольцом из камней, грунтовую могильную яму, перекрытую поперечным накатом из бревен. Погребены 2 человека, уложенные вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Прослежена охристая и углистая подсыпка (Могильников В.А., 1987, с. 26).

Могильник Улаган расположен на правом берегу р. Балыктыюль в Улаганском районе. В кургане 2 было впускное и основное захоронения. Последнее частично разрушено впускным. Погребенный из верхнего захоронения находился на глубине 0,7 м, уложен вытянуто на спине, головой на З, под ним сильная углистая прослойка, а в ногах найдены остатки черепа ребенка. Основное захоронение совершено на глубине 1,4 м. Мужчина уложен вытянуто на спине, головой на С. Кости окрашены охрой. В ногах умершего находилось 2 сосуда: остродонный и плоскодонный (рис.3-5). В насыпи кургана найден оселок (Хлобыстина М.Д., 1975, с. 24).

Поскольку основное захоронение нарушено впускным, нет уверенности, что баночный сосуд относится к основному захоронению. По погребальному обряду и впускное, и основное погребения отличаются от афанасьевских, единственное, что их может связывать с последними — это остродонный сосуд. Своеобразие последнего, правда, отмечалось исследователями (Хлобыстина М.Д., 1975; Степанова Н.Ф., 1994).

В целом для арагольского типа характерно наличие надмогильных конструкций в форме камен-но-земляных насыпей или оградок-стенок с крепидным кольцом. Погребения совершались в грунтовых могилах, обычно перекрытых бревенчатым накатом. Умерших укладывали вытянуто на спине, головой ориентировали на СВ, В и ЮЗ. Зафиксирована подсыпка из охры и углей. Из инвентаря найдены баночный сосуд, кремневый наконечник стрелы. Последний, т.к. был найден в позвонке умершего, по-видимому, инокультурного происхождения. Судя по фотографии, опубликованной С.И.Руденко, он удлиненных пропорций, с небольшой выемкой в основании (Руденко С.И., 1926, с.109).

Погребения арагольского типа имеют сходство и отличие как с афанасьевскими захоронениями, так и с каракольскими. Одно из наиболее существенных отличий от афанасьевских - положение умерших вытянуто на спине. Для афанасьевских погребенных характерно положение на спине с согнутыми в коленях ногами, реже - на правом боку с согнутыми в коленях ногами и нет ни одного совершенного вытянуто на спине (Цыб СВ., 1984; Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994 и др.).

Среди афанасьевских захоронений ориентация погребенных на СВ и В известна: Курота II, к. 2,9, Бойтыгем II, к. 1, Кара-Коба-I, о. 8, Каракол I, к. 1, Бике I, к. 35, Бике II, к. 10 (Киселев С.В., 1951, Посредников В.А., Цыб С.В., 1994; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994; Кубарев В.Д,, 1988; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1992; Кубарев В.Д., Киреев СМ., Черемисин Д.В., 1990), Однако этот признак не является типичным. Ориентация на СВ и В составляет 9,4% и 7,5% соответственно от общего числа, когда она определена. Более того, в большинстве погребений с аналогичной ориентацией отмечено наличие плоскодонной керамики - Ело-I, о. 1, Пещеркин Лог I, Курота П, к. 2, Кара-Коба-1, о. 8 (Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997; Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В., 1987, Киселев С.В., 1951; Посредников В.А., Цыб С.В., 1994), т.е. еще одного нехарактерного признака для афанасьевской культуры. Совпадение двух редких признаков заслуживает особого внимания. Возможно, наличие ориентации на СВ и В в афанасьевских и арагольских погребениях не случайно, но оно не свидетельствует в пользу датировки арагольских захоронений афанасьевской культурой.

В этой связи представляют интерес и антропологические данные. Черепа из Арагола, по описанию СИ.Руденко, европеоидные, с долихокранной мозговой коробкой, узким и высоким лицом (Руденко СИ., 1926). Отмеченные особенности строения лицевого скелета не характерны, однако, для антропологического типа афанасьевцев Горного Алтая, отличительной чертой которых является широкое и невысокое лицо (Древние культуры Бертекской долины, 1994, с.165-166).

В тоже время именно этот признак - положение погребенных вытянуто на спине - характерен для памятников эпохи бронзы, что уже отмечалось выше, Грунтовая могильная яма зафиксирована на Улите, где найден плоскодонный баночный сосуд, позволяющий датировать погребение. Так что грунтовые могильные ямы и ориентация погребенных на ЮЗ известны среди памятников эпохи бронзы. Надмогильные конструкции различаются между собой, но так как на памятниках эпохи бронзы они в большинстве случаев разрушены, их пока сложно рассматривать в качестве признака, определяющего культурную принадлежность. Основное отличие памятников арагольского типа и эпохи бронзы состоит в наличии перекрытий из дерева и ориентации умерших на СВ, В и С. Первое не может быть культуроопределяющим признаком само по себе, если нет каких-либо специфических деталей, которые можно было бы связать только с определенным типом памятников. Второе также не может быть пока серьезным аргументом против датировки указанного сооружения эпохой бронзы.

Арагольский тип памятников выделен давно и признан всеми исследователями. Проблемы существуют лишь с его датировкой: первоначально памятники были датированы неолитом (Руденко С.И., 1926) или дометаллической эпохой (Грязнов М.П., 1930), позднее признаны древнейшими афанасьевскими (Хлобыстина М.Д., 1975; Цыб С.В., 1980; 1984; Степанова Н.Ф., 1991 и др.), а затем высказано предположение, что они относятся к эпохе бронзы, но не к афанасьевской культуре (Степанова Н.Ф., 1994). В пользу последнего свидетельствуют и аналогии в погребальном обряде, и наличие баночного сосуда в Улите, погребении 1, которое по погребальному обряду ближе к памятникам арагольского типа нежели к каракольским.

Таким образом, в настоящее время очевидно, что афанасьевские и арагольские памятники относятся к разным археологическим культурам, а наиболее вероятная датировка памятников арагольского типа (Арагол, к. 1,4, Теньга II, Карасу II, Улаган, к. 2, Улита) - эпоха бронзы. Не исключено сосуществование афанасьевского и арагольского населения на каком-то отрезке времени. К сожалению, малочисленность исследованных погребений и отсутствие инвентаря в большинстве из них оставляют возможность для сомнений и предположений.

Поскольку керамика как с поселений, так и из погребальных комплексов представлена в основном плоскодонными баночными сосудами, необходимо отметить еще два погребения, где найдены баночные сосуды - могильники Бойтыгем II, к 5 и Курота II, к. 4 (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994; Киселев СВ., 1951) и случайную находку из Кулады (Ларин О.В., 1988).

Курган 5 из могильника Бойтыгем II представлял собой насыпь с крепидным кольцом из более крупных камней. Могила перекрыта плитами у самого дна. Похоронена женщина, которая была, судя по всему, уложена скорченно, головой на СВ. Часть костей окрашена охрой, у СЗ стенки найден сосуд баночной формы, орнаментированный гребенчатым штампом (рис. 2-2).

Исследователи отмечают своеобразие этого кургана по погребальному обряду и отличие его от афанасьевских захоронений. В частности, по их мнению, надмогильная конструкция не имеет аналогий среди исследованных афанасьевских объектов, кроме того к специфичным признакам они относят и ряд других особенностей, например, перекрытие могильной ямы у самого дна, наличие сосуда баночной формы (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994, с. 26).

В кургане 4 Куроты II умерший был уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ВВ могиле отмечена охра, а также найден сосуд баночный формы (рис. 3-7) (Киселев СВ., 1951).

С.В. Киселев отнес это погребение к афанасьевской культуре. Однако на сегодняшний день становится очевидным, что его объединяет с афанасьевской культурой лишь положение умершего на спине с согнутыми в коленях ногами. Наличие же охры в могиле характерно не только для афанасьевской культуры, но и для каракольской, а баночные сосуды неизвестны на афанасьевских памятниках. Ориентация на В, как уже отмечалось, редко встречается в афанасьевских захоронениях. В тоже зремя как отдельно взятый признак ориентация не может быть датирующим признаком.

Подводя итог, необходимо отметить, что подтверждается предположение, что в эпоху ранней и сазвитой бронзы этнокультурная карта Горного Алтая выглядела достаточно мозаично (Молодин В.И., 1993, с. 41) В настоящее время уже не вызывает сомнений, что в это время в Горном Алтае проживало население афанасьевской, каракольской, елунинской культур, население, оставившее памятники арагольского типа. Вероятно, на каком-то отрезке времени носители разных культур сосуществовали и контактировали, в результате, по-видимому, появились памятники типа Бойтыгем II, к. 5, Курота II, к 4, Пещеркин Лог I, к 1, а на афанасьевской керамике из могильников Ело-I, о. 5, Кара-Коба-I, о. 5 отмечены елунинские традиции в способах нанесения орнамента (Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997, рис. 4-3; Владимиров В.Н., Цыб С.В., 1982; Степанова Н.Ф., 1997, с. 299).

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. - Барнаул; 1982. - С.52-77.
2. Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994 - С 24-36.
3. Абдулганеев М.Т , Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р.Ело // Источники по истории Республики Алтай - Горно-Алтайск, 1997 — С,69-90.
4. Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая, - Барнаул, 1994. - С.3-8.
5. Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с.Кара-Коба // Археология Северной Азии. -Новосибирск, 1982. - С 55-62.
6. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая - Новосибирск, 1930.
7. Деревянко А.П. Васильевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В. Исследование Денисовой пещеры Предварительный анализ источников голоценовых культурных слоев. Препринт. - Новосибирск, 1985. - 65 с.
8. Деревянко А.П., Молодин В.И. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла I (Горный Алтай) //Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири тез . -Барнаул, 1991 - С 3-7.
9. Деревянко А.П., Молодин В.И Денисова пещера. 4,1. - Новосибирск, 1994. - 261 с.
10. Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги советско-японской экспедиции} //Советско-японские археологические исследования на Алтае. -Новосибирск, 1987.
11. Древние культуры Бертекской долины.- Новосибирск, 1994. - 223 с.
12. Киреев С.В., Кудрявцев П.И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тез.докл. .- Барнаул, 1988. - С.164-166.
13. Кирюшин Ю.Ф, Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катуни // Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994 - С. 111-12.
14. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Долинин Е.В., Кирюшин К.Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции - Горно-Алтайск, 1992 - С 39-40.
15. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры. Ч 1 - Барнаул, 1995 - 151 с.
16. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Елунинский комлекс в устье р.Куюм //Социально-экономическиек структуры древних обществ Западной Сибири. Мат.Всез.научной конф - Барнаул, 1997. - С 36-41.
17. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика эпоха ранней бронзы с поселений Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1998. - С.245-249.
18. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф, Кунгурова Н.Ю. Поселение Сары-Бел // Известия лаборатории археологии.№ 1 - Горно-Алтайск 1995 -С.6-19.
19. Киселев С.В. К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири // ВДИ- 1948 - № 1.
20. Киселев С.В Древняя история Южной Сибири. - М., 1951.-642 с.
21. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск, 1988. - 172 с.
22. Кубарев В.Д., Киреев СМ., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни - Новосибирск, 1990. - С.43-95.
23. Кубарев В.Д, Ларин О.В., Суразаков АС. Новый памятник каракольской культуры в с,Беш-Озек // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. - Горно-Алтайск, 1992 - С 45-47.
24. Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбепь А.В. О новых памятниках каракольской культуры в с.Озерное // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции, -

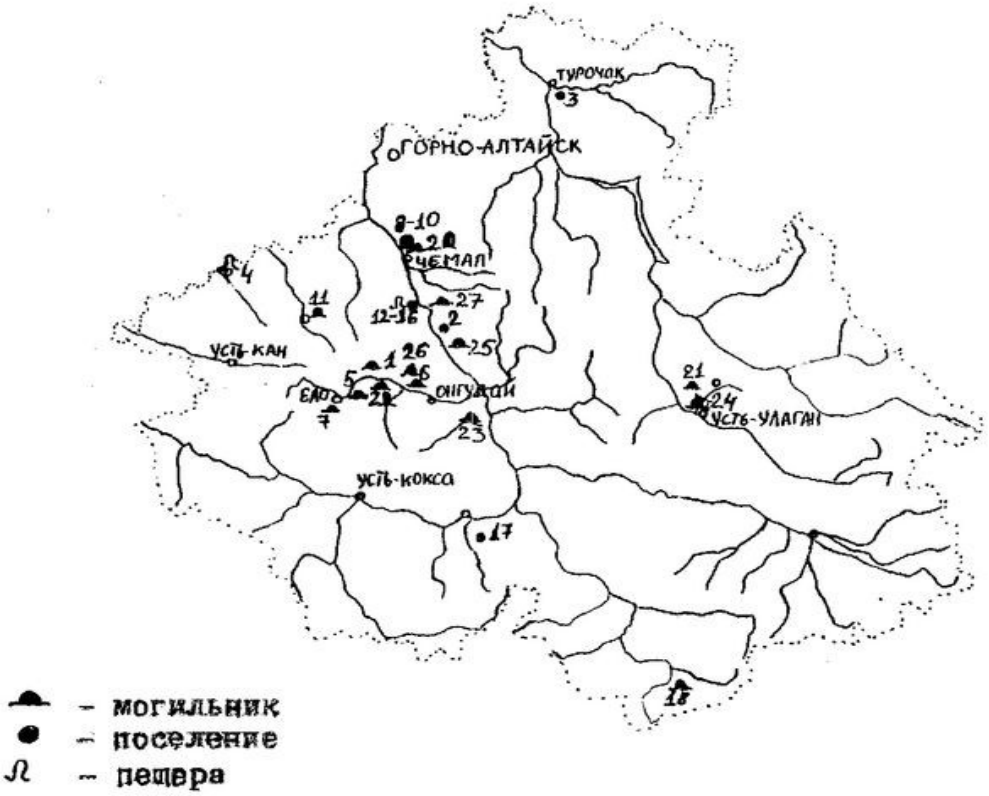
Горно-Алтайск, 1992 - С 49-51.
25. Кубарев В.Д , Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Охранные работы на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. - Горно-Алтайск, 1992. -С 40-41.
26. Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения тыткескень-3 //Археология Горного Алтая - Барнаул, 1994, - С.43-58.
27. Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма //Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1992 - С. 3-22.
28. Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т. Поселение Лебедь-1 в Горном Алтае // Археология и этнография. -Барнаул, 1982. - С 18-23.
29. Ларин О.В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1988. - С. 13-21
30. Ларин О.В. Некоторые итоги исследований на могильнике афанасьевской культуры Сальдяр // Алтай и тюрко-монгольский мир (тезисы, статьи). - Горно-Алтайск, 1995. - С.120-123.
31. Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Афанасьевские поселения Ламах-2 и Бичикту-Бом // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края Материалы научно-практической конференции. Вып IX. - Барнаул, 1998 - С 73-77.
32. Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Поселение Ламах-2 в Западном Алтае и вопросы охраны разрушающихся археологических памятников // Охрана и изучение использование археологических памятников Алтая (Тез.доки и материалов к конф.). - Барнаул, 1990. - С.44-45
33. Мамадаков Ю.Т. , Цыб С.В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири Тез.докл... - Барнаул, 1991. - С.57-59
34. Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск. 1987. - С.23-34.
35. Молодин В.И. Основные итоги археологических исследований западносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции на плоскогорье Укок летом 1992 года // ALTAIKA. - 1993. - Вып,2. - С. 17-20.
36. Молодин В.И. Современное состояние проблемы бронзового века Горного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири - Томск, 1993. - С. 39-41.
37. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у послелка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1979, - С.80-84.
38. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. раскопки многослойного поселения Кара-Тенеш в 1976 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935-1976 гг.). - Новосибирск, 1980. - С 199-216
39. Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г) // Археологический поиск (Северная Азия) - Новосибирск, 1980. - С.92-98
40. Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник у села Кара-Коба //Археологические и фольклорные источники по истори Алтая, - Горно-Алтайск, 1994. - С.26-30, 202-205.
41. Руденко С.И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае //Природа. - 1926. - №5-6. - С 108-109.
42. Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган - памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. - Барнаул, 1990. - С.73-86.
43. Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез доки к Всесоюзной научной конференции. - Барнаул, 1991 -С.50-53.
44. Степанова Н.Ф. Исследования у с Элекманар//Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Тезисы 4 1. - Барнаул, 1993. - С.94-97.
45. Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: погребальный обряд и керамика // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. - Барнаул. 1994. - С 49-51.
46. Степанова Н.Ф. К археологической карте Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Тез... - Барнаул, 1995 — С.62-66.
47. Степанова Н.Ф. Способы орнаментации афанасьевской керамики (по материалам погребальных комплексов горного Алтая) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий -Новосибирск, 1997. -С.296-300.
48. Степанова Н.Ф., Пугачев Д.А. Новые материалы эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири (тез. мат. к конф) - Барнаул, 1989, - С 37-39.
49. Степанова Н.Ф., Цыб С.В. Погребение эпохи бронзы у с.Кара-Коба //Археология, антропология и этнография Сибири. - Барнаул, 1996 - С 59-63.
50. Суразаков А.С., Ларин О.Ё. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая - Горно-Алтайск, 1994 - С.31-38, 206-209
51. Хлобыстина М.Д Древнейшие могильники Горного Алтая //СА- 1975 - № 1. - С 17-33.
52. Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Раскопки на могильнике Бике в 1990 году // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции - Барнаул, 1991 — С.55-57.
53. Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древня история Алтая. - Барнаул, 1980, - С.38-51.
54. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая. Автореферат дисс , - Кемерово, 1984 - 19 с.
55. Цыб С.В. Мамадаков Ю.Т., Степанова Н Ф. Погребальное сооружение эпохи бронзы из Горного Алтая // Древности Алтая - Горно-Алтайск, 1998 - №3. - С 22-28.

Список иллюстраций к статье Степановой Н.Ф.

Рис 1. Карта археологических памятников эпохи бронзы Горного Алтая: 1- могильник у пос.Озерный; 2 - поселение Кара-Тенеш; 3 - поселение Лебедь I, 4 - Денисова Пещера, 5 -могильник Кара-Коба I, 6 - могильник Каракол; 7 - могильник Улита; 8-10 - поселения в устье р.Куюм, Малый Дуган, Большой Дуган; 11 - могильник Беш-Озек, 12-16 - Поселения Тыткескень-2,3,6 и Нижнетыткескенская пещера I; 17 - Кучерла I; 18 - Бертек -56; 19 - могильник Сальдяр; 20 - могильник Элекманар; 21 - могильник Арагол, 22 - могильник Теньга II; 23 - могильник Карасу II; 24 - Улаган; 25 - могильник Бойтыгем II, 26 - могильник Курота II; 27 - могильник Бике II.

Рис 2. Керамика с поселений: 1 - из устья р Куюм; 4 - Малый Дуган; 5,6 - Сары-Бел; могильников: 2 - Бойтыгем 2, к 5; 3 - Улита I п 1

Рис 3. Керамика с поселений: 1,2 - Тыткескень 2, 3,4 - Тыткескень 6, 8,9 - устье р Куюм; могильников 5 - Улаган, к 2; 6 - Озерное; 7 - Курота II, к.4 (5 - по рис. С,В Цыба, 6 - по рис М.Т.Абдулганеева, 7 - по рис С.В.Киселева)



I - Озерный
2 - Кара-Тенеш
3 - Лебедь I
4 - Денисова Пещера
5 - Кара-Коба I
6 - Каракол
7 - Улита
8-I0 - Малый Дуган, У-Кукм, Большой Дуган
II - Беш-Озек
I2-I6 - Тыткескень-2,3,6 и Нижнетыткескенская пещера I
I7 - Кучерла I
I8 - Бертек-56
I9 - Сальдяр
20 - Элекманар
2I - Арагол
22 - Теньга II
23 - Карасу II
24 - Улаган
25 - Бойтыгем II
26 - Курота II
27 - Бике II

Рис.1

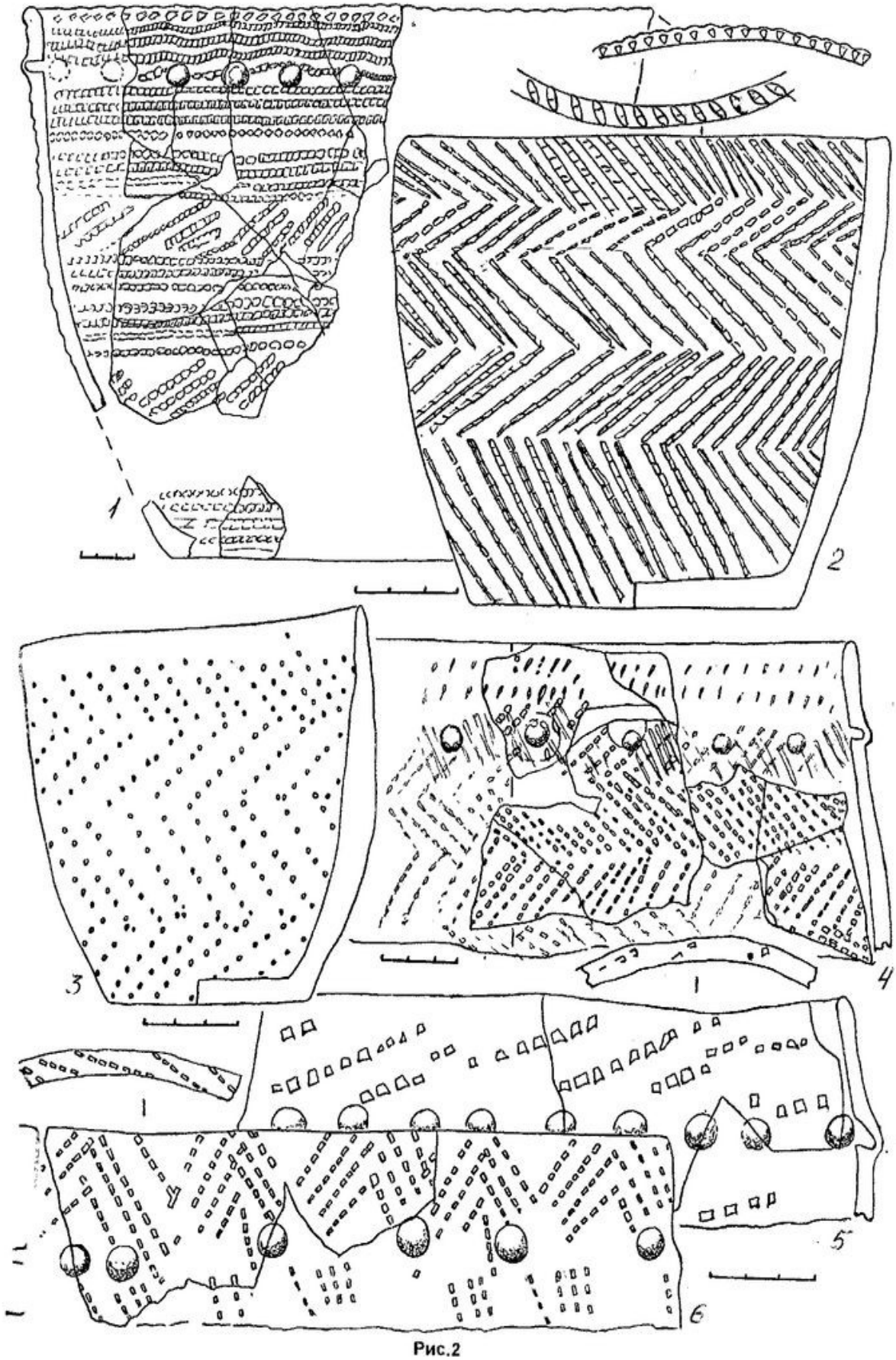


Рис.2

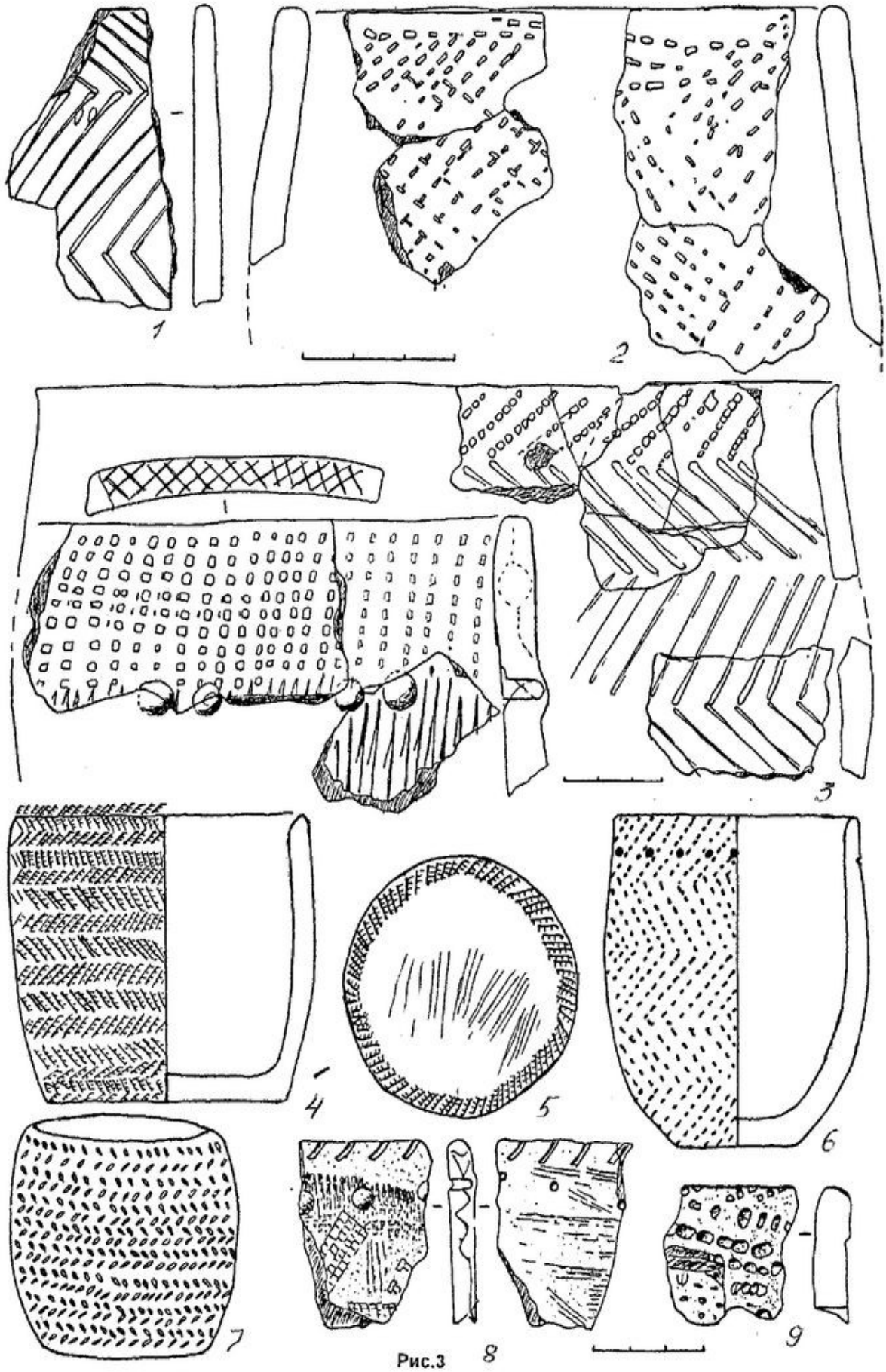


Рис.3

Ситников С.М.
(Г.Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУР ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ

(по материалам бегазы-дандыбаевской и саргаринско-апексеевской культур)

История изучения культур валиковой керамики насчитывает более 8 десятилетий. Первые шаги в изучении бегызы-дандыбаевской и саргаринско-апексеевской культур были сделаны М.П. Грязновым, П.С. Рыковым, О.А. Кривцовой-Граковой.

В 1930 г. М.П. Грязнов опубликовал серию бронзовых орудий с территории Казахстана и Алтая (Грязнов М.П., 1930). Комплекс вещевого инвентаря им был разделен на три группы соответствующим трем хронологическим периодам - ранней, средней и поздней бронзы (Грязнов М.П., 1930, с.161 -162). Автор пришел к выводу о самостоятельном развитии в эпоху средней и поздней бронзы казахстанского металлургического центра и его отличии от минусинского (Грязнов М.П., 1930, с.162), Большое значения имели работы на территории Карагандинской области в районе совхоза «Гигант». В результате раскопок могильника Дандыбай, было вскрыто несколько могил «карасукского типа» (Рыков П.С, 1935, с.41), материал которых существенно отличался от собственно андроновского.

В 1948 г. О.А. Кривцова-Гракова опубликовала материалы Алексеевскою поселения и могильника, которые были отнесены к западному варианту андроновской культуры (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.126). По мнению О.А. Кривцовой-Граковой, наряду с классической андроновской керамикой (представленной материалами могильника и жертвенного места), существовала и хозяйственно-бытовая (поселенческая) (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.126). Фактически к домашней, хозяйственно-бытовой, керамики ею была отнесена саргаринско-алексеевская (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.133, рис.55-12, с.134, рис.56-10, с.135, рис.57-15 и др.). Автор подчеркивала, что большая часть керамики поселения имеет существенные отличия от материалов могильника и жертвенного места и близка по времени существования с поздней стадией развития срубной культуры (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.161). Кривцова-Гракова считала, что поселение относится ко второй стадии андроновской культуры и возникло в конце II тысячелетия и просуществовало до половины VIII вв. до н.э. (Кривцова-Гракова О.Д., 1948, с.163). В дальнейшем О.А. Кривцова-Гракова несколько пересмотрела предложенную датировку (Кривцова-Гракова О.А., 1951). К первому этапу андроновской культуры она отнесла только сосуды с плавной профилировкой, ко второму - с уступчатым плечиком. Во втором периоде валиковая керамика получает широкое распространение. Садчиковское поселение она считает одновременным Алексеевскому и датирует его началом 1-го тыс. до н.э. (Кривцова-Гракова ОА, 1951, с.181).

Большое значение имели работы К.В. Сальникова. Им была предложена трехэтапная периодизация памятников эпохи бронзы (Сальников К.В., 1948, 1951, 1967). Полученный в результате раскопок поселения у с. Замараева материал позволил выделить третий тип керамики, близкий валиковой Алексеевского поселения. Абсолютная дата памятников замараевского этапа определяется К.В. Сальниковым на основе датировки металлических орудий, происходящих прежде всего с Алексеевского поселения (Сальников К.В., 1967, с.323). В отличие от Кривцовой-Граковой в замараевской керамике он видит самостоятельный комплекс (Сальников К.В., 1967, с.292). Дату замараевской стадии он первоначально определял VIM - VII вв. до н.э. (Сальников К.В., 1948; Сальников К.В., 1951, с.120). В своей последующей работе время существования замараевских памятников он отнес к XII -началу VIII вв. до н.э. (Сальников К.В., 1967, с.325).

В 1952 г М.П. Грязнов, на материалах могильников Дандыбай, Бегазы и Алеп-аул, выделил из андроновских материалов Центрального Казахстана памятники карасукской эпохи (Грязнов М.П., 1952). По мнению М.П. Грязнова центрально-казахстанские племена карасукского времени сложилась на местной, андроновской основе, при тесном взаимодействии с соседними группами (Грязнов М.П., 1952, с.159). Культуру племен, оставивших памятники типа Дандыбай и Бегазы, М.П. Грязнов рассматривал как локальный вариант карасукской культуры «другим вариантом которой является собственно карасукская культура Минусинских степей» (Грязнов М.П., 1952, с.161).

Основываясь на своеобразии памятников Центрального Казахстана, К.А. Акишев выделил дан-дыбаевский этап андроновской культуры, который является результатом развития и эволюции «культуры алакульского этапа» (Акишев К.А., 1953, с.9). В керамике дандыбаевского этапа, по мнению К.А. Акишева, наряду с богато орнаментированной нарядно-ритуальной посудой встречается и кухонная, орнаментированная оттисками ногтя и валиками (Акишев К А., 1953, с.10, с.12). Позднее им же из андроновских материалов Северного Казахстана был выделен ряд памятников эпохи поздней бронзы (Акишев К.А., 1957, с.18, с. 24, с.31,табл. VII).

В 1958 г. А.М. Оразбаев на материалах эпохи поздней бронзы выделил замараевскую культуру IX - VIII вв. до н.э. (Оразбаев А.М., 1958, с.270), ареал существования которой распространялся на Челябинские степи, Кустанайскую область и Северный Казахстан (Оразбаев А.М., 1958, с.279). Он же подверг критике концепции К.В. Сальникова и О.А. Кривцовой-Граковой. «Утверждение О.А. Кривцовой-Граковой и К.В. Сальникова, что в начале I тыс. до н.э., на замараевской стадии одновременно употреблялась и керамика предшествующих периодов - алакульского и федоровского - надо считать ошибочным» (Оразбаев А.М., 1958, с.278). Поселения Алексеевское, Садчиковское, Замараево -двухслойные. Сначала оно было заселено на алакульском этапе андроновской культуры, затем племенами замараевской культуры (Оразбаев А.М., 1958, с.278). Полученный в ходе экспедиций 1957 г. археологический материал позволил А.М. Оразбаеву разделить эпоху бронзы Центрального Казахстана на два периода - алакульский этап андроновской культуры (XIII - XI вв. до н.э.) и эпоха поздней бронзы (X - VIII вв. до н.э.) (Оразбаев А.М., 1959, с.73-74).

В 1959 г. А.Г. Максимова выделила комплексы эпохи поздней бронзы в Восточном Казахстане и охарактеризовала керамику показав ее отличие от андроновской (Максимова А.Г., 1959, с.113-116). По мнению А.Г. Максимовой памятники эпохи поздней бронзы датируются X - VIII вв. до н.э. (Максимова А.Г., 1959, с 138). Анализируя материалы тех же памятников, С.С. Черников пришел к несколько иным выводам Он разделил эпоху бронзы Восточного Казахстана на четыре этапа. Третий этап, получивший названия мало-красноярский,

датировался XII - IX вв. до н.э. Для него характерно сосуществование керамики с геометрическим орнаментом и посуды с валиками, «причем последняя является наиболее характерной» (Черников С.С. 1960, с.101). Четвертый, трушниковский этап, синхронен «замараевскому и дандыбаевскому этапам, карасукскому времени на Енисее и Оби» (Черников С.С, 1960, с 102-103). Сделанные С.С. Черниковым выводы далеко не бесспорны. Фактически в рамках третьего этапа им были объединены материалы двух различных культур - андроновской (федоровской) и саргаринско-апексеевской. Выводы С.С. Черникова о хронологии и районировании некоторых категорий вещей были признаны не всеми учеными (Маргулан А.Х., 1979, с.61-62). Однако необходимо отметить, что работа С.С. Черникова сыграла большое значение в изучении памятников эпохи бронзы, так как она впервые поставила под сомнение возможность перенесения зауральской периодизации на восточные районы андроновского ареала. Им впервые была высказана идея о тяготении определенного типа памятников к различной территории.

А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев в монографическом исследовании «Древняя культура Центрального Казахстана» был выделен переходный этап от андрона к поздней бронзы (XII-XI вв. до н.э.) и бегазы-дандыбаевский этап (X-VIII вв, до н.э.) (Маргулан А.Х., Акишев К.А, Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с.163).

К концу 60-х годов, накопление археологического материала привело к тому, что стадиальная периодизация К.В. Сальникова перестала удовлетворять археологов. В.С. Стоколос, используя новый материал и пересмотрев уже известный, выработал свою концепцию периодизации культур эпохи бронзы Южного Зауралья (Стоколос В.С., 1972). Он пришел к выводу о принадлежности федоровской, алакульской и замараевской керамики к трем особым культурам (Стоколос В.С. 1972, с,25). По мнению Владимира Савельевича «замараевская керамика генетически не связана с алакульской и вместе с черкаскульской представляет один тип» (Стоколос В.С., 1972, с.85). Отнесение позднеброн-зовых памятников Центрального, Северного и Восточного Казахстана к «замараевским» неправомерно, поскольку они представлены материалами особых культур, отличных от черкаскульской (т.е. «замараевской») Терминологическая путаница возникла по единственной причине - недостаточной публикации материалов Замараевского поселения (Стоколос В.С., 1972, с.85).

В 1977 г. Л.Р. Кызласов. рассматривая проблему происхождения культур сакского круга, приходит к выводу, что «прямым предшественником саков является культура дандыбай-бегазинских памятников» (Кызласов Л.Р., 1977, с.71). Автор считает что бегазы-дандыбаеские памятники некоторое время сосуществуют с саргаринско-алексеевскими: «что касается срубно-замараевских поселений с «валиковой» посудой «ивановского» или «ильинского» типа, то они, распространяясь широко в IX - VII вв. до н.э. по казахстанским степям, в Центральном Казахстане какое-то время сосуществуют сданды-бай-бегазинскими памятниками» (Кызласов Л.Р., 1977, с.75).

В 1969 г. экспедицией Кустанайского пединститута были проведены новые раскопки Алексеев-ского поселения на р. Тобол. Это позволило В.В. Евдокимову разделить время существования памятника на два периода. Первый, более ранний, относится к андроновскому времени. Второй к эпохи поздней бронзы (саргаринско-апексеевской культуре) с датировкой X - VIII вв. до н.э. (Евдокимов В.В., 1975а, с 171). Исследованное поселение Усть-Кенетай было отнесено к «кругу памятников алексеевской культуры» и датировано последней четвертью II тыс. до н.э. (Евдокимов В.В., 1982, с.19), а поселение Копа 1 - к концу П-го - началу 1-го тыс. до н.э. (Евдокимов В.В., Ломан 1975, с. 41). В дальнейшем, анализ материала позволил В.В. Евдокимову разделить памятники саргаринско-апексеевской культуры Степного Притоболья на два этапа. К первому, более раннему этапу, получившему название "алексеевский" (последняя четверть П-го тыс. до н.э.) было отнесено 4 поселения (Евдокимов ВВ., 1983, с.43; Евдокимов В.В., 1984, с.13; Евдокимов В.В., 1987, с.78). Ко второму, более позднему, названному «загаринский» (X-VIH вв. до н.э.) было отнесено три поселения (Евдокимов В.В., 1983, с.44; Евдокимов В.В., 1984, с.13; Евдокимов В.В., 1987, с.78). Анализируя численность населения, В.В. Евдокимов приходит к выводу, что в эпоху поздней бронзы регион Степного Притоболья одновременно населяли 700-900 человек (Евдокимов В.В., 1982, с.18; Евдокимов В.В., Повалеа Н. Л. 1989, с.6).

Большое значение имели работы в Северном Казахстане Г.Б. и С.Я. Здановичей. В 1970 г, ГБ. Зданович опубпиковал материалы поселения Ильинка, где на основе стратиграфических и планиграфических наблюдений и типологии инвентаря выделил из андроновского комплекса посуду Ильинского типа и отнес ее к финальной бронзе (Зданович Г.Б., 1970, с.153). Огромный археологический материал, полученных в ходе раскопок, позволил Г.Б. Здановичу выработать схему периодизации культур эпохи бронзы Петропавловского Прииртышья (Зданович Г.Б., 1975; Зданович Г.Б., 1988). По его мнению, в эпохе поздней бронзы выделяются два этапа. Первый располагается в пределах XI -IX вв до н.э. (замараевский). Второй этап получил название ильинский (IX - VII вв. до н.э.) и связан с носителями племен валиковой керамики (Зданович Г.Б., 1975, с.24).

В 1979 г. С.Я. Зданович, на основе анализа керамического материала разделила саргаринско-алексеевские памятники на более ранние - типа пос. Петроека *2* и более поздние Явленка 1, Ильинка 1 (Зданович С.Я., 1979, с.14). Она так же попыталась проследить истоки саргаринско-алексеевской культуры. По ее мнению «взаимодействие потомков населения алакульской и федоровской культур и носителей черкаскульских традиций привело к сложению саргаринской культуры» (Зданович С.Я., 1979, с.16). В дальнейшем С.Я. Зданович пишет, что федоровско-бишкульские племена явились базой для формирования саргаринско-алексеевской культуры (Зданович С.Я., 1983, с.74), а влияние черкаскуля прослеживается лишь на ранних этапах (Зданович С.Я., 1983, с,7).

Большой археологический материал, полученный на территории лесостепного Притоболья, позволил Т.М. Потемкиной построить свою схему периодизации культур эпохи бронзы, диаметрально противоположную точки зрения Г.Б. Здановича. В результате анализа инвентаря и стратиграфических наблюдений она пришла к выводу о сосуществовании алакульских и федоровских племен, причем апакульское население было основным, а федоровский компонент определялся ею как инокультурное влияние (Потемкина Т.М., 1985, с.272). Т.М. Потемкина алексеевские комплексы лесостепного Притоболья датирует XII - IX вв. до н.э. Ею типологически

были выделены более ранние XII - XI вв. до н.э. и более поздние X - IX вв. до н.э. (Потемкина Т.М., 1985, с.291). По мнению Т.М. Потемкиной (в конце XIII - XII вв. до н.э.) в районах, где преобладающими являлись алакульские традиции (Зауралье, Западный и Северный Казахстан, западные районы Центрального Казахстана), черкаскульско-федоровское взаимодействие приводит к постепенной трансформации алакульской культуры и сложению культурного образования алексеевско-саргаринского типа" (Потемкина Т.М., 1985, с.270; Потемкина Т.М., 1995, с.14). На более позднем этапе прослеживается влияние межовской культуры Потемкина Т.М., 1995, с.17).

В 1979 г. вышла в свет монография А.Х. Маргулана «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана», Автор выделил памятники переходного этапа от средней к поздней бронзе с хронологическими рамками XIII - XI вв. до н.э. (Маргулан А.Х., 1979, с.25-58); бегазы-дандыбаевской культуры X - VIII вв. до н.э. (Маргулан А.Х., 1979, с.61-153); переходного этапа от поздней бронзы к раннему железному веку - VIII - VII вв. до н.э. которые, сохраняя культурные традиции эпохи поздней бронзы, в то же время позволяют судить о начале формирования культуры раннего железного века (Маргулан А.Х., 1979, с.153-160). Фактически в рамках одной культуры А.Х. Маргуланом были обьединены две разнокультурные группы памятников - собственно бегазы-дандыбаевские (представленные в основном материалами могильников) и саргаринско-алексеевские (поселенческие), причем сосуды с налепными валиками (т.е. саргаринско-алексеевские) он считает кухонной посудой Маргулан А.Х., 1979, с.81, с.85, с.168), а богато орнаментированные а (т.е. бегазы-дандыбаевские) -как нарядно-ритуальные, столовые (Маргулан А.Х., 1979, с.110, с.168), В дальнейшем эта точка зрения подверглась различными исследователями наибольшей критике (Варфоломеев В.В., 1988, с.80).

Большое значение имели раскопки отряда Шульбинской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР в 1977 - 1983 годах на территории Верхнего Прииртышья. Среди большого количества памятников различных эпох были выявлены и комплексы Финальной бронзы (Самашев З.С., 1981; Трифанов Ю.И., 1981; Ахинжалов С.М., 1983; Ермолаева А.С., 1983; Самашев З.С., Боковенко Н.А., 1985; Ермолаева А.С., 1987; Ермолаева А.С. 1989). наибольший интерес представляют материалы могильника Измайловка. Керамический материал памятника А.С. Ермолаевой был разделен на бегазы-дандыбаевский, саргаринско-алексеевский и кувшиновидные сосуды, близкие к посуде «раннекочевнической эпохи» (Ермолаева А.С., 1987, с.90-92). Она же, основываясь на находке в ограде № 17 упряжи раннескифского времени определила дату могильника IX-VII вв. до н.э. (Ермолаева А.С., 1987, с.94).

Е.Н. Черных, рассмотрев территорию общности культур валиковой керамики, наметил три зоны: восточную - от Алтая до Дона; западную («фракийскую») - северо-восток Балкан, низовья Дуная, восточные Карпаты и Прикорпатье; контактную - Северное Причерноморье (Черных Е.Н., 1983, с.52) Он подчеркивает, что «практически для всей общности, кроме керамики, весьма характерным является и морфологически сходный набор бронзовых орудий» (Черных Е.Н., 1983, с.87), близкий погребальный обряд, тип хозяйства и приемы домостроительства (Черных Е.Н., 1983, с.93). По мнению автора сложение общности КВК приходится на сравнительно короткий хронологический промежуток XIII/XII вв. до н.э. (Черных Е.Н., 1983, с.95). В восточной зоне комплексы КВК складываются на местной срубно-андроновской основе (Черных Е.Н., 1983, с.97).

В 1987 г. В.Г. Ломан выделил донгальский тип керамики (VIII в. до н.э.), который имеет явную связь с саргаринско-алексеевской культурой. Поздняя дата донгальских материалов подтверждалась и тем, что на поселении Кент были вскрыты два жилища, давшие чистые донгальские комплексы и прорезавшие саргаринско-алексеевский слой (Ломан В.Г., 1987, с.128).

В 80-е гг. целенаправленные раскопки памятников эпохи поздней бронзы проводились В.В. Варфоломеевым (Варфоломеев В.В., 1982; Варфоломеев В.В., 1987; Варфоломеев В.В., 1988а; Варфоломеев В.В., 1988б; Варфоломеев В.В., 1989). Им была разработана схема периодизации саргаринско-алексеевских древностей Центрального Казахстана: докентский этап XI (XII ?) в. до н.э.; кентский X-IX вв до н.э., характеризующийся сосуществованием бегазы-дандыбаевской и саргаринско-алексеевской культур; донгальский VIII - начало VII вв. до н.э., являющийся переходным между эпохой поздней бронзы и тасмолинской культурой (Варфоломеев В.В., 1987, с.66). Взаимодействие бегазы-дандыбаевского и саргаринско-алексеевского населения приводит к появлению памятников донгальского этапа (Варфоломеев В.В., 1987, с.66). По мнению автора в эпоху поздней бронзы в Сары-Арке бегазы-дандыбаевские памятники немногочисленны и «не определяют культурную принадлежность большинства местного населения». Время их существования X - IX (VIII ?) вв. до н.э. (Варфоломеев В.В., 1988б, с.134). Позднее В.В. Варфоломеев пришел к выводу об «отсутствии принципиальных различий в материальной культуре носителей КВК» и объединил весь зауральский степной и лесостепной массив КВК под общим названием «дандыбай-саргаринская культура» (Варфоломеев В.В. 1992, с.59). Эта культура занимала восточную периферию общности КВК и в своем развитии прошла три этапа: ранний - переходный, средний - кентский, поздний - донгальский (Варфоломеев В.В., 1992, с.59-60). Время существования дандыбай-саргаринской культуры - XIII-IX вв. до н.э. (Варфоломеев В.В., 1992, с.60). Фактически в рамках одной культуры им были объединены материалы двух различных культурных образований.

А. А. Ткачев, проанализировав материалы погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана, наметил два этапа в формировании погребального обряда саргаринско-алексеевской культуры (Ткачев А.А., 1998, с.101). К раннему (актопракскому)этапу им были отнесены прямоугольные и овальные ограды из вертикально поставленных или плашмя уложенных плит (XII -X! вв до н.э.). Памятники раннего этапа сформировались на местной основе, при воздействии носителей бегазы-дандыбаевских традиций. Определенную роль в сложении саргаринско-алексеевской культуры сыграли и племена поздней бронзы Средней Азии, что подтверждается находками керамики, изготовленной на гончарном круге (Ткачев А.А., 1989, с.101). Для позднего, кентского этапа (X- IX вв. до н.э.), по мнению А.А. Ткачева характерны погребения в грунтовых ямах, окруженных оградами из плашмя уложенных плит или камней (Ткачев А.А., 1989, с.102).

Н.А. Ткачева используя новые материалы, полученные входе раскопок 1992-96 гг. экспедициями Восточно-Казахстанского государственного университета на территории Верхнего Прииртышья, выделила трушниковскую культуру эпохи поздней бронзы с тремя хронологическими этапами: ранним -мало-красноярским (XIII-XI вв. до

н.э.), средний - трушниковский (XI-X вв. до н.э.), поздний - позднет-рушниковский (IX-VIII вв. до н.э) (Ткачева Н.А., 1997, с.18, Ткачева Н.А., 1999, с.41; Ткачев А. А., Ткачева Н.А., 1999, с.140) Фактически к «трушниковской» культуре ею были отнесены саргаринско-алексеевские материалы Верхнего Прииртышья имеющие лишь небольшие (локальные, хронологические) различия с материалами Казахстана и Алтая. Вызывает сомнение и вывод исследователя о сосуществовании «в первой четверти I тыс. до н.э. на территории Казахстанского Прииртышья двух групп близкородственного населения: одна вела оседлый образ жизни, занималась земледелием и металлургией, другая - кочевым скотоводством» (Ткачева Н.А., 1997, с.19).

Заслуживает внимания вышедшая в 1992 г. монография М.К. Кадырбаева, Ж. Курманкулова «Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки». Проанализировав материалы эпохи бронзы они выделили керамику четырех групп: алакульско-атасусскую (XV - XIV вв. до н.э.) , федоровско-нуринскую (XIV-XIII вв. до н.э.), алексеевско-саргаринскую и бегазы-дандыбаевскую (XII - IX вв. до н.э.) (Кадырбаев М.К., КурманкуловЖ., 1992, с.231-232). Нахождение в культурном слое эпохи поздней бронзы станковой керамики свидетельствует, по мнению авторов, о взаимосвязи населения Центрального Казахстана с южными земледельческими цивилизациями (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. 1992, с.213).

В 70-е гг. экспедициями Института Археологии РАН под руководством В.А. Моги льни ко в а был исследован ряд саргаринско-алексеевских памятников Алтая. В 1971-1973 гг. на поселении Гилево-1 было вскрыто 160 м. кв. (Могильников В.А. 1995, с.78). В ходе аварийных раскопок в зоне затопления Гилевского водохранилища В.А. Могильниковым в 1975 г, на пос. Гилево-2, была получена керамика с валиками, бронзовые серпы и тесло с уступом (Медникова Э.М., Могильников В.А., Суразаков А.С, 1976; Могильников В.А., 1983, с.68). По мнению авторов «исследования последних лет показали, что ареал керамики с валиковой орнаментацией на востоке, помимо Казахстана, захватывает юг степной полосы Западной Сибири, вплоть до Верхней Оби в окрестностях Бийска» (Медникова Э.М., Могильников В.А., Суразаков А.С., 1976, с.261). В 1976 г. раскопки поселения Гилево-2 были закончены (Могильников В.А., 1977, с.224). Найденные на поселении единичные фрагменты андроновской керамики, по мнению автора раскопок, одновременны с валиковой и указывают на смешение местного (андроновского) и пришлого (валикового) населения в начале 1-го тыс. до н.э. (Могильников В.А., 1977, с 224). Он так же более точно очертил ареал распространения валиковых комплексов на Алтае. «В комплексе с рядом других памятников поселение Гилево-2 очерчивает восточную часть территории распространения культур валиковой керамики, захватывающую южную часть Кулундинской степи» (Могильников В А., 1977, с.224). На территории Северной Кулунды в 1976 г. исследовалось поселение Новоильинка В результате раскопок были вскрыты часть зольника и жилище полуземляночного типа, получено большое количество керамики и костей животных. Найденный материал, по мнению авторов, указывал «на контакты носителей ирменской культуры с более южным населением с валиковой керамикой» (Куйбышев А.В., Медникова Э.М., Могильников В.А. и др., 1977, с.212).

В ходе раскопок 1982 г. на поселении Большой Лог-1 экспедицией Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирюшина была получена андроновская и позднебронзовая керамика, «напоминающая замараевскую и ирменскую и бронзовое желобчатое тесло» (Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б., 1984; С.205; Кирюшин К.Ю., 1989, с 48).

В Мамантовском районе Алтайского края Г.Е. Ивановым был выявлен ряд валиковых позднебронзовых поселений, давших керамику, близкую к «саргаринской и малокрасноярской (Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е. и др. 1988, с,203). К наиболее изученным относятся поселения Миронов Лог-2 (Иванов Г.Е., 1995, с 36-39), Крестьянское-4 (Иванов Г.Е., 1998, с.101) и др. Комплексы КВК неоднократно публиковались Г.Е. Ивановым (Иванов Г.Е., 1987; Иванов Г.Е., 1988; Иванов Г.Е., 1989; Иванов Г.Е., Исаев Н.Н., 1996, с.107; Иванов Г.Е., 1995 а; Иванов Г.Е. 1995 б). Время существования носителей валиковой керамики XII - конец IX - начало VIII вв. до н.э. (Иванов Г.Е., 1988, с.104). Полученный керамический материал им был разделен на четыре группы. В первую группу вошла керамика 1-го раскопа пос Калиновка-2, близкая к первой группе керамики пос. Мало-Красноярка (Иванов Г.Е., 1988, с.103). Керамика второй группы, близкая к черкаскульской, была встречена на поселениях Калиновка-2, Курейка-3, Черная Курья-3 (Иванов Г.Е., 1988, с 103). Керамика третьей, саргаринско-алексеевской, группы была найдена на поселениях Калиновка-2,3, Черная Курья-3, Курейка-3 (Иванов Г.Е., 1988. с.104). Четвертую группу составили профилированные горшки с раздутым туловом, которые встречены на всех валиковых памятниках (Иванов Г.Е., 1988, с.104).

Комплекс позднебронзовых памятников в 80-е гг. был получен Кулундинским отрядом Алтайской экспедиции АГУ в Бурлинском, Панкрушихинском и Хабарском районах Алтайского края (Лузин С.Ю., Удодов В.С., 1984, с.214; Удодов ВС, 1985: Удодов В.С., 1988; Удодов В.С., 1989; Удодов В.С., 1990; Кирюшин Ю.Ф , Удодов В.С.. 1991). Полученные материалы В.С. Удодовым были разделены, в культурном плане, на три сосуществующие группы саргаринско-алексеевскую, бегазы-дандыбаевскую и станковую (Удодов В.С., 1988, с.107-108). Появление гончарной керамики на территории Кулунды автором связывалось с влиянием южных земледельческих племен (Удодов В.С., 1988, с.109). В дальнейшем им был выделен бурлинский тип памятников, который характеризуется сосуществованием бегазы-дандыбаевской и станковой пиниями развития и датируется XIII - XI-X вв. до н.э. (Удодов В.С., 1994, с 11-13).

В 1990 г. вышла статья, обобщающая валиковые материалы Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990). Анализируя позднебронзовые памятники, авторы пришли к выводу о наличии двух этапов в формировании валиковой индустрии Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с. 109). Первый этап (XIII -XI вв. до н.э.) характеризуется дальнейшим развитием федоровских и черкаскульских традиций (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с.109-115, с.121-122). Второй этап развития валиковых традиций (XI - IX вв. до н.э.) связан с притоком из западных областей саргаринско-алексеевского населения (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с.115-119, с 123)

Таким образом, в результате многолетних исследований накоплен огромный фактический материал финальной бронзы В настоящее время большинством исследователей, в культурном плане, признаются самостоятельность бегазы-дандыбаевских и саргаринско-алексоевских комплексов. Исследование большого количества памятников позволило очертить ареал распространения данных культур. Обе культуры

сосуществовали на одной территории и имели ярко выраженный скотоводческий характер хозяйства, сходный набор бронзового, костяного и каменного инвентаря. Примечательно, что бегазы-дандыбаевские памятники представлены в основном погребальными сооружениями, а саргаринско-алексеевские — поселенческими комплексами. Практически на всех саргаринско-алексеевских поселениях в небольшом количестве встречается бегазы-дандыбаевская и станковая керамика. Однако многие вопросы остаются открытыми: не до конца определена роль саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской культур в формировании раннескифского населения Казахстана и Алтая; не разработана единая типология самой распространенной категории находок этих культур - керамики и т.д. Публикации многих эталонных памятников (например, поселение и могильник Саргары) имеют преимущественно тезисный характер. Дальнейшее исследование и публикация уже полученных материалов помогли бы уточнить датировку и периодизацию данных культур и определить их роль в формировании населения раннескифского времени. Особенно перспективными в этом отношении являются территории Купундинской степи и юго-западных районов Алтайского края.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е., Кунгуров А.Л., Куигурова Н.Ю., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., Талантаев С.И., Тарасенко В.А., Шамшин А.Б., Шупьга П.И. Работы Алтайского университета // АО 1986 года -М, 1988 -С.202-206.
2. Акишев К. А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. ... дис кан. ист. наук - Л., 1953.
3. Акишев К. Памятники старины Северного Казахстана // Труды института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР -Алма-Ата, 1957.-Т-7 -С.3-31.
4. Ахинжалов С.М. Работы Навошульбинской экспедиции //АО 1981 года.-М., 1983.-С.431.
5. Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевские погребальные сооружения могильника Карагаш // Вопросы археологии, этнографии Центрального Казахстана. - Караганда, 1982. - С. 57-68.
6. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1987 — С. 56-66.
7. Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. - Челябинск, 1988а. -С.80-99.
8. Варфоломеев В.В. О культурно-исторической ситуации в Сары-Арке в эпоху поздней бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - Барнаул, 1988б -С. 132-134.
9. Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы могильника Шоиндыкуль // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1989 — С.76-84.
10. Варфоломеев В.В. Кент как поселение городского типа // Маргуланоеские чтения - Петропавловск, 1992. -С. 59-62.
11. Грязнов М.П. Казакстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. - Л., 1930. - С 149-162.
12. Грязнов М.П. Памятники карасукской эпохи в Центральном Казахстане *ИСК* - 1952. - Вып. XVI - С. 129-162.
13. Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р.Тобол // СА. - 1975а. - № 4. - С 163-172
14. Евдокимов В.В. Новые поселения эпохи поздней бронзы Верхнего Притоболья // Вопросы археологии Урала - Свердловск, 19756. - Выпуск 13. - С. 109-114.
15. Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии, этнографии Центрального Казахстана -Караганда, 1982 — С. 3-20.
16. Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустонайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Ура л о-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983 — С.35-47.
17. Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы. Автореф дис. .. канд ист наук -Киев, 1984.
18. Евдокимов В.В. Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского Притоболья/ / Вопросы периодизации археологических памятников Северного Казахстана, - Караганда, 1987. - С.68-79.
19. Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копа 1 // Вопросы археологии, этнографии Центрального Казахстана. -Караганда, 1982. - С 20-41.
20. Евдокимов В.В. , Поваляев Н.Л. Оценка численности населения эпохи бронзы Кустанайского Притоболья по экологическим параметрам. Опыт исследования // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана -Караганда, 1982. - С. 104-110.
21. Ермолаева А.С.Раскопки могильника у с. Измайловка // АО 1981 года - М.. 1983, - С.437-438.
22. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС - Алма-Ата, 1987, - С.64-94.
23. Ермолаева А.С. Некоторые итоги изучения памятников эпохи бронзы Восточно-Казахстанского Прииртышья //Маргул а новские чтения.-Алма-Ата, 1989 — С.91-94.
24. Иванов Г.Е. Бронзовый наконечник дротика с поселения Курейка-3 (степной Алтай) // Археологические исследования на Алтае -Барнаул, 1987 -С.128-136.
25. Иванов Г.Е. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири - Барнаул 1988. - С.101-104.
26. Иванов Г.Е. Некоторые итоги изучения археологических памятников в зоне алтайских ленточных боров // Археологические исследования в Сибири. - Барнаул. 1989. - С.23-26.
27. Иванов Г.Е. Археологические находки из Мамонтовского района в собрании АККМ // Алтайский сборник - Барнаул. 1993. - Выпуск XVII -С.59-69.
28. Иванов Г.Е. а Археологические памятники у бывшего поселка Миронов Лог // Изучение памятников

археологии Алтайского края - Барнаул, 1995. - Вып.5. - Часть 2. - С.36-41.
29. Иванов Г.Е. б Разведочные работы на поселении Калиновка-4 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая, - Барнаул, 1995. - С.91-94.
30. Иванов Г.Е. Поселение эпохи поздней бронзы Крестьянское-4 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края -Барнаул, 1998. - С 99-102.
31. Иванов Г.Е., Исаев Н.Н. Археологические находки из с. Крестьянское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1996 — С.106-109).
32. Зданович Г.Б. Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане // По следам древних культур Казахстана -Алма-Ата, 1970.-С. 147-153.
33. Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. Автореф. дне. канд. ист. наук. - Москва, 1975. - 26 с.
34. Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1984. - С. 3-23.
35. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. - Свердловск, 1988.
36. Зданович С.Я. Саргаринская культура - заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане Автореф . дис канд ист. наук. - Москва, 1979.
37. Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры {к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья - Челябинск, 1983 — С.69-80.
38. Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья - Челябинск, 1984 -С.79-96.
39. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. - Алма-Ата, 1992.
40. Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Большой Лог 1 // Археологические исследования в Сибири. - Барнаул, 1989 — С.46-48.
41. Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В Б Работы в лесостепной зоне Алтая // АО 1982 года -М., 1984 — С. 204-206.
42. Кирюшин Ю.Ф. , Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Гроблемы археологии и этнографии Южной Сибири. -Барнаул, 1990. -С 104-128.
43. Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. К археологической карте Кулунды // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. - Барнаул, 1991. - С.26-29.
44. Кривцава-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды Государственного Исторического музея - М., 1948. - Вып. XVII.
45. Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.-Л., 1951 - №21.
46. Куйбышев А..В., Медникова Э.М., Могильников В.А., Неверов СВ., Сураэаков АС, Уманский А.П. Работы Алтайской экспедиции//АО 1976 года -М. 1977 - С 211-212.
47. Кызласов Л.Р. Укжский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. - 1977. - №3. - С 69-86.
48. Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана - Караганда, 1987. - С 56-68.
49. Лузин С.Ю. Удодов В С Разведка в Кулундинской степи // АО 1982 года. -М., 1984 -С.214-215.
50. Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР - Алма-Ата, 1959. - Т. 7. - С 86.
51. Маргулан А..Х. Бегазы-дчндыбаевская культура Центрального Казахстана - Алма-Ата, 1979. - 363 с.
52. Медникова Э.М., Могильников В.А., Сураэаков А.С. Работы на Верхнем Алее // АО 1975 года. - М., 1976. - С.261-262.
53. Могильников В.А. Работы на Верхнем Алее // АО 1976 года. - М., 1977 — С.224.
54. Могильников В.А. Локализация поселений эпохи бронзы на Верхнем Алее // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. - Барнаул, 1983 — С. 67-70.
55. Могильников В.А. Поселение Гилево-1 // Изучение памятников археологии Алтайского края. - Барнаул, 1995 - Вып 5. - Часть 2 — С. 78-84.
56. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР. - Алма-Ата, 1958. -Т-5. - С.216-291.
57. Оразбаев А..М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР. - Алма-Ата, 1959. - Т.7 - С 59-74.
58. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья - М., 1985.
59. Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // Российская археология. - 1995. -№2. - С. 11-19.
60. Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» // Археологические работы академии на новостройках в 1932-33 пг -М.-Л., 1935 — С.40-68.
61. Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры // Первое Уральское археологическое совещание -Пермь, 1948.
62. Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. - 1951 - №21.
63. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. - М., 1967.
64. Самашев З.С. Исследования в зоне затопления Шульбинской ГЭС // АО 1980 года. - М., 1981 — С. 441-442.
65. Самашев З.С., Боковенко НА Исследование в Семипалатинской области // АО 1983 года - М 1985 -С. 515-516.
66. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья -М., 1972.
67. Ткачев А.А .Новые погребальные памятники поздней бронзы и средневековья Сары-Арки // Вопросы

археологии Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1989. - С.85-113.
68. Ткачев А.А., Ткачева НА. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994-1998 гг) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - Тюмень, 1999. - Вып 2. - С. 136-145.
69. Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья. Автореф. ... дис. канд ист наук, - Барнаул 1997.
70. Ткачева Н.А. Динамика и характер развития комплексов эпохи бронзы Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - Тюмень, 1999. - Вып 2 — С. 39-43.
71. Трифанов Ю.И. Работы на могильнике Джартас//АО 1980 года -М, 1981.-С, 443-444.
72. Удодов В.С. Исследования в Кулунде // АО 1983 года. - М., 1985. - С.246-247.
73. Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - Барнаул, 1988 - С. 107-110.
74. Удодов В.С. Некоторые закономерности развития валиковой традиции на Алтае // Археологические исследования в Сибири. - Барнаул, 1989. - С 55-57.
75. Удодов В.С. Некоторые результаты археологических исследований на р. Бурле // Охрана и использование археологических памятников Алтая - Барнаул, 1990. - С.39-43.
76. Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Барнаул, 1994.
77. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. - М -Л, 1960 - №88.
78. Черных Е.Н. Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983. - С. 81-99.

Суразаков А.С.
(г. Горно-Алтайск)

КЫЗЫК-ТЕЛАНЬ II

Долина Кызык-Телань начинается в 4-5 км. к юго-востоку от с. Куюс и простирается вдоль правого берега р. Катунь на расстояние 3-4 км. В дальней, т.е. ЮВ ее части на протяжении 80-х гг. проводила исследования археологическая экспедиция ГАИТИ (тогда ГАНИИИЯЛ), раскапывавшая курганы разновременного могильника Кызык-Телань I (Суразаков А.С, 1990, с.197-200), а в северо-западной ее части разными исследователями и в разное время изучались широко известные в археологической литературе куюсинские петроглифы. Нанесены они на скалы, составляющие подошву возвышающейся в этом месте горы и образуют два компактных, несколько удаленных друг от друга скопления, одно из которых получило наименование «грот Куюс». Условное, конечно, поскольку это обыкновенная скальная расселина, стенки которой отшлифованы древним водным потоком.

Впервые в научных целях куюсинские наскальные рисунки были исследованы в 1964 г. отрядом Е.М. Берс (Окладникова Е.А., 1975, с.122), краткие сведения о чем содержатся в сообщении Б.А.Фролова и А.И. Сперанского (Фролов Б.А., Сперанский А.И., 1967, с.158-161). Тогда же перед рисунками «грота» был заложен разведочный шурф, давший материалы, как определили авторы, начиная с эпохи неолита.

В 1965 г. работа с петроглифами велась отрядом А.П. Окладникова с участием Е.А. Окладниковой (Окладникова Е.А., 1975, с.125-127). В 1973 г. куюсинское местонахождение изучалось В.Д. Кубаревым (Кубарев В.Д., 1990, с.10-11), в 1979 г. А.П. Погожевой, а на рубеже 80-90-х гг. В.Н. Елиным.

В конце 70-х гг. с целью ознакомления с зоной планировавшегося здесь в те времена водохранилища и выбора места для раскопок правобережье Катуни от с. Куюс до Каянчи было обследовано экспедицией ГАНИИИЯЛ. В 1978 г. автором и В.Н. Елиным осмотрены оба упоминавшиеся выше скопления рисунков, а в 1979 г. автором и А.А. Коноевым изучен прилегающий к ним берег реки. Вдоль проходящей здесь проселочной дороги непосредственно перед скалами с петроглифами обнаружено более десятка заплывших погребальных сооружений, причем некоторые из них видны вверх по склону в том месте, где дорога прорезает более высокую древнюю террасу. Видимо, часть сооружений уничтожена в процессе дорожных работ. По крайней мере край одного из курганов срезан и в обрыве виднелась плита от каменного ящика, впущенного в неглубокую яму, заполнение которой также было различимо на разрезе. В нескольких десятках метров к юго-востоку от этого места на возвышенном плато найдена еще одна группа курганов. Все перечисленные погребальные сооружения объединены под общим названием могильника Кызык-Телань II.

В 1980 г. автором в нем раскопан один курган. Учитывая то, что рядом с «гротом» имеется старый раскоп, явно охватывавший находившееся здесь некогда погребальное сооружение (пронумеровано как № 1), данный памятник обозначен под № 2. Так как материалы прошлых раскопок (раскоп у рисунков «грота» и располагавшегося рядом кургана) не сохранились, нужно отметить, что этой публикацией вводится в оборот единственный на сегодня не только тщательно исследованный, но и документированный памятник из этого известного местонахождения.

Итак, курган № 2 находился в нескольких метрах к юго-западу от дороги на небольшом береговом возвышении. Сооружен он на середине расстояния между упоминавшимися выше двумя скоплениями петроглифов. Насыпь имела округлую в плане полусферическую форму и возведена из беспорядочно набросанных крупных речных валунов (рис.1). Диаметр ее 8 м., высота 0,8 м. В кургане обнаружено два разноуровневых погребения - основное № 1 и впускное № 2.

Основное захоронение № 1 находилось под центром, насыпи в могильной яме (1, 94 х 1, 22 м., глубиной от уровня погребенной почвы 0, 68), ориентированной с СЗ на ЮВ. На дне располагался каменный ящик из вертикально установленных плит, впущенный в яму на свою высоту. Внутренние размеры камеры 1,5 х 0,7 м., высота 0,5 м. Сверху она была перекрыта несколькими уложенными поперек горизонтальными плитами.

В ящике лежал человеческий костяк на левом боку, с сильно согнутыми в коленях ногами, черепом на СЗ (рис 4). Часть ребер перемещена грызунами в северный угол камеры. Вещей при костяке не найдено.

Впускное погребение № 2 было совершено недалеко от центра в южной половине насыпи. Здесь обнаружен установленный на уровне древнего горизонта узкий каменный ящик внутренними размерами 1, 68 х 0, 56 м, высотой 0,4 м. и ориентированный длинной осью с СЗ на ЮВ. Сверху он был перекрыт несколькими уложенными поперек горизонтальными плитами. В ящике лежал человеческий костяк вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, черепом на ЮВ (рис. 3). На тазовых костях обнаружена округлая железная пряжка с подвижным язычком (рис. 5), под правой стороной ребер с заходом под правое же крыло таза - железная трубка (рис. 6) - рукоятка нагайки.

Как уже говорилось, в основном захоронении № 1 не было найдено вещевого инвентаря, что затрудняет определение его узкой даты. В то же время здесь следует отметить то обстоятельство, что погребения под курганами в каменных ящиках, впущенных в грунт на свою высоту характерны в Горном Алтае для раннескифского времени. Для памятников этого периода характерна и поза усопших -скорченно на левом боку с ориентировкой в западную с отклонениями сторону (Могильников В.А., 1986, с.48-49) Исходя из этого, мы можем датировать захоронение № 1 концом финальной бронзы -раннескифским временем.

Что касается впускного погребения № 2, то по комплексу черт оно входит в состав памятников кудыргинской (булан-кобинской по Ю.Т. Мамадакову) культуры (Суразаков А.С, 1992, с.92-97) и синхронизируется с наиболее ранними захоронениями соседнего мог. Айрыдаш I (Суразаков А.С., 1990, с.197-200) В целом его можно пока отнести к первой половине I тыс н.э.

Кроме всего прочего, здесь следует отметить, что устроители впускного погребения оставили в целости более раннее центральное захоронение (отдельные кости его смещены впоследствии грызунами). Иными словами, из выделенных автором в свое время традиций отношения к погребальным сооружениям, в данном случае мы имеем дело с «обычаем приобщения» более поздних пришельцев к этим местам через помещение своих усопших в более ранние памятники без нанесения им ущерба (Суразаков А.С., 1999, с. 172).

Литература

1. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен - М -П., 1965.-145 с.
2. Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. - Новосибирск, 1990 - С. 7-22.
3. Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1986. - С. 35-67.
4. Окладникова Е.А. Петроглифы Куюса (долина р. Катуни, Алтай)//Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1975. - С. 122-129.
5. Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань ! // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980- 1982 годах - Горно-Алтайск, 1983. - С. 42-52.
6. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни - Новосибирск, 1990 -С. 197-200.
7. Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Материалы Всероссийской конференции. - Омск, 1992 - С. 92-97.
8. Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул, 1999. - С. 172.
9. Фролов Б.А. Сперанский А.И. Исследование древних наскальных изображений в Горном Алтае // АО 1966 года -М , 1967 - С. 158-161.

Подпись к рисунку статьи Суразакова А.С.

Рис.1.

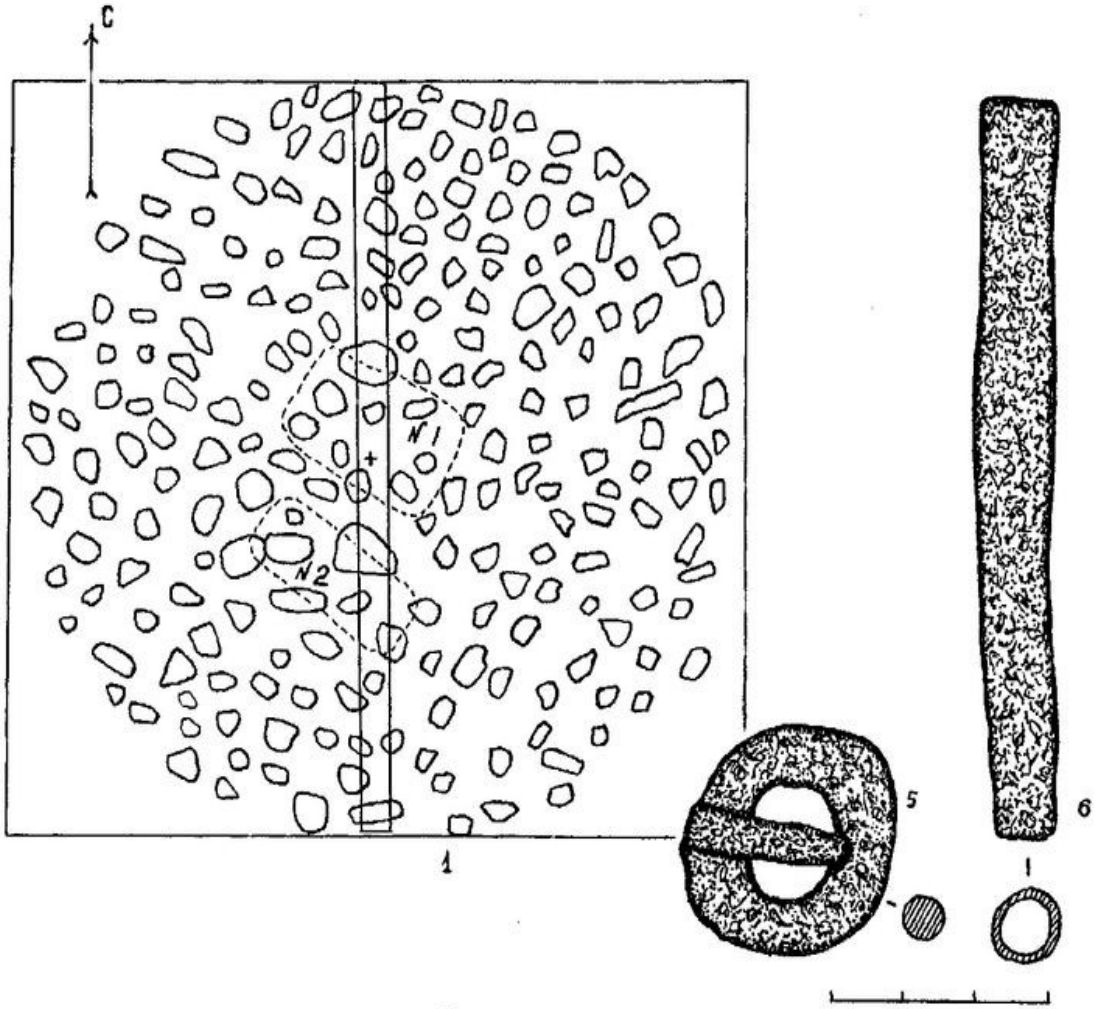
1 Насыпь кургана 2 могильника Кызык-Телань II

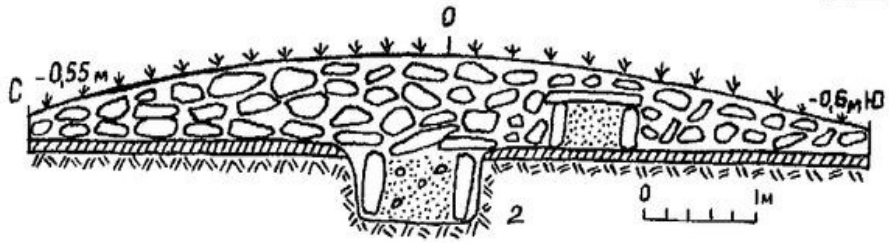
2. Разрез кургана 2 могильника Кызык-Телань I!

3. Впускное погребение кургана 2 могильника Кызык-Телань II 4 Основное погребение кургана 2 могильника Кызык-Телань II

5. Железная пряжка из впускного погребения кургана 2 могильника Кызык-Телань II

6. Железная трубочка из впускного погребения кургана 2 могильника Кызык-Телань II





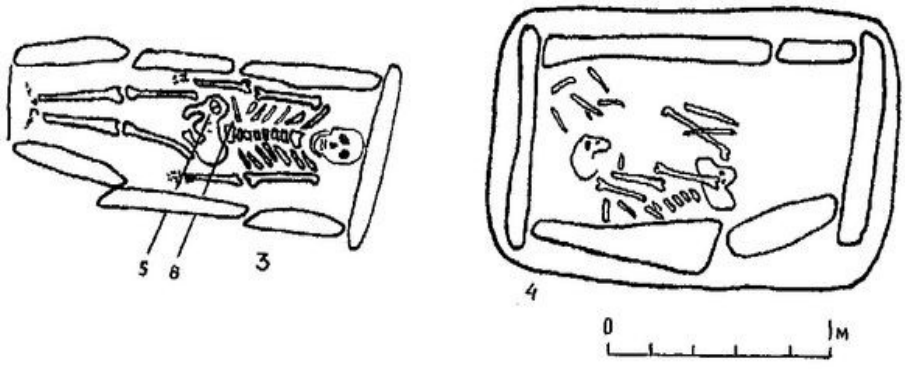


Рис. 1

Дашковский П.К.
(г.Барнаул)

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПАЗЫРЫКЦЕВ

Одним из направлений в изучении скифской эпохи Горного Алтая в конце 70-х-90-е гг. является реконструкция религиозно-мифологических и мировоззренческих представлений. Впервые вопросами духовной жизни кочевников серьёзно занимался С.И.Руденко (1952; 1953; 1960). Опираясь, главным образом, на материалы погребального обряда и сведения античных историков он отметил существование культа мёртвых и предков, магии, колдовства, жертвоприношений, обычая бальзамирования тел умерших людей, поминок и некоторых других религиозно-культовых действий, и связанных с ними верований и представлений. Несмотря на то, что выводы, сделанные С.И. Руденко, несомненно, нуждаются в уточнение и пересмотре, тем не менее, они явились отправной точкой в формировании основных задач и подходов в развитии этого направления изучения пазырыкской культуры Горного Алтая.

В последующее время к указанной проблематике неоднократно обращались С.С.Сорокин (1978, 1981), В.Д Кубарев (1980; 1981; 1987; 1991 и др.), А.С.Суразаков (1984; 1986; 1987), В.Ю. Зуев (1992), Д.Г. Савинов (1994; 1996). Л.С.Марсадолов (1996), Вл.С.Семёнов (1994), Н.В.Попосьмак (1992; 1993; 1994: 1997) и ряд других исследователей. Основное внимание учёные сосредотачивали на анализе различных художественных образов, запёчатлённых в произведениях искусства. В своих рассуждениях они широко использовали, главным образом, этнографические источники. В отдельных случаях привлекались элементы структурно-семиотического подхода к культуре, правда, в своеобразной авторской интерпретации. При этом не всегда в достаточной степени учитывались письменные источники, данные сравнительной мифологии и разработки в этой области различных школ (см., например, Хюбнер К., 1997; Лосев А.Ф., 1991, Мелетинский Е.М., 1995 и др.), теоретические положений религиоведения Практически полностью не брались во внимания исследователями достижения психологии в определение психологических особенностей развития менталитета личности и общества. Всё это часто приводило к субъективно-авторской трактовке явления и не позволяло установить в полной мере его внутреннюю сущность и значимость.

Необходимо отметить, что в отечественной науке в советский период истории изучение религиозных и мифологических систем древности рассматривалось как второстепенная задача, поскольку приоритетным направлением официально объявлялось исследование культурно-исторических и социально-экономических процессов. Кроме того, господствующая методология - исторический материализм, не позволяла полно и всесторонне рассмотреть отдельные элементы и явления духовной культуры древних и средневековых обществ. Ситуация стала изменяться с середины 80-х гг., когда появилось больше возможностей для использования «новых» методологических концепций при реконструкции мировоззренческих представлений.

Во второй половине 70-х-первой половине 80-х гг. ряд учёных, занимаясь изучением духовной культуры древних кочевников Евразии, пришли к единому мнению, что в религии скифов Причерноморья, саков, пазырыкцев и других племён этой территории, значительное место занимает комплекс представлений, восходящий к общей индоиранской религиозно-мифологической традиции (см., например, Раевский Д.С, 1977; 1985; Акишев А.К., 1984; Мартынов М.А., 1989; Лепеков Л.А., 1980; Клейн Л.С,.1987; Шеретов Л. И., 1984 и др.). Это обстоятельство заложило определённые основы для дальнейшего более детального изучения религии пазырыкских племён Горного Алтая.

Достаточно подробно проблемой реконструкции верований и мифологии пазырыкцев занимался В.Д.Кубарев, посвятивший рассмотрению этих явлений отдельные разделы в двух своих монографиях (Кубарев В.Д., 1987; 1991). К ранее сделанным выводам других исследователей он добавил анализ конкретных образов звериного искусства, привлекая для этого этнографические, письменные и некоторые другие источники. По мнению учёного, реконструкции мировоззрения и идеологии древних скотоводов Алтая будет способствовать привлечение индоиранских мифов и героического эпоса тюркских народов (Кубарев В.Д., 1991, с.168). В.Д.Кубарев также отметил, что для скифо-сакского, в том числе и пазырыкского искусства, характерны устойчивые мифологические образы, формирование которых обусловлено как архаическими явлениями (пережитки тотемизма, магия, культ животных), так и культурными контактами с соседями (заимствование переднеазиатских образов, скифское и хуннское влияние) (Кубарев В.Д., 1991, с.136-137). Учёный подчеркнул перспективность структурно-семиотического подхода в расшифровке древних кодов, в частности зоологического, указав на положительный опыт исследований в этом направлении, предпринятый Д.С.Раевский (1977; 1978; 1985) и А.К.Акишев (1984).

В.Д.Кубарев выразил согласие с другими археологами, считающими, что погребальный обряд связан с определённым кругом верований кочевников. Он приводит интерпретации некоторым элементам погребального ритуала (погребальное сооружение, положение умерших и др.) на основе этнографических материалов (Кубарев В.Д., 1987, с. 125-128; 1991, с.166-168). В данном случае отражен традиционный подход археологов советского периода к религии древних обществ, основанный на сопоставления археологических и этнографических источников, что являлось определённым шагом в реконструкции духовной культуры кочевников.

Особое место затронутые проблемы занимают в творчестве Н.В.Полосьмак. Исследовательница с начало в статьях (Полосьмак Н.В., 1992; 1993), а затем в монографии «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы)» затрагивает некоторые мифологические представления кочевников в связи с интерпретацией двух образов пазырыкского искусства: изображения рыбы и птицы «феникс». По её мнению, появление этих образов, и связанных с ними мифологических воззрений, возможно, объясняется взаимодействием пазырыкских племён и китайской цивилизацией (Полосьмак Н.В., 1994, с.90-96). При этом Н.В. Полосьмак отметила, что наблюдается не только влияние китайской цивилизации на кочевников, но и обратное влияние, которое прослеживается в наличие в древнекитайской мифологии многих индоевропейских мифологических сюжетов.

В 1997 году Н.В.Полосьмак защитила докторскую диссертацию «Пазырыкская культура Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений», которая является своего рода первой обобщающей

работой по этой теме. В основу диссертации положены, прежде всего, материалы, полученные при раскопках курганов на плато Укок. При их анализе и интерпретации Н.В.Полосьмак использует междисциплинарный синтез, путём привлечения различных источников и данных как гуманитарных, так и естественных наук. Методологическую основу работы составили традиционные принципы отечественной этнографической школы, французской социологической школы (Л.Леви-Брюль), некоторые попожениях структурализма (Ю.М.Лотман) и синтезного подхода М Элиаде. Это позволило исследовательнице сделать определённые выводы о духовной культуры пазырыкцев.

Ряд учёных предпринял попытки установить компоненты и истоки формироания религиозномифологической системы пазырыкцев. Так, в 1952 году Р.Ханчар указал на наличие в их религии ряда черт шаманизма. Впоследствии его поддержали С.С.Сорокин (1978), Ф.Б.Балонов (1987), Т.Н. Курочкин (1988; 1992-1994) и некоторые другие исследователи. С.С.Сорокин в одной из своих статей высказал точку зрения, что шаманизм-это обширный комплекс анимистических идей и мифологических представлений о структуре мира, сформировался в лесостепной и таёжной зоне Азии в боле раннее, чем скифское время. О наличие шаманизма в культуре пазырыкцев свидетельствует, по мнению учёного, отдельные материалов из курганов кочевников: музыкальный инструмент, татуировка на теле погребённого, вещи для приведения себя в состояние экстаза (бронзовые жаровни, зёрна канопли и др.), ряд фигурок, изображающих фантастических животных и некоторые другие предметы (Сорокин С.С., 1978, с.184-185 и др.).

Исследования в этом направление продолжили другие учёные. В 1992 году Н.Ю.Кузьмин привёл доказательства тому, что шаманизм в Саяно-Алтае зарождается на рубеже тыс. до н. э. на основе индоевропейской ритуально-мифологической системы в процессе оседания, контактов и, вероятно, смешения пришлого населения с местными этническими группами. В генезисе шаманизма он выделяет ряд этапов, вт. ч скифский. Наиболее полно, по мнению учёного, симбиоз индоевропейских и шаманских представлений отражён в пазырыкском погребальном обряде (Кузьмин Н.Ю., 1992, с.128-130).

Другой исследователь, Г.Н.Курочкин, обращаясь к той же проблеме, выдвинул идею о скифских корнях сибирского шаманизма, отнеся к скифской эпохе ряд элементов ритуалистики сибирских народов. Могильник Пазырык он предлагал рассматривать как «корпоративное кладбище жрецов, поскольку на Алтае был размещён сакральный центр скифского мира» (Курочкин Г.Н., 1993; 1994).

Дискуссия по данной проблеме была продолжена на международной конференции «Жречество и шаманизм в скифскую эпоху», которая проводилась в 1996 году в Санкт-Петербурге. Доклады участников этой конференции отражали различные аспекты изучения религии древних кочевников евразийских степей этого периода. Ряд работ был посвящен религиозно-мифологическим представлениям пазырыкцев. Так, Д.В.Черемисин и А.В.Запорожченко в своей статье «Пазырыкский шаманизм: артефакты и интерпретации» выступили с опровержением ряда идей и аргументов некоторых исследователей (Г.Н.Курочкина, С.С Сорокина, Ф.Б.Балонова), которые настаивали на «шаманской окраске» пазырыкской религии (Черемисин Д.В., Запорожченко А.В., 1996, с.30-32). По мнению учёных, следствием такого подхода является произвольное прочтение изобразительных сюжетов. Они указывают на то, что более продуктивным будет не поиск соответствий между археологическим материалом и отдельными аспектами сибирского шаманизма, а анализ мифо-ритуального комплекса ранних кочевников Евразии в контексте индоиранской мифологической традиции. Д.В.Черемисин и А.В.Запорожченко также отметили, что зафиксированный для скифов и других ираноязычных народов набор элементов, близких к шаманизму, вероятно, восходит к мифо-ритуальной практике индоиранцев Такие черты многие исследователи определяют как элементы «шаманского» ритуального комплекса.

В материалах этой же конференции Н.А.Боковенко опубликовал работу «Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху». Он охарактеризовал систему религиозных представлений кочевников этого периода как синтез шаманизма, северного варианта буддизма и восточного варианта зороастризма. Саму систему условно предложил назвать саяно-алтайской (Боковенко Н.А., 1996, с.41) Н.А.Боковенко указывает на то, что в пазырыкской религии отчётливо видны черты шаманизма, о чём уже неоднократно писали исследователи, а также элементы буддизма, подтверждением чего является мелкая пластика, пронизанная идеями борьбы и круговорота (Янь-Инь).

Концепцию Н.А.Боковенко первоначально в целом поддержали некоторые исследователи (Тишкин А.А , Дашковский П.К., 1998а) В тоже время стали высказываться сомнения относительно отдельных положений этой концепции, в частности о наличие элементов буддизма у пазырыкцев, во всяком случае в классическом его варианте (Шульга П.И., 1999, С.85; Дашковский П.К., 1999в, с.69) Исторические данные свидетельствуют о проникновении двух основных школ буддизма (хинаяна и махаяна) в Центральную Азию в I в. до н. э. (Воробьева-Десятовская М.И., 1984, с.86 и др.), В тоже время, надо обратить внимание на то, что начало формирования этой религии относится некоторыми учёными к сер. II тыс до н.э. (Торчинов Е.А., 1998, С.20). По мнению Ф.И. Щербатского, процесс становления буддизма осуществлялся на основе переработки семи различных религиозно-философских систем Древней Индии (Щербатский Ф.И,, 1988, с.68), что привело к значительному его разнообразию, особенно на первоначальном этапе развития. При этом важно отметить, что во многом буддизм последовательно проводил принципы более ранней религиозно-философской традиции, отражённой в древних священных текстах, в т. ч. в Упанишадах (VIII в. до н.э.) (Радхакришнан С., 1993, с 400; Степанянц М.Т., 1997, с.115-120, 151-173 и др.).

Не исключено, что в процессе культурных и военных контактов пазырыкцы имели возможность в какой-то степени познакомиться с некоторыми особенностями буддизма. Однако это знакомство, судя по имеющимся на сегодняшний день данным, не привело к проникновению в пазырыкскую религию концептуальных догматов буддизма. В этой связи, вероятно, более правомерно говорить о наличии в буддизме и в пазырыкской религии определённых общих мировоззренческих идей, в частности идеи единства и борьбы противоположностей, круговорота (Боковенко Н.А., 1996, с. 41), имеющих более ранние общеиндоевропейские истоки.

В целом можно согласиться с мнением Н.А.Боковенко и ряда других исследователей, указывающих на синкретический характер пазырыкской религии. Важными её компонентами являлся комплекс индоиранских мифологических представлений и элементы шаманизма. При этом необходимо заметить, что вопрос о наличии

черт шаманизма в пазырыкской религии следует рассматривать исходя из содержания самого этого явления. Несмотря на то, что в современной науке есть разные подходы к данному феномену (Басилов В.И., 1997. с.3-10; Элиаде М., 1998, с. 367-371; Токарев С.А., 1990, с.278-285 и др.), тем не менее, большинство учёных указывают на то, что эту форму религии или её элементы, можно обнаружить у большинства народов в разные исторические периоды. В настоящее время в отечественном религиоведении шаманизм принято рассматривать как особую стадию в развитии религиозных верований, в виде ранней формы политеизма, включающей определённую совокупность мировоззренческих идей и культовых действий (Басилов В.И., 1997, с.13). Именно, исходя из такого подхода к феномену шаманизма, и следует, выявлять его элементы в религии номадов Горного Алтая скифского времени.

Другой учёный, С.А.Яценко, сравнил ряд образов пазырыкского искусства с некоторыми сюжетами и персонажами китайской мифологии эпохи Чжоу. Он пришёл к выводу, что знакомство пазырыкских племён с китайской мифологической традицией и искусством этого периода было связано не только с какими-либо контактами между этими народами, но и более того, возможно, предки пазырыкцев проживали на окраинах северо-западного Китая (Яценко С.А., 1996, с.154-158). Последнее предположение автора вызлало ряд возражений у исследователей. П.И. Шульга, в частности отметил, что. во-первых, китайские вещи (шелковые вещи и зеркало) появляются лишь в поздних курганах, а во-вторых, большая часть т. н. «китайских» образов, возможно, является не китайскими, а переднеазиатскими (Шульга П.И., 1998. с. 709-710). По мнению учёного, связи Алтая с Восточным Туркестаном уже в раннескифское время (Шульга П.И., 1997) не дают оснований выводить пазырыкскую культуру из юго-восточных территорий, а наоборот указывают на традиционные контакты скотоводов Алтая с Передней Азией (Шульга П.И., 1998, с.710).

В 1998 году была опубликована книга Б.И.Кузнецова «Древний Иран и Тибет. История религии Бон», написанная ещё в первой половине 80-х гг. Автор её, основываясь исключительно на материалах раскопок С.И.Руденко, вслед за рядом других учёных, связывает пазырыкцев с восточно-иранскими племенами юечжи. Он отмечает, что в верования и обряды свидетельствует о доминировании в их религиозной традиции маздаизма, представлявшего собой сложное переплетение различных культов и представлений, распространённых в Иране в период правления Ахеминидов.Именно ахеменидским влиянием объясняется, по мнению религиоведа, распространение маздаизма у кочевых племён Средней и Центральной Азии (Кузнецов Б.И., 1998, с. 263-282). Выводы автора о наличие в пазырыкской религии значительного индоиранского пласта вполне убедительны. Однако в связи с тем, что данная работа написана сравнительно давно Б.И.Кузнецов, по вполне объективным причинам не смог привлечь современные разработки учёных по этой проблеме, что отразилось на его общих вьводах.

Отдельной проблемой является изучение особой категории лиц, выполняющей различные функции, связанные с духовной, преимущественно религиозной, жизнь общества. На наличие такой категории людей неоднократно указывали исследователи (Haskins J, 1988; p. 4; Руденко СИ, 1960; Шульга П.И., 1999 и др.), однако всестороннего изучения её не осуществлялось.

Важное место в религии пазырыкцев занимали различные поминальные и ритуальные сооружения, к изучению которых обращались С.И.Руденко (1960). С.С.Сорокин (1981), В.Д.Кубарев (1979:1987 и др.), Д.Г.Савинов (1997), Ю.С.Худяков (1996), К.Л.Банников (1996), С.П.Грушин и П.К.Дашковский (Дашковский П.К, Грушин СП., 1998). Несмотря на определённые расхождения в трактовке отдельных видов таких памятников (например, балбалов), всё же у исследователей не вызывает сомнения их значительная роль в погребально-поминальной обрядности.

С религиозно-мифологическими представленями, как уже отмечалось, тесно связано искусство пазырыкцев. После С.И.Руденко и М.П.Грязнова отдельных всесторонних исследований в этом направлении долго не предпринималось В тоже время многие исследователи в большей или меньшей степени обращались к различным аспектам этой проблемы (Шер А.Я., 1980; 1998; Членова Н.Л., 1986; Королькова Е.Ф., 1996; Переводчикова Е.В., 1984; 1986; 1994; Бобров В.В., 1976; Баркова Л.Л., 1983; 1984; 1987; 1990; 1995). Вопрос, связанный с истоками пазырыкского искусства, в целом рассматривался в русле идей, высказанных С.И.Руденко и М.П.Грязновым. В тоже время, следует отметить, что в настоящий момент появляются работы, в которых некоторые археологи, в частности Н.В.Полосьмак, С.А.Яценко, указывают не только на переднеазиатские мотивы, но и на древнекитайские (Полосьмак Н.В., 1994, Яценко И.В., 1996 и др.).

Давольно подробно учёные изучили стилистические особенности отдельных художественных образов (Кубарев В.Д., 1987; 1991; Переводчикова Е.В., 19946, с.116-128; Баркова Л.Л., 1983; 1984 и др.). Всё это создают базу для написания обобщающего труда в дальнейшем по пазырыкскому искусству.

Отдельной проблемой является изучение наскального искусства кочевников. В.Д.Кубарев и Е.П.Маточкин в 1992 году в монографии «Петроглифы Алтая» кратко изложили историю изучения петроглифов. Позднее В.Д.Кубарев провёл сопоставление произведений, выполненных в зверином стиле из пазырыкских курганов с петроглифами Горного Алтая скифского времени. В результате было выделено пять групп основных художественных сюжетов, наиболее распространённых в искусстве кочевников (Кубарев В.Д., 1999а, с.85). Такое сопоставление, по мнению учёного, позволяет наиболее полно проследить динамику развития алтайского стиля. Он также отметил, что в наскальных изображениях пазырыкцев нашли отражение религиозно-мифологические представления, в частности близничный и солярный культы.

Другой исследователь Е.П. Маточкин, в одной из своих последних работ попытался выявить определённые архетипические образы в искусстве Горного Алтая скифского времени. Учёный, основываясь на положениях аналитической психологии К.Г.Юнга о наличии в культуре какого-либо народа коллективного бессознательного и архетипов, воплощённых в наскальных изображениях Горного Алтая, относящихся к различным историческим периодам, в том числе к пазырыкскому времени (Маточкин Е.П., 1999).

Таким образом, рассмотрение основных работ по реконструкции религиозных и мировоззренческих представлений пазырыкцев показало, что большинство учёных признают синкретичность религии кочевников, основными составляющими которой являются элементы шаманизма и комплекс индоиранских религиозно-мифологических представлений и ритуалов. Необходимо отметить, что формирование религии пазырыкцев

происходило под влиянием определённых объективных факторов (Дашковский П.К., 1999, с.38-39). Прежде всего существенное влияние на развитие духовной жизни общества оказывали социально-экономические процессы, протекавшие у кочевников. Это связано с тем, что сознание, мышление и ритуальные действия в то время не выходили из сферы повседневной целенаправленной деятельности (Вебер М., 1994, С.78). Вероятно, именно развитие скотоводческого типа хозяйства можно объяснить особую роль лошади в культуре пазырыкцев, в том числе в искусстве, в погребальном обряде (Тишкин А.А., Дашковский П.К, 19986, в, д; Кубарев В.Д.,1991 и др.) и в целом в религиозно-мифологической системе. Кроме того, генезис культур скифского типа в евразийских степях совпал с важным этапом в истории человечества. На VIII-II вв, до н.э. приходится ось мировой истории. В это время в недрах древних культур Средиземноморья, Китая, Индии, Ближнего Востока складываются основы нового типа мышления, философии, мировоззрения, возникают новые религиозные вероучения (Ясперс К., 1994, С.32-35). Скотоводческие племена Евразии находились на периферии этих древних цивилизаций, поэтому в духовной жизни кочевников также наблюдаются определённые инновации, хотя они выражены гораздо слабее (Дашковский П.К.. 1999е). Пазырыкские племена наиболее тесные культурно-исторические связи имели с Передней Азией, особенно с Ираном (Рудежо С.И., 1960; Марсадолов Л.С.,1996 и др.) и в меньшей степени с Китаем (Полосьмак Н.В., 1994; Яценко И.В.,1996; Шульга П.И., 1998). Вероятно, именно этим обстоятельством можно объяснить наличие в пазырыкской религии значительного пласта индоиранской религиозно-мифологической традиции.

Для религии кочевников, их сознания и мировоззрения характерен глубокий символизм (Дашковский П.К., 1998в), что нашло своё проявление в различных областях культуры и прежде всего в погребальном обряде и в искусстве, несущих знаково-символическую нагрузку (Дашковский П.К., 1997а; 1998в и др.; Маточкин Е.П., 1999). На динамику религии номадов серьёзное влияние оказали и особенности мышления кочевников, которое представляло собой определённый переходный тип от мифологического к «современному» (Дашковский П.К., 1999е).

В тоже время следует отметить, что многие вопросы, связанные с изучением религиозно-мифологической и мировоззренческой системы пазырыкцев, остаются не решёнными, в том числе вопрос об основных компонентах этой системы, степени их влияния на её генезис. Слабо изучены многие мифологические сюжеты, обряды и верования. Важной проблемой остаётся формирование методологической основы для дальнейших исследований в этом направлении. В данном случае представляется перспективным привлечение разработок структурализма и аналитической психологии (Дашковский П.К., 1998а; 1999д; 1999е), что уже позволило сделать ряд важных выводов по вопросам духовной культуры древних кочевников Горного Алтая (Дашковский П.К., 1997а; 19986; 1999д и др.).

Литература

1. Акишев А.К. Искусство и мифология саков - Алма-Ата, 1984 — 176с.
2. Балонов Ф.Р. Пазырыкские этюды//Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск, 1987. - 4.1 -С. 91-94.
3. Банников К.Л. Баал-балы в пазырыкской космологии (По материалам полевых исследований на плато Укок) //Археоастрономия проблемы становления - М, 1996. - С. 10-12.
4. Баркова Л.Л. Изображение свернувшегося хищника на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. - 1983. - Вып 24. - С.20-31.
5. Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге из второго Башадарского кургана // АСГЭ. - 1984. -Вып 25. - С. 82-89.
6. Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам больших алтайских курганов)//АСГЭ. - 1987. - Вып.28. - С.5-29.
7. Баркова Л.Л. Образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам больших алтайских курганов) // АСГЭ - 1990 - Вып 30 — С.55-66.
8. Баркова Л.Л. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных хищников в искусстве ранних кочевников Алтая {опыт статистического анализа) //АСГЭ - 1995. - Вып.32. - С.60-76.
9. Басилов В.И. Что такое шаманство // Этнографическое обозрение - 1997 - №5 - С.3-15.
10. Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху //Жречество и шаманизм в скифскую эпоху - СПб , 1996. - С.39-42 .
11. Вебер М. Избранное Образ общества -М.,1994.
12. Воробьёва-Десятовская М.И. Индийцы в Восточном Туркестане в древности (некоторые социологические аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История, культура, связи. - М., 1984. - С.61-96.
13. Дашковский П.К. Космологическая модель пазырыкского кургана // Четвертые исторические чтения памяти М.П.Грязнова -Омск, 1997 — С. 44-47.
14. Дашковский П.К. Струкрурно-семиотический подход и реконструкция мировоззрения древних обществ // XXX Урало-поволжская археологическая студенческая конференция - Самара, 1998а. - С.25-26.
15. Дашковский П.К. К вопросу о семантике некоторых элементов погребального обряда пазырыкцев // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. - Улан-Удэ, 19986 - С.51 — 52.
16. Дашковский П.К. Некоторые аспекты развития мировоззрения древних кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. - Горно-Алтайск, 1998в.
17. Дашковский П.К. Некоторые подходы к реконструкции мировоззрения древних обществ в отечественной археологии //XXXI Урало-Поволжская конференция студентов, аспирнтов и молодых учёных. - Самара, 1999. -С. 104-105.
18. Дашковский П.К. Погребальный памятник как археологический источник (по материалам скифской эпохи Горного Алтая) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий - Липецк 19996 -С. 103-105.

19. Дашковский П.К. Некоторые проблемы и направления изучения скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая Известия лаборатории археологии №4. - Горно-Алтайск,1999в. - С. 66 — 74.
20. Дашковский П.К. Основные типы погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий -Томск, 1999 г.
21. Дашковский П.К. Археология и психология, междисциплинарное исследование древних обществ // XIV уральское археологическое совещание. - Челябинск, 1999г.
22. Дашковский П.К. К вопросу о формировании религиозно-мифологической системы пазырыкцев Горного Алтая // Материалы XXXVII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» - Новосибирск, 1999а — С.38-39.
23. Дашковский П.К. Историческая психология и некоторые проблемы изучения менталитета // Историческая психология Петербурга и петербуржцев за три века - СПб, 1999ж. - С 141-142.
24. Дашковский П.К. Проблема реконструкции основных компонентов религиозной системы пазырыкцев Горного Алтая // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 2000, -Ч 1 - С. 178-180.
25. Дашковский П.К. ,Грушин С.П. Кенотафы пазырыкского времени Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. - Улан-Удэ, 1998. - С.51-52.
26. Зуев В.Ю. Исповедальные пути божественного всадника (по материалам ковровых полотен и погребального обряда в Пазырыке) // Северная Азия от древности до средневековья - СПб.,1992 — С.131-134.
27. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. - М - Л., 1951. - 638с.
28. Клейн Л.С. Индия и скифия. Общие истоки идеологии//Скифо-сибирский мир: искусство и идеология - Кемерово, 1984 -С.31-34.
29. Королькова Е.Ф. Зооморфные украшения конского снаряжения евразийских кочевников скифо-сарматской эпохи // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. - Запорожье, 1994 — С. 92-94.
30. Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствознания и «звериный стиль» скифской эпохи. К формированию глоссария основных терминов и понятий -СПб., 1996.
31. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. - Новосибирск, 1979 - 120 с.
32. Кубарев В.Д. «Конь счастья» в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения - Новосибирск, 1980 — С.58-70.
33. Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибутации ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы Западносибирской археологии Эпоха железа. - Новосибирск, 1981. - С 84-94.
34. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка -Ноосибирск, 1987.-302 с.
35. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - Новосибирск, 1991. -270 с.
36. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - Новосибирск. - 1992. - 220 с.
37. Кубарев В.Д. Древние кочевники Восточного Алтая. Автореферат дис.к.и.н. - Новосибирск, 1997. -29 с.
38. Кубарев В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий - Барнаул, 1999а. - С.84-92.
39. Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии - Горно-Алтайск.19996. - №4,- С.186-201.
40. Кузьмин Н.Ю. Генезис Саяно-Алтайского шаманизма по археологическим источникам // Северная Азия от древности до средневековья. - СПб., 1992. - С.125-130.
41. Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии бон. - СПб,1998 -35 с.
42. Курочкин Г.Н. Скифо-сибирский шаманизм (к реконструкции религиозной системы ранних кочевников Саяно-Алтая) // Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова -Омск,1992. - 4.2 - .39-41.
43. Курочкин Г.Н. Путешествие в преисподню: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // Скифы Сарматы Русь (ПАВ №6). - СПб , 1993 -С 27-31.
44. Курочкин Г.Н. Скифские корни сибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» пазырыкских курганов // ПАВ №8 - СПб., 1994 — С.60-68.
45. Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс до н.э // История и культура народов Средней Азии. - М., 1976. - С. 7-18.
46. Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. - М., 1991. - 525 с.
47. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII-IV вв до н.э.). Автореферат дисс... к.и.н. - Л., 1985 - 16 с.
48. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV вв до н.э (от истоков до нач. 80-х гг) - СПб., 1996а. - 100 с.
49. Марсадолов Л.С. Пазырыкский грифон и современность //Жречество и шаманизм в скифскую эпоху ~ СПб. 19966 -С.137-139.
50. Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, 1989 -С.284-292.
51. Маточкин Е.П. Археологические образы в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул, 1999 -С.122-126.
52. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - М., 1995.-408 с.
53. Мелюкова А.И. Новое в изучение актуальных проблем скифологии // КСИА. - Вып.204. - 1991. - С.3-10.
54. Переводчикова Е.В. Ещё раз об этнокультурных влияниях в скифском зверином стиле Алтая и соседних областей в V-VI вв. до н э. // Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. - Омск, 1992 - 4.2. - С. 90-92.
55. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи -М.,1994. -206 с.
56. Погребова М.Н , Раевский Д.С. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем

средневековье. -М., 1988. - С.156-189.
57. Полосьмак Н.В. Изображение рыбы в искусстве пазырыкской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья - СПб, 1992. - С. 134-138.
58. Полосьмак Н.В. Птица «феникс» в искусстве пазырыкской культуры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1993. - 4.1. - С. 169-173.
59. Полосьмак Н.В. «Стеригущие золото грифы». - Новосибирск, 1994а. - 123с.
60. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культурьг Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) - Новосибирск, 19946. - С.137-144.
61. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений Автореферат дисс... д. и.-н - Новосибирск, 1997. - 54с.
62. Радхакришнан С Индийская философия. - М., 1993. - Т. 1.
63. Раев Б.А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир - Кемерово, 1984 - С, 134-135.
64. Раев Б.А. Аланы в евразийских степях восток-запад // Скифия и Боспор. - Новочеркаск, 1989. - С. 116-117.
65. Раевский Д.С Очерки идеологии скифо-сакских племён. Опыт реконструкции скифской мифологии - М , 1977 -216с.
66. Раевский Д.С. Из области скифской космологии (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой могилы)//ВДИ - 1978 - №3. - С 115-133.
67. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. - М.-Л ,1952 - 266 с.
68. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л., 1953.-402 с.
69. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.-Л., 1960. - 359 с.
70. Савинов Д .Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. - СПб ,1994. - 208 с.
71. Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху -СПб., 1996 -С107-111.
72. Савинов Д.Г. «Идея» ряда в древних и средневековых памятниках Центральной Азии и Южной Сибири // Четвертые исторические чтения памяти М.П.Грязнова - Омск, 1997. - С. 126-128.
73. Семёнов Вл.А. «Ритуальный двойник» в похоронном обряде кочевников Южной Сибири // Смерть как феномен культуры -Сыктывкар, 1994 -С.135-142.
74. Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. - Л., 1978 — С.172-191.
75. Сорокин С.С.К вопросу о толковании внекурганных памятников //АСГЭ. - 1981. - Вып.22 — С. 23-39.
76. Степанянц М. Т. Восточная философия. - М., 1997. - 503 с.
77. Суразаков А.С. Космологические представления в пазырыкском искусстве // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. - Кемерово, 1984. - С.66-69.
78. Суразаков А.С. К вопросу о семантике некоторых образах пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1986. - С 3-34.
79. Суразаков А.С. О некоторых, связанных с оружием образах пазырыкского искусства // Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск, 1988.
80. Тишкин А.А., Дашковский П. К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. - Вып.2 - Горно-Алтайск, 1997а - С. 19-24.
81. Тишкин А.А. Дашковский П К Захоронение человека с конём как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири - Барнаул, 19976. -С.14-117.
82. Тишкин А.А. Дашковский П.К. Ориентация и положение погребённых людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. -Горно-Алтайск 1998а - Вып 3 — С.77-83.
83. Тишкин А.А. Дашковский П.К. Погребения человека с конём в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем - Горно-Алтайск, 19986. -С.16-19.
84. Тишкин А.А. Дашковский П,К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячилетий. - Новосибирск, 1998в — С.581-591.
85. Тишкин А.А., Дашковский П.К Место коня в погребальной традиции пазырыкцев // Интеграция археологических и этнографических исследований. - СПб , 1998д. - 4.2. - С. 103-105.
86. Торчинов Е.А. Буддизм // История религии Лекции прочитанные в Санкт-Петербургском университете. -СПб., 1998 — С. 20-39.
87. Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху -СПб.. 1996 -СД7-89.
88. Хюбнер К. Истина мифа - М , 1996. - 448 с.
89. Черемисин Д.В , Запорожченко А.В «Пазырыкский шаманизм». Артефакты и интерпретации // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. - СПб. ,1996. - С.30-32.
90. Членова Н.Л. Алтайский звериный стиль и орнамент //Скифская эпоха Алтая. - Барнаул, 1986 — С.26-29.
91. Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира -М., 1997 - 98 с.
92. Шер Я.А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство -Кемерово, 1980 - С 338-347.
93. Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана.- Алматы. - М, 1998 -Вып 2 -С.218-230.
94. Шерстов Л.И. Индоиранская основа мировоззрения ранних кочевников Саяно-Алтая (по этнографическим материалам) // Скифо-сибирский мир - Кемерово, 1984. - С 80-82.

95. Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии - Горно-Алтайск, 1999 - №4.-082-91.
96. Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетии. - Новосибирск, 1998 - Ч. 1. - С.702-712.
97. Щербатский Ф.И. Избранные труды по буддизму. - М, 1988.
98. Ясперс К. Смысл и назначение истории - М., 1994.
99. Яценко С.А. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. - СПб ,1996. - С 154-158.
100. Яценко И.В., Раевский ДС. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы (Дискуссионные проблемы отечественной скифологии) // Народы Азии и Африки - 1980. - №5. - С, 102-117.
101. Haskins J. China and the Altai //Bulletin of the Asia Institute. New Series. - 1988- Voi.2-p 1-9.

Абдулганеев М.Т.
(г. Барнаул)

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА ЕЛБАНКА

Городище Елбанка находится в 2 км к востоку от с. Елбанка Усть-Пристанского района Алтайского края и в 4 км к ЮЗ от выхода в пойму р. Обь ее левого притока - р. Чарыш, на останце левого берега последнего. Высота останца от поймы составляет 20-25 м, края его крутые и только с юго-западной стороны имеется пологий спуск. Восточная и юго-восточная кромки останца ранее размывались и интенсивно осыпались. Небольшие осыпи сохранились и до настоящего времени, В пологой части останец пересекается рвом шириной в верхней части 6-7 м и глубиной 1,0-1,2 м. Внутри укрепленной части и за ее пределами первоначально насчитывалось 36 неглубоких западин диаметром 4-6 м; часть из них была раскопана.

Городище было открыто в 1903 г. Н.С. Гуляевым (Демин М.А., 1987, с. 72). В 1968, 1970 и 1971 гг. раскопки на памятнике проводила Э.М. Медникова, в 1987 г. - В.А. Могильников. В данной публикации учитываются только материалы исследований 1968-71 гг., хранящиеся в Алтайском государственном краеведческом музее {кол. 12693, 12909, 12985) и обработанные с любезного разрешения Э.М. Медниковой. Часть этих находок уже опубликована (Иванов Т.Е., 1987, рис. 2; Иванов Г.Е., 1993, рис. 1; Тишкин А.А.. Медникова Э.М., 1993, рис. 1; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 38; Могильников В.А., 1997, рис.44; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, рис. 2,5; Фролов Я.В., 1999а, рис 8,9,13), однако иногда даже наименование памятника приводится неточно (Тишкин А.А., Медникова Э.М., 1993, с. 133-134; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 43, 220). Неверно, как бронзовый, опубликован один из найденных на городище Елбанка наконечников стрел (Иванов Г.Е., 1993, рис. 1-6), являющийся на самом деле костяным. Учитывая значительность, а порой даже уникальность полученных при раскопках Елбанки материалов, представляется необходимым дать их краткую характеристику и предварительную интерпретацию.

Всего на городище Елбанка было вскрыто более 900 кв.м. В ходе раскопок выявлены шесть жилищ, хозяйственные и производственные ямы, остатки укреплений. Все жилища имели подпрямо-угольную форму, неглубокие котлованы, выходы коридорного типа, каркасно-стопбовую конструкцию стен и один-два очага. Четыре из них площадью от 23 до 38 кв.м располагались в ряд, вдоль северозападной кромки останца и были зафиксированы в северной части основного раскола № 1 (№№ 3,2,4,6 - с ЮЗ на СВ). Одно жилище (№ 1) площадью около 90 кв.м было прослежено в южной части этого же раскопа у восточной кромки останца. Размеры внутреннего котлована этого жилища на уровне материка было значительно меньше и составляли около 36 кв.м (жилище № 1-а). Раскоп №2 был заложен в юго-западной, напольной части городища. Им было исследовано жилище № 5 площадью 16 кв.м. Третий раскоп перерезал ров, зафиксировав наличие системы укреплений (ров, вал, частокол) и использование их в течение двух хронологических периодов. Помимо этого, при раскопках было найдено большое количество костей животных и рыб, железные шлаки и крицы (в том числе в жилищах), изделия из железа, бронзы, кости, керамики и камня. Анализ материалов показал, что они не единовременны и относятся по крайней мере к пяти эпохам.

Первый культурно-хронологический комплекс.

Учтено 44 венчика от 16 сосудов, 9 из которых полностью или частично реконструированы (рис. 1-1-3)- Все они плоскодонные, баночной формы, не украшена только придонная часть. Орнамент представляет собой гребенчатую елочку, каннелюры, зажимы, угловые отпечатки, горизонтальные валики, гребенчатые треугольники по венчику. По комплексу признаков керамика первого комплекса сходна с андроновской (федоровской), однако некоторые черты ее орнаментации (валики, зажимы) находят соответствия в позднебронзовых комплексах Казахстана и соседних с ним районов Алтайского края (Кирюшин Ю.Ф.. Иванов Г.Е., 1990, рис. 1,2). Все же по внешнему облику елбанская керамика ближе именно андроновской; в отличие от саргаринско-алексеевской (Демин М.А., Ситников С.М., 1998, с. 46) она почти полностью орнаментирована Различны и формы сосудов. Скорее всего, первый комплекс Елбанки демонстрирует один из самых ранних контактов андроновцев Алтая с носителями культуры валиковой керамики. Первые проникновения валиковцев в лесостепное Алтайское Приобье относятся к последней четверти II тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с. 111, 113).

Условия находки самой андроновской керамики на Елбанке достаточно специфичны: она залегала на глубине 0,5-1,0 м скоплениями в западной части раскопа, главным образом у жилища № 3. В четырех случаях керамике сопутствовали находки костей человека. Скорее всего, более поздними жилищами и ямами на останце был разрушен "могильник эпохи бронзы, а керамика происходит из погребений и обычно сопутствующих им на андроновских некрополях поминальников. Косвенно в пользу такого вывода свидетельствует значительная высота самого останца. Андроновские поселения Алтая обычно располагаются на низких и пойменных террасах, затопляемых в настоящее время при паводках (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., с. 43).

Второй культурно-хронологический комплекс

Учтено 182 венчика не менее чем от 72 сосудов, из них реконструировано полностью или частично 34 (рис. 2). Керамика представлена двумя основными формами: слабопрофилированными плоскодонными горшками и банками (72%) и чашами (28%). Один горшок имеет небольшой поддон. Сосуды украшены, как правило, только в верхней части, не более чем на одну треть. В орнаментации преобладают жемчужник (73% венчиков), наколы (55%) и гребенчатый штамп (55%). Значительно реже встречаются резные линии (19%) и особенно валики (2%). Обычный орнамент на горшках: два ряда жемчужника, разделенного уголком, ямками, насечками, отпечатками гребенками. Реже встречается один ряд жемчужника либо жемчужник без разделителя. Часто сеткой или наклонными линиями украшены срезы венчиков. Между двумя рядами жемчужника или ниже верхнего ряда жемчужника (если этот ряд - один) обычны зигзаг, ряды наклонных линий, сетка, елочка, горизонтальные пинии. У одного сосуда углы горизонтального зигзага выделены наколами - прием, обычный для ирменской посуды. У другого орнаментированы придонная часть и днище. Чаши украшены беднее и в их орнаментации преобладает гребенчатый штамп. Обычно они орнаментированы рядами наклонных и горизонтальных линий, елочкой, сеткой, зигзагом. Иногда орнамент занимает почти всю поверхность чаш.

Абсолютные аналогии второму комплексу Елбанки имеются на целом ряде памятников ближнеелбанского этапа большереченской культуры (Грязнов М.П., 1956, табл. IX, X, XIII, XIV, XIX; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, рис. 4-14), По сравнению с орнаментацией болыиереченских городищ северных предгорий (Абдулганеев М.Т., 1997а, рис. 3,4: Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., 1999, с. 6) керамика Елбанки украшена значительно богаче, но как и на них, в орнаментации преобладает гребенчатый штамп.

Синхронен керамическому комплексу целый ряд находок: два бронзовых симметрично и асимметрично ромбических двухлопастных втульчатых наконечника стрел, костяной четырехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, три роговых трехдырчатых псалия (один обломан), роговой втульчатый молот (рис. 4-1-4.12). Один из бронзовых наконечников найден во рву, другой вместе с роговыми молотом и псалиями - восточнее жилища № 1. Здесь же, а также за пределами жилищ №№ 3,4 и 6 найдена и основная часть большереченской керамики, выброшенная из культурного слоя при копке котлованов более поздних жилищ. Таким же образом, скорее всего, в задерновавшийся котлован большереченского жилища № 1 было впущено и позднейшее жилище № 1а.

Бронзовые наконечники стрел из Елбанки имеют очень широкие аналогии и были характерны для восточных районов скифо-сибирского мира в период VIII -VI вв. до н.э. (Степная полоса..., 1992, табл. 4,52,72 и др.; Иванов Г.Е., 1987, рис. 2; Абдулганеев М.Т., 1993, с. 52, рис. 3; Иванов Г,Е., 1993, с 56-57; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 81-82, рис.58, 60; Могильников В.А., 1997. рис.44). Абсолютных аналогий псалиям нет. По мнению Л.С. Марсадолова, коленчатый псалий из Елбанки близок аржано-черногоровским; все три псалия имеют в оформлении ранний признак: отверстия расположены равномерно на концах и в центре (Марсадолов Л.С., 1998, с. 6,8). Сходный с елбанским роговой молот был найден на большереченском могильнике БЕ-XIV (Грязнов М.П., 1956, табл, XLIX), а костяной ромбический наконечник стрелы подобен таким же наконечникам со скрытой втулкой VIII-VI вв. до н.э., изготовленным из бронзы.

Время существования большереченского городища в устье Чарыша определяется как найденными при его раскопках вещами, так и керамикой, близкой в первую очередь посуде ближнеелбанского этапа. На рубеже VII—VI вв. до н.э. ближнеелбанский этап сменяется бийским; к этому же периоду относятся появление на Верхней Оби и в северных предгорьях различных групп мигрантов с юга и юго-запада (ранние староалейские, ранние быстрянские и другие памятники) (Абдулганеев М.Т. 1993, с, 52; Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., 1999, с. 6-7, 12-13; Кунгуров А.Л., 1999, с. 97-98; Фролов Я.В., 19996, с. 212-215) Учитывая лри этом некоторые черты орнаментации второго комплекса Елбанки и ранние признаки псалиев, дату существования большереченского городища Елбанка, скорее всего, следует ограничить 2 пол. VIII-VII вв. до н.э. Елбанка, видимо, одно из самых ранних большереченских городищ и появление такого типа памятников следует считать реакцией местного населения на инородную экспансию с территории Восточного и Северного Казахстана (Абдулганеев М.Т., 1997а, с 56; Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., 1999, с. 12).

Третий культурно-хронологический комплекс.

Учтено 62 венчика от 32 сосудов, 18 из которых полностью или частично реконструированы (рис. 1- 4-7,9). Сосуды плоскодонные, большей частью баночной формы, меньше чаш и горшков. Орнаментированы они только в верхней части; орнамент располагается в одну-две строки. Наиболее часто встречается один ряд жемчужника, разделенного насечками, ямками, оттисками гребенки. Выше или ниже жемчужника обычны резные и гребенчатые елочка, сетка, зигзаг, ряд наклонных линий. Два сосуда украшены налепными валиками: горизонтальным рассеченным и в виде завязки кожаного сосуда в сочетании с налепными «ушками». Чаши чаще всего украшены только наколами.

По общему облику третий комплекс Елбанки ближе всего поселенческой керамике Верхней Оби и северных предгорий Алтая VI—II вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, рис 49-51, 53-56, 60, с, 57-58). Наличие сосудов с валиками, являющихся культурноопределяющим признаком быстрянских памятников (Абдулганеев М.Т., 1994, с. 108-109; Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с. 57-58, 63-64), позволяет поставить вопросе проникновении в скифское время носителей быстрянской культуры не только до устья Ануя и Песчаной, но и до устья Чарыша. На правобережье такие проникновения фиксируются на оз. Бол. Иткуль, в устьях рек Бол. Речка и Косиха (Грязнов МЛ., 1956, табл XXIX; Абдулганеев М.Т., 1994, рис. 1; Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, рис. 51, 53).

К этому же периоду, скорее всего, относятся и обломки семи плоскодонных баночных сосудов, украшенных по венчику одним-двумя рядами ямок (рис. 3-8). Подобная керамика обычна для поселений III-I вв. до н.э Новосибирского Приобья (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл.2, X, XI, с. 44-45).

Четвертый культурно-хронологический комплекс.

Учтено 36 венчиков от 21 сосуда, 10 из которых полностью или частично реконструированы (рис. 1-10,11). Сосуды, скорее всего, круглодонные, венчики их выражены слабо. Один венчик имеет карнизик, несколько орнаментированы по срезу или на внутренней поверхности. Внешняя поверхность орнаментирована не

полностью, обычно не более одной трети сосуда. Располагается орнамент в одну-четыре строки; наиболее распространены ямки в один-два ряда. На двух сосудах встречены гребенчатая и гладкая уточка, на четырех — ее двучленная имитация. Отпечатки гребенки образуют горизонтальные ряды, гладкий штамп —такие же ряды или зигзаг.

В целом форма и орнаментация четвертого комплекса обычны для кулайской культуры, а некоторые черты (в первую очередь - двухчленная имитация фигурного штампа) - для ее фоминского этапа (Грязнов М.П., 1956, табл. XLIX, L; Троицкая Т.Н., 1979, табл. XLVI, с. 49-50; Чиндина Л.А., 1984, с. 88-91, 121). Почти вся фоминская керамика Елбанки найдена в раскопе № 2 и увязывалась с котлованом жилища № 5, что позволяет идентифицировать последнее как кулайскую постройку. Вместе с керамикой в жилище № 5 и рядом с ним были обнаружены немногочисленные изделия из кости и камня, не позволяющие, однако, более точно датировать весь четвертый комплекс. Следует отметить что в настоящий момент фоминское поселение на Елбане является самой южной точкой распространения кулайской культуры на левобережье Оби.

Пятый культурно-хронологический комплекс.

Учтено 268 венчиков от 106 сосудов, из которых полностью или частично реконструировано 52 (рис. 3). Сосуды двух основных типов: плоскодонные, хорошо профилированные горшки (67%) и плоскодонные, реже круглодонные чаши (33%). В орнаментации преобладают наколы (73% венчиков), зубчатый штамп (43%), насечки и ногтевые отпечатки (35%). Меньше сосудов, украшенных гладким штампом (16%) и только 6% керамики не украшены совсем. У горшков орнаментирована верхняя половина или треть тулова и венчик, очень часто украшены выгнутые наружу срезы венчиков или их внутренняя сторона. Орнамент образует горизонтальные полосы, волны, елочку, а на одном сосуде -арки Чаши украшены беднее. Обычно это наколы различной формы или насечки в один ряд, дополняемые только орнаментированным срезом венчика или его внутренней части. Значительно реже на чашах встречаются горизонтальные полосы или елочка. Одна из чаш орнаментирована изнутри оттисками зубчатого штампа, образующими волну.

Кроме того, к пятому комплексу относятся обломки каменных зернотерок и курантов, железные нож, багор, панцирная пластина, тесло, наральник, булавка, костяные и роговые пряжки, наконечники стрел и множество других изделий. Эти вещи были найдены в культурном слое, заполнении рва, в котлованах жилищ №№ 1а, 2,3,4 и 6 вместе с основной массой керамики этого комплекса. Выше перечисленные жилища можно таким образом идентифицировать именно с описанным керамическим комплексом.

Ряд вещей имеет значение для датировки всего пятого комплекса. Железные ножи с выделенной рукоятью и упором появляются в Южной и Западной Сибири в VIII-IX вв. н.э., но наибольшее распространение получают в монгольское и предмонгольское время, бытуя вплоть до XVI в. н.э. (Сунчугашев Я.И., 1977, рис, 4, с 248; Савинов Д.Г., 1982, рис. 5, с. 117; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, рис. 50-52, 91, с. 3; Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., Горбунов В.В., 1995, рис. 3; Беликова О.Б., 1996, рис. 27, с. 100; Илюшин М.А., Сулейменов М.Г., 1997, рис.6, с. 96; Плетнева Л.М., 1997, рис. 46,76,97,98 и др.; Алехин Ю.П., Илюшин А.М., 1998, рис. 1, с. 211). К периоду XIII-XIV вв. относится широкое распространение удлиненных подпружных пряжек с железным язычком «монгольского» типа, хотя возможно и более раннее бытование таких изделий (Степи Евразии..., 1981. рис. 73,74; Беликова О.Б., 1996, рис. 58, с. 99; Плетнева Л.М., 1997, табл. 187).

Железные наральники появляются на Днепре еще во второй половине I тыс. н.э., а на Волге и особенно в Сибири - только в XI—XIV вв. н.э. (Степи Евразии..., 1981, рис.78; Седов В.В., 1982, табл. LXI; Финно-угры и балты..., 1987, табл. LXII). По мнению Е.А. Сидорова, в Минусинской котловине «на орудиях [наральниках - А.М.] II тыс. н.э. лопасть приобретает более выраженные треугольные очертания» (Сидоров Е.А., 1988, с. 53), как и на наральнике из Елбанки. Земледельческим орудием, вероятно, является и найденное на городище железное тесло, относящееся по классификации Ю.А. Краснова к ручным орудиям для вскапывания земли (Краснов Ю.А., 1971, рис. 5, с. 9). Абсолютные аналогии наральнику и теслу имеются в этнографии кумандинцев и шорцев: озуп (корнекопалка) и абыл (мотыга) (Потапов Л.П., 1935, рис. 11,22, с. 72-73, 81-82). Не исключено однако, что функциональное назначение этих орудий у южносибирских народов могло со временем измениться, а на Елбанке мы все-таки имеем свидетельства не только мотыжного, но и плужного земледелия (Абдулганеев М.Т., 19976, с. 140).

Если время существования пятого комплекса Елбанки и повторного использования останца в качестве городища определяется серией находок в пределах XII—XIV вв. н.э., скорее всего даже XIII-XIV вв. н.э., то культурная принадлежность его, как и керамики достаточно спорна. Орнаментальные мотивы на сосудах из Елбанки находят аналогии в керамических комплексах Новосибирского и Томского Приобья 1 пол. II тыс. н.э., но посуда этих регионов круглодонная (Адамов А.А., 1995, с. 86, 88; Беликова О.Б., 1996, рис. 94,103; Плетнева Л.М., 1997, табл. 186). Подобную керамику Алтайского Приобья в настоящее время относят к поздним этапам сросткинской культуры, не исключая, впрочем, и ее более позднего бытования (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1997, с. 303; Горбунов В.В., 1998, с. 188-189), По моему мнению, сами по себе оба тезиса не противоречат друг другу. Погребальная обрядность населения XIII-XIV вв. н.э. напрямую увязывается с позднесросткинской (Могильников В.А., 1992, с. 94). Генетической связи в погребальном обряде должна была сопутствовать преемственность керамических комплексов, особенно их декора. Учитывая датировку некоторых находок с Елбанки и, особенно, пряжки «монгольского» типа, мне кажется более обоснованной постсросткинская, а не позднесросткинская принадлежность пятого культурно-хронологического комплекса.

Таким образом, останец в устье р. Чарыш использовался в течение последних 3,5 тысяч лет пять раз: 1) позднеандроновский могильник (последняя четверть II тыс. до н.э.); 2) большереченское городище (2 половина VIII-VII вв. до н.э.); 3) быстрянское или быстрянско-староалейское поселение (VI-II вв. до н.э.); 4) фоминское поселение (конец I тыс до н.э. - первая четверть I тыс. н.э.); 5) постсросткинское городище (XI—XIII—XIV вв„ н.э.). Особенно интересны материалы двух городищ: раннескифского и монгольского периодов. Памятников этих эпох, особенно укрепленных поселков, на Алтае известно немного и изучены они очень слабо. В этой связи хочется отметить большую перспективность дальнейших полевых работ на Елбанке, не исследованной и на четверть.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа в Верхнем Приобье // Культура древних народов Южной Сибири -Барнаул, 1993 - С 51-56
2. Абдулганеев М.Т. Валиковая керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. - Барнаул, 1994. -С 106-109.
3. Абдулганеев М.Т. Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1997а. -№ 2. -С. 53-61.
4. Абдулганеев М.Т. О наличии земледелия у племен лесостепного и предгорного Алтая в эпоху железа // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. -Барнаул, 19976.-С. 138-141.
5. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н.э. - Барнаул, 1997. - 147 с.
6. Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Ёлбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово, 1995 -С. 243-252
7. Абдулганеев М.Т. Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катуни // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул, 1999. - С 5-13,
8. Адамов А.А. К вопросу о керамике сросткинской культуры // Археология вчера, сегодня, завтра. - Новосибирск, 1995. - С. 83-90
9. Алехин Ю.П., Илюшин А.М Уйгурские курганы IX-X вв. на Рудном Алтае // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии - Кемерово-Гурьевск, 1998. - С. 207-219.
10. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X-ХШ вв. - Томск, 1996. - 271 с.
11. Горбунов В.В. Поселения лесостепного Алтая конца I - начала II тыс. н.э. // Поселения: среда, культура, социум -СПб., 1998. -С. 188-190
12. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА - № 48 - М -Л , 1956 - 256 с.
13. Демин М.А. Первооткрыватели древностей -Барнаул, 1989, - 120 с.
14. Демин М.А., Ситников С.М. Поселение Чекановский Лог-1 - новый памятник эпохи поздней бронзы Юго-Западного Алтая // Древности Алтая Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1998. - № 3 -С. 43-54
15. Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск, 1987. - С. 6-27.
16. Иванов Г.Е., Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири - Барнаул, 1993 - С 56-62.
17. Илюшин М.А., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987-1988 гг. // Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1997. - № 2 - С. 93-103.
18. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи бронзы Степного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири - Барнаул, 1990.. - С. 104-128.
19. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Керамика первой половины К тыс. н.э. с археологических памятников озера Большой Иткуль // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. - Томск, 1997 -С 297-303.
20. Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Поселение Большой Лог 1 — новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул, 1990 - С. 42-56
21. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Скифская эпоха Алтая. Часть 1. Культура населения в раннескифское время -Барнаул. 1997. -231 с.
22. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (II тыс. до н.э. - 1 поп. I тыс н.э) - М , 1971 -168 с.
23. Кунгуроэ А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-1 в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Горно-Алтайск, 1999 - С. 92-98.
24. Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форма удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII-V вв до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке. - Барнаул, 1998. - С. 5-24.
25. Могильников В.А. Исследования кармацких курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии - Горно-Алтайск, 1992. - С. 92-94.
26. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — первой половине I тысячелетия до н э - М, 1997 -197 с.
27. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. - Новосибирск, 1990 - 261 с.
28. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье//Древние поселения Алтая. - Барнаул, 1998. - С 85-109.
29. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс н.э. (по археологическим источникам). - Томск, 1997. -350 с
30. Потапов Л.П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. I. Материальное производство. - М - Л , 1935. - 122 с.
31. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982 -С 102-122
32. Седов В.В. Восточные славяне ***в*** VI-XIH вв. // Археология СССР. - М., 1982. - 327 с.
33. Сидоров Е.А. Новые данные по истории земледелия эпохи средневековья в западно-сибирской лесостепи (по материалам Приобья) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. - Тобольск, 1988. - С. 52-56.
34. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР -М., 1981.-303 с.

35. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1992. - 493 с.
36. Сунчугашев Я.И. Оружие и конское снаряжение средневековых воинов //Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1977 -С. 131-138.
37. Тишкин А.А., Медникова Э.М. Некоторые изделия с городища Ёлбаны // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть 1 -Барнаул, 1993.-С. 133-136.
38. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье - Новосибирск, 1979. - 124 с.
39. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья - Новосибирск, 1994 -184 с
40. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР - М., 1987 - 510 с.
41. Фролов Я.Б., Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. -Барнаул-Усть-Пристань, 1999а.-С. 6-29.
42. Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI-V вв. до н.э, в Барнаульско-Бийском Приобье//Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий - Барнаул, 19996 -С. 211-219
43. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. - Томск, 1984. - 255 с.

Список иллюстраций к статье Абдулганеева М.Т.

Рис 1. Городище Елбанка Керамика андроновской (1-3), кулайской (10,11) культур и скифского времени (4-9).
Рис 2. Городище Елбанка Керамика большереченской культуры.
Рис 3. Городище Елбанка Керамика монгольского времени.
Рис. 4. Городище Елбанка. Изделия из бронзы (3,12), железа (6,8,9,11,13), кости и рога (остальные).

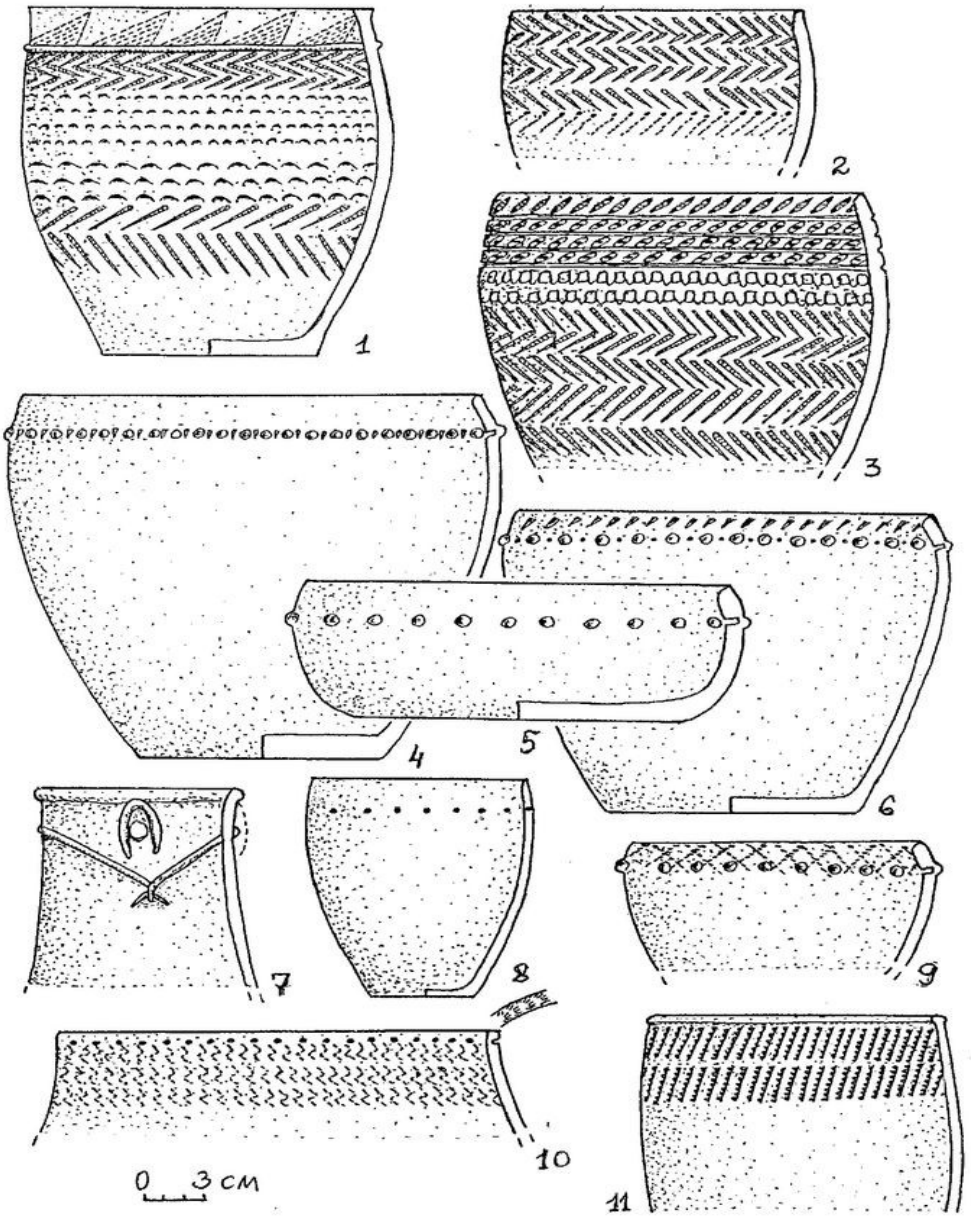


Рис.1

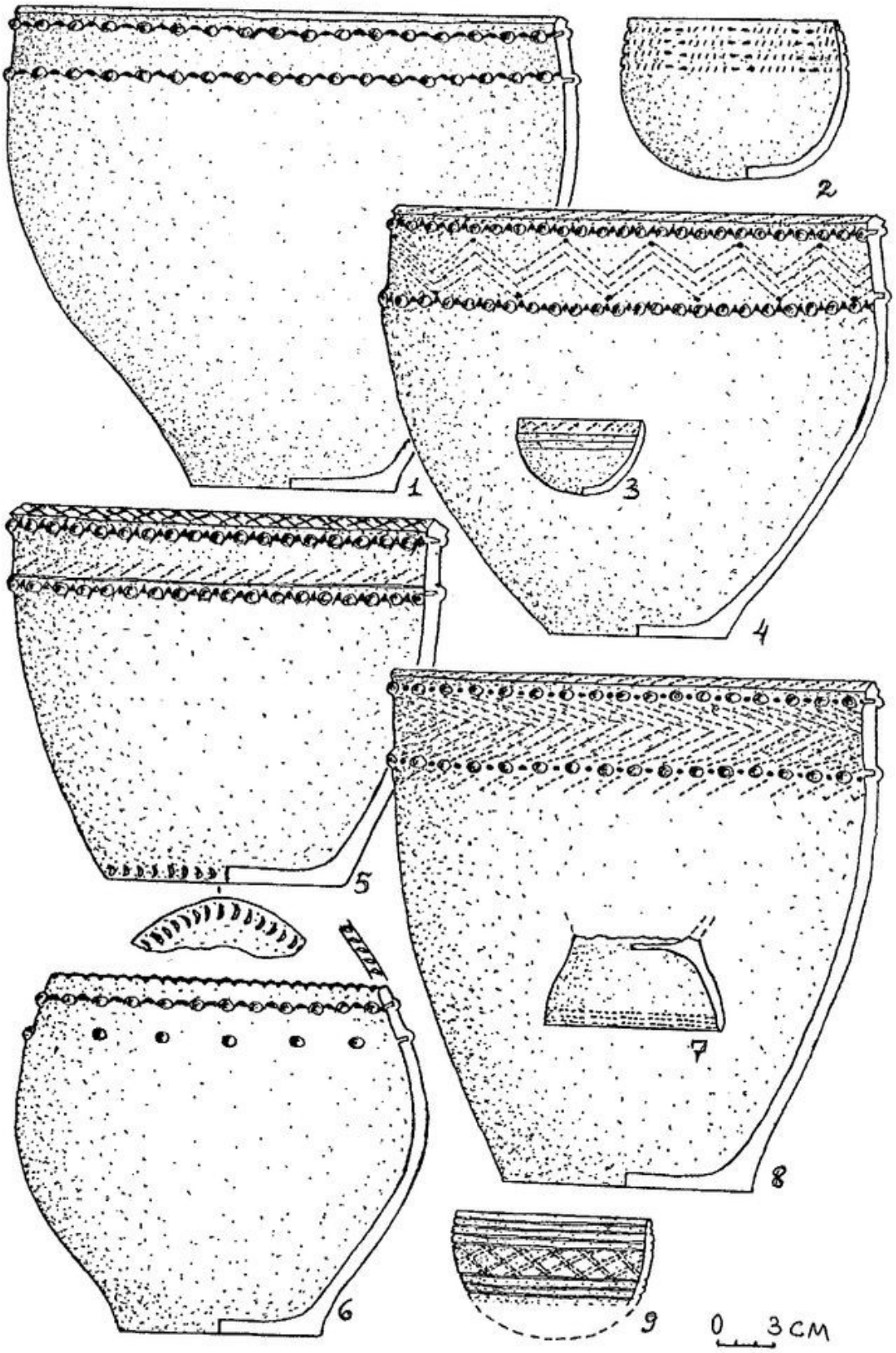


Рис.2

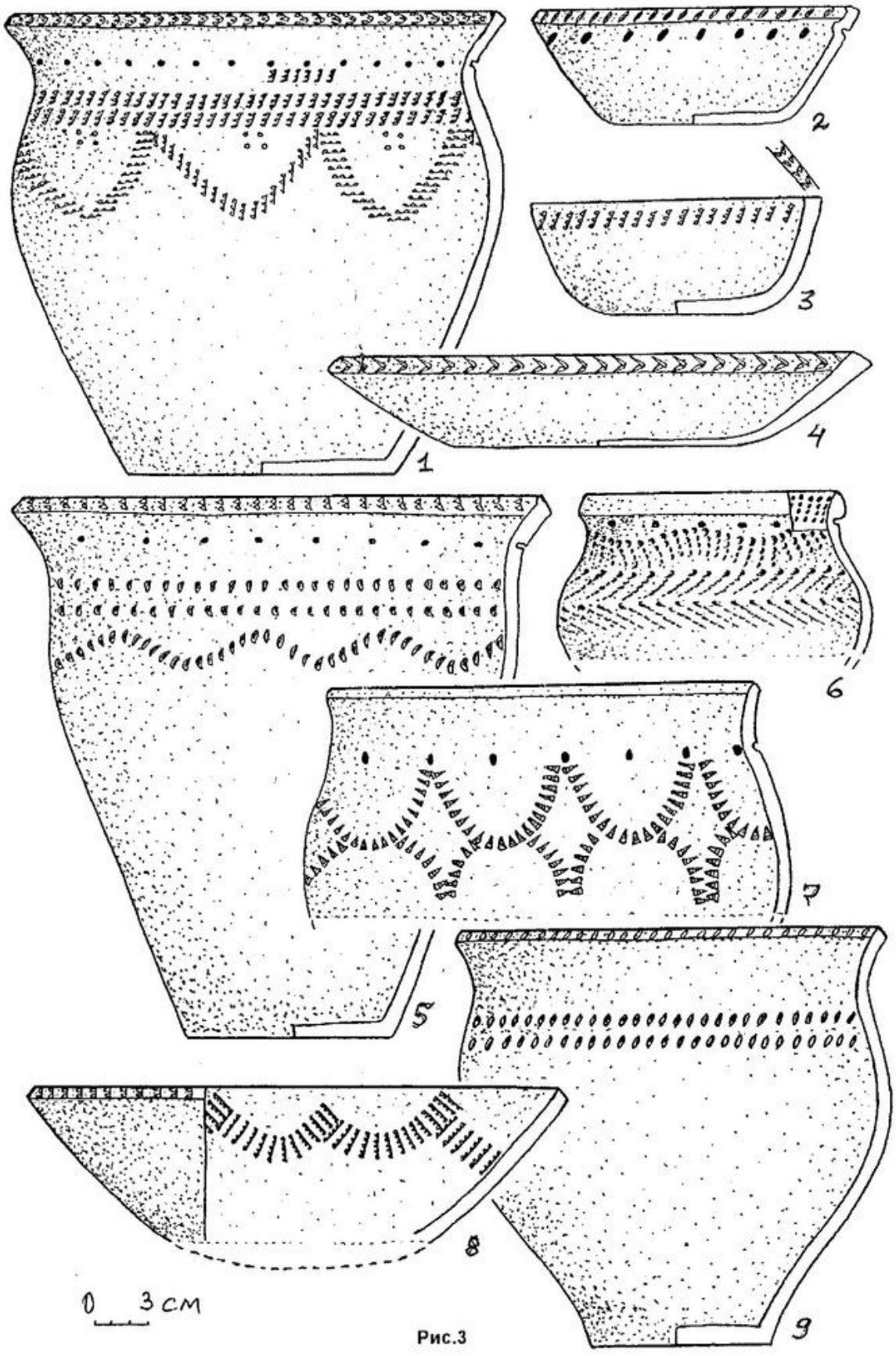


Рис.3

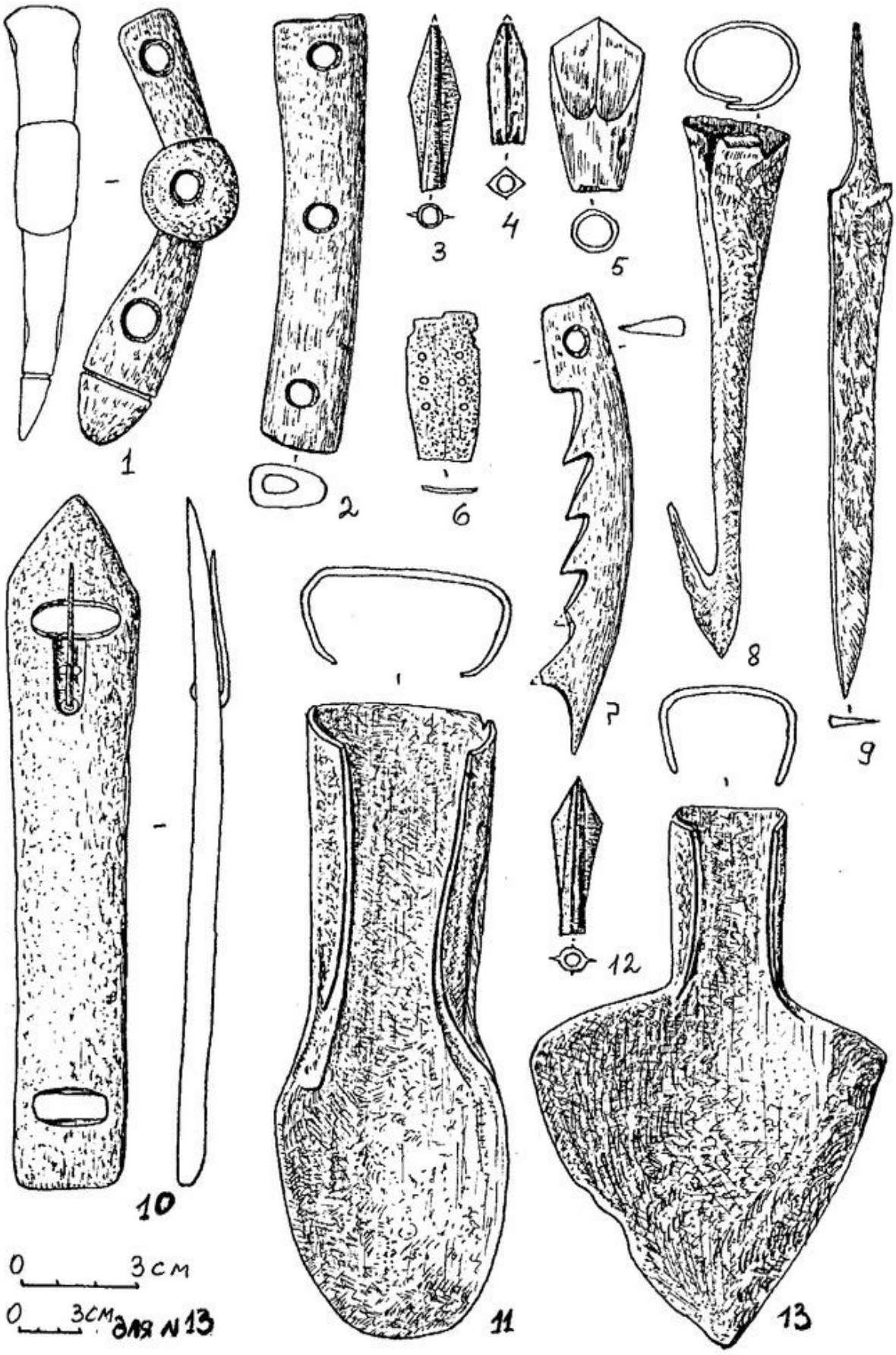


Рис.4

Кубарев В.Д.
(г.Новосибирск)

ШАМАНИСТСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПЕТРОГЛИФАХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ РОСПИСЯХ АЛТАЯ

К проблемам происхождения и эволюции шаманизма обращались многие ученые. Но к заявленной теме уместно отметить некоторые работы моих коллег - археологов, занимающихся исследованием наскальных изображений Северной Азии. Особое внимание вопросам генезиса сибирского шаманизма уделял в своих публикациях А.П. Окладников. Он считал, что: «...в антропоморфных изображениях (петроглифы эпохи бронзы на Байкале - В.Д.) отчетливо проявляется обширный комплекс идей, связанных с образами шаманов, с получением шаманского дара» (Окладников А.П., 1974, с.84). Шаманизм - как систему взглядов на окружающий мир и мифоритуальных действий, рассматривает А.И. Мартынов, полагая, что его зарождение в Сибири, произошло уже в неолите (1992, с.12). Возможную генетическую связь рогатых личин-масок в петроглифах Тувы, с конкретными шаманскими атрибутами этнографического времени, усматривают М.А. Дэвлет (1980, с.248-250) и М.Х. Маннай-оол (1992, с.86) Аналогичной точки зрения придерживается и З. Самашев, интерпретируя фигуры «ряженых» в древнем наскальном искусстве Казахстана (1998, с.12).

История дописьменных народов Центральной Азии еще во многом остается для нас загадочной и таинственной. Но проникнуть вглубь тысячелетий помогают листы «каменных книг» - наскальные рисунки. Они занимают в древностях особое место, являясь бесценным источником по духовной и материальной культуре древних алтайцев. Нередко это живописные повествовательные рассказы наших предков о своей жизни, обрядах и зарождающейся мифологии. Некоторые каменные полотна являются настоящими произведениями первобытного искусства.

Одним из труднейших проблем при изучении петроглифов остается «расшифровка», - т.е. прочтение их содержания. Археологам давно известно, что многочисленные рисунки древних запечатлели не только различные сцены повседневной жизни: перекочевка, охота, война, но и являлись наскальными иллюстрациями древнейших мифов, сказаний и ритуальных сцен. Различить их и определить дату помогает тщательный анализ техники выбивки, художественных приемов и стиля, в котором выполнены древние рисунки. Но, даже, несмотря на такой комплексный метод исследований, многие из них остаются непонятными до сегодняшнего дня. Очевидно, это объясняется тем, что мировосприятие древнего человека разительно отличалось от нашего современного мировоззрения, и тем, что многие первобытные представления об окружающем мире сильно трансформированы или даже утрачены. Но случаются и удивительные совпадения, когда, дошедшие сквозь века описания мифических персонажей, «читаются» в некоторых сюжетах алтайских петроглифов. К таким вполне можно отнести несколько редчайших композиций, выполненных на скалах Калбак-Таш, расположенных на правом берегу р. Чуи, между алтайскими селами Иня и Иодро. Скалы, сложенные сланцевыми породами зеленовато-коричневого цвета, причудливыми уступами обрываются в Чую. Прямо у основания скал вьется асфальтированная лента знаменитого Чуйского тракта, соединяющего Западную Сибирь с Монголией, На 726 километре тракта от г.Новосибирска, в этом небольшом древнем святилище нами обработано более 5 тысяч рисунков, которые в настоящее время полностью опубликованы (Kubarev V.D., Jokobson E., 1996). Все они выбиты каменными или металлическими орудиями, в основном «точечной» техникой.. Анализ разнообразных сюжетов и даже отдельных изображений позволяет наметить несколько этапов создания калбакташского святилища:

1 - эпоха неолита (VI-IV тыс. до н.э.) представлена крупными фигурами оленей и лосей, выполненных контурным желобком. Размеры некоторых фигур достигают 2х3 м.

2 - эпоха энеолита - бронзы (III-I тыс. до н.э.). К ней относится самая многочисленная группа петрогпифов: стилизованные изображения женщины (часто рядом со зверем); мужские фаллические фигуры, рисунки руки и чашечные углубления; колесницы и вьючные быки; погонщики и воины, вооруженные палицами и копьями; фантастические хищники и олени; и т.п.

3 - скифская эпоха (VIII-III вв. до н.э.) характеризуется сценами, а также главными персонажами скифо-сибирского звериного стиля (козлы, волки-собаки, кошачьи хищники, олени, лошади и др.)

4 - древнетюркская эпоха (VI 1-X вв. н.э.) выделяется небольшим числом сцен охоты на оленей, выполненных техникой граффити и тюркскими руническими надписями.

В петроглифах Калбак-Таша и наскальных изображениях Алтая очень часто встречаются антропоморфные фигуры в необычных костюмах, рогатых головных уборах, с различными атрибутами в руках. Эти фантастические персонажи показаны во взаимодействии с другими людьми, принимавшими участие в каких-то обрядах и ритуальных танцах. Но есть и многочисленные, как, правило, одиночные фигуры, которые является главной персоной в мире диких животных. Именно они позволяют проследить эволюцию образа колдуна-протошамана до этнографической современности, когда шаманизм стал господствующей «религией» народов Сибири и Центральной Азии. Семантика древних персонажей невозможна без привлечения этнографических источников, которые служат основным инструментом для понимания и реконструкции мировоззрения древних азиатских народов.

Шаманский посох

Некоторые человеческие фигуры алтайских петроглифов эпохи бронзы, в одной руке держат посохи, копья или дротики. Различить их между собой несложно. Копья почти всегда изображались с четко выраженным наконечником треугольной или ромбической формы, с бунчуком или вымпелом. Прямое древко копья длинное, держится вертикально, за середину, за исключением военных сцен, где копье направлено на объект нападения. Но иногда копья или дротики воины держат (потрясают?) за нижний конец древка. Посох отличается от копья наличием навершия и подтока. Такой массивный посох с навершием и подтоком в виде рогов изображен на одной из калбакташских композиций. Он украшен бунчуком в виде шара (хвост быка?), который показан несколько ниже середины древка посоха (рис.1, 1) В отдельных случаях посох показан в виде изогнутой змеевидной линии. Как известно, посох нередко фигурировал в молитвенных призываниях охотников к божеству гор:

«Владыка (царь) людей, Кайракан!

На гористом месте будь посохом (опорой)...»(Потапов Л.П.,1991, с.173).

Изображение копья или посоха в руках человека - редкий мотив в петроглифах других регионов Центральной Азии. Но и они, также как и алтайские могут быть отнесены к эпохе бронзы. Это в первую очередь, выразительная фигурка «согбенного старца» с посохом (рис.1, 2) из петроглифов Тувы (Дэвлет М.А., 1961, С.71) и две отдельные фигурки людей (в той же позе и с посохом) из Калбак-Таша и Цагаан Салаа в Монголии (рис.1, 3, 4). Посохи имеют и некоторые "солнцеголовые" существа из росписей Каракола (Кубарев В.Д., 1988, с.30, рис.24; с.154, табл. III, 3, 5).

Посох, копье, равно как топор и булава - древние атрибуты не только воина, но и первопредка, родоначальника или шамана. Очевидно, поэтому первые рисунки человека с посохом появляются в Сибири уже в неолите. Они, возможно, одновременны мужским фигурам с посохом из знаменитой Иераконпольской стенной росписи, относимой к последней четверти IV тысячелетия до н.э. Если опять обратиться к археологическим данным, то и здесь есть находки, подтверждающие культовое значение посоха. Навершия посохов и подтоки к ним найдены в позднебронзовых комплексах Северного Кавказа Б.В. Техов считает посохи символами власти, которые принадлежали родовым старейшинам. Они «не применялись в быту, а были связаны с различного рода культовыми и общественными обрядами и церемониями» (Техов Б.В., 1977, с.36, рис.35, с.111, рис.90).

Хвостатые существа

Ряд фигур воинов и шаманов в петроглифах Калбак-Таша показан, с подвешенными к поясу бычьими хвостами. Форма их, совершенно точно повторяющая форму хвостов у быков, находящихся рядом с человеческими фигурами (Кубарев В.Д.,1987, с.152-153, рис.2; рис.3) не вызывает никакого сомнения в том, что изображен действительно хвост (см. также рис.1, 1; рис.3; рис.8), а не какой-либо другой предмет Убеждает нас в правильности трактовки этой детали как хвостов - изображение их и на человеческих фигурках из петроглифов Елангаша (рис.1, 5). Пышные округлые хвосты свободно отставлены в стороны, положение ног и рук, характерный изгиб тела - все свидетельствует о том, что изображены пляшущие фигурки. Вероятно, это женщины, причем обнаженные. Ажурность хвостов, хорошо различимая на рисунке, может быть объяснена тем, что они были изготовлены из птичьих перьев в виде опахала. Женские фигурки из Елангаша напоминают описание дочерей подземного владыки Эрлика в шаманских камланиях:

«Без коленных чашечек - изгибающиеся,

Без штанов голозадыя,

С лицами, черными, как клей,

С черными курчавыми волосами...

Задницами виляющия,

Грудями болтающия. ,» (Анохин А,В.,1924, с.9).

Судя по известным археологическим (Молодин В.И.,1996, с.355) и этнографическим источникам (Потапов Л.П.,1991, с.210-211) воины и шаманы, часто поверх одежды одевали шкуры животных или приделывали к поясу сзади хвосты. Шкура с хвостом, очевидно, была в древности особым отличительным знаком мужчины-воина и охотника. Поэтому: «В военной терминологии древних характерны отождествления героя со зверем. Волками и псами называли воинов иранцы» (Акишев А., 1984, с.48).

Важную роль играют в решении проблемы зарождения шаманизма в Центральной Азии и Сибири, пока еще немногочисленные, материалы каракольской культуры Алтая эпохи ранней бронзы (Кубарев В.Д., 1988). Уникальные памятники древнего искусства неожиданно были обнаружены летом 1985 года, прямо в центре алтайского села Каракол. Наши находки взбудоражили весь ученый мир. Конечно, открытия всегда доставляют археологу массу положительных эмоций, но они же повергают его в пучину многочисленных загадок, провоцируя к интенсивному творческому поиску. Ведь необходимо не только определить место каракольских росписей в пространстве и времени, но и попытаться истолковать идейное содержание рисунков Поэтому каждый открытый памятник древнего искусства дает пищу для новых размышлений и ожесточенных научных дискуссий, а при сравнении, с уже известными произведениями, и ряд новейших сведений, помогающих проникнуть в тайный смысл росписей. То в одном, то в другом рисунке обнаруживается какая-то малозаметная деталь, раскрывающая секрет древнейшей живописи или особенности мировосприятия доисторических людей.

Маскированные существа

На рисунках или точнее в полихромных росписях на плитах каменных гробниц Каракола изображены странные получеловеческие - полузвериные фигуры. Кто они? Шаманы? Жрецы? Духи - добрые или злые? А может быть божества? Вполне возможно и те и другие. Для того чтобы ответить на эти непростые вопросы и определить, кого хотел изобразить в один сеанс художник-медиатор, принимавший непосредственное, если не главное, участие в погребальном обряде, необходимо обратиться к самим изображениям.

Внимательное изучение каракольских росписей уже сейчас позволяет уточнить некоторые детали, касающиеся одежды, причесок и вооружения древних людей, населявших горные долины Алтая четыре тысячи лет назад. На лицах отдельных персонажей показаны не только глаза, брови, но и ритуальная раскраска поперечными полосами. На голове украшения в виде перьев-лучей или очень сложные по конструкции головные уборы, которые, одновременно служили и масками, Можно предположить, что все фигуры, окружающие погребенного с четырех сторон, изображены именно в масках. И тогда становится понятным необычное сочетание звериных и человеческих черт в изображениях фантастических существ. Приблизительно, в тоже время изображения масок и маскированных существ появляются в петроглифах Алтая и Монголии (рис.2).

Маска, как известно, всегда служила выражением какого-либо образа. Основное ее назначение заключалось в том, что она служила древнему человеку средством перевоплощения его в иной, отображаемый маской образ. Если маска изображает животное, надевая ее, он преображается в это животное. Если маска изображает предка или духа, то человек, надев маску, изображает этого предка или духа в действии. Они создаются преувеличенных размеров и вместе с необычным костюмом, совершенно искажают, видоизменяя

человеческую природу замаскированного; они придают ему необычайный вид, мало напоминающий облик какого-либо реального существа. Той же цели, надо думать, служила и раскраска лиц погребенных черной и красной краской, очевидно повторяющая иконографию масок каракольских персонажей. Благодаря такому маскированию лица, умерший уподоблялся облику богов (духов в шаманской версии) и мог войти в их «божественный круг». Наверное, можно предположить, что человек погребенный в Караколе, при жизни был протошаманом. К сожалению, однозначно это утверждать нельзя, но любопытен факт находки каменного тесла-топора рядом с каменной гробницей. Не случайно, топор изображен и в одной руке солнечного божества, рисунок которого выбит на одной из плит, накрывавших гробницу (рис.4, 4). Несомненно, топор в могиле и топор на изображенном персонаже, - сакральные небесные атрибуты, имеющие магический характер. И здесь следует вспомнить о некоторых анахронизмах, связанных с топором и сохранившихся до наших дней в шаманистких представлениях. В одной из записей Л.П. Потапова указывается, что у алтайцев сохранились рассказы об отдельных сильных шаманах. Таким «камом был Саксай из сеока Чор (Шор). Однажды он камлал в начале зимы, как всегда с бубном, но за пояс (на спине) у него было заткнуто тесло *(адылгы),* при помощи которого он, разбив лед на небесном своде, проник туда через отверстие... А.В. Анохин записал рассказ о зимнем камлании Ульгеню кама Санызака (сеок Очы), который камлая, пробил замерзший небесный свод топором и побывал на небе... Этого кама за его огромную шаманскую силу называли *тӓнгӓрӓ упы-* «сын неба» (Потапов Л.П., 1991, с.141).

Если и дальше придерживаться высказанного автором предположения, представляется необходимым сказать несколько слов и об одежде каракольских персонажей. К звериным маскам, перчаткам и обуви с острыми когтями следует прибавить, плотно облегающую тело, одежду, сшитую, наверное, из целой звериной шкуры. Такая одежда с шерстью на спине и хвостом показана на двух фигурах, нарисованных черной краской. На одной из них редким изобразительным приемом (белыми точками на черной краске) передана пятнистость шкуры. На этой же фигуре оригинально изображена и обувь в виде сапожек, которые, однако, могли имитировать и мягкие лапы хищного зверя (рис. 3). Звериная сущность других нереальных фантастических существ Каракола подчеркнута устрашающими острыми когтями на трехпалых конечностях (рис.4, 1-3). Наверное, они, по представлениям древних, были весьма необходимы и полезны в борьбе со злыми духами. Изображения персонажей с трехпалыми конечностями и острыми когтями известны, как в изобразительном, так и мифологическом творчестве многих древних народов Евразии (Антее Р., 1977, с.112; Рыбаков Б,А., 1981, с.63; Погожева А.П. 1983, с.131; Новгородова Э.А., 1984. с.49, рис.15; и др.). О реальном применении описанных костюмов в ритуале «проводов» умершего свидетельствуют и археологические материалы, Так у пос. Озерного, в одном из погребений найдены: «В двух восточных углах ящика...по 5 когтей медведя с просверленными отверстиями» (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979, с.81) и 8 когтей беркута в кургане на р. Куроте (Киселев С.В., 1951, с.58). Они могли прикрепляться к перчаткам и обуви, входящими в состав ритуального костюма маскированного существа.

Проводники, посредники и защитники

Таким образом, мы подошли к объяснению роли и сущности каракольских фигур, которые со всех сторон окружали погребенного, как бы охраняя и защищая его. Вероятно, на плитах Каракола запечатлен один из кульминационных моментов реального театрализованного действия, связанного с ритуалом проводов души умершего. В нем принимала участие, можно предположить, целая группа людей, одетых в звериные костюмы и маски, и таким путем перевоплотившихся в духов-предков, защитников и покровителей, проводников в иной потусторонний мир. Среди них главное место занимала женщина, возможно, шаманка (?), изображения, которых (в явно символической позе охраны и защиты), находилось в головной части каракольских погребений (рис.5, 1-3). В прямой связи с этой иллюстрацией, интересным представляется сохранение в мифах и преданиях алтайцев представления о первом шамане-женщине. По данным шаманского фольклора, они обозначались термином *елбечи-кам,* а «...у тюркских и монгольских народов для женщин-шаманок имелся специальный термин -*удаган,* происхождение которого ассоциировалось с очагом, огнем *(эне)»* (Дьяконова В.П., 1992, с.7). Наше предположение подтверждает и несложная по замыслу композиция, выполненная на одной из плит каракольской гробницы (Кубарев В.Д., 1988, с.33, рис.21). Для ее семантического осмысления приемлем метод классификации по системе бинарных противопоставлений (Топоров ВН., 1982, с.24). Вероятно, сцена ретранслирует ритуальную борьбу духов (красный цвет рисунка) с демонами (черный цвет рисунка), символизируя противостояние доброго начала и злых сил, борьбы между светом и тьмой, извечную борьбу жизни со смертью. В соответствии с рассказом строится и композиция; красные фигурки движутся вправо, черные фигуры навстречу им, т.е. налево. Думается, в один семантический пучок вплетается и представление древнего художника-медиатора о космическом характере персонажей. Ведь красные фигуры, безусловно, олицетворяемые с силами жизни и добра, движутся с востока на запад (учитывая ориентацию гробницы), т.е. из страны восходящего солнца, Их антиподы - черные фигуры (силы зла и смерти) движутся навстречу им, т.е. с запада, из страны заходящего солнца. В данном случае кажется логичным представить и само погребальное сооружение (строго ориентированное по странам света) как условную модель Вселенной, где боковые плиты гробницы ассоциируются со средним ярусом - миром живых людей и духов. Он символически отграничен полосой красной охры от небесного свода - покрытия из каменных плит, на одной из которых не случайно оказалось изображение «солнцеголового» божества (см. рис.4, 4). Подземный мир - это земля, в которую слегка заглублена каменная гробница. Он отделен от среднего яруса настилом из каменных плиток, посыпанных углем. Таким образом, представления о трехмерном членении мира (типичное не только для азиатского шаманизма, но и для многих мировых религий) было уже известно древнему населению Алтая. В рассмотренной композиции - этом красочном и экспрессивном повествовании речь шла о критическом, переломном событии в жизни человека, о переходе его в новое состояние. Покидая мир живых и уходя в мир мертвых, он более всего нуждался в помощи и поддержке против опасностей, грозивших ему на пути в страну предков, против враждебных сил потустороннего мира, в существование которых люди того времени верили так же твердо, как в свое собственное. В таком же аспекте алтайские шаманы рассматривали смерть как переселение умершего ««из этой земли» *(пу jӓр)* или «из солнечной земли» *(кӱндӱ jӓр)* в «другую землю» *(пашка jӓ*р или *ӧл jӓр),* где нет ни сопнца,

ни луны. Умерших называли обобщенно: *кечкендер* - «переселенцы»» (Потапов Л.П., 1991, с.151). При этом шаман выполнял важнейшие функции в организации «проводов» и «разговора» с умершим. Он избавлял родственников от контакта с покойником, который, как считалось после смерти превращался в злое демоническое существо - *кöрмöс.* Судя по приведенным данным, несомненным представляется, сохранение в алтайском шаманстве архаичных элементов первобытных верований, связанных с погребально-поминальной обрядностью.

«Солнцеголовые» существа

Всего на плитах Каракола обнаружено более 60 различных изображений. И каждое из них неповторимо и уникально! Но особенно часто повторяется оисунок человека-солнца (рис.4, 4-6). Каракольские «солнцеголовые» существа похожи один на другого, различаясь только размерами и отдельными чертами. Одни из них показаны с головой в виде сплошного диска или овала (другие имеют черты лица) от которого отходят радиальные лучи или перья, иногда, заканчивающиеся круглыми углубленными ямками. Поза многих фигур также совпадает, что позволяет предположить о связи ее с определенной культовой символикой. Совершенно удивительна и редка изобразительная манера, в которой выполнены каракольские персонажи. Она очень напоминает фрески древнего Египта, где тело человека чаще всего изображалось строго в фас, а голова и ноги в профиль. Подобный прием становится доминирующим (почти каноничным) в эпоху развитой и поздней бронзы в петроглифах Алтая (Кубарев В.Д., 1987, с.151-158, рис.1-5, 8).

Известно, что традиция изображать солнце в виде фигуры человека сложилась уже в глубокой древности Возможно, в таком каноническом облике древние почитали солнечное божество дарующее человеку тепло и жизнь на земле Таким же его представляли себе древние индийцы. В их священной книге «Ригведе», датируемой второй половиной 11 тыс до н.э. солнечный бог Сурья наделен эпитетами: «Владыка лучей», «Лучащийся блеском», «Лучезарный». И не случайно на голове одного из «солнцеголовых» персонажей Каракола изображено 12 лучей (рис.4, 5). Они, может быть, символизируют двенадцать месяцев в году. Это магическое число часто фигурирует как в шаманских рисунках, так и в древнейших верованиях, связанных с солнцем. К примеру, в русских сказках солнце владеет двенадцатью царствами У словаков, по преданию, солнцу, как царю, прислуживают двенадцать дев, и т.д. Но возможна и другая интерпретация лучевой короны каракольских существ. Учитывая цветовую символику (солнечные лучи логично соотносить с красным цветом охры), 12 лучей, нарисованных черной краской можно принять за головной убор с птичьими перьями - главный атрибут шаманского костюма. Тем более, что на голове другого подобного персонажа из Бешозека, несомненно, показаны перья каких-то хищных птиц (рис.6). Отдельные фигуры также держат в руках какие-то странные предметы, напоминающие бычьи хвосты или сложенные и опущенные вниз крылья птицы (рис.4, 5, 6).

«Птицеподобные» существа

В росписях Каракола есть и человеческие фигуры, костюм которых украшен птичьими перьями. Они показаны с широко раскинутыми в стороны руками - крыльями. Перья отходят также от туловища человека и его ног, которые вместо ступней имеют птичьи когти (рис.5, 3) Очень сходные по иконографии существа, известны и в наскальных изображениях Кярбэна, в долине р. Катуни (рис.5. 4) Для расшифровки содержания этих редчайших персонажей особый интерес представляют сохранившиеся в алтайском шаманстве мифологические представления о хищных птицах - орлах и беркутах. А.В. Анохин - известный исследователь алтайского шаманизма, писал: «Пучки перьев филина, совы и беркута, прикрепленные в прямом положении к двум плечам шаманского костюма, называются *«юл-брэк»* и изображают двух беркутов или соколов» (1924, с.45). Об этих же птицах говорится и в шаманских призываниях-молитаах. Они якобы сопровождают шамана, сидя на его плечах: «На два моих плеча серый беркут спустился. Против меня, клекоча, серый сокол спустился» (Анохин А.В., 1924, с.45). Орел всегда спутник и помощник шамана. Но более конкретное значение образа орла в алтайском шаманстве может разъяснить название орла у телеутов: *«Ульгень кужубай мöркўт»* - Ульгеня птица, т.е. большой беркут или иначе - птица хозяина неба, лучезарного Ульгеня. Такое удивительное по яркости совпадение древних рисунков с этнографическими описаниями образа хищной птицы не случайно. Оно свидетельствует о глубоких культурных традициях у многих народов Сибири. Одной из характерных черт такой традиции и является широко распространенный культ орла. Так у тюркоязычных якутов орел - хозяин и повелитель солнца, возродитель природы. Как творец и бог плодовитости, орел выступает предком-родоначальником какого-нибудь рода. Но чаще всего орел-первоучитель шамана, помощник в колдовстве и призывании духов, что ясно выражено уже в рисунке каракольской «шаманки», под крылом которой изображена какая - то хищная птица (см. рис.5, 3). Автор еще в первой публикации караколького памятника, обращал внимание на перспективность сравнительного изучения одежды древних персонажей с ритуальными костюмами сибирских шаманов (Кубарев В.Д., 1988, с. 135-137, рис.80). Но и в этой работе нет возможности более подробно остановиться на этой интересной теме, требующей более глубокого изучения. Можно только сослаться на авторитетное мнение специалистов-этнографов, выделяющих по покрою и ритуальному оформлению особый тип шаманского костюма у народов Саяно-Алтая. Такие костюмы олицетворяют собой птицу (Прокофьева Е.Д., 1971. с.62) при помощи которой шаман поднимался на вершины гор и совершал путешествие во Вселенной (Потапов Л.П., 1991, с.210-215).

Требуют детального семантического анализа и орнитоморфные фигуры (рис.7), выбитые на скалах древних святилищ Цагаан -Салаа и Бага-Ойгура, недавно открытых петроглифов в Монгольском Алтае (Jacobson E., Tseveendorj D., Kubarev V.D., 1997, pp.1-7).

Фантастические хищники

Пантеон персонажей (боги, колдуны или шаманы?) каракольской культуры немногочислен и круг его вроде бы уже давно очерчен уникальными росписями Каракола. Но совсем недавно в репертуаре каракольского искусства стал известен еще один новый образ, Это гравированный рисунок хищника на плитах Бешозека (см. рис.6), которого с тем же основанием можно назвать волком или собакой из-за отсутствия в изображении

фантастических черт. Но, тем не менее, большие размеры фигуры, весьма каноничная и агрессивная поза зверя позволяют включить его в ряд известных изображений синкретичных хищников окуневского типа. Все хакасские и алтайские изображения этого зверя имеют одинаковые признаки: широкое в плечах и суженое к крупу туловище; открытую забастую пасть; тонкие и длинные (птичьи?) ноги; закинутый на спину полосатый или зубчатый хвост. Бешозекский зверь показан в точно такой же иконографической манере и к тому же он маркирован солярным знаком в виде косого креста. Аналогичные знаки сопровождают не только многие изображения хищников, но и нанесены на туловища быков окуневской культуры, рисунки которых найдены на плитах погребальных сооружений. Становится понятным, почему бешоэекский хищник показан во взаимодействии с «солнцеголовыми» существами. Хотя поза его статична, но все описанные детали подчеркивают агрессивность, направленность мифического зверя на главный объект преследования. Несомненно, этот лаконичный сюжет наглядно иллюстрирует древнейший сибирский миф о космической погоне. В его основе чудовище-зверь (волк-собака) охотится на светлое лучезарное божество, солнце и звезды. В окуневском искусстве миф о космической погоне выглядит как преследование фантастическим хищником идущего на запад быка, отождествляемого с солнцем. В бешозекском варианте этого мифа образ солнца предстает уже в человеческом облике с солярными атрибутами. Причем хищник здесь изображен обращенным вправо, как и многочисленные его воплощения, в окуневском искусстве, т.е. и он направлен на запад.

Еще одним убедительным свидетельством культурной связи древних хтонических существ с аналогичными персонажами алтайского шаманизма является необычный зверь, выполненный техникой выбивки в центральной части калбакташского святилища (рис.8). Он живо напоминает известных фантастических зверей окуневской культуры Хакасии, Однако древнейший образ фантастического зверя в Центральной Азии определяется не только рамками этой культуры. Близкие по стилю и манере исполнения, а главное по содержанию, изображения фантастических зверей есть на Шишкинских писаницах и на Шалоболинских скалах. О дальнейшем самостоятельном развитии образа свидетельствуют изображения фантастического зверя на Алтае и в Монголии. Это уже не типичный окуневский хищник с реальными чертами конкретных зверей, а действительно фантастическое чудовище. Тем не менее, сходство с более ранними изображениями все еще остается значительным, хотя и появляются новые черты, характерные затем для персонажей развитого скифо-сибирского стиля. К ранним (окуневским) признакам необходимо отнести; маленькие округлые уши, круглый глаз, характерные очертания морды с открытой зубастой пастью, четыре ноги со шпорами и когтями, заброшенный на спину хвост: но уже не зубчатый, как у окуневских зверей, а полосатый, характерный для поздних изображений хищников скифской эпохи. К окуневским зверям калбакташский близок также большими размерами (66х45 см) рисунка. Новые черты в калбакташском звере заметны также в позе «крадущегося хищника» и форме зубов в пасти, более типичных уже для изображений хищников из памятников пазырыкской культуры Алтая.

Таким образом, зверь или точнее сказать фантастическая химера из Калбак-Таша, вероятно, иллюстрирует стадиальные изменения древнего образа фантастичесокго зверя и его несомненную связь с изобразительным искусством населения Алтая в эпоху поздней бронзы (конец II тысячелетия до н.э.). Особое значение для интерпретации калбакташской химеры имеет ее вхождение в одну законченную наскальную композицию. Необычное расположение ее в верхней части каменного «алтаря», головой вниз, создает впечатление о чудовище, подкрадывающемся или приготовившимся к нападению на группу крупных человеческих фигур, нанесенных в центральной части скальной плоскости. Та же сцена, хищник с раскрытой пастью и высунутым языком нападает на двух, стоящих вплотную друг к другу людей, - выбита на скалах Монголии (местность Бичигтин Хад). Этот хищник стилистически близок и волкообразным зверям, изображенным на оленном камне из Ушкийн-Увэра. У них видна широко открытая пасть с острыми клыками и высунутым языком; над верхней челюстью выступает округлый контур крупного глаза; на голове два округлых уха. На шее хищника ломанные резаные линии, а тело его полностью заполнено точечной выбивкой. Возможно, в обоих случаях мы видим повествовательное содержание древнейшего космического мифа о борьбе демиургов-близнецов с чудовищами, Описанные изображения также очень напоминают фантастического зверя древнекитайской мифологии, который назывался *«таоцюань»*. Внешним видом он был похож на собаку, тело его было зеленого цвета. Чудовище питалось людьми и начинало пожирать их с головы. Другой зверь -*«цюнци»* был похож на тигра с крыльями, с телом, покрытым иглами. Пищей ему служили люди: одних он пожирал, начиная с головы, других с ног. Наверное, оба последних момента и запечатлены на скалах Калбак-Таша и Бичигтин Хада? - иллюстрации, к одному из древнейших азиатских мифов. Но особенно удивительным представляется нам сохранение в алтайском шаманстве образа огромного драконообразного существа, известного под названием *«кер-тютпа».* Древние черты этого образа угадываются не только по уже знакомым нам признакам (вытянутое, суживающееся к хвосту туловище с огромной головой, пастью, усеянной длинными острыми зубами и высунутым языком; короткими ногами с когтями), но и в названии чудовища - *«живоглот».* Но в отличие от фантастических чудовищ-поглотителей эпохи энеолита-бронзы, *«кер-тютпа»* осмысливается, как существо, полезное людям. Алтайские шаманы видели в «кер-тютла» своего охранителя, который был необходим, во время их путешествий по подземному миру, где как, предполагалось, было много злых духов (Иванов С.В., 1979, с.109-112, рис.123, 1, 2, рис.124). Их изображения, в виде двух чудовищ с раскрытой пастью, также помещались на шаманских костюмах и бубнах (Потапов Л.П., 1991, с.212).

Таким образом, иногда и этнографические параллели позволяют объяснить содержание отдельных рисунков, воскрешая из глубины веков мировоззрение и оригинальную культуру древнейшего населения Алтая.

Шаманские рисунки

В долине реки Каракол (Центральный Алтай) известны многочисленные и разновременные петроглифы, в которых преобладают рисунки этнографического времени. Содержание и мотивы многих из них связаны с шаманскими воззрениями, а в гравюрах на камне иллюстрированы моменты конкретных ритуальных действий алтайских шаманов (рис.9). Но, кажется, еще никто не пытался объяснить назначение и смысл этих рисунков. Они до сих пор ждут своих исследователей, а время и антропогенное воздействие между тем уже разрушили большую часть уникальных памятников.

На скалах и древних монументах долины реки Барбургазы (Восточный Алтай), расположенной близ границы с Тувой и Монголией, также давно открыты многочисленные тамги и поздние рисунки алтайцев (Кубарев В.Д., 1979, с.32-36), В них отражены бытовые и охотничьи сцены, а также основные сюжеты и главные персонажи шаманских мистерий (рис.10, 1). Особый интерес вызывает большая и законченная композиция на каменной стеле (рис.10, 2), которая своим построением очень напоминает рисунки на шаманских бубнах алтайцев, тувинцев и хакасов. В значительном сходстве изображений на стеле с рисунками на бубнах убеждает и наличие изображений, свойственных отдельным народностям. К примеру, на стеле есть изображения верблюдов, которые встречаются только на теленгитских бубнах. Известно, что значительная часть шаманских бубнов народов Саяно-Алтая делилась на две основные части. Вот что по этому поводу сообщает С.В. Иванов: «Разделение внешней стороны бубна делалось по объяснению шаманов с целью отделения небесной сферы от земли и подземного мира...» (1955, с.181). Рисунки на стеле из долины р. Барбургазы расположены в том же порядке, что и на бубнах, - поэтому условно ее можно разделить на две части - верхнюю и нижнюю.

В нижней части бубна шаманы часто рисовали всадника с бубном, изображавшего душу шамана, живущего на 15-м небе. Поданным Л.П. Потапова шаман никому не объяснял смысл рисунка, так как он связывал с этим рисунком свою жизнь. На стеле, в нижней части, также имеется изображение конного шамана с бубном. Над ним нарисованы семь пляшущих человеческих фигурок, взявшихся за руки. Точно такие же фигурки, выполненные в том же стиле, встречаются почти на всех бубнах народов Сибири. В большинстве своем они наносились в нижней части бубна общим числом от трех до девяти. Но чаще всего наблюдается одна или две группы человеческих фигурок, число которых остается постоянным. Назначение этих рисунков хорошо объясняется сведениями из этнографических источников: «Изображения нескольких человеческих фигур, взявшихся за руки, представляют собой, по словам шаманов, женщин. Чаще всего их бывает семь. Это горные русые девы *(таг кыстары),* отвлекавшие злого духа от шамана в тех случаях, когда силы последнего ослабевали» (Кон Ф., 1934, с.63) По Л.П. Потапову, семь женских фигур на качинском бубне означают дочерей хозяина горы, а 7 или 9 куколок, нашитых на костюм шамана, именуемых *ак кыстары* - «чистые девицы» символизировали дочерей Ульгеня (Потапов Л.П., 1991, с.214). Они были нарисованы на бубнах в виде одиночных или взявшихся за руки и как бы пляшущих фигурок (Иванов С.В., 1955, с.181). Редкой деталью, усиливающей сходство изображений горных дев на шаманских бубнах с человеческими фигурками на барбургазинской стеле, является наличие выступов над головами пляшущих фигурок. По словам шаманов, эти выступы над головами горных дев считались головным убором, означали перья филина и назывались *ульбрёк* (Иванов С.В., 1955, с.181).

Иногда в нижней половине бубна изображали самого шамана или умершего старшего шамана *(тай кама)* - предка, научившего людей шаманить (Радлов В.В., 1907, с.550, Анохин А.В., 1924, с.8-9.) Вполне четко это выражено и на стеле, - изображение шамана выглядит несколько крупнее, чем другие человеческие фигурки (на многих бубнах фигура шамана также увеличена по сравнению с другими персонажами). Далее на стеле над фигурой шамана и рядом с ним ещё шесть человеческих фигурок, также взявшихся за руки. У четырех из них традиционный головной убор *ульбрёк* Это, как и в первом случае, несомненно, изображения горных дев. В верхней части стелы рисунки расположены свободно, но и их можно разделить на четыре зоны. На самой нижней изображены три человеческие фигуры, два верблюда и тамгаобразная фигурка козла. Остальные три фигуры животных означают так называемые лура. Шаманы видят в них небесных коней, на которых они совершали свои путешествия к лучезарному Ульгеню (Иванов С.В., 1955, с.247). В языках тюркоязычных народов *пура* означает различных ездовых животных: у тувинцев - это бык, верблюд, олень-самец; у казахов - *бура* -верблюд-самец и т.д. У алтайцев же на шаманском бубне изображалось животное, шкурой которого обтягивался бубен (Потапов Л.П., 1935, с.139). В следующих двух зонах - пять человеческих фигурок, причем две из них держатся за кольцо (бубен?). Возможно, что это изображения небесных или горных дев, посредников между шаманом и Ульгенем. Слева от этой группы рисунков по самому краю стелы вырезана древнетюркская руническая надпись в одну строку. И, наконец, в верхней части стелы имеется третье изображение шамана с атрибутами, а слева от него - большая человеческая фигура. Это последнее изображение выбито крупной точкой и отличается от других контурными очертаниями мужской фигуры, показанной в профиль. В ней хорошо различается широкоскулое лицо, длинные волосы, ниспадающие на плечи, и большой фаллос. На бубнах это изображение описал С.В. Иванов и поэтому спутать его, с каким - либо другим просто невозможно. Так, на одном из бубнов «темно-красной краской нарисована фигура человека, довольно крупная с крупным фаллосом, по видимому, изображающая *«Коочо»* или *«Кочо-Кана»* (по Потанину Г.И. и Анохину А.В. - *«Богды-Г*ана»). на пути к светлому, лучезарному Ульгеню» (Иванов С.В., 1955, опись колл. №5073-3). В тесной связи с культом этого божества находились прежде и некоторые обряды, и танцы эротического характера. Л.П., Потапов заметил, что у кумандинцев (северные алтайцы) при свершении шаманских общественных молений один из участников изображал *«Кочогана»,* который снабжался к тому же деревянным фаллосом (1969. с.64). Ещё более подробные сведения об этом мифическом персонаже приводятся в работе алтайского этнографа Ф.А. Сатлаева (1971, с.130). До сих пор у южных алтайцев подобных изображений *«Кочогана»* не было известно. А совсем недавно гравированный рисунок этого персонажа найден и в петроглифах Монгольского Алтая (рис.10, 4). Петроглифы на стеле с р.Барбургазы безусловно принадлежат коренным жителям Восточного Алтая - теленгитам, которыми, вероятно, была унаследована многовековая традиция нанесения различных рисунков на скалах родовых гор, на отдельных камнях необычной формы и древних стелах.

В местах молений и шаманских камланий, часто расположенных на возвышенных местах и даже на вершинах родовых гор, автором также собрана уникальная коллекция небольших каменных плиток с гравированными рисунками алтайцев. На многих из них имеются шаманистские сюжеты (рис.10, 3).

Рассмотренные изобразительные тексты этнографического периода дают возможность сравнительным путем (техника нанесения, традиционный стиль исполнения, сюжеты и образы) выделить поздний пласт наскальных изображений среди многочисленных петроглифов, найденных в различных пунктах Алтая. Интересно и перспективно, само по себе открытие и изучение рисунков алтайцев, существенно дополняющих этнографические источники по истории алтайского народа.

Итак, некоторые, пока еще редкие сюжеты алтайских петроглифов и росписей могут быть соотнесены с конкретными мифологическими повествованиями и мифическими персонажами, другие связаны с иллюстрацией каких-то древних ритуалов и шаманских мистерий. Следует, однако, сказать, что прямые и явные совпадения описания мифических персонажей с образами наскального искусства все еще немногочисленны. Объясняется это тем, что петроглифика Алтая до сих пор находится на стадии накопления изобразительных материалов. Датировка и интерпретация наскальных рисунков все еще остаются проблемными в науке о древностях. Старый испытанный в археологии метод аналогий уже не удовлетворяет исследователей. Недостаток его очевиден, например, при изучении петроглифов эпохи бронзы. Именно в это время: «В искусстве народов, населявших степи и предгорья Евразии, появляются некоторые общие черты, обусловленные, по-видимому, резким возрастанием интенсивности взаимных контактов и усилением диффузии» (Шер Я.А., 1980, с.232). На обширных просторах Центральной и Средней Азии появляется масса очень сходных изображений воинов, колесниц и животных. Складывается изобразительный канон, зарождается «звериный стиль», которые еще более нивелируют локальные особенности наскального искусства отдельных регионов Евразии. Интеграционные процессы в петроглифах Евразии наблюдаются во все эпохи: от неолита до этнографического времени. Канонизированные образы - «сквозные сюжеты» начинают появляться во всех древних святилищах от Монголии до Кавказа; что с одной стороны затрудняет их культурно-хронологическое определение, а с другой облегчает интерпретацию некоторых, наиболее часто встречаемых рисунков. К их числу необходимо отнести и выбитые на скалах Алтая изображения мифических персонажей и ритуальных сцен, возможно, свидетельствующих о зарождении шаманизма в Центральной Азии уже в бронзовом веке.

Литература

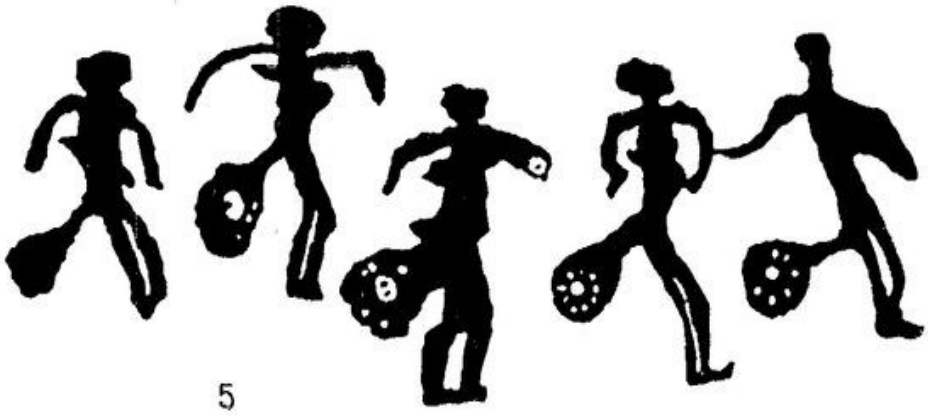
1. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. - Л., 1924. - 152 с.
2. Акишев А. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата, 1984. - 176 с.
3. Антес Р. Мифология в Древнем Египте // Мифология древнего мира - М., 1977. - С. 67-90.
4. Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема -М., 1961 -120 с.
5. Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. - М., 1980. - 271 с.
6. Дэвлет М.А. Древние изображения шаманов в наскальном искусстве //Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология, Палеометрология. - Новосибирск, 1999. - С.151-157.
7. Дьяконова В.П. Шаманки в традиционном обществе народов Саяно-Алтая // Шаманизм как религия генезис, реконструкция, традиции - Якутск. 1992 — С. 7-8
8. Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. - МАЭ, т. Х1Х. - М.,-Л., - 1955. - С.165-264.
9. Кон Ф. Эспедиция в Сойотию. - М., - 1934. - С. 75.
10. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., - 1951. - 633 с.
11. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. - Новосибирск, 1979. -120 с.
12. Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. - Новосибирск, 1987. - С.150-169.
13. 13 Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск, 1988. - 172 с.
14. Мартынов А.И. Шаманизм и наскальное искусство Северной Азии // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции -Якутск, 1992 - С. 11-12.
15. Маннай-оол М.Х. К вопросу о генезисе тувинского шаманства // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. - Якутск, 1992. - С.85-86.
16. Молодин В.И. Исследования в Горном Алтае и Барабе // Археологические открытия 1995 года. - М., 1996 -С. 354-356 (На могильнике Кальджин U, в кургане №3 (пазырыкская культура V-lll вв. до н э) найдена меховая шуба оригинального покроя, с хвостом...).
17. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии - 1984.- 168 0.
18. Окладников А.Л. Петроглифы Байкала - памятники Древней культуры народов Сибири. - Новосибирск, 1974 - 166 с.
19. Потапов Л.П. Следы тотемистических представлений у алтайцев. - СЭ, №4-5. -1935. - С. 134-152.
20. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. - Л., 1969 - 186 с.
21. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. - Л., - 1991. - 321 с.
22. Погожева А.П. Антропоморфная пластика Триполья. - Новосибирск, 1983. -145 с.
23. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1979. - 80-85 с.
24. Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ - Л., 1971 - Т.27. - С.5-100.
25. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен -Ч 9. - Спб, 1907.-650 с.
26. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян - М., 1981. - 606 с.
27. Сатлаев Ф.А. Кочо-кан - старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев. - МАЭ, т. XXVII. - Л , 1971 -С.130-141.
28. Самашев З. «Шаманские» сюжеты петроглифов Казахстана // Вопросы археологии Казахстана - Алматы -Москва, 1998 - Вып. 2. - С 197-208.
29. Топоров В.Н. Первобытные представления о мире//Очерки истории естественно-научных знаний. -М., 1982. - С. 5-43.
30. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв.до н.э. - М , 1977. - 240 с.
31. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М , 1980. - 328 с.
32. Kubarev V.D., Jokobson E. Siberie du sud 3. Kalbak-Tash I (Repubhque de L'Altai). Repertoire des petroglyphes d'asie centrale - T Y. 3 - Paris-, 1996 256 с.
33. Jacobson E., Tseveendorj D., Kubarev V. Newly recorded petroglyphic complexes in the Altay mountains, Bayan Olgiy aimag, Mongolia // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A). - Paris, 1997 - № 17. - pp.1-6.

1

2

3

4



5

Рис.1

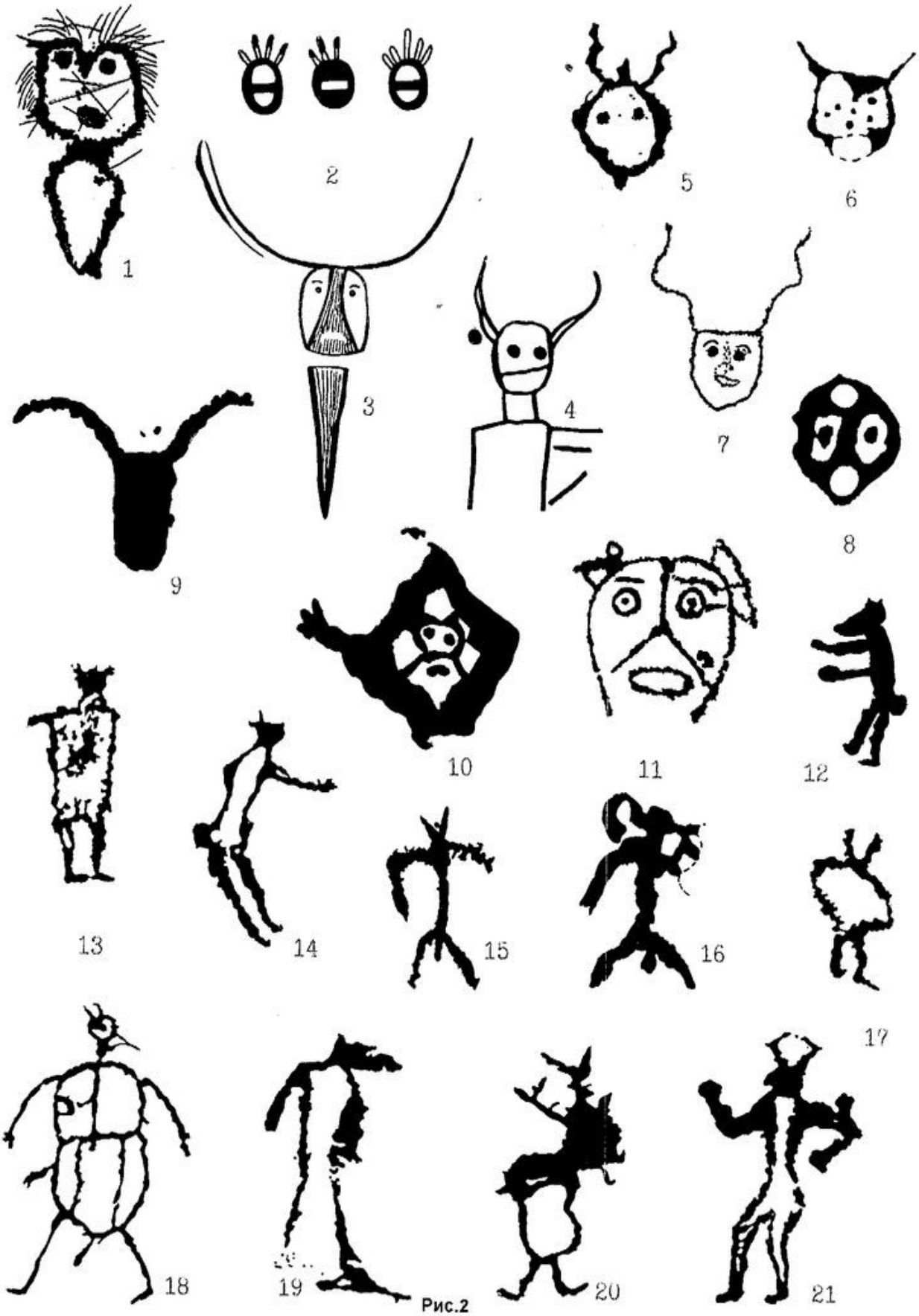


Рис.2

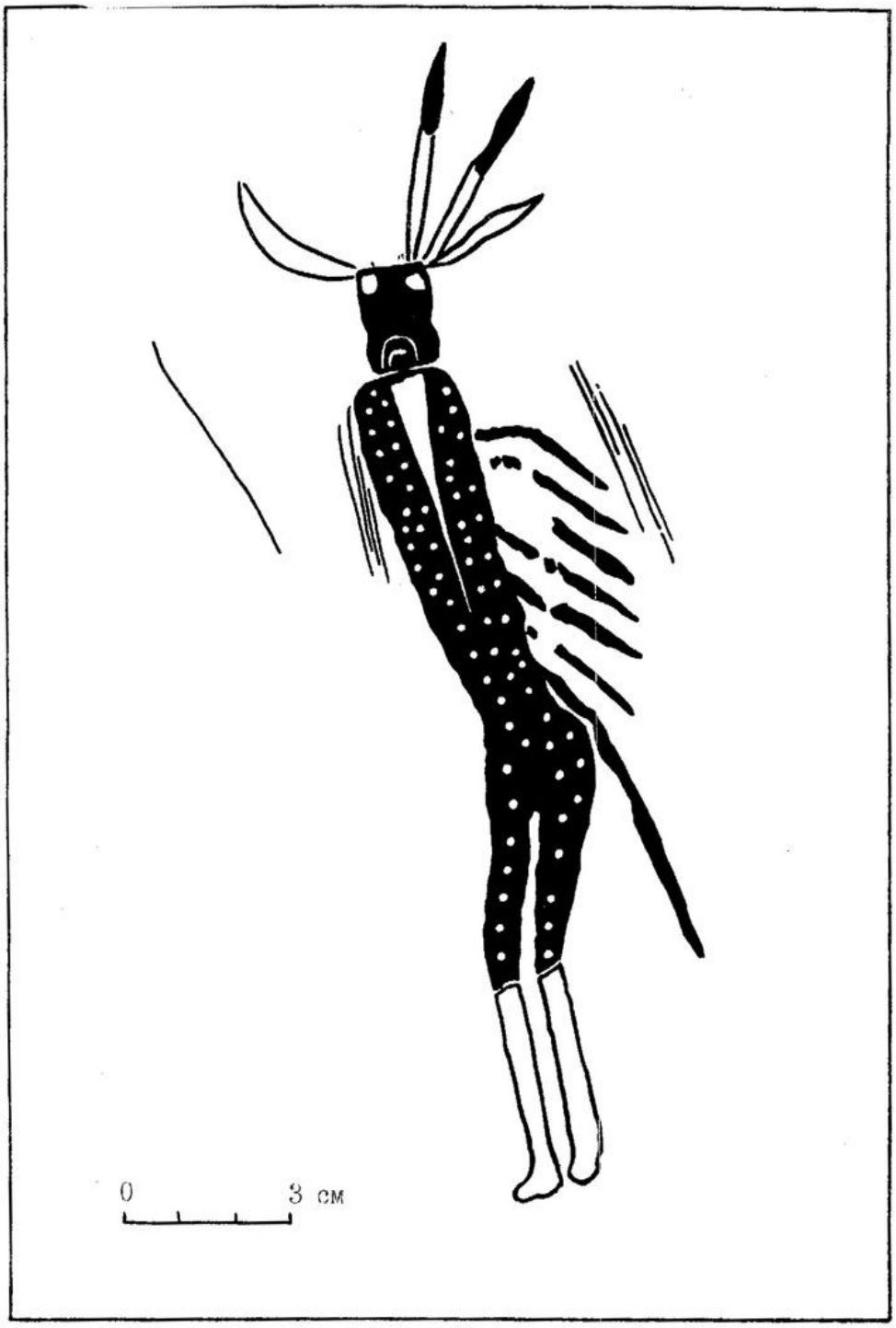


Рис. 3

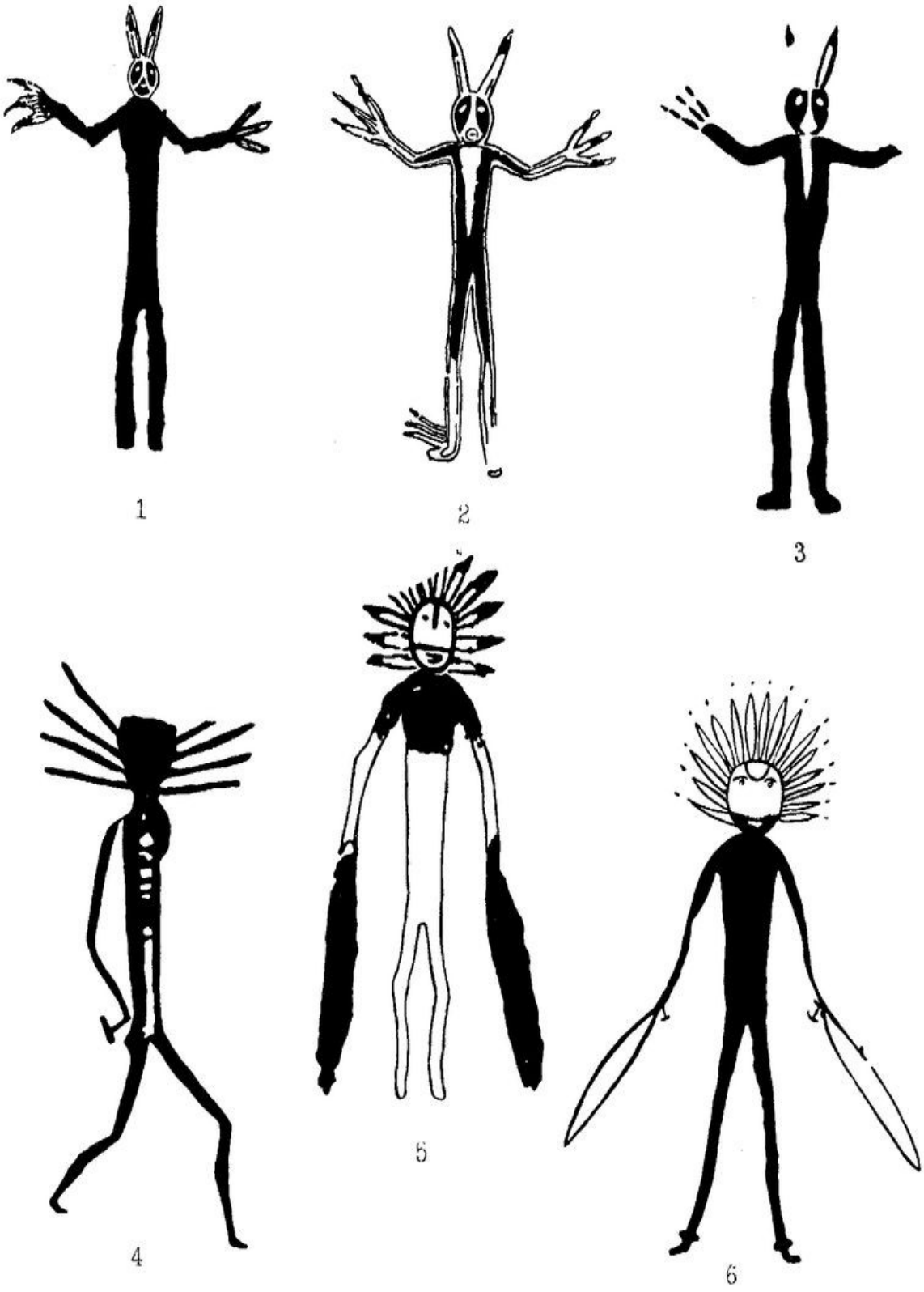


Рис.4

Рис.5

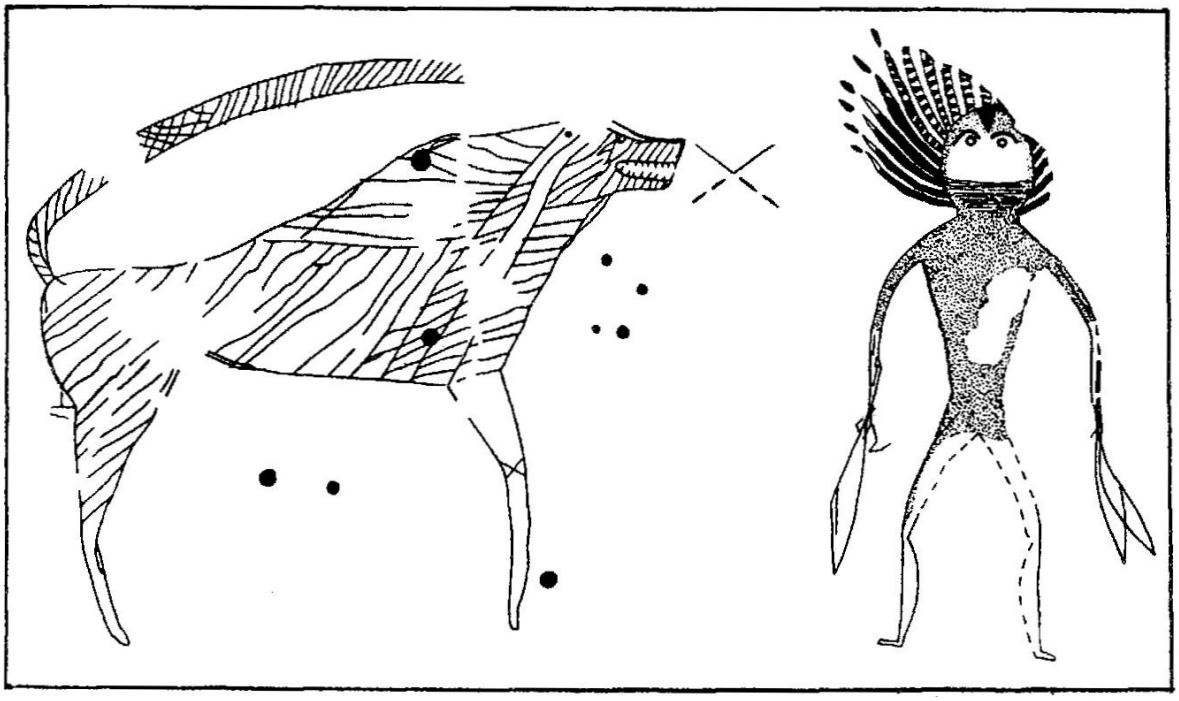


Рис. 6

Список иллюстраций к статье Кубарева В.Д.

Рис. 1 Антропоморфные изображения с посохом и хвостами: 1,3 - Калбак-Таш; 2 - Улуг-Хем, 3 - Цагаан-Салаа; 5 - Елангаш

Рис. 2. Изображения масок (1-11) и маскированных существ (12-21): 1 - Калбак-Таш; 2 — Бешоэек, 3,4 - Каракол; 5 - Хар-Яма; 6,7,9 - Цагаан-Салаа; 8,10,11 - Бага-Ойгур; 12-21 - Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур.

Рис. 3. Маскированное существо в пятнистой шкуре с хвостом. Из погребальных росписей на плитах гробниц Каракола Начало II тыс. до н.э.

Рис. 4. Маскированные существа из полихромных росписей на плитах гробниц Каракола Начало II тыс. до н.э.

Рис. 5. Изображения «шаманок» на плитах гробниц Каракола (1-3) и в петроглифах Карбана (4). Начало II тыс. до н э.

Рис. 6. Изображение мифического хищника и «солнцеголового» божества на плите гробницы из Бешозека. Начало II тыс. до н.э.

Рис. 7. Изображения рогатых «шаманок» из петроглифов Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура. Монгольский Алтай. Начало II тыс. до н.э.

Рис. 8. Фантастический хищник в композиции на скалах Калбак-Таша. Середина II тыс. до н.э.

Рис. 9. Гравированные изображения шаманов и их помощников на скалах Каракола. Рисунки алтайцев - XIX век.

Рис. 10. Гравированные и выбитые изображения шаманов и их помощников; 1 - на плите тюркской поминальной оградки из Кара-Дюргуна, 2 - на стеле с р. Барбургазы; 3 - на каменной плитке из Елангаша, 4 - на скалах Цагаан-Салаа. Рисунки алтайцев - XIX век.

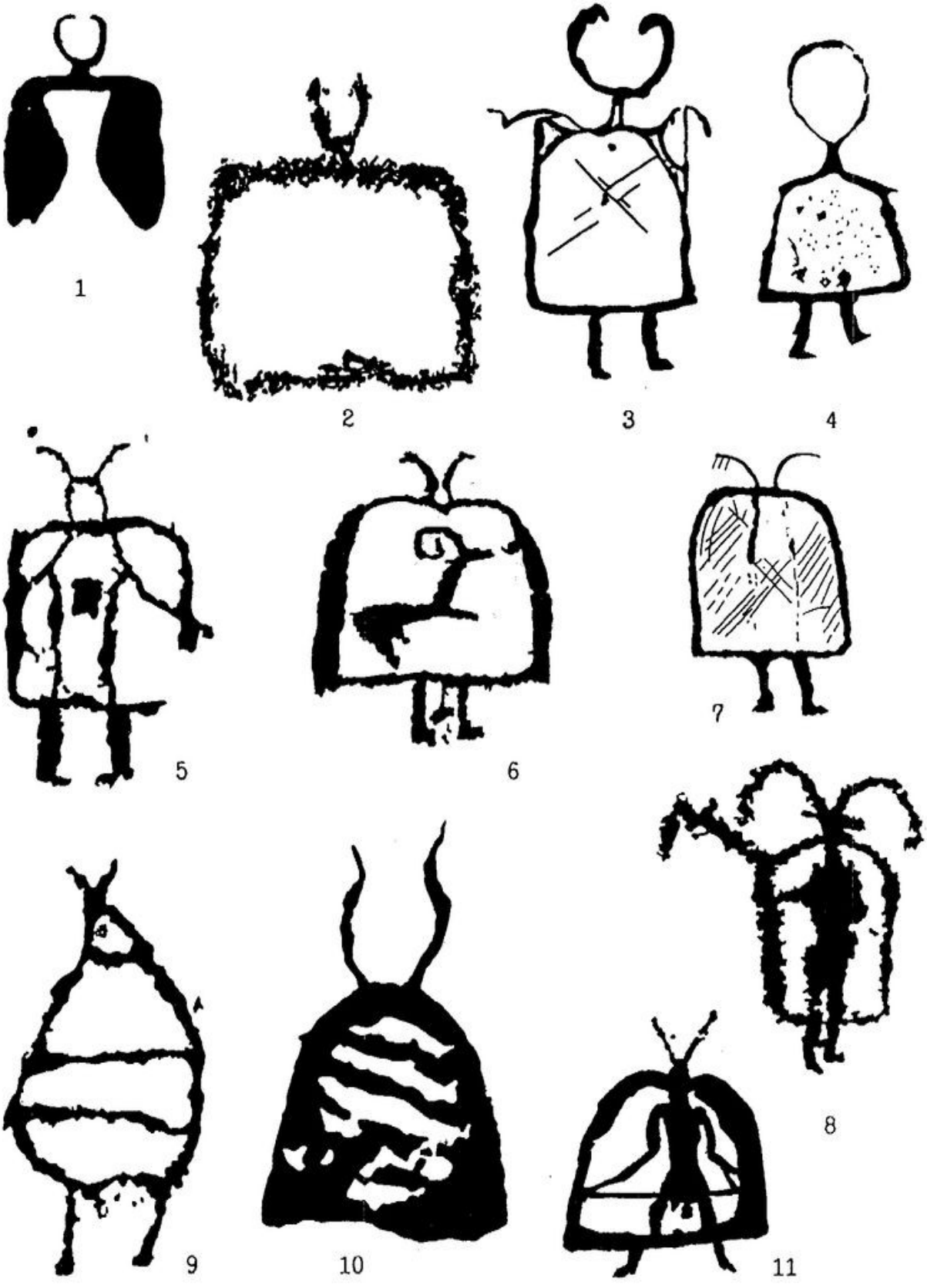
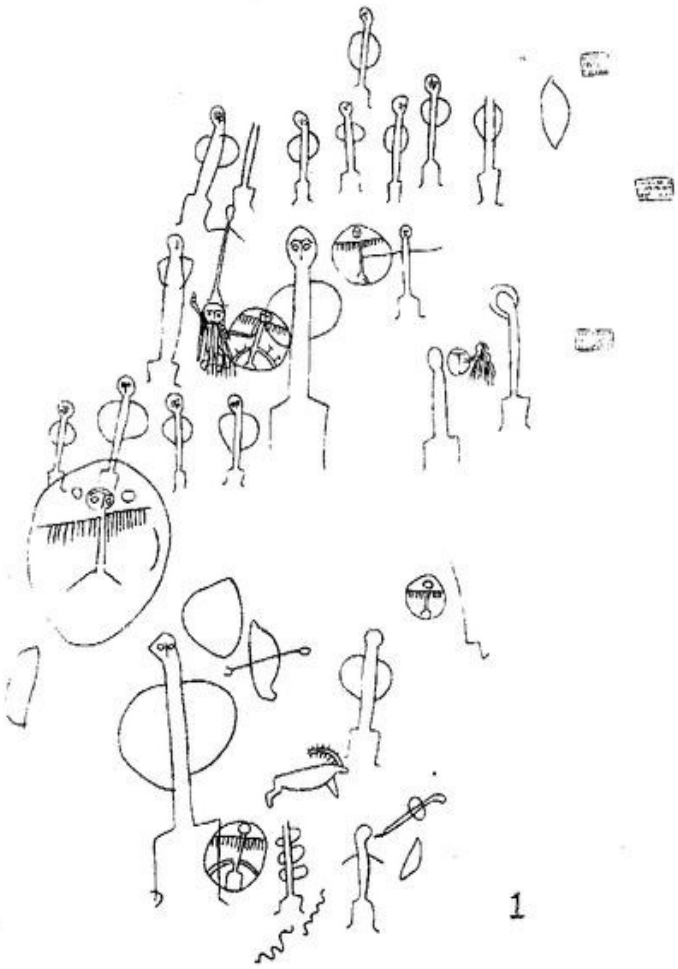
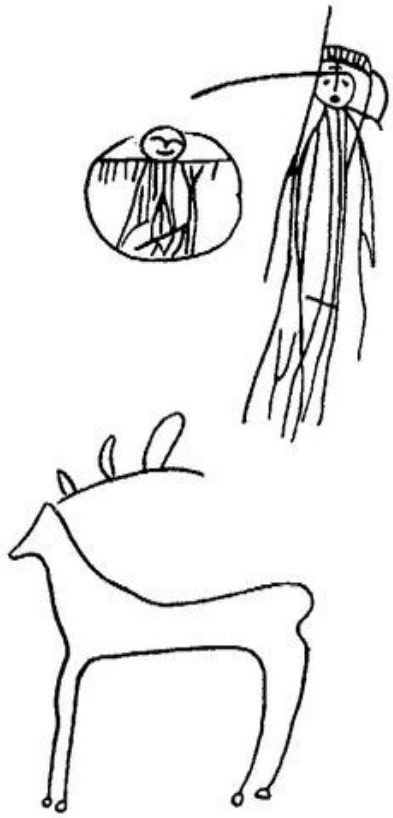


Рис.7

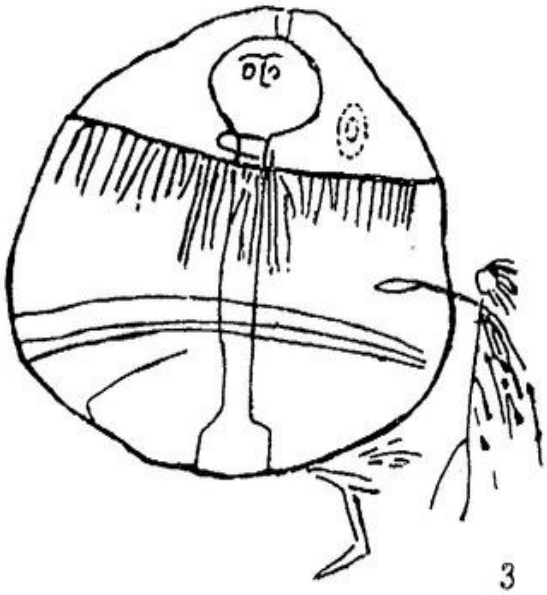
Рис. 8



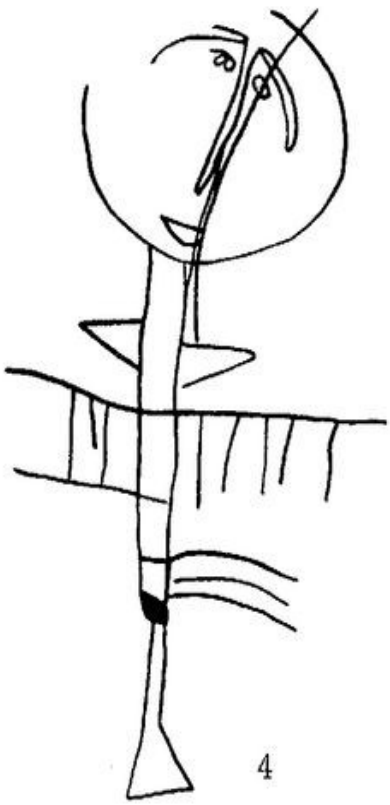
1



2

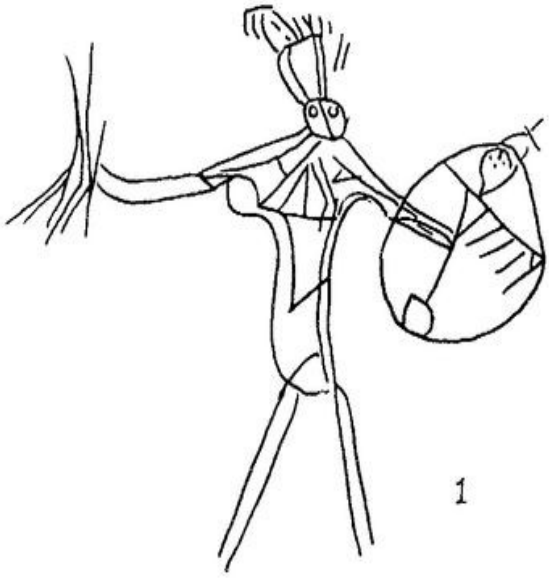


3



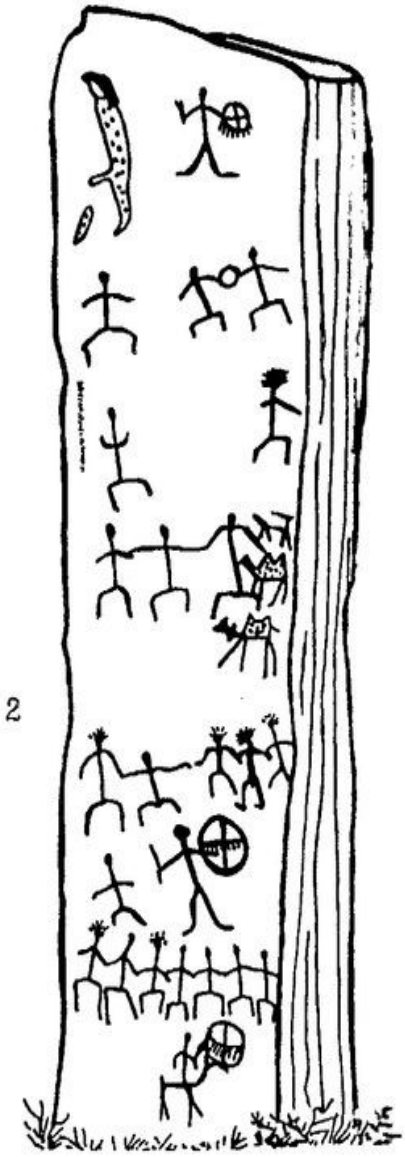
4

Рис.9



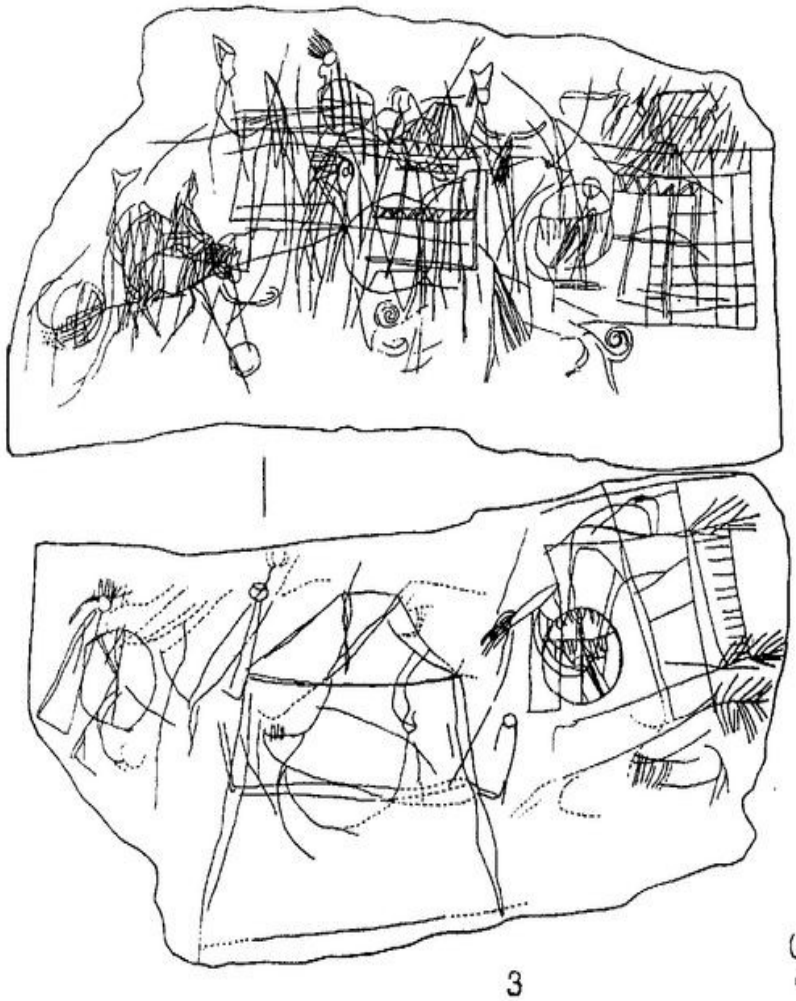
1

0 3 см

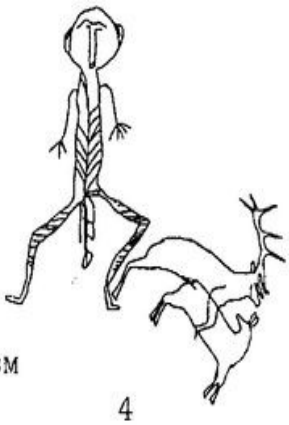


2

0 20 см



3



0 3 см

4

Рис.10

Тетерин Ю.В.
(г.Новосибирск)

ГРИВНЫ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Гривны являются составной частью комплекса украшений костюма народов Южной Сибири хуннской эпохи. Они служат важным источником для этно-археологических реконструкций. В то же время южносибирские гривны этого времени никогда не были объектом специального исследования. Поэтому вопросы их типологии, хронологии, ареалов распространения, этно-культурной атрибуции, практически не разработаны.

Гривны являются сравнительно редкой находкой в южносибирских памятниках. Всего нами учтено 32 экземпляра: 16 из них найдено в-Туве (Уюк-1, Кокэль -15), 12 в Горном Алтае (Усть-Эдиган - 3, Бике -2. Айрыдаш I - 3 Кок-Паш - 3, Курайка - 1) и 4 в Минусинской котловине (Малый Камешек - 1, Изыхский чаа-тас - 1, Комаркова-Песчаная - 1. Минусинский музей, случайная находка у с. Верхний Суэтук -1) При создании классификации гривн учитывались также экземпляры из синхронных памятников Верхней Оби, которые типологически близки к южносибирским.

Гривны в эту эпоху изготавливались в основном из бронзы и золота, реже из серебра и белого металла. Найдены также комбинированные гривны из бронзового или деревянного прута и металлической обкладки. Возможно, в погребальной практике использовались гривны из прутьев или иных недолговечных материалов.

Принципы, на основании которых проводилась классификация гривн, достаточно подробно разработаны в отечественной археологической литературе (Арциховский А.В., 1930, с. 66-71; Фехнер М.В., 1967. с, 55-87; Петренко В.Г., 1978, с. 41-48; Патрушев В.С., 1985, с. 173-196). Как правило, во всех классификациях гривн ее высшая ступень (группа, отдел, раздел) выделяется по форме и особенностям сечения стержня. Типы выделяются по наличию или отсутствию подвески форме концов и деталям в оформлении стержня. Так как гривны, сделанные из разных материалов, часто имеют одинаковую форму, сечение стержня и оформление концов, то материал учитывается как вариантный признак. По такой же схеме строится классификация и южносибирских гривн.

Все учтенные нами гривны имеют округлую или овальную в плане форму, что, впрочем, часто зависело от степени ее сохранности (разогнутости), различное сечение стержня и оформление концов. Вся серия гривн была разделена на группы по внешнему виду и устройству стержня и на подгруппы по форме его сечения. Внутри групп выделялись типы по наличию или отсутствию подвески, форме концов и деталям в оформлении стержня. Материал изготовления служил основанием для выделения вариантов. Всего выделено 4 группы и 14 типов гривн. Группа I. Комбинированные гривны.

В эту группу включены гривны, сделанные из металлического или деревянного стержня-основы и облицованные металлической фольгой-обкладкой. Деревянная основа, как правило, не сохраняется. Диаметр таких гривн 13-15 см, диаметр сечения стержня ок.0,5 см. Три подобных гривны найдены в горно-алтайском могильнике Усть-Эдиган. Каждая из них выделяется в отдельный тип.

Тип 1. Бронзовые гривны с золотой обкладкой. Представлен экземпляром из круглого в сечении бронзового стержня, облицованного гладкой золотой фольгой. Концы прямо обрезаны.

Тип 2. Гривны из деревянного прута и золотой обкладки У гривны этого типа деревянный стержень имел, вероятно, округлое сечение и был обложен гладкой золотой фольгой. Концы золотой обкладки прямо обрезаны.

Тип 3. Гривны из деревянного прута и тисненой серебряной обкладки. У гривны, отнесенной к этому типу, внутри обкладки сохранились остатки дерева. Деревянный стержень также, вероятно, имел округлую в сечении форму и был облицован двумя отдельными серебряными полосками фольги с тисненым орнаментом. Рисунок орнамента на обеих полосках различен. На одном фрагменте преобладают вписанные друг в друга уголки и треугольники, на другом прямые черточки. Концы обкладки прямо обрезаны (рис 1 - 3).

Возможно, концы у некоторых гривн, выделенных в эту группу, заканчивались также, как и у более ранних экземпляров скифского времени - деревянными вставками в виде фигурок животных, которые к настоящему времени не сохранились.

Группа II. Гривны из гладкого металлического стержня, с концами, оформленными в виде петель и отверстий

Все известные экземпляры изготовлены из бронзы. Найдены в Горном Алтае, на Верхней Оби и в Минусинской котловине. У большинства из них бронзовый прут имеет наибольший диаметр в средней части и утончается к концам. По форме сечения стержня выделяются четыре подгруппы - с круглым, овальным, квадратным и прямоугольным сечением стержня.

Подгруппа А. Гривны из гладкого круглого в сечении бронзового стержня. Концы их оформлены по-разному, что позволяет разделить их на два типа.

Тип 1. Гривны с круглым сечением стержня и петлевидными концами. К этому типу относятся гривны, сделанные из круглого в сечении бронзового прута, имеющего наибольший диаметр в средней части и утончающегося к концам. Концы загнуты или скручены в виде петель. Диаметр гривн 10-13 см, наибольший диаметр стержня 0,4-0,6 см. Все гривны этого типа найдены в горно-алтайских могильниках Вике I и Айрыдаш I (рис. 2-3,5, 6).

Тип 2. Гривны с круглым сечением стержня и отверстиями на концах. Найдены в Горном Алтае и в Минусинской котловине. По форме сечения концов стержня разделяются на два подтипа.

Подтип А представлен гривнами из горно-алтайского могильника Курайка и таштыкского могильника Комаркова-Песчаная. Стержень также у них также как у гривн первого типа в сечении круглый, имеет наибольший диаметр в средней части и утончается к концам, на которых имеются отверстия. У курайского экземпляра в отверстиях сохранились остатки кожаных ремешков для привязывания. Ее диаметр 9 см, наибольший диаметр стержня 0,4 см. У гривны из Комарково-Песчаной концы имеют в сечении форму близкую к прямоугольной. Ее диаметр 12 см, диаметр стержня 0,4 см (рис. 2 - 2, 4).

В подтип Б выделена одна гривна из Минусинского музея. В отличие от гривн предыдущего подтипа изготовлена из бронзового круглого в сечении прута, одинакового по диаметру по всей длине. Сохранился только

один конец. Последний расплющен и в нем имеется отверстие для привязывания ремешка. Гривна имеет овальную в плане форму. Размеры 14 х 18 см, диаметр стержня 0.6 см (рис. 2-1).

Подгруппа Б. Гривны из гладкого овального в сечении стержня. В этой подгруппе выделяется один тип.

Тип 3. Гривны с овальным сечением стержня и петлевидными концами. К этому типу относится одна бронзовая гривна из горно-алтайского могильника Бике I. Она сделана из бронзового овального в сечении прута, с наибольшим диаметром в средней части и утончающегося к концам. Концы эти оформлены в виде петель. Диаметр гривны 11 см, наибольший диаметр стержня 0,6 см (рис 1 - 2).

Подгруппа В. Гривны из гладкого квадратного в сечении стержня. Также представлена единственным экземпляром, выделенным в отдельный тип.

Тип 4. Гривны с квадратным сечением стержня и петлевидными концами. Гривна этого типа найдена в могильнике Ближние Елбаны III в Верхнем Приобье. Ее диаметр 12 см, размеры сечения стержня 0,2 х 0,2 см (рис. 1 -1).

Подгруппа Г. Гривны с прямоугольным сечением стержня. В этой подгруппе выделяются два типа.

Тип 5. Гривны с плоским (в сечении прямоугольным) стержнем и сужающимися петлевидно-загнутыми концами. Представлен экземпляром из могильника Айрыдаш I. Диаметр гривны 14 см, наибольшая ширина стержня 1,1 см (рис. 1 - 4).

Тип 6. Гривны с плоским, прямоугольным в сечении стержнем и выделенной пластиной, имитирующей подвеску. Гривна этого типа найдена в верхнеобском могильнике Ближние Елбаны XII. Она имеет вид узкого, полуовального, плоского стержня с выступающей в средней части прямоугольной пластиной. В центре этой пластины выпуклый кружок диаметром 0,7 см, выше его ряд еще из трех кружков меньших размеров. Пластина, вероятно, имитирует подвеску, а кружки вставки из цветного стекла или полудрагоценных камней Концы оформлены в виде маленьких летелек-колечек, Размеры гривны 14 х 15 см, наибольшая ширина стержня 1,6 см, размеры "подвески" 2 х 2,7 см (рис. 1 - 5).

Группа III. Витые гривны. В эту группу включены гривны, сделанные из плоской перевитой металлической ленты, имеющий вид растянутой спирали. Диаметр таких гривн 7-10 см, ширина полоски 0,3-0,5 см. Часто они встречаются в выпрямленном состоянии и длина ленты достигает 10-18 см. Найдены в памятниках кокэльской культуры Тувы и в склепах Минусинской котловины. По способам оформления концов выделяются два типа.

Тип 1. Витые гривны с петлевидными концами. Концы таких гривн загнуты в виде кольца или петли. Гривны этого типа известны в двух вариантах. Первый вариант составляют экземпляры из золота. Все они найдены на территории Тувы (рис. 3 - 2-5). Ко второму варианту относятся гривны из белого металла. Одна такая гривна найдена в Минусинской котловине (Изыхский чаа-тас, склеп N 2) (рис. 3 - 6).

Тип 2. Витые гривны с отверстием на концах. Все известные экземпляры изготовлены из золота. Найдены в могильнике Кокэль в Туве (рис. 3 -1,7).

Группа IV. Крученые гривны. Эта группа включает в себя гривны, стержень которых изготовлен из круглой в сечении, спирально перекрученной, металлической проволоки. По форме сечения и устройству стержня выделяются две подгруппы: из одинарной проволоки и из двойной. В отличие от гривн третьей группы витки, как правило, плотно примыкают друг к другу.

Подгруппа А. Крученые гривны из одинарной проволоки. Известно три экземпляра таких гривн. Все они сделаны из золота и найдены в горно-алтайском могильнике Кок-Паш. Все три гривны снабжены подвесками Подвески двух гривн отличаются от подвески третьей, что дает основания разделить их на два типа

Тип 1. Крученые гривны с сердцевидной подвеской. Включает в себя два экземпляра Гривны этого типа трехчастные. Они состоят из двух перекрученных проволочек и подвески посередине. Проволока с подвесками у обоих экземпляров соединяется по-разному. У одной гривны концы проволоки припаяны к подвеске, у другой концы пропущены в отверстия в верхней части подвески и загнуты. По краям подвеси перекрученная проволока оформлена двумя свисающими уплощенными колечками, Концы гривн загнуты крючком. Диаметр этих гривн 10 см, диаметр скрученной проволоки 0.3-0,5 см. Подвеска фигурная - в нижней части имеет сердцевидную форму, в верхней треугольную. В центре круглая выпуклость, имитирующая вставку. Она окружена кольцом пунсонных вдавлений. В середине и по внешнему краю подвески еще два ряда пунсонных вдавлений, повторяющих форму самой подвески. Размеры подвески 5,5 х 6,5 см, диаметр выпуклости 2 см (рис. 3 -10, 11).

Тип 2. Крученые гривны с подвесками в виде колечек. Представлен одним экземпляром. Стержень гривны также сделан из одинарной перекрученной золотой проволоки. Концы загнуты крючком. Середина гривны украшена свисающими уплощенными колечками: в центре тремя, оформленными крестообразно и двумя одиночными по краям. Диаметр гривны 13 см, диаметр проволоки 0,5 см, диаметр колечек 0,8-1 см (рис. 3 - 12),

Подгруппа Б. Крученые гривны из двойной проволоки. Представлена одним типом.

Тип 3. Бронзовые крученые гривны из двойной проволоки без подвесок. На концевых витках имеются отверстия для привязывания ремешков. Такие гривны найдены в могильниках Ближние Елбаны III и XII на Верхней Оби. Оба экземпляра несколько отличаются друг от друга плотностью витков Диаметр 13 см, диаметр стержня 0, 4 см (рис. 3 - 8, 9).

Из четырех выделенных групп самыми ранними являются комбинированные гривны. Наиболее широко они были распространены в культурах степного и лесостепного пояса Евразии в скифскую эпоху (Петренко В.Г., 1978, с. 41-42; Смирнов К.Ф., 1989, с, 174; Мандельштам А.М., 1992, с. 191). Широко представлены гривны из тальникового и бронзового прута или трубочки, обложенные золотым листком, на концы которых насаживались деревянные фигурки животных в пазырыкской культуре Горного Алтая (Руденко С.И., 1953, с. 133-134; Кубарев В.Д., 1987, с. 116; 1991, с. 125, 1992, с.105-106).

Они продолжают существовать и в начале гунно-сарматской эпохи, но постепенно исчезают из обихода Датировка могильника Усть-Эдиган, в котором были найдены эти гривны, дискуссионна. Автор раскопок Ю.С.Худяков относит его I-II вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1998, с. 110). На наш взгляд, судя по набору украшений и другим категориям погребального инвентаря (предметам конской упряжи, оружию, поясному набору), памятник датируется временем не позже I в. н.э. и относится к самому раннему этапу культуры хуннского времени Горного Алтая (Тетерин Ю.В., 1994, с. 128). В других горно-алтайских памятниках этой эпохи подобных гривн уже нет.

Поэтому верхней хронологической границей бытования комбинированных гривн следует считать I в. н.э., позже которого они не встречаются.

Гладкие бронзовые гривны второй группы, с концами, оформленными в виде петель и отверстий, распространены более широко. Они найдены в Минусинской котловине, на Верхней Оби и в Горном Алтае. На Енисее одна такая гривна обнаружена в грунтовом таштыкском могильнике Комаркова-Песчаная. Другая гривна происходит из случайных находок. Таштыкские грунтовые могилы исследователями датируются по-разному: I в. до н.э. - I в. н.э. (Кызласов Л.Р.,1960, с. 115-116); I - II вв. н.э. (Грязнов М.П., 1979, с. 5); I в. - IV в. н.э. (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 66). Не вдаваясь в подробности разногласий, отметим, что, на наш взгляд, большинство грунтовых таштыкских могильников следует относить ко второй половине или к концу I - III вв. н.э. Возможно, отдельные кладбища функционировали и в начале IV в. н.э. Следовательно, этим же периодом следует датировать и минусинские гривны второй группы.

Гривну 4-го типа, с квадратным сечением стержня из могильника Ближние Елбаны 111 и гривну 6-го типа с плоским стержнем и выделенной пластиной из могильника Ближние Елбаны Х!1 М.П. Грязнов относил к переходному этапу верхнеобской культуры и датировал V - VI вв. н.э. (Грязное М.П., 1956, с. 124). Позднее Т.Н.Троицкая пересмотрела датировку этапов верхнеобской культуры и отнесла памятники переходного этапа к III - V вв. н.э. (Троицкая Т.Н., 1979, с. 49).

Наибольшее количество гривн данной группы найдено в Горном Алтае в могильниках Бике I, Айрыдаш I, Курайка Для них характерно в первую очередь круглое и овальное сечение стержня. Авторы раскопок этих памятников в предварительных публикациях датируют их достаточно широко в пределах первой половины I тыс. н.э. (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 90-92; Суразаков А.С., 1990, с. 199; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, с. 135). По нашему мнению, эти памятники составляют единую этнокультурную й хронологическую группу и датируются в пределах конца I - III вв. н.э.

Аналогии гривнам этой группы в других культурах степного и лесостепного пояса прослеживаются в широком хронологическом диапазоне от начала скифской эпохи до конца гунно-сарматского времени (Петренко В.Г., 1978, с. 42; Патрушев В.С., 1985, с. 176) и поэтому мало что дают для уточнения их датировки.

Учитывая все вышеизложенное, гривны второй группы можно датировать I - V вв. н.э., причем, судя по южносибирским материалам, наиболее широкое распространение на этой территории они получили в конце I - III вв. н.э.

Витые гривны найдены на территории Тувы, Минусинской котловины. Иногда их называют типично таштыкскими. Но более справедливо было бы назвать их типично кокэльскими, так как большая часть таких гривн найдена в Туве в могильнике Кокэль (15 экз.). Из Тувы происходят и наиболее ранние экземпляры, которые относятся к позднему этапу уюкской (или саглынской) культуры (Вайнштейн С.И., 1966. с. 164, табл. Х-1; Мандельштам А.М., 1992, с. 191). В погребениях улуг-хемского типа гривны не встречаются. Позднее они широко распространяются в памятниках кокэльской культуры. Как известно, могильник Кокэль авторы раскопок датировали широкими хронологическими рамками: II в. до н.э - V в. н.э. (Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966, с.254-255; Дьяконова В.П., 1970, с. 209). В настоящее время датировка могильника вполне обоснованно ограничивается первыми веками нашей эры (Николаев Н.Н., 1991, с. 59; Савинов Д.Г., 1992, с. 109). На наш взгляд, основной массив погребений Кокэльского могильника также относится к концу I - III вв. н.э., но отдельные погребения могли быть совершены и позже, в IV в.н.э.

В Минусинской котловине витые гривны найдены в таштыкских склепах. Датировка склепов также дискуссионна. Наиболее аргументирована точка зрения тех исследователей, которые считают, что склепы появились на позднем этапе таштыкской культуры не ранее начала IV в. н.э. и сооружались вплоть до VII в. н.э. (Амброз А.К., 1971, с. 120; Азбелев П.П., 1993, с. 92; Савинов Д.Г., 1991, с. 96; Вадецкая Э.Б., 1991, с. 152).

С учетом датировки памятников, в которых были найдены витые гривны, период их бытования следует определять также очень широко - концом I тыс. до н.э. - первой половиной I тыс. н.э.

Крученые гривны найдены в горно-алтайском могильнике Кок-Паш и в могильниках переходного этапа верхнеобской культуры. Могильник Кок-Паш авторы раскопок датируют III - V вв. н.э. (Васютин А.С., Елин В.Н., 1987, с. 89). Этим же временем датируются сейчас и памятники переходного этапа (Троицкая Т.Н., 1986, с. 101). Следует отметить, что крученым гривнам без подвесок имеются многочисленные аналогии в культурах скифского и гунно-сарматского времени на территории Восточной Европы, Приуралья и Зауралья. Поэтому узкая датировка южносибирских крученых гривн в пределах двух-трех веков вряд ли правомерна. Вероятно, они употреблялись и в более раннее время, т.е. в течение всей первой половины I тыс. н.э.

Более оригинальны кок-пашские гривны. Прямые аналогии нам неизвестны. Предварительно эти гривны можно датировать концом гунно-сарматской эпохи, т.е. III - VI вв. н.э.

Завершая краткий экскурс в область хронологии южносибирских гривн, следует отметить, что все выделенные группы и типы не имеют узких дат и бытуют в течение трех-шести веков, поэтому использовать их для датировки археологических комплексов нужно с большой осторожностью и только в комплексе с другим инвентарем.

Материалы погребальных памятников позволяют говорить о том, что гривны в гунно-сарматскую эпоху в одних культурах были преимущественно мужскими украшениями, в других женскими. Так в Туве в могильнике Кокэль из 15 гривн 10 найдены в мужских погребениях, 3 в женских и 2 в могилах, где пол не был определен (Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966; Дьяконова В.П., 1970). В Минусинской котловине гривна из грунтового таштыкского могильника Комаркова-Песчаная обнаружена в женском погребении (Вадецкая Э.Б., 1987, с. 50). Половозрастную принадлежность гривн из склепов, в которых преобладает обряд трупосожжения, установить невозможно.

В Горном Алтае, в могильниках Усть-Эдиган, Айрыдаш I и Курайка гривны найдены исключительно в женских погребениях. В могильнике Бике I, который-является своеобразным детским кладбищем, гривны обнаружены в погребениях девочек-подростков (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с 69, 74). Исключением является лишь могильник Кок-Паш, в котором все гривны обнаружены в мужских погребениях.

Золотые гривны, найденные в некоторых мужских погребениях могильников Кокэль и Кок-Паш,

подчеркивали высокое, социальное положение лиц, захороненных в этих могилах. Об этом свидетельствует богатый и нестандартный сопроводительный инвентарь данных погребений (Васютин АС и др., 1985, с. 31; Вайнштейн С.И., 1970, с. 45-46).

Различаются и способы ношения гривн. Если гривны первой группы, найденные в могильнике Усть-Эдиган, носились еще по скифскому обычаю, концами вперед, то все остальные наоборот, концами назад. За отверстия и петли на концах гривн крепились ремешки, которые завязывались на шее. Поэтому гривны данного времени могли быть не только шейными украшениями, но и нагрудными, заменяя ожерелья.

Подтверждением этому служат как сравнительно небольшие размеры многих гривн, так и находки гривн с нанизанными на стержень крупными бусинами из кости и египетского фаянса (Бике I, Курайка, рис, 1 -1,2). Иногда вместо бусин к средней части стержня крепились различные подвески, чаще всего в виде плоских бронзовых пластинок овальной или ромбической формы (Бике I, Айрыдаш !) В этих же могильниках зафиксированы случаи, когда сами гривны не были найдены, но в районе груди или шеи встречались либо одна крупная рифленая бусина, либо несколько отдельных подвесок. Можно предполагать, что в данном случае гривны были изготовлены из лозы или прутьев, как это практиковалось в пазырыкской культуре Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1987, с.116; 1991, с. 125; 1992, с. 105).

Представленный материал позволяет высказать некоторые соображения по поводу ареалов распространения и этнокультурной принадлежности различных групп и типов южносибирских гривн. Типологический и хронологический анализ показал, что для каждой археологической культуры и территории характерны гривны определенных форм.

В Горном Алтае все археологические памятники можно разделить на две большие культурные и территориальные группы. Первая, которую условно можно назвать "берельской", объединяет погребальные памятники с сопроводительными погребениями коней (Усть-Эдиган, Булан-Кобы IV, Белый Бом II, Верх-Уймон, Дялян, Берель и другие). Территория их распространения охватывает районы Центрального Алтая, расположенные на левом берегу реки Катунь. Вторая, которую можно условно назвать "кок-пашской", включает в себя памятники без сопроводительных погребений коней (Пазырык, Балыктыюль, Кок-Паш, Айрыдаш I, Бике I, Курайка и другие). Они распространены в центральных и восточных районах Алтая на правом берегу Катуни. Естественной границей между ними является р. Катунь. в долине которой исследовано наибольшее количество памятников этой эпохи.

Для памятников берельского типа гривны, в целом, не характерны. Они встречаются лишь в самых ранних памятниках этой группы (Усть-Эдиган) и имеют еще целиком скифский облик (гривны первой группы в виде деревянных или бронзовых прутьев, обложенные золотым или серебряным листком) В остальных памятниках этого типа металлические гривны не найдены. Вероятно, для населения этой культуры традиция ношения гривн является пережитком скифского времени и к концу I в. н.э она полностью исчезает.

И, наоборот, гривны найдены почти в каждом памятнике кок-пашского типа. Для могильников Бике I, Айрыдаш I. Курайка, относящихся к концу I - III вв. н.э. (более ранние памятники этого типа в Горном Алтае пока неизвестны), характерны гривны второй группы в виде круглых, овальных, прямоугольных в сечении бронзовых стержней с концами, оформленными в виде петель и отверстий. Для могильника Кок-Паш, относящегося к более позднему периоду (IV - VI вв. н.э.), характерны крученые гривны.

Наиболее многочисленные и полные аналогии горно-алтайским гривнам имеются в памятниках переходного этапа верхнеобской культуры (Грязное М.П., 1956, табл. XLV, рис. 1, 20; XLVII, рис. 12, 14). Учитывая сходство других категорий сопроводительного инвентаря, в первую очередь украшений и деталей поясов, одинаковые способы их ношения, а также близость погребального обряда, можно говорить о культурном и этническом родстве населения этих территорий в первой половине I тыс. н.э.

В Туве исключительно широкое распространение получили витые гривны, которые появились здесь в конце уюкской эпохи. Наиболее полно они представлены в материалах могильника Кокэль (I-III вв. н.э.). Практически неизвестны в Туве памятники IV-VI вв. н.э., поэтому трудно говорить что-то определенное о гривнах этого периода. Можно лишь предполагать, что витые гривны бытуют здесь до конца хуннской эпохи.

По материалам погребальных памятников Минусинской котловины очень сложно судить о степени распространенности шейных гривн у тесинского и таштыкского населения. В тесинских грунтовых могильниках гривны не найдены. Из всех раскопанных тесинских склепов гривны обнаружены только в одном (Лисий Курган, раскопки П.Г.Павлова; материал не опубликован, сведений об их количестве и форме нет). Для раннеташтыкского времени (конец I-III вв.н.э.), вероятно, были характерны бронзовые гладкие гривны с отверстиями на концах, а для позднеташтыкского (IV - VI вв. н.э.) - витые гривны. Последние в таштыкских склепах появляются, вероятно, под влиянием кокэльской культуры.

Литература

1. Азбелев П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник - СПб., 1993. - N 3.
2. Амброз А.К. Проблемы раннесредневекой хронологии Восточной Европы // СА. - М., 1971. Часть II. - N 3.
3. Арциховский А.В. Курганы вятичей. - М., 1930.
4. Вадецкая Э.Б. Хронология таштыкского переходного этапа // Проблемы хронологии и периодизация археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул, 1991.
5. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. - СПб, 1999.
6. Вайнштейн СИ Памятники Казылганской культуры // ТТКАЭЭ - М. - Л., 1966. - Т. II.
7. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. - первых веков н.э. // ТТКАЭЭ -М.-Л , 1966.-Т II.
8. Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. -

Новосибирск, 1985.
9. Васютин А.С., Елин В.Н. О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии - Кемерово, 1987.
10. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. - М.-Л., 1956.
11. Грязнов М.П. Комплекс археологических памятников у г Тепсей на Енисее. Введение. - Новосибирск, 1979.
12. Дьяконова В.П. Большие курганы кладбища на могильнике Кокэль// ТКАЭЭ. - Л., 1970. - Т. III.
13. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск, 1987.
14. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - Новосибирск, 1991.
15. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - Новосибирск, 1992.
16. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни - Новосибирск, 1990.
17. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. - М , 1960.
18. Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1992.
19. Николаев Н.Н. К вопросу о погребальной обрядности могильника Кокэль// Проблемы хронологии и периодизации в археологии. - Л , 1991.
20. Патрушев В.С. Шейные гривны эпохи раннего железа из Волга-Камья // СА. - М., 1985. - N 2.
21. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ, Д4-5. -М., 1978.
22. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, - М.-Л., 1953.
23. Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат **в** изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири - Барнаул, 1991.
24. Савинов Д.Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокэль // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов. - Омск, 1992.
25. Смирнов К.Ф. Савроматская и ран несарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1989.
26. Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая Известия лаборатории археологии. -Горно-Алтайск, 1998 -№3. -С.113-135.
27. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни. - Новосибирск, 1990.
28. Тетерин Ю.В. Демографическая ситуация в Горном Алтае в конце I тыс. до н.э // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье - Барнаул, 1994.
29. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск, 1979.
30. Троицкая Т.Н Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии Эпоха железа. - Новосибирск, 1986.
31. Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. - М.. 1967 - Вып 43.
32. Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. - Горно-Алтайск, 1998 - N 3.

Список иллюстраций к статье Тетерина Ю.В.

Рис 1. Гривны Верхней Оби и Горного Алтая.
Верхняя Обь: 1 - Ближние Елбаны III, 5 - Ближние Елбаны XII,
Горный Алтай: 2-Бике I, 3 - Усть-Эдиган, 4 - Айрыдаш I; 1, 2, 4, 5 - бронза, 3 - серебро.

Рис. 2. Гривны Минусинской котловины и Горного Алтая.
Минусинская котловина 1 - Минусинский музей, случайная находка у с. Верхний Суэтук, 2 - Комаркова-Песчаная, Горный Алтай: 3, 6 - Айрыдаш I, 4 - Курайка, 5 - Бике I; все из.бронзы.

Рис. 3. Гривны Южной Сибири.
Тува:1-5, 7 - Кокэль, Минусинская котловина: 6 - Изыхский чаа-тас, Верхняя Обь: 8 - Ближние Елбаны III, 9 - Ближние Елбаны XII; Горный Алтай 10-12 - Кок-Паш, 1-5,7, 10-12 - золото, 6 - белый металл, 8, 9 -бронза.

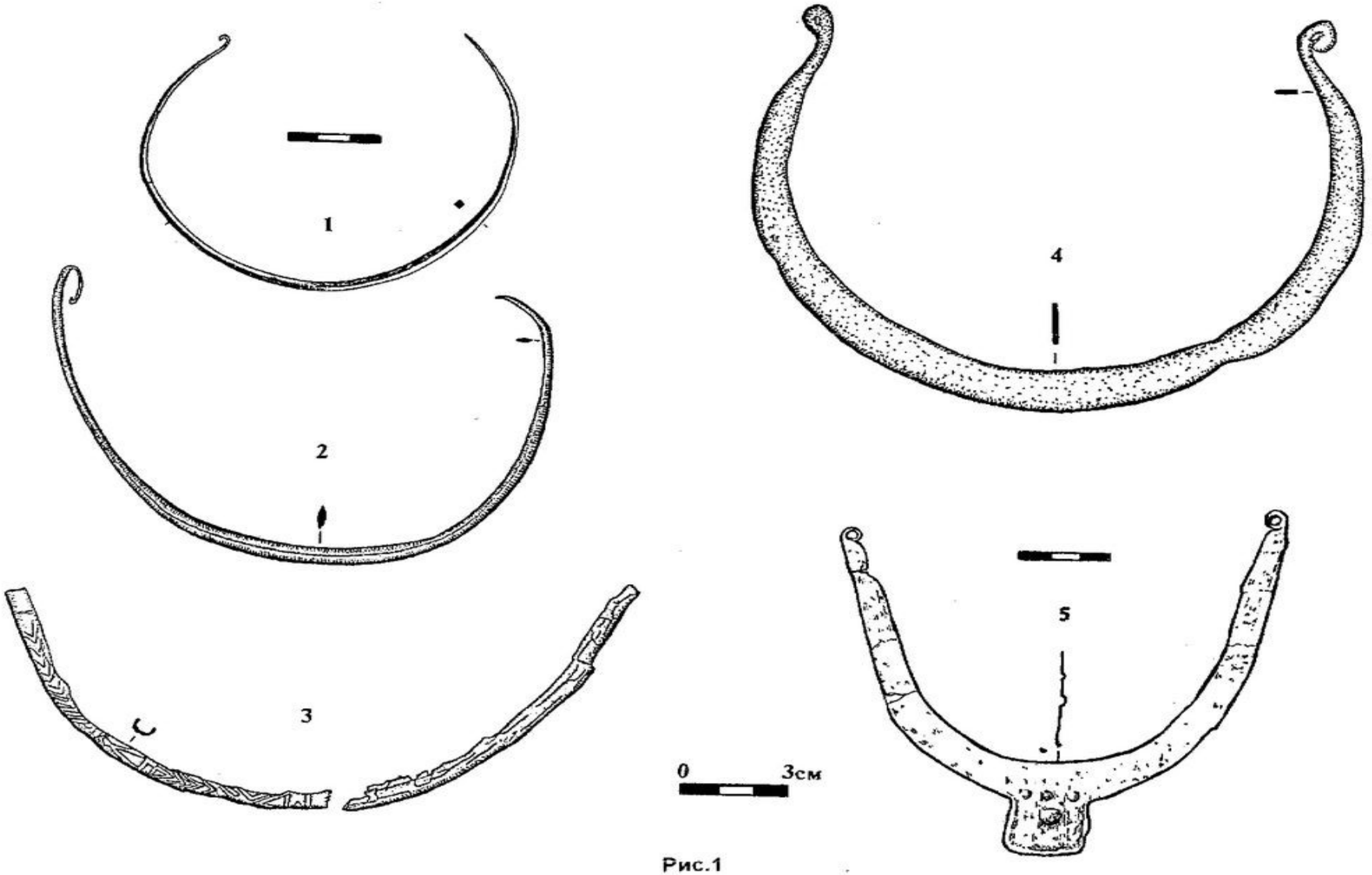
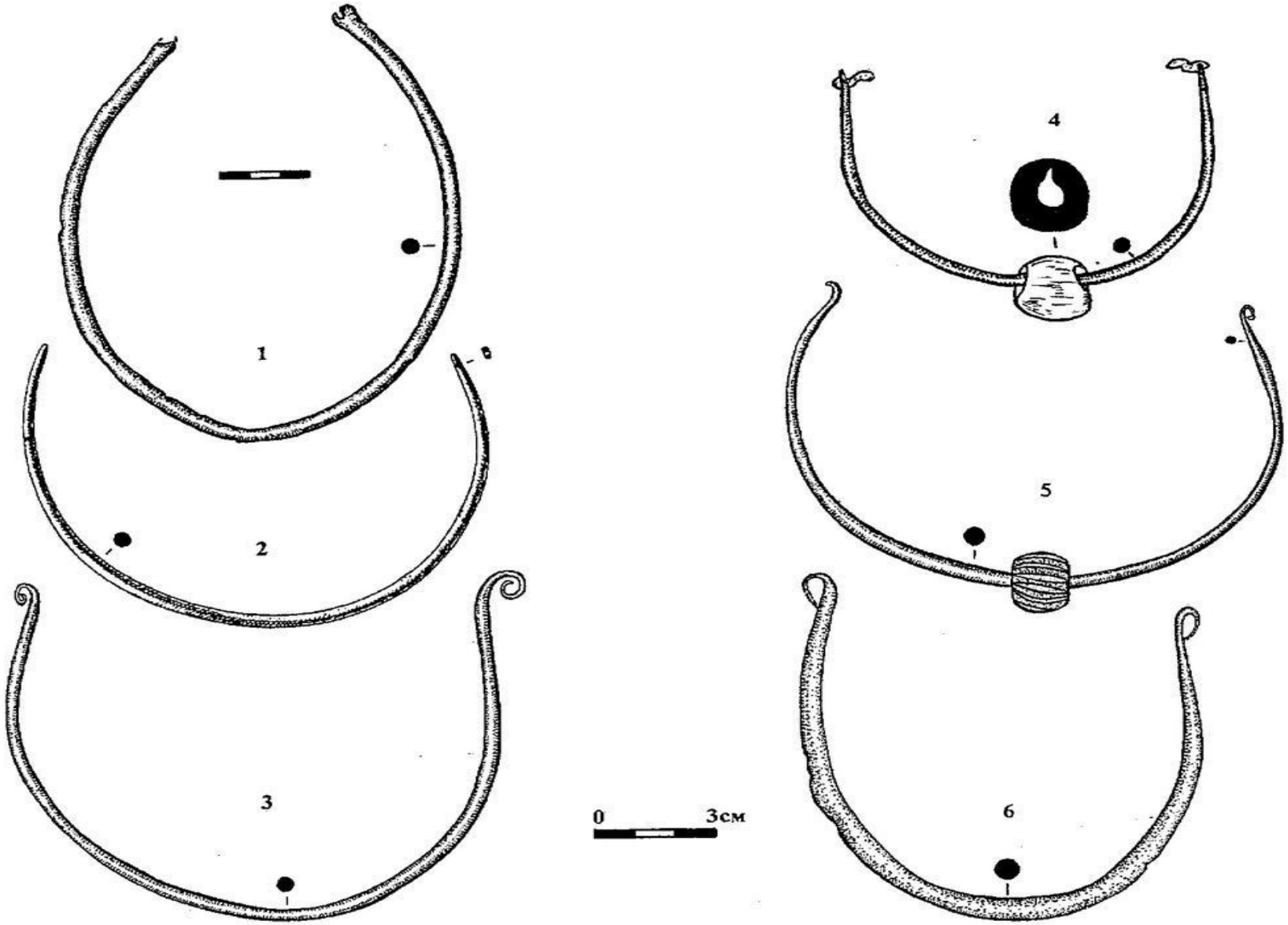


Рис.1


1
2
3
4
5
6
0
3см

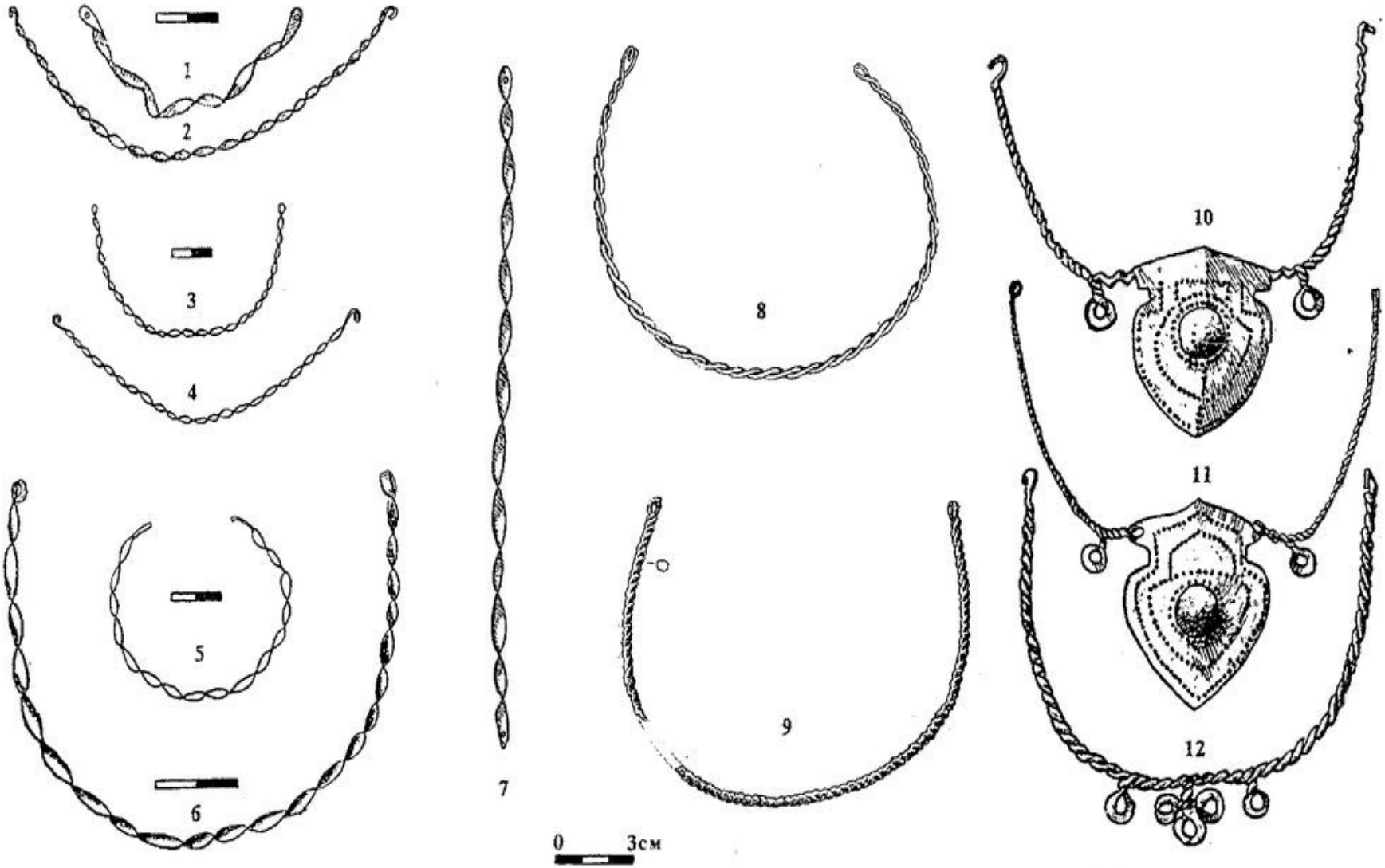


Рис.3

Казаков А.А., Тишкин А.А., Горбунов В.В.
(г. Барнаул)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I В 1996 ГОДУ

Летом 1996 г. совместной археологической экспедицией Научно-производственного центра «Наследие» и Алтайского госуниверситета проводились аварийные археологические раскопки близ с. Елунино Павловского района Алтайского края. Основной задачей было исследование курганного могильника Телеутский Взвоз-1, расположенного на высоком мысу левого берега Оби. Аналогичные мероприятия на этом памятнике имели место и ранее (Казаков А.А., 1995, с. 182-188; Казаков А.А. и др., 1995, с. 78-83).

Изучаемый археологический комплекс в культурно-хронологическом отношении неоднороден. Наряду с земляными курганами монгольского времени обнаружены захоронения более древних периодов. Это требовало применения методики сплошного раскопа на аварийной части памятника. В результате на площади 933 $м^2$ исследованы разные погребально-поминальные объекты.

Под едва заметной насыпью кургана № 5 на уровне древнего горизонта зафиксировано безынвентарное погребение ирменской культуры, Умерший был погребен в сильно скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. Кости обожжены. У края южной полы кургана обнаружено разрушенное захоронение человека в раме из нетолстых бревен, относящееся, вероятно, к эпохе раннего железа.

Курган № 6 представлял собой земляную насыпь овальной формы размерами 18х20 м, высотой до 0,44 м. В центре кургана прослеживалась небольшая западина. Остатки деревянной рамы находились под наброской на уровне древней поверхности. Под ней обнаружена могила, имеющая следы грабительского проникновения. Несмотря на сильные разрушения, удалось частично реконструировать элементы погребального обряда данного кургана. Захоронение осуществлялось в деревянной колоде, которая ставилась на дно могильной ямы. Над ней сооружали перекрытие из плах, уложенных поперек могилы. Предположительно погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Найдены железные предметы: два стремени, обломки двух наконечников стрел и удил с кольчатыми псалиями, фрагменты круглых и прямоугольных рамчатых пряжек, нож в деревянных ножнах, гвозди со шляпками, многочисленный пом Наиболее интересны костяные изделия: две накладки в виде фигур антилоп с поджатыми к животу ногами и характерными для этих животных чертами (рис. 1, 1,2), пара блоков (рис 1, 8,9), две восьмерковидные накладки (рис. 1, 6,7), пятиугольный наконечник ремня (рис. 1, 3) и месяцевидная накладка (рис. 1, 10). Обнаружены также костяной язычок от подпружной пряжки (рис. 1, 4), бронзовая портупейная пряжка (рис. 1, 5) и большое количество обрывков кожи и ткани. Под южной полой кургана найден обломок железного стремени, синхронный погребению.

Курган № 7 представлял собой земляную насыпь овальной формы размерами 12х14 м, высотой до 0,35 м. В центре - небольшая западина, под которой на уровне древней поверхности расчищены остатки продольного перекрытия из бревен. Могильная яма со следами грабительского проникновения была ориентирована по линии запад-восток. На дне могилы обнаружен разбитый деревянный ящик, поставленный на три поперечные плахи. Кости человеческого скелета, инвентарь и часть конструкции перемешаны. Предположительно умерший был погребен вытянуто на спине, головой на запад. Найдены: пара железных стремян, обломки удил, портупейные кольца и накладные пластины (от пояса?) из железа, нож в деревянных ножнах, обрывки кожаных ремней с бронзовыми заклепками и фрагменты ткани. В досках ящика сохранились остатки железных гвоздей и скоб.

Курган № 8 имел земляную насыпь диаметром 11 м и высотой 0,25 м. Под небольшой западиной на уровне древней поверхности зафиксирована прямоугольная бревенчатая рама размерами 1,9х3,5 м, ориентированная длинной стороной по линии юго-запад-северо-восток. Внутри этой конструкции находилась могильная яма, на дне которой стояла деревянная колода, имевшая следы грабительских разрушений. Под колодой находились три поперечные плахи. Человек был погребен вытянуто на спине, головой на юго-запад. Инвентарь сохранился в целой части колоды. Здесь были найдены: железный нож с остатками деревянных ножен, костяная трубочка-игольница (?), шило, берестяные детали головного убора (рис. 2) и шесть просверленных рыбьих позвонков. В ногах сохранились остатки кожи и ткани от сапог.

Центральные погребения трех исследованных курганов (№ 6-8) относятся к монгольскому времени и могут датироваться XIII-XIV вв. На это указывают железные стремена с широкой подножкой, у которой опущены края, с дужками арочной формы, пластинчатым отверстием для путлища, сливающимся с дужкой и имеющим приостренный или скругленный верхний и выпуклый нижний края, а также крюковые удила с гладкими кольчатыми псалиями и плоские наконечники стрел с узким пером асимметрично-ромбической формы. Погребальный обряд раскопанных могил характерен для исследованных ранее захоронений на памятниках лесостепного Алтая монгольского времени: Кармацкий, Усть-Алейка, Клуб, Блцжние Елбаны-XIV, Сухие Гривы и др. (Могильников В.А., 1992, с. 92-94; Кунгуров А.Л., 1991, с. 161-168; Грязное М.П., 1956, с. 155-157, табл. LXXII; Савинов Д.Г., 1979, с, 53-72), Этим же периодом следует датировать и те курганы, которые были раскопаны на памятнике Телеутский Взвоз-1 ранее, но ошибочно отнесены А.А.Казаковым к одинцовской культуре на основании найденного в одном погребении бронзового зеркала (Казаков А.А., 1995, с. 182-188).

При раскопках кургана № 7 и 8 были обнаружены и исследовались грунтовые могилы эпохи ранней бронзы с коллективными погребениями. В двух из них фиксируется обряд кремации, а в одной найдены целые скелеты двух взрослых людей, одного ребенка и различные предметы (орнаментированный керамический сосуд, каменный черешковый и деревянный втульчатый наконечники стрел, две металлические серьги, костяное и каменное орудия труда, подшлифованные астрагалы). В устройстве захоронений эпохи ранней бронзы отмечены особенности.

Проведенные археологические исследования на памятнике Телеутский Взвоз-I дали обширный материал, отражающий различные периоды древней и средневековой истории Алтая.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 00-06-80393.

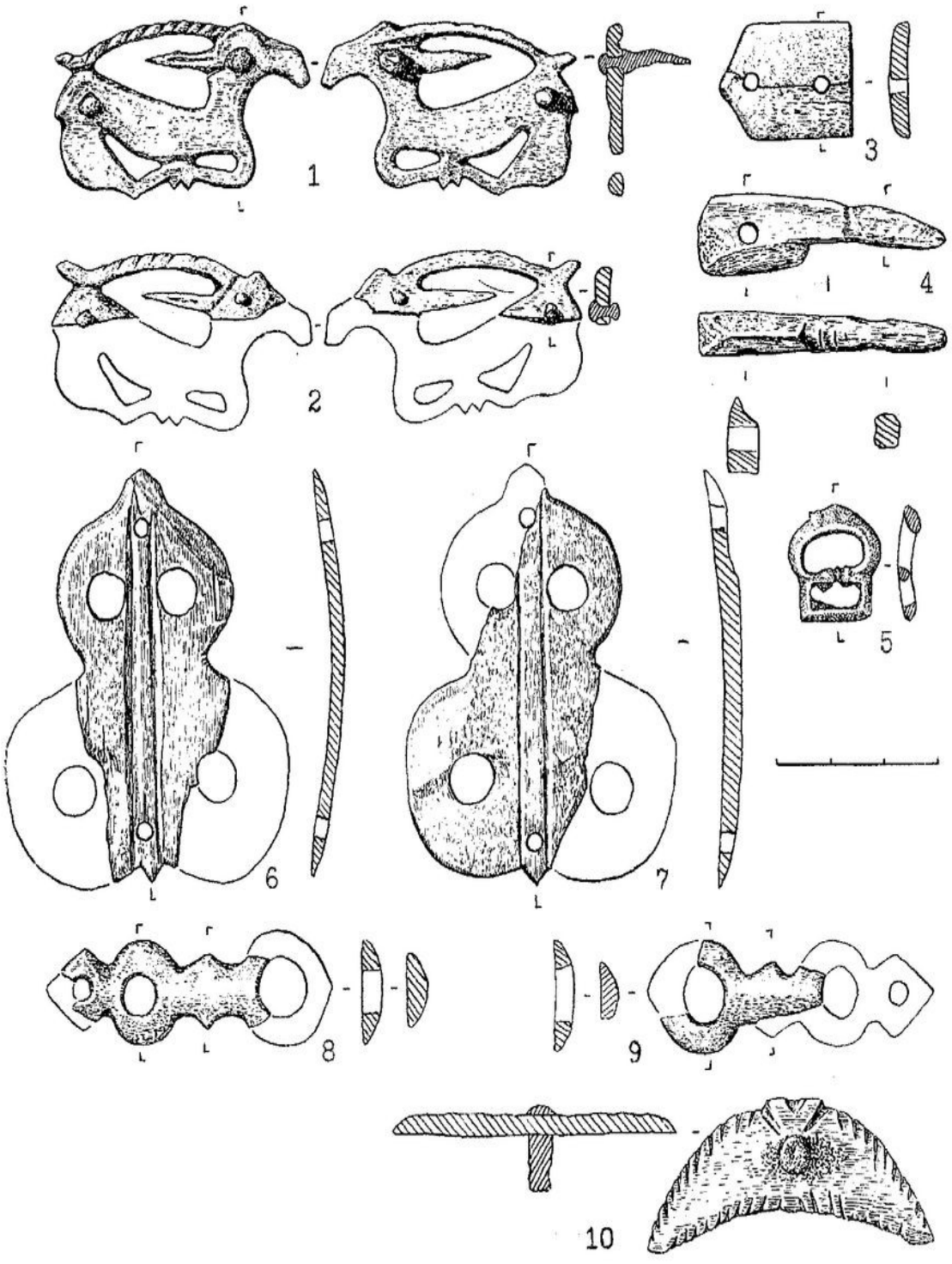


Рис. 1

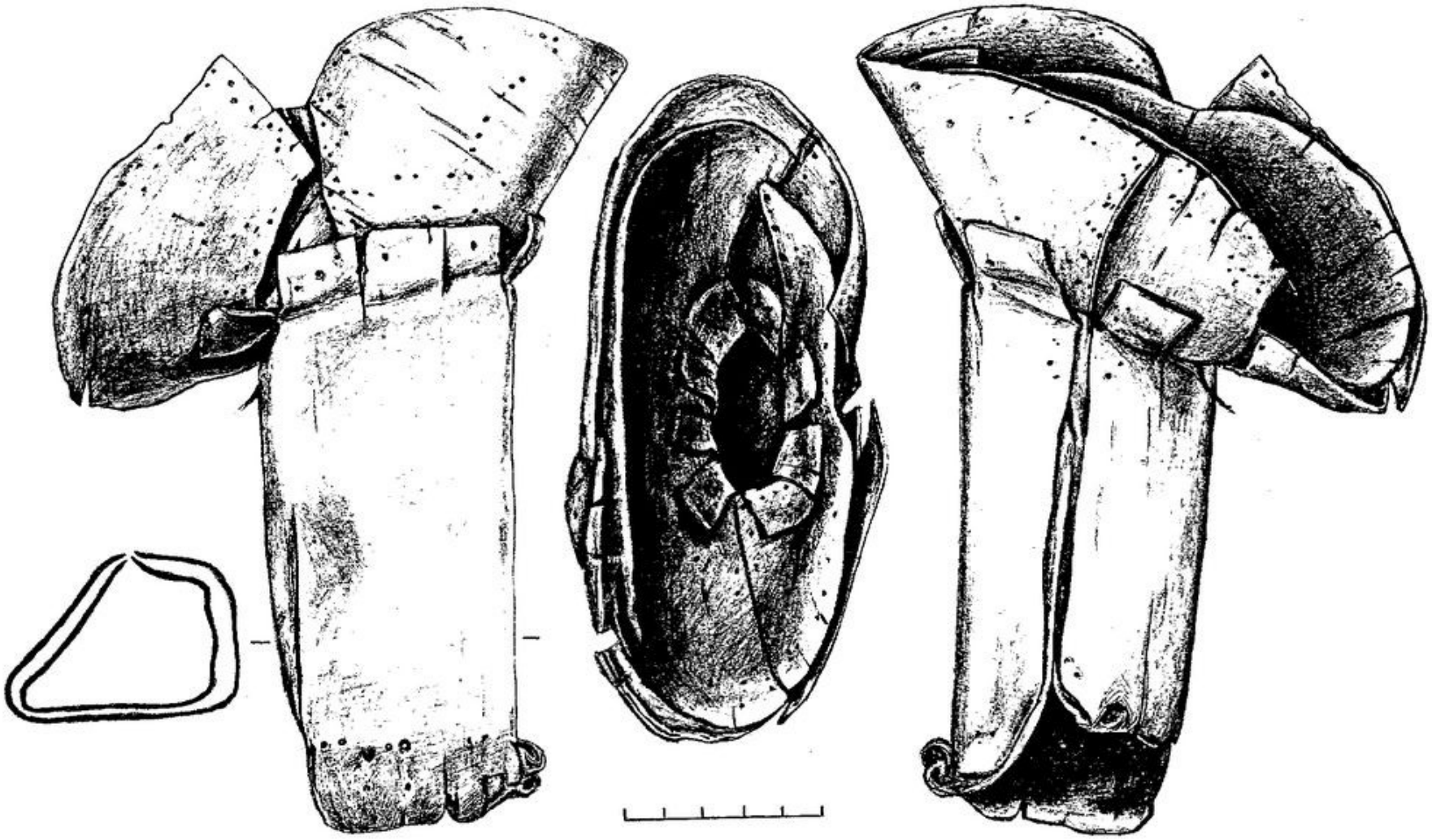


Рис.2

Литература

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА - М -Л , 1956 - № 48. - С 155-157.
2. Казаков А.А. Аварийные работы в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1995. - Вып V. - Ч. 2 - С. 182-188.
3. Казаков А.А. и др. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая - Барнаул. 1995. - С. 78-83.
4. Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. - Новосибирск, 1991. - С 161-168.
5. Могильников В.А. Исследование Кармацких курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. - Горно-Алтайск, 1992 - С. 92-94.
6. Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. - Томск, 1979.

Список иллюстраций к статье Казакова А.А., Тишкина А.А., Горбунова В.В.

Рис .1. Инвентарь погребения кургана № 6 (Телеутский Взвоз-I); 1,2,10 - кость, железо; 3,4,6-9 - кость, 5 — бронза.

Рис. 2. Телеутский Взвоз-I. Берестяное изделие из кургана № 8.

Кызласов Л.Р.
(г.Москва)

ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Существо и смысл исторических событий наука выясняет **с** помощью первоисточников: письменных, археологических, этнографических и других Для ранней истории тюркоязычных народов из письменных источников наиболее важны: прямые (внутренние), оставленные самими тюрками и косвенные (внешние), составленные обитателями, близко общавшимися стюркоязычными племенами.

Прямыми источниками являются памятники, написанные древнетюркскими руническими письменами[1], а также - на используемых тюрками международных письменностях (согдийской, арабской, персидской, сирийской, китайской и других). Из косвенных источников важны: китайские династические хроники[2], арабские и персидские географические сочинения, сведения сирийских и византийских писателей и историков. Продуктивность научного подхода создает возможность изучения древнейшего периода в истории тюркоязычных народов и в том числе такого явления, как Первый Тюркский каганат Это государство впервые объединило в середине VI века все племена и народности, населявшие Великую степь Евразийского материка. Образование древнетюркского государства, на просторах от Китайской стены до Черного моря и от Аму-Дарьи до верховий Ишима, привело также к широкому распространению по Европе тюркской речи[3].

Важнейшим результатом столь высокой исторической активности алтайских тюрок в VI-VII вв. стал общеизвестный факт - после Первого Тюркского каганата в Евразийской степи и на смежных с нею горных и равнинных землях неизменно возникали многие государства, возглавлявшиеся тюркоязычными народами. Можно сказать, что этническая карта расселения тюркоязычных народов (исключая Турцию) сложилась под мощным воздействием этнических процессов, впервые возникших внутри населения Первого Тюркского каганата.

Совокупность известных ныне источников свидетельствует, что в раннем средневековье тюркоязычный мир был почти таким же ярким, культурно многообразным и антропологически очень разнородным, каковым он предстает перед нами и в настоящее время. Конечно, сравнение это достаточно условное, ибо временные изменения были весьма значительны. Ведь только глядя с европоцентристских позиций, все древние тюркоязычные племена кажутся кочевыми, а их культуры - одинаковыми Подменять терминами "древние тюрки" ("древнетюркская культура", "древнетюркское время") самоназвания всех древних тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур ненаучно. Древние тюрки — это та этническая группа, которая сама себя в VI-VII вв. - называла народом тюрк ("тюрк бодун"), и только культуру этого народа следует называть древнетюркской, а время существования Первого и Второго Тюркских каганатов в VI-VIII вв. - древнетюркским временем. На самом деле древние тюркоязычные племена и их языки существовали задолго до начала VI в., когда на страницах истории впервые появилась небольшая этническая группа, называвшая себя "тюрк". Судя по письменным источникам, группа эта в V в. и начале VI в. обитала на Южном Алтае.

Следовательно, можно полагать, что наиболее древние тюркоязычные племена и народности скифского и гунно-сарматского времени (VII в. до н.э. - IV в. н.э.) тюрками себя не называли и едва ли они знали это имя. Археологам предположительно известно, что в гунно-сарматское время, около рубежа н.э., тюркоязычными были этнические общности, имевшие различное происхождение, разные антропологические составы и своеобразные археологические культуры с характеристиками значительно отличающимися друг от друга. Существовали конкретные тюркоязычные этнические группы и народности, взаимодействующие как между собою, так и другими соседними иноязычными этносами. Происходили процессы схождения (ассимиляции и диффузии) и процессы расхождения ("отпочкования" и далекие миграции). Предугадать или предвидеть этнические процессы невозможно, но вполне возможно фиксировать их направленность и объяснять их.

Так гунны, например, вторгнувшиеся в Европу за 200 лет до тюрков, не были, как оказалось, ни тюрками, ни монголами. Как ныне установлено известным алтаистом и тюркологом Г.Дёрфером, гунны говорили на языке

вымершей языковой семьи, также, впрочем, как и последовавшие за ними в Европу апары (авары или обры).

Историкам известно также, что средневековые тюркоязычные народности и племена: уйгуры, азы, чики, кыргызы-хакасы, кимаки-йемеки, карлуки, кыпчаки, татары, курыканы, ягма и другие - тюрками себя не называли. Они имели различное происхождение; разные языки, наречия и диалекты внутри тюркской языковой семьи. Им были присущи значительные различия, как в социально-экономическом развитии, так и материальной культуре. Только при взгляде со стороны, в арабской географической литературе IX-X вв. «слово тюрк появляется как название группы народов и языков, а не название какого-либо одного народа или государства, как в орхонских надписях и китайских летописях. В особенности отмечаются (Истахри, 9) пять народов, которые говорили на одном языке и могли понимать друг друга: тугузгузы, хирхизы (кыргызы), кимаки, гуззы, т.е. огузы, и харлухи, т.е. карлуки».

Только высоко образованные уйгурские авторы VIII-XMI вв. называли не себя, а письменный язык своих сочинений тюркским (türkčä, türk tilinča)[5]. Но это объясняется тем, что уйгуры бережно сохраняли высококультурный стиль автора - создателей литературного (мы бы сейчас сказали: «каганского», аристократического) языка Второго Восточнотюркского каганата (682-745 гг.). Это выработанный, древний тюркский письменный стиль, через каганат караханидов, был затем передан и сохранен до так называемой чагатайской письменности, которая по тем же причинам продолжала называться по древнему - "тюрки".

Здесь же следует сказать, что термин «тюрк» в эпоху Тюркских каганатов, продолжая сохранять этническое значение («тюрк бодун»), одновременно стал политическим и географическим («Тюркистан») термином После крушения древнетюркского государства этническая группа с именем «тюрк» сохраняла и свои погребальные обычаи (труп о положения с конем) и свое имя. По сообщению китайских хроник, «они удерживали свое имя» и «томились» под властью уйгуров. В середине X в. о тугю (тюрках) сообщают путешественник Ху Цяо и придворная хроника, которая добавляет, что «к этому времени тугю были крайне слабы»[6]. Фахрэддин Мубаракшах, в начале XIII в., также выделяет особое племя, называвшее себя "тюрк"[7].

Не исключено, что термин "тюрк" сохранил своё этническое значение у каких-то осколков "тюрк бодуна" до современности. Возможно, это этнические группы "тюрк", до сих пор проживающие в Средней Азии[8]. Вопрос о вторичном заимствовании этнонима "тюрк" - "тюрклер" азербайджанцами и турками должен быть рассмотрен особо.

Возвращаясь к названным выше средневековым тюркоязычным народностям, заметим, что антропологический тип их представителей также был далеко не однороден. Подчеркивая общее преобладание европеоидности в физическом типе ранних тюрок в эпоху Первого Тюркского каганата, следует сказать, что в восточной части Евразийской степи, - этой общей колыбели многих народов, известны ученым и смешанные метисные типы населения. Это так называемые: уральский и южносибирский типы.Но в эту эпоху среди тюркоязычных народов совсем не было еще чистых монголоидов.

Археологам известны определенные различия в верованиях, а, следовательно, и в погребальных сооружениях средневековых тюркоязычных народов. Например, нет ничего общего между кыргызско-хакасскими чаатасами VI-IX вв., уйгурскими захоронениями в катакомбах под земляными курганами, курыканскими и чикскими одиночными трупоположениями в ямах под округлыми каменными курганами и древнетюркскими погребениями по обряду трупоположения с конем под каменными насыпями[9]. Зато общим для тюркоязычных народностей с III в. до н.э. (и, особенно, в VI-XII вв.) является наличие особых поминальных памятников. В то же время, поминальники различных племен отличались друг от друга особенностями и деталями их устройства. Для древних тюрков VI-VII вв. характерны квадратные оградки, от которых на восток отходит ряд, состоящий из изваяния умершего и предстоящих каменных столбиков - балбалов ("по числу убитых врагов"). Эпитафий не было - государственным письмом являлось согдийское.

Полученные наукой данные не позволяют ныне соглашаться с голословными утверждениями некоторых авторов об "единой древнетюркской культуре", о "древнетюркском едином обществе, как национально целом" или, даже "о древнейшем тюркском народе на берегах Орхона и Енисея в VI-VIII вв.[10]

Как сложился Первый Тюркский каганат - нам известно по сведениям китайских хроник: Чжоушу (окончена в 629 г. и позднее дополнена из Бэйши), Суйшу (641-656 гг.) и Бэйши (659 г.). В IV-начале VI в этническая группа "тюрк" (по-китайски: тугю или туцзюэ) находилась в подданстве каганату центральноазиатских жуаньжуаней (получивших в Европе имя аваров, у славян - обров, у самих тюрок -апар). Обитали первозванные тюрки на южном склоне Алтая и по основной своей производственной специализации были отнюдь не кочевниками-скотоводами, а оседлыми рудокопами-шахтерами, железоплавильщиками (на современном языке - металлургами) и кузнецами. Их производственная специализация была чрезвычайно дефицитной и выгодной в условиях Центральной Азии. Дело в том, что в этой области (занимаемой ныне Республикой Монголия) не было, как нет и теперь, месторождений железной и медной руды. Ближайшие месторождения имеются только на Саяно-Алтайском нагорье, где и до рубежа нашей эры уже обитали различные тюркоязычные этнические группы.

Отсюда ясно, что вся экономика и вооружение армий государства народа апар (по-китайски: жуаньжуаней) который владел в ту пору центральноазиатскими просторами, целиком зависела от производительности нелегкого труда метаппургов-тюрков, обитавших оседло прямо на рудных месторождениях Алтая. Поэтому дань с них апары взимали железом и предметами, изготовленными из железа. Особое место занимало производство наступательного и оборонительного вооружения, а также конского снаряжения.

Тюрки, по рассказу византийского посла Зимарха, посетившего в 568 г. ставку каганата на Эктаг-Алтае, имели свои железные рудники и сыродутные горны для плавки руды. Они широко торговали выплавленными железными крицами-полуфабрикатами, развозившимися в разные стороны. Предлагалось купить крицы и греческому послу[11].

По данным китайских источников, опубликовавших две легенды, записанные от древних тюрков, первоначально лишь 100 семейств называли себя именем "тюрк" (кит.-тупо). 100 семейств - это около 500 душ. По второй легенде, только некоему Надулу-шаду, по избранию еговождем, люди дали титул "Тюрк".

Происходило это в общине рода, называвшего себя Ашина.

При правителе Бумыне (по-китайски - Тумынь) орда тюрков-металлургов усилилась и окрепла. В 533 г. тюрки тугю впервые пришли на китайскую границу, чтобы купить хлопчатку и шелковые ткани. Так он вступили во взаимоотношения с Китаем и их имя тюрк (тугю) сразу было занесено в дворцовую хронику, т.е. впервые попало на страницы истории.

В 545 г. император династии Северная Чжоу отправил к тюркам посланником согдийца Аньно-паньто. Хроника Суйшу рассказывает: "В орде начали поздравлять друг друга, говоря: ныне прибыл к нам посланник от великой державы: скоро и наше государство возвысится."[12] Бумын в ответ в 546 г. отправил в Китай послов со своими дарами. Так появилось международное признание.

В это время, мимо их орды шли войною на притеснителей опаров (жуаньжуаней) отряды взбунтовавшегося другого тюркоязычного племени по имени "телэ", числом свыше 5000 кибиток. Бумын своим войском сумел остановить их и присоединил орду телэ к своему войску и народу. После этого, полагаясь на свою силу и многочисленность, он просил брака у жуаньжуаньского государя. Но тот послал нарочного с таким ругательным ответом: "Ты, мой плавильщик! Как же осмелился сделать такое предложение?". Тогда смелый Бумын просил брака у Западного Дома Вэй и получил согласие. В 551 г. он женился на китайской царевне Чан-лэ.

В начале 552 г. Бумын разгромил в бою основные силы опаров-жуаньжуаней. Их каган Анахуань покончил самоубийством, а народ стал разбегаться в разные стороны. Большие отряды опаров-аваров бежали на запад и прошли по Причерноморью через Карпаты в Венгрию. Вся степь к северу от Аму-Дарьи, Тянь-Шаня и пустыни Алашань стала принадлежать тюркам. В том же 552 г. Бумын (Тумынь) возложил на себя титул Иль-кагана, а супругу свою возвел в достоинство Катун. По неописанным законам того времени, в Великой степи мог быть лишь один каган. Поэтому лишь только после смерти кагана жуаньжуаней и, следовательно, после гибели жуаньжуаньского каганата, в 552 г. в Центральной Азии воцарился первый тюркский Бумын-каган и его Катун.

Так возник и начал свою недолговременную, но славную историю Первый Тюркский каганат (552-630 гг.). За двадцать пять лет первое государство тюрок, как мы уже говорили, достигло огромных размеров. По свидетельству историков династии Тан (Таншу, 1045-1060 гг.), третий тюркский Муханкаган (553-572 гг.) "на западе разбил Иду (эфталитов - Л.К), на востоке прогнал Кидань; на севере покорил Цигу (чиков Тувы - Л.К.), и привел в трепет все владения, лежащие за границею (т.е. от Великой стены на север - Н.Я. Бичурин). С востока от Корейского залива на запад до Западного моря до 10000 ли, с юга от Песчаной степи (пустыня Алашань - Л.К.) на север до Северного моря (т.е. далеко за Байкал к Ледовитому океану - Н.Я. Бичурин), от пяти до шести тысяч ли, - всё сие пространство земель находилось под его державою. Он сделался соперником Срединному царству (т.е. Китаю -Л.К.)."[13]

Разгромив в Средней Азии мощное государство эфталитов, войско алтайских тюрков вошли в контакт с не менее могучей державой - Ираном, управляемым династией Сасанидов. Около 567 г. Иран и тюрки поделили по договору Среднюю Азию. Все земли от р. Аму-Дарьи к востоку и северу достались тюркам, а к западу и югу - отошли к Ирану.

Восток сразу же, уже в VI в., воспринял вновь возникшее тюркское государство в качестве одной из четырех возможных мировых империй того времени. Это установил.ещё академик В.В.Бартольд: "На этих событиях была основана буддийская идея четырёх мировых монархий, по четырём странам света: империя царя слонов на юге (Индия - Л.К.), царя драгоценностей на западе (Иран - Л.К.), царя коней на севере (тюрки Алтая - Л.К.) и царя людей (вследствие многочисленности населения Китайской империи) на востоке. Та же-самая идея, с некоторыми вариантами, перешла и к мусульманским авторам, царь слонов назывался царём мудрости, вследствие обаяния индийской философии и науки, царь людей - царём государственного управления и промышленности, вследствие обаяния китайской материальной культуры; царь коней - царём хищных зверей; на западе различались два царя: царь царей, т.е. царь персов и потом арабов, и царь мужей, вследствие обаяния красоты тип населения империи (Византийской - Л.К.).

По китайской официальной истории, сходный мировой синтез империализма нашёл себе внешнее выражение ещё в домусульманскую эпоху в селении Кушании на Зеравшане (к западу от Самарканда), где на стенах одного и того же здания были изображены на одной китайские императоры, на другой — тюркские ханы и индийские брахманы, на третьей — персидские цари и римские императоры"[14].

Продолжая западный поход, в погоне за аварами, тюрки обогнули с севера Каспийское море и вышли к Северному Кавказу.

Византийская империя, с владениями которой тюркские войска столкнулись в Причерноморье, была вынуждена в 576 г. сдать им все прикавказские и крымские города бывшего Боспорского царства. 576 г. является бесспорной датой первого появления тюркоязычной речи и её носителей в Восточной Европе[15]. Встречающиеся в литературе ошибочные мнения о более ранней датировке этого явления поныне чаще всего основаны на желательных предположениях, а не на твёрдых фактах, установленных наукой. Не все ещё, к сожалению, осведомлены и убеждены в том, что гунны, как и северокавказские племена, не владели тюркской речью, но дело обстоит именно так.

В создании Первого Тюркского каганата участвовали, конечно, не только сравнительно немногочисленные его инициаторы из этнической группы алтайских тюрков, но уже с 546 г. и тюркоязычная народность телэ (50000 кибиток-семейств, по 5 душ в каждом, составляют около 250000 человек). О телэ в хронике Таншу сказано. Тукюэсцы (т.е. тюрки - Л.К.) их силами геройствовали в пустынях севера". А затем, по мере расширения территории каганата, государство, как снежный ком, обрастало новыми тюркоязычными и другими иноязычными племенами, расселявшимися по евразийским степям. Одними из первых (по данным Чжоушу) в 554-555 гг. тот же Мухан-каган, после разгрома эфталитов (иду) в Средней Азии и отгона на восток киданей, "на севере покорил Цигу", т.е. владения тюркоязычных чиков, обитавших.в Тувинской котловине (по второй древнетюркской легенде это были ближайшие родственники алтайских тюрков-тугю). Из других сородичей тугю важно отметить «кукижи» - «лебединцев», потомки которых поныне живут в долине р.Лебедь на Северном Алтае. С Алтая же вышли и такие

активные строители Первого каганата, как тюркоязычные тюргеши и карлуки. Впоследствии, в VII-VIII вв. они создали свои государства на территории Семиречья.

Самоназвание "тюрк", употреблявшееся в начале VI века небольшой ("сто семейств") алтайской этнической группой, к середине VI в. преобразовалось в политический термин, который стал известен почти всему населению Евразии. Мы не должны ставить в прямую связь со слагавшимся в Первом Тюркском каганате "Тюрк бодун'ом" все тюркоязычные народы раннего средневековья. Среди них находились этносы, возникшие в несравненно более раннее время, чем сама группа "тюрк". К ним относились, например, телэ (или чилэ, из которых вышли уйгуры, дубо, курыкане, теленгиты, байырку и др.) и гяньгуни (кыргызы). Те и другие описываются в ранних китайских хрониках (с конца III-начала II в до н.э.) как народы, обитавшие под властью центральноазиатских гуннов. По данным хроник, телэ (предки уйгуров) и кыргызы (хакасы) имели свою древнюю историю и свои собственные генеалогические легенды, свидетельствующие, что в происхождении своем они "не принадлежат к породе волков"(т.е. тюрок - Л.К.)[16].

В 581 г. Первый Тюркский каганат разделился на Западный (от Алтая до Крыма) с центром в Семиречье и Восточный (от Алтая до Великой китайской стены) с центром на р. Орхоне. В 630 г. оба эти государства распались и на их землях возникли иные государства. Но это уже другие, последующие страницы истории тюркоязычных народов.

* * *

В VI в. тюрки из центра Азии впервые устремились на запад, в Европу, к славянству, к финно-уграм и к грекам. Их никто не гнал. Напротив - они сами гнали перед собой аваров. Это было время тюркских географических открытий. Сначала - открытия удивительного степного безбрежия, новых могучих рек, огромных морей и вечных гор, затем - открытия новых обжитых стран, неведомых городов и неслыханных дотоле народов. Алтайские тюрки всегда считали, что там, на дальнем западе, где каждый вечер садится солнце, расположен вход в потусторонний подземный мир. Поэтому их неутомимые степные лошадки в 70-х годах VI века так и не доскакали до крайних пределов земли. Войско тюрков остановилось в причерноморских привольных степях, отпустив убегавших на запад аваров. Может быть, враги сами найдут там свою погибель?[17]

Значение Первого Тюркского каганата для истории современных народов России состоит, в первую очередь, в том, что это государство в течение 80 лет служило прямым огромным мостом, соединившим далекие глубины Азии с Европой. Во-вторых, как уже говорилось, оно впервые вывело из Азии на Северный Кавказ, в Поволжье и Причерноморские степи, и закрепило там, передовой массив людей - носителей тюркской языковой семьи, В-третьих, вышедшие на арену европейской истории тюркские народности Южной Сибири и Центральной Азии создали культурные оседлые государства, такие как Хазарский каганат, Волжская Булгария на Каме и Волге и Болгарское ханство на Дунае. В-четвертых, став с VI в. полноправными участниками восточноевропейской экономической и политической жизни, европейские тюркоязычные народы в течение долгих 14 столетий постоянно укрепляли своё активное взаимодействие со славянскими, финноязычными, кавказскими, романскими и прибалтийскими языковыми общинами.

Тюркоязычные народы всеми обстоятельствами своего исторического пути доказали, что Восточная Европа неотделима от Азии. В настоящее время славяне и тюрки являются тем евразийским становым хребтом, который держит всю современную Россию от стран Балтики и до Тихого океана. Доднесь вместе.

Литература

1. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951; Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии - М.-Л., 1959; Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. -№,1994.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - СПб., 1851. -Ч 196-300, Ср. Liu Mau-tsai Die Chinesischen Nachrichten zur Geschtchte der Ost-Turken (T'u-kue)- Wiesbaden, 1958. - I-II Buch.
3. Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата {VI-VIII вв.) // Вестник МГУ. Сер. IX. Исторические науки. -1960 - №1. Он же История Южной Сибири в средние века. - М, 1984. - С. 30-42; Он же. История Тувы в средниевека -М., 1969.-С 18-55; Он же. Древняя Тува. - М., 1979. - С 121-145.
4. Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Astatic Journal. - Wiesbaden, 1973 - Vol. XVII. - No.1, Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. - М., 1960; Он же. Древняя Тува - М, 1979 - С 79-120 Ср. Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время -М , 1992.
5. Тугушеаа Л.Ю. Орхоно-тюркский и древнеуйгурские языки, их сходство и различие // Тюркологический сборник 1974 -М , 1978 -С. 117-118, Бартольд В.В. Сочинения. -М., 1968. -Т. V. -С. 584.
6. Бичурин Н.Я. Указ. соч. - Т. 1. - С. 329; Liu Mau-tsai. Op. cit. -Bd. 1. - S. 261-262, 390, 439. Ср.: Кызласов Л.Р. Древняя Тува - С 142.
7. См. Умняков И. "История" Фахрэддина Мубаракшаха // ВДИ, 1938. - №7. - С.115.
8. См. Ярхо А.И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924 -1934) /' Антропологический журнал, 1936 - № 1. - С. 55 и 59; Кармышева Б.Х. Этнографическая группа 'тюрк" в составе узбеков // СЭ, 1960 - №1, Она же. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана -М.1976 - С 72-77,165-173.
9. Археология СССР Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981.
10. См . Кызласов Л. Р. Древняя Тува - С 140-145.
11. Византийские историки Перевод с греческого Спиридона Дестуниса. - СПб., 1861. -376.
12. 12. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л , 1950. -Т 1-С. 220-228.

13. Бичурин Н. Я. Указ соч.-Т 1 -С 229.
14. Бартольд В.В. Сочинения. -М., 1966. -Т. VI. -С. 216.
15. Византийские историки... С. 422, 423.
16. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., 1984. - С. 30-33.
17. Византийские историки . С 419,462.

Худяков Ю.С.
(г.Новосибирск)

РАСКОПКИ ПОМИНАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В ДОЛИНЕ Р.ОРОКТОЙ

Каменные сооружения в виде квадратных или прямоугольных оградок из плит, валунов и скальных обломков с каменной наброской являются широко распространенным видом археологических памятников в Центральной Азии.

На территории Горного Алтая эти памятники были впервые обследованы и раскопаны В. Радловым, который называл их "огороженными камнями прямоугольниками". Поскольку в них не было могил, В. Радлов считал их "местами жертвоприношений" (Радлов В., 1989, с. 414).

Исследовав в конце XIX в. монументальные комплексы древнетюркской знати на Орхоне в Монголии, В. Радлов называл их "турецкими княжескими могилами". (Радлов В., 1892, с. 7-8)

В начале XX в. отдельные оградки на Алтае исследовал А.В. Адрианов (Адрианов А.В., 1916, с. 45-49).

В 1924-1925 гг. серию оградок на памятнике Кудыргэ и на других комплексах в разных районах Горного Алтая исследовали С.И. Руденка и А.Н. Глухов (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 37-52). Характеризуя позднее материалы своих раскопок, С.И. Руденко называл оградки "курганами" или "квадратными плиточными могилами" (Руденко С.И., 1953, с. 24-25).

В 1934-1937 гг. несколько оградок в разных районах Алтая раскопали СВ. Киселев и Л.А. Евтюхова (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 92-117).

В 1939 г. две оградки были исследованы на памятнике Яконур М.П. Грязновым (Грязнов М.П., 1940, с. 19-20). Исследователи оценивали эти памятники по-разному. М.П. Грязнов высказал предположение, что в оградках совершены погребения по обряду трупосожжения (Грязнов М.П., 1940, с. 20). Этот вывод позднее поддержал Л.П. Потапов (Потапов Л.П., 1953, с. 87) и попытался развить Л.Н. Гумилев (Гумилев Л.Н., 1959, с. 106-107).

Л.А. Евтюхова на основании изучения оградок не только на Алтае, но и в Минусинской котловине, Туве и Монголии, пришла к заключению, что это поминальные сооружения древних тюрок (Евтюхова Л.А., 1952, с. 114). В дальнейшем эти интерпретация стала общепринятой. Ее придерживается большинство исследователей оградок.

В 1948 г. несколько оградок на памятнике Кудыргэ было исследовано А.. Гавриловой (Гаврилова А.А., 1965, с. 12).

В 1950-1960-е гг. поминальные оградки древних тюрок активно исследовались на территории Тувы. Археологи датировала их временем существования тюркских каганатов, VI - VIII вв. (Грач А.Д., 1961, с. 55; Кызласов Л.Р., 1969, с. 32).

Впервые материалы раскопок оградок в Горном Алтае были обобщены А.А. Гавриловой. Проанализировав оградки могильника Кудыргэ, она выделила среди них два типа, один из которых датировала V- VI вв., другой - VII - VIII вв. (Гаврилова А.А., 1965, с. 18).

В 1964 г. несколько оградок в Горном Алтае на р. Аргут было раскопано СС. Сорокиным (Сорокин С.С., 1969, с. 84-86). Он пришел к заключению, что каменные столбы-балбалы, установленные в ряд на восток от оградок, не могут символизировать убитых врагов, а служили коновязными столбами (Сорокин С.С., 1979, с. 116). Это мнение прямо противоречит сведениям письменных источников о балбалах.

В 1970-1980-х гг. изучением оградок, стел и каменных изваяний в восточных районах Горного Алтая занимался В.Д. Кубарев. На основании радиоуглеродного анализа образца угля из раскопок оградки на памятнике Дьер-Тебе он уточнил верхнюю хронологическую границу существования поминальных сооружений X в. (Кубарев В.Д., 1978, с. 93-94). Это сняло ряд противоречий в изучении оградок. Ранее предполагалось, что после VIII в. древние тюрки оградок уже не сооружали.

Тем самым хронология оградок определялась более коротким периодом времени, нежели древнетюркская культура в целом. Исследователи отмечали также, что, судя по реалиям, некоторые каменные изваяния, установленные с восточной стороны оградок должны датироваться IX - X вв., в то время как сами оградки относились к более раннему периоду (Амброз А.К., 1971, с. 121). В.Д. Кубарев выделил пять типов оградок. Все они были отнесены к древнетюркской культуре. Два типа датированы V-VI вв., остальные три -VII -X вв. (Кубарев В.Д., 1979, с. 148,156).

Помимо классификации оградок, В.Д. Кубарев высказал ряд недостаточно обоснованных предположений по поводу их реконструкции и характера поминальных ритуалов, проводившихся древними тюрками. На основании того, что внутри некоторых оградок в ямках встречаются остатки деревьев с корнями, он предположил, что в центре оградки высаживалось дерево с развесистой кроной, которое мыслилось аналогом мирового дерева. Сквозь ветви дерева в наклонном положении крепился шест, на который вывешивалась шкура жертвенного животного (Кубарев В.Д., 1978, с. 94-98). Наличие ямок с остатками деревянных столбов по углам оградки было положено в основу предположения, что над оградкой возводилась деревянное сооружение с крышей, копировавшее "зимнее жилище кочевников" (Кубарев В.Д., 1984, с. 63). Эти "жилища" подобны надмогильным конструкциям современных алтайцев и казахов со столбами по углам, дощатыми стенками и четырехскатной крышей (Кубарев В.Д., 1984, с. 64). Ряды балбалов он, также как и С.С. Сорокин, считает коновязями (Кубарев В.Д., 1984, с. 69). Несмотря на очевидную противоречивость высказанных предположений, он соединил их в одну реконструкцию, согласно которой внутри оградки помещался четырехугольный сруб с

отверстием в крыше, из которого наружу пропущено дерево с кроной и ветвями, а шест укреплен между досок крыши (Кубарев В.Д., 1984, рис. 16). По его мнению, после окончания последних поминок", жилище сжигалось, изваяние намеренно разбивалось, а оградка с остатками сгоревшего жилища "сразу же забрасывалась камнями" (Кубарев В.Д., 1984, с. 81), Некоторые изваяния он датировал X - XII и "вплоть до XIV в.", не приведя в пользу подобной датировки никаких доказательств (Кубарев В.Д., 1984, с 46).

Д.Г. Савинов, коснувшийся вопросов хронологии и культурной принадлежности каменных изваяний в Узунтальской степи, высказал предположение, что они могли устанавливаться на протяжении всего I тыс. н.э. Одним из наиболее ранних он считает каменное изваяние с сосудом в правой руке, которое было установлено внутри полукруглой выкладки, с восточной стороны у каменно-земляного кургана (Савинов Д.Г., 1983, с. 162).

В конце 1970 - начале 1980-х гг. изучением оградок в Горном Алтае занимался А.С. Васюгин, По находкам на памятнике Талдура, раскопанном В.А. Могильниковым, и Кер-Кечу, исследованном самим А.С. Васютиным, оградки со стелой в центре были датированы IX - X вв. (Васютин А.С, 1983а, с. 121). К выделенным ранее типам он добавил еще три. Все оградки были отнесены к двум хронологическим группам, VII - VIII вв, и IX - X вв. Вместо "поминальных" оградок, он предложил называть их "ритуально-мемориальными" (Васютин С.А., 1983а, с. 7-13).

А.С. Суразаков, исследовавший оградки в долине р. Катунь, определил их в качестве погребальных памятников. Он предложил, что кремированный прах умерших древние тюрки подвешивали в мешочке к дереву в центре оградки (Суразаков А.С., 1988а, с. 569-570). Оградки, раскопанные на памятнике Ирбисту I, А.С. Суразаков отнес к эпохе финальной бронзы и раннескифскому времени (Суразаков А.С, 19886, с. 35).

В.А. Могильников опубликовал результаты раскопок оградок и выкладок на памятнике Кара-КобаI. Он отметил разнотипность оградок и датировал эти памятники VI - IX вв. (Могильников В.А., 1992, с. 188).

Длительное время оградки рассматривались в качестве поминальных, ритуальных или погребальных памятников древнетюркской культуры. Однако, в ходе их исследования в 1980 - 1990-х гг. были выявлены свидетельства значительно более продолжительного периода их сооружения. Д.Г. Савинов и Л.И. Рева поддержали мнение А.С. Суразакова о принадлежности определенного типа оградок в Туве и Горном Алтае к эпохе бронзы (Савинов Д.Г., Рева Л.И., 1993, с. 46-48). А.М. Илюшин, занимавшийся изучением ритуальных памятников древних и средневековых кочевников, выделил на материалах раскопок памятника Пазырык поминальные насыпи II - I вв. до н. э. В каменном ящике одной из таких насыпей был найден миниатюрный железный нож и костяной наконечник стрелы с раздвоенным насадом (Илюшин А.М., 1991, с. 27, 33). По находкам в оградках с одной или двумя стелами в центре, они были датированы IX - X вв. (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 96).

Ю.Т. Мамадаков исследовал на памятнике Булан-Кобы IV оградки, в которых были найдены железный и костяной наконечники стрел. Он отметил ориентацию оградок углами по странам света и рядов камней-балбалов на юго-запад. По находке костяного наконечника стрелы с раздвоенным насадом памятник был отнесен к I в. до н.э. - II-III вв. н.э. и к булан-кобинской культуре (Мамадаков ЮТ., 1994, с. 60).

Серию оградок различных типов исследовали В.И. Соёнов и А.В. Эбель. В двойной оградке на памятнике Мендур-Соккон I был обнаружен скелет лошади и скопление металлических предметов (Соёнов В.М., Эбель А.В., 1997, с. 104). Авторы датировали этот памятник V - VI вв. Одиночные оградки и насыпи на этом памятнике были отнесены к VII - X и V - X вв. (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 115). При раскопках оградок на памятнике Кызыл-Таш ими были обнаружены фрагменты панцирных пластин и миниатюрные вотивные модели палаша, копья, ножа и железная обойма. Оградки были ориентированы углами по странам света (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1996, с. 117).

Эти находки подтвердили предположения о том, что часть оградок сооружена в хунно-сарматское время. Находка погребения лошади внутри оградки имеет аналогии в других районах Центральной Азии. Погребения лошадей в оградках исследованы в Туве (Кызласов Л.Р., 1969, с. 32) и на Тянь-Шане (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 73-74). В некоторых оградках с изваяниями встречаются впускные погребения. Погребение с конем исследовано на памятнике Ак-Кообы в Горном Алтае (Кубарев В.Д., 1984, с. 171-172). В Туве исследовано погребение без коня в оградке, поверх которой сооружена пологая насыпь (Кызласов Л.Р., 1969, с. 32).

В 1980-1990х гг. серия оградок была исследована на Средней Катуни А.П. Бородовским (Бородовский А.П., 1994, с. 76), В.Д. Кубаревым (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 83), Ю.С. Худяковым (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993, с. 18-20). Среди них имеются оградки с изваяниями, с пристройками и стелами, установленными в центре.

Несколько оградок было раскопано автором на памятнике Ороктой-эке. Памятник был обнаружен в 1988 г. Он расположен на высокой террасе левого берега р. Катунь на левом берегу р. Ороктой, в 4 км от с. Ороктой. На площади памятника находится 13 округлых, пологих каменных насыпей с западинами в центре. При раскопках некоторых курганов в них были обнаружены захоронения в грунтовых ямах или срубах с перекрытием, относящиеся к позднему или шибинскому этапу пазырыкской культуры и одиночные безинвентарные захоронения, хронология и культурная принадлежность которых не определена (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 106-116). Эти курганы вытянуты цепочками в два-три ряда вдоль края высокой террасы по линии северо-северо-запад - юго-юго-восток. С западной стороны от цепочек курганов в ряд распопожены подквадратные или подпрямоугольные оградки кольцевые и округлые выкладки (Рис. 1). В северной и южной части памятника эти выкладки расположены цепочками по 3-5 объектов перпендикулярно длине террасы, цепочкам курганов и основной цепочке оградок. В течение полевых сезонов 1988-1992 гг. на памятнике было исследовано 4 кургана с захоронениями в могильных ямах или на горизонте и 6 поминальных оградок. О раскопанных оградках в научной литературе имеются краткие сведения (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993, с. 17). Полная публикация этих материалов позволит представить поминальные комплексы позднего этапа пазырыкской культуры на памятнике Ороктой-эке.

Объект № 13. До раскопок представлял собой пологую, неправильной формы, интенсивно задернованную выкладку из массивных и мелких скальных обломков, площадью - 3х2 м, высотой - 0,1 м Выкладка была ориентирована длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ. В ходе раскопок выявпено, что выкладка сложена из камней в 1 слой, из массивных обломков скалы, с подсыпкой из мелких скальных обломков. Она сооружена на древнем

горизонте. Никаких находок нет (Рис. 2,1).

Объект № 10. До раскопок, представлял собой пологую, подпрямоугольной формы, интенсивно задернованную оградку из массивных скальных обломков, площадью - 2,4х1,8 м, высотой - 0,1 м. Оградка ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ. В ходе раскопок выявлено, что оградка сложена из массивных скальных обломков по периметру и забутована внутри мелкими скальными обломками. Она сооружена на древнем горизонте. Находок нет (Рис. 2,2).

Объект № 30 До раскопок представлял собой пологую, подквадратной формы, интенсивно задернованную оградку из массивных скальных обломков, площадью - 1,4х1,4 м, высотой - 0,1 м. В ходе раскопок выявлено, что она сложена из массивных скальных обломков по периметру и забутована внутри мелкими скальными обломками. Оградка сооружена на древнем горизонте. Находок нет (Рис. 3,1).

Объект № 31. До раскопок представлял собой пологую, подквадратной формы, интенсивно задернованную оградку из массивных скальных обломков, площадью - 1х1 м, высотой - 0,1 м. Оградка ориентирована угпами по странам света. В ходе раскопок выявлено, что она сложена из массивных скальных обломков по периметру с забутовкой из мелких скальных обломков внутри. Оградка сооружена на древнем горизонте. Находок нет (Рис. 3,2).

Объект № 32. До раскопок представлял собой пологую, подквадратную оградку, интенсивно задернованную, сооруженную из массивных скальных обломков, площадью - 2х2 м, высотой - 0,1 м Оградка ориентирована углами по странам света. В ходе раскопок выявлено, что она сложена из массивных скальных обломков по периметру с забутовкой из мелких скальных обломков внутри. В южной части оградки, среди камней забутовки найден фрагмент лепного толстостенного сосуда, характерный для посуды пазырыкской культуры. Оградка сооружена на древнем горизонте (Рис. 3,3).

Объект № 33. До раскопок представлял собой пологую, неправильной, подквадратной формы, интенсивно задернованную оградку из массивных скальных обломков и каменных плит, площадью -1,8х1,8 м, высотой - 0,1 м. Оградка ориентирована углами по странам света. Входе раскопок выявлено, что она сооружена из массивных скальных обломков и вертикально установленных каменных ппит по периметру и забутована внутри мелкими скальными обломками. В северо-западной части оградки, под камнями забутовки, у стенки обнаружены отдельные древесные угольки. Оградка сооружена на древнем горизонте (Рис. 3,4).

Ввиду почти попного отсутствия находок в раскопанных объектах определение их хронологии, культурной принадлежности и функционального назначения представляет известные сложности.

Для выяснения этих вопросов определенное значение имеет планиграфия памятника Ороктой-эке. Большинство из раскопанных оградок, № 10, 30-33, расположены в ряд, неровной цепочкой вдоль террасы и склона горы, западнее основной цепочки курганов пазырыкской культуры. Вполне вероятно, что они сооружались в соответствии с расположением курганов в период функционирования кладбища на позднем этапе существования пазырыкской культуры, поскольку раскопанные на памятнике курганы №1, 14, 23, в составе основной цепочки относятся именно к этому периоду.

Конструкция оградок и выкладки, подквадратной или подпрямоугольной формы, со стенкой-крепидой из массивных плит и скальных обломков, с забутовкой в один слой и ориентировка углами по странам света в культурной и хронологическом отношении недостаточно показательны. Подобная конструкция и ориентация известны у оградок булан-кобинской культуры и у древнетюркских поминальных объектов (Мамадаков Ю.Т., 1994, с. 59; Бородовский А.П., 1994, с. 76; Худяков Ю.С., 1985, с. 181).

Следы проведения каких-то обрядовых действий, помимо самого сооружения оградки зафиксированы только в двух из шести раскопанных объектов. В оградке №32 был фрагмент лепного сосуда, характерного для пазырыкской культуры. Обстоятельства его обнаружения внутри оградки, среди камней забутовки, дает основание для отнесения данного объекта и всей цепочки оградок к позднему или шибинскому этапу пазырыкской культуры. Вполне очевидно, что цепочка оградок связана со временем функционирования пазырыкского кладбища и не могла возникнуть до того, как какая-то группа древних кочевников начала хоронить умерших сородичей на высокой террасе левого берега р. Ороктой.

Находка фрагмента сосуда и углей в оградках позволяют предполагать, что проводимые обряды относились к поминальному циклу (Худяков Ю.С., 1996, с. 89).

Изучение поминальных оградок, относящихся к позднему этапу пазырыкской культуры, на Средней Катуни позволяет полнее охарактеризовать пазырыкскую поминальную обрядность и ее локальные различия.

Судя по находкам в насыпях курганов пазырыкской культуры обломков костей животных и фрагментов сосудов, первая поминальная тризна совершалась древними кочевниками Горного Алтая в день похорон, при сооружении курганной насыпи над могилой умершего. Спустя какие-то временные интервалы совершались вторые и последующие поминки. В ходе совершения этих обрядов возводились специальные поминальные сооружения.

В разных районах распространения пазырыкской культуры традиции создания этих сооружений были различными. В юго-восточном Алтае сооружались восьмикаменные кольца или пологие каменные выкладки. У некоторых курганов с восточной стороны устанавливались в ряд каменные столбики (Кубарев В.Д., 1987, с. 11-12; Кубарев В.Д., 1991, с. 22-24; Кубарев В.Д., 1992, с. 1/1-14).

На могильниках пазырыкской культуры на Средней Катуни исследованы насыпи, под которыми не было могильных ям, но встречались многочисленные фрагменты керамики, небольшие выкладки с обломками костей животных и угольками, или без находок. Эти выкладки расположены, как правило, с западной стороны от цепочки пазырыкских курганов. В отличие от памятников в юго-восточном Алтае, они сопутствуют не каждому отдельному кургану, а вероятно, цепочке курганов.

Оградки на памятнике Ороктой-эке также не связаны с определенными курганами. Они образуют самостоятельные цепочки. Видимо, такое расположение, наряду с изменением конструкции поминального сооружения, может свидетельствовать об изменениях в самой поминальной обрядности. Вместо прежних округлых или кольцевых выкладок стали сооружаться квадратные или прямоугольные оградки. Поскольку эти изменения зафиксированы на позднем этапе существования пазырыкской культуры, когда население Горного

Алтая попало в орбиту влияния хуннской державы, наблюдаемую трансформацию поминальной обрядности можно связать с центрально-азиатскими инновациями.

Квадратная форма поминальных оградок, несомненно, напоминает подобные сооружения булан-кобинской и древнетюркской культур, хотя между ними есть определенные отличия. Это может свидетельствовать об истоках и культурно-генетической преемственности поминальной обрядности кочевого населения Горного Алтая конца I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.

Литература

1. Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая // Известия археологической комиссии - Пг., 1916. - Вып. 62 - С. 2-91
2. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II, // Советская Археология -1971. -№ 3.
3. Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994. - С. 75-82.
4. Васютин А.С. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа //Археология Южной Сибири - Кемерово 1983а. - С. 118-122.
5. Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрок Горного Алтая (VII -X вв.н.э.)- Автореферат дисс. канд. ист. наук -Кемерово. 1983, - 16 с.
6. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.-Л , 1965. - 110 с. + 31 табл.
7. Грач А.Д. Древ нетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953-1960 гг. - М., 1961. - 94 с. + 95 рис. + 3 табл.
8. Грязнов М.П. Раскопки на Алтае// Сообщения государственного Эрмитажа. - Л., 1940. - Вып. I. - С. 17-21.
9. Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрок-тупо // Советская археология. - 1959. - № 1. - С. 105-114.
10. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР. - М., 1952. - №24 - С. 71-120.
11. Евтюхова Л.А., Киселев СВ. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. //Труды Государственного исторического Музея - М., 1941. - Вып. XVI.
12. Илюшин А.М. Исследование на Паэырыке, посвященные памяти СИ. Руденко // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1991. - С. 23-35.
13. Илюшин А.М., Сулейменов М. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987-1988 гг. // Известия лаборатории Археологии -Горно-Алтайск, 1997. - Вып. 2. - С, 93-103.
14. Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс иа Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978, - С. 86-98.
15. Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1979. - С. 135-160.
16. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск, 1984, - 230 с.
17. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск, 1987. -301 с.
18. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - Новосибирск, 1991.-190с.
19. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - Новосибирск, 1992. -220 с.
20. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике //Археологические исследования на Катуни - Новосибирск, 1990. - С. 43-95.
21. Кызласов Л.Р., История Тувы в средние века. - М., 1969. -211 с.
22. Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994 - С. 58-63.
23. Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. -Горно-Алтайск, 1992. - С. 175-212.
24. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев - М.-Л, 1953. - 444 с.
25. Радлов В.В., Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорской Академии наук экспедиции для археологического исследования р Орхона // Сборник трудов Орхонской Экспедиции - СПб., 1892. - Вып. 12. - С. 1-12.
26. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М-Л., 1953.
27. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. - Л , 1927. - Т. Ш. -Вып 2 -. 37-52.
28. Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография; традиции и современность -Л , 1983. - Вып. If. - С. 155-163.
29. Савинов Д.Г., Рева Л.И. К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири (могильники Барлык II и Узунтал IV) // Культура древних народов Южной Сибири. - Барнаул, 1993. - С 45-51.
30. Соёнов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок// Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. - 1996 - № 3 -С. 115-118.
31. Соёнов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1997 - № 2. - С. 103-115
32. Сорокин С.С. Материалы к археологии Горного Алтая //Ученые записки ГАНИИИЯЛ. - Горно-Алтайск, 1969 - Вып. 8. - С. 84-86.
33. Сорокин С. С. Семантика сэргэ (коновязей) и некоторых других памятников кочевого населения лесостепной зоны Азии // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск, 1979. - С. 112-116.
34. Суразаков А.С. Ирбисту I // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1988а - С 22-59.

35. Суразаков А.С. О древнетюркских каменных оградках//Тюркология-88. - Фрунзе, 1988. - С. 569-570.
36. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня - Бишкек, 1996.-254 с.
37. Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979-1982гг.)//Древние культуры Монголии. -Новосибирск, 1985 - С 168-184.
38. Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая //Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. - СПб., 1996. - С, 87-89.
39. Худяков Ю.С. , Бородовский А.П. Раскопки на средней Катуни // Altaica - 1993. - № 3. - С. 17-20.
40. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни. - Новосибирск, 1990. - С. 95-150.

Список иллюстраций к статье Худякова Ю.С.

Рис. I. План могильника Ороктой-эке.
Рис. 2 Ороктой-эке. Оградка и выкладка: 1 - № 13; 2 - № 10.
Рис. 3. Ороктой-эке. Оградки: 1 - № 30, 2 - № 31; 3 - № 32; 4 - № 33.

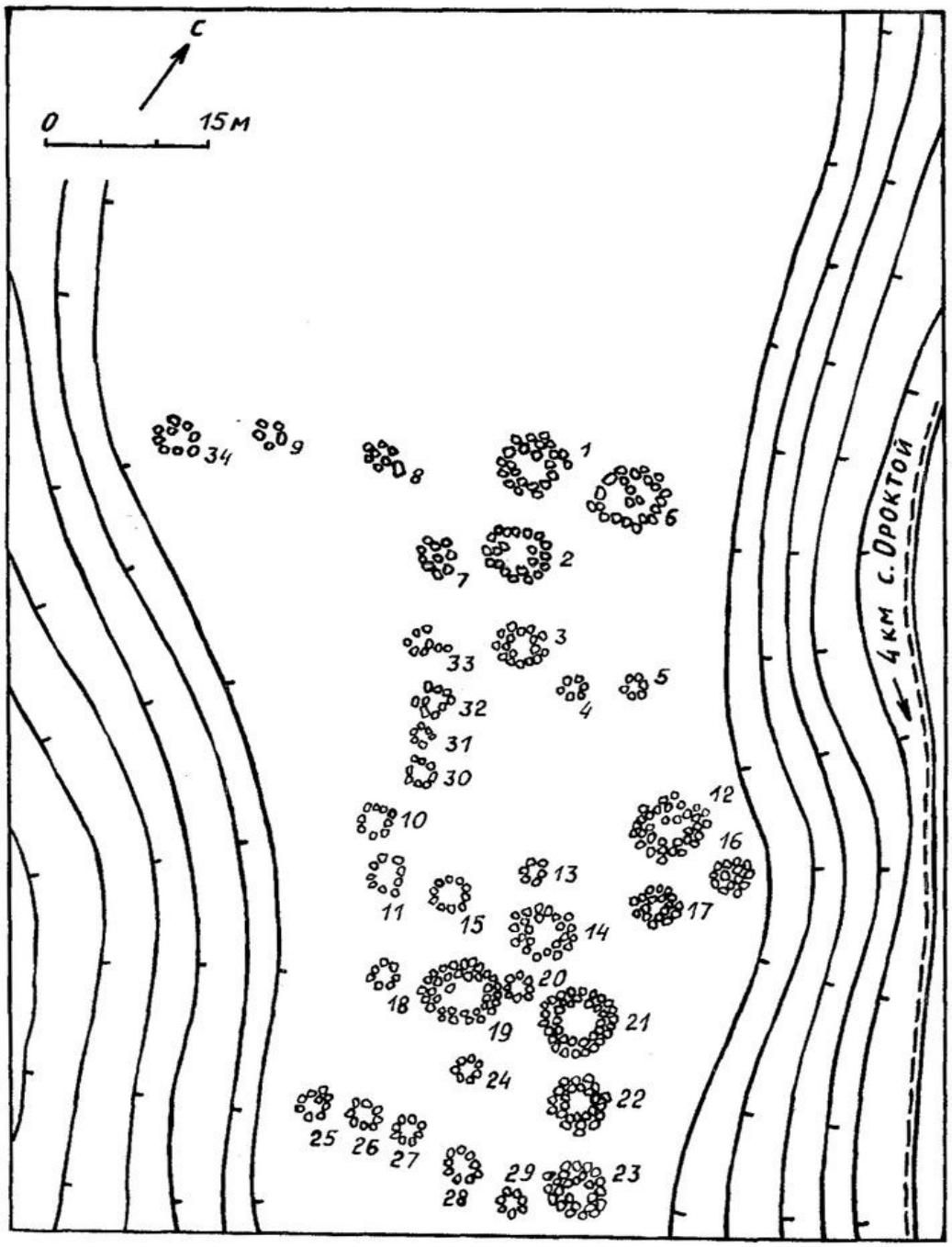


Рис. 1

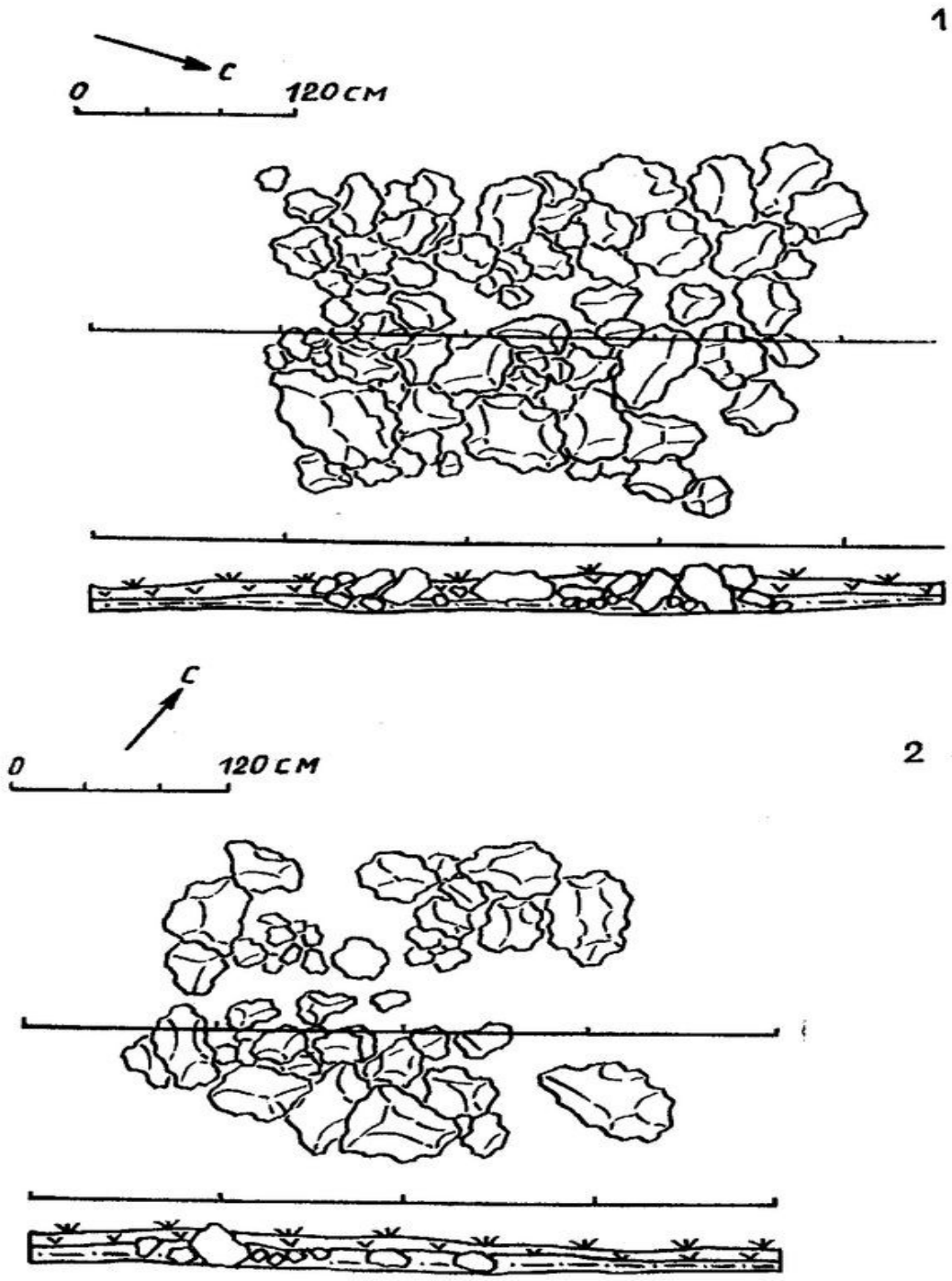


Рис. 2

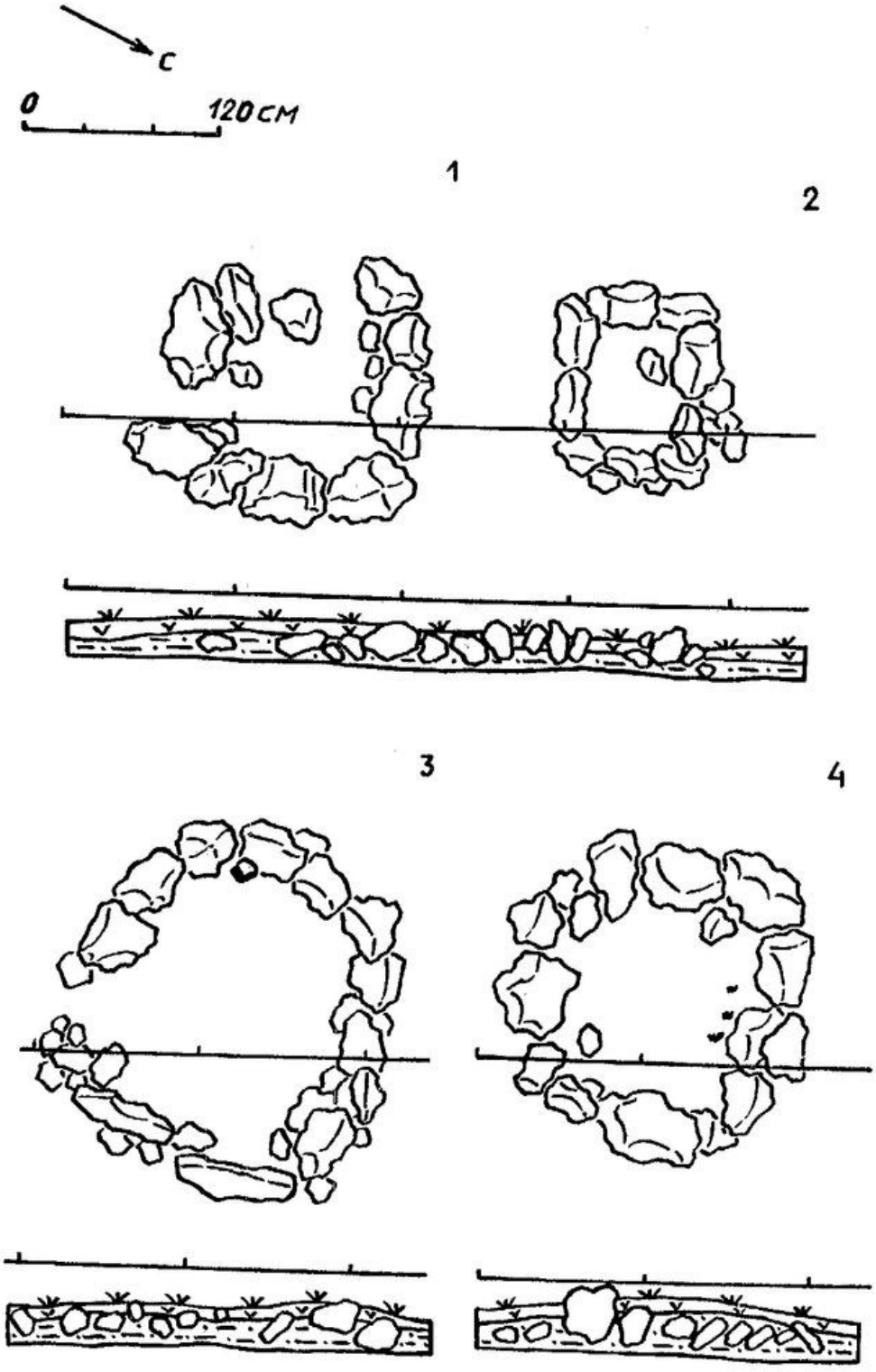


Рис. 3

Кызласов И.Л.
(г.Москва)

РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА ДВУХ ПОЯСНЫХ НАКОНЕЧНИКАХ

Широкое использование рунического письма раннесредневековыми тюркскими народами Южной Сибири сегодня уже не может вызывать никаких сомнений. Обозревая сферы применения этой письменности, доступные нам благодаря сохранившимся надписям и текстам, мы легко замечаем, что обычай нанесения надписей на предметы не был явлением обыденным. Наибольшее число резных письмён ныне известно на зеркалах, заметно меньшее — на пиршественных сосудах, совсем малое — на монетах Исключительно редки и рунические надписи на металлических частях поясов: таких случаев пока известно лишь три, и все они связаны только с наконечниками ремней. Варианты прочтения двух из них, предлагаемые на этих страницах, несмотря на малочисленность и чрезвычайную краткость самих рунических текстов, думается, позволяют понять их назначение и, следовательно, дополнить знания о культуре тюркских народов средневековья.

1

Первой более 100 лет назад была издана надпись, вырезанная на лицевой поверхности бронзового наконечника ремня из коллекции Минусинского музея (ныне инв. № 6136) (Donner O., 1892, S. 3, 65). О. Доннер по данным финской экспедиции 1889 г. указывал, что предмет передан в музей инженером Лопатиным (очевидно, известным местным собирателем древностей Инн. Лопатиным) и был найден в 1871 г. у с. Копёны (Хакасия). Под этим адресом надпись фигурировала в ранних рунологических работах (Radloff W., 1893, S. 346; Orkun H.N., 1939, s. 171; 1989, s. 363) и вошла в список источников "Древнетюркского словаря", получив индекс Е 80 (Древнетюркский словарь, 1969, с. XXV). Однако, согласно современной музейной описи, изделие происходит из окрестностей с. Беллык, стоявшего на правобережье Среднего Енисея против с. Копёны, с чем, вероятно, и связана ошибка предыдущих указаний. До 1983 г. изображений самого предмета не издавалось, воспроизводились и обсуждались лишь знаки надписи. На этом этапе наиболее точной была запись О. Доннера. Выполненная до дешифровки рунического письма, она лишь напрасно передавала поперечную царапину на первой букве Увеличенный, безмасштабный и схематичный рисунок предмета с верно понятой надписью опубликовал Д.Д.Васильев, описавший изделие, указавший точное место его находки и приведший библиографию (в которую, вероятно, не поняв отсылку В.В. Радлова и не работая с самим изданием, ошибочно включил альбом финской экспедиции "Inscrripttons de l'lenissei") (Васильев Д.Д., 1983, с.42, 73). Другое изображение наконечника с надписью было издано в 1994 г. (Кызласов И,Л., 1994а, рис. 33, 2).

Надпись пытался прочесть только В.В.Радлов (Radloff W., 1893, S. 346). Однако, встретив в строке из трех знаков сочетание рун и для твёрдых, и для мягких звуков (не допускавшихся в одном слове как по нормам тюркской речи, так и по правилам рунического правописания), и не будучи знаком с подлинником, великий тюрколог решил, что воспроизведение передает конец несохранившейся надписи. В этом он явно предпочел правила своей науки мнению О.Доннера, который справедливо считал надпись полной, но указал это только графически, в соответствии с принятыми им условными знаками (Donner O., 1892, S. 3, 65). Увидев в первом знаке О. Доннера явно лишнюю черту, В.В.Радлов отбросил и второй, необходимый отводок, поскольку был сбит с толку чрезмерно сильным прогибом основного ствола руны в записи коллеги. Так первая буква оказалась превращена в зеркально повернутую твёрдорядную руну Ɔn, начинавшую, по Радлову, последний слог первого неизвестного слова — ...nu. Третий мягкорядный знак ᛉr был прочитан как полное слово er. Получилось "Мужчина ...ну"

Предпочтение В.В. Радловым правил своей науки перед чужими данными проявилось и в подходе тюркологов — создателей "Древнетюркского словаря". Хотя двое из них бывали в Минусинском музее, но, очевидно, не придавали значения кратким надписям на предметах и не видели подлинника, поскольку в издании вновь отмечена "сохранившаяся часть надписи из трёх рун" (Древнетюркский словарь, 1969., с. XXV). Между тем, стоит лишь увидеть условия нанесения надписи на наконечнике ремня, как всякие сомнения в фрагментарности текста отпадают сами собой. Ясность в литературу внесла публикация Д.Д.Васильева, предложившего верную транслитерацию этого краткого текста (Васильев Д.Д., 1983, с. 42, 73). Прочтение надписи было издано только в 1994 г. (Кызласов И.Л., 1994а, с. 201), однако, в литературе до сих пор нет подробного разбора этого письменного памятника.

Несмотря на то, что гладкая поверхность изделия (размерами 3,5 х 1,6 см) предоставляла достаточно места для удобного размещения букв, надпись заметно теснится, начинаясь от самого края (рис 1-1). Объяснить эту необычную позицию знаков, вероятно, помогает другое явное композиционное несоответствие надписи. Несмотря на то, что она читается справа налево, её последний третий знак начертан свободно и широко, а две предшествующих ему руны, которые, казалось, должны быть вырезаны ранее, явно зависят от его расположения. По размещению сжатой с боков первой руны ᚴ и едва вошедшей между ᚴ и (с размещ ᛉ ением над строкою) второй по порядку буквы ᚢ можно заключить, что они наносились тогда, когда руна ᛉ уже заняла свое место на бляхе. Объяснить всё это можно только одним — три знака надписи были нанесены в два приёма: сначала , а ᛉ затем (справа налево) ᚢ ᚴ. Иными словами здесь две слившихся надписи, точнее, более поздняя приписка к уже имевшемуся граффито (рис.1-1, 2).

Предположение подтверждается тем, что отдельно взятая буква ᛉ представляет запись вполне подходящего к случаю полного слова er "мужчина, воин" (что мы уже видели по чтению В.В. Радлова). Единственной буквой ᛉ это слово бывает вне контекста иногда нанесённым на скалы (Тепсей IV, Майдаши,

Перевозная, Хая-Бажи XIV, Ялбак-Таш XXX) (Адрианов А.В., 1904, № XIX, XVI, XXIX-IV; Кляшторный С.Т., 1976, с. 69, рис. 4) или, что гораздо важнее для нас ныне, на дно оеребряного сосуда из Хакасско-Минусинской котловины (Мелиоранский П.М., 1902, с. 020, табл. 1; Кызласов И.Л., 1991, с. 162; 1994а. рис. 34, *1).* Обозначая свободного полноправного мужчину, первая нанесенная на беллыкский наконечник надпись (, Е 80/1, рис. 2) по содержанию вполне соответствует, как увидим, разобранной далее надписи барбургазинской ремённой бляхи.

Другой человек, ставший, по-видимому, позднее новым владельцем пояса, дополнил надпись двумя знаками (, Е 80/2) так, что старая руна стала окончанием нового слова (рис.1-1). Это слово cur — обозначение титула и чина, нередко служившего и мужским собственным именем (Древнетюркский словарь, 1969, с. 157). Термин, весьма широко встречающийся в азиатских рунических надписях, не был узнан предшественниками по уже отмечавшейся орфографической причине: здесь в одном слове сошлись буквы как для твёрдого гласного , так и для мягкорядного согласного . По нормам классического рунического правописания это слово пишется иначе — (через твёрдорядный вариант для г).

Наблюдаемое нарушение правописания, быть может, было до некоторой степени вызвано прослеженной составной природой надписи - второй резчик приноровил свою часть к уже имевшейся. Однако нельзя не отметить, что сделано это было намеренно. Понять ситуацию позволяет недавно осознанное многообразие существовавших в енисейских надписях типов правописания. Кроме классической рунической орфографии, выделено две других системы письма, заметно отличавшихся от него по принципам передачи речи: полногласное и псевдоруническое правописание (Кызласов И.Л., 1996; 1997). Для последнего характерно написание согласных знаков, не соответствующих рядности гласных в слове. При чём практически всегда с твёрдыми гласными выводились руны для мягкорядных согласных. Наиболее явно такую картину воссоздают некоторые надписи Горного Алтая, открытые В.Д. Кубаревым и В.А. Кочеевым: эпитафийные стелы Бар-Бургазы I и II, наскальная надпись Ялбак-Таш XXXIII. Псевдоруническая орфография, столь долго не позволявшая тюркологам прочесть многие надписи, проявилась и в других наскальных текстах, не только Алтая (Бичикту-Бом II/2), но и Хакасско-Минусинской котловины (Туба II, Е 36/3) (Кызласов И.Л., 1997, с. 177-183). Теперь в этот ряд следует поставить и краткое граффити беллыкского наконечника (Е 80/2).

Изучаемая надпись не может быть датирована палеографическими средствами. Подобия самому бронзовому гладкому наконечнику, имеющему, как обычно, с внутренней стороны две заклёпки, относятся к широким временным пределам. К тому же изделие истёрто, оно долго находилось в обращении. Однако, судя по старой фотографии Н.М.Мартьянова, сохранившейся в музее, наконечник с надписью первоначально мог входить в набор с сердцевидными бляшками с изображением мифической собаки или, скорее, льва (Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, рис. 54, *1-3).* Облик изделий позволяет относить их к X в.

Вторая надпись на ремённом наконечнике найдена С.В.Киселёвым в 1935 г. в кургане 1 могильника Курай IV на Горном Алтае. Эта знаменитая надпись "господина Ак Кюна" в действительности не проста для понимания и прочтения. Как помним, и сам С.В.Киселёв предлагал лишь частичную расшифровку резных знаков (Киселёв СВ., 1939, с. 284; 1951, с. 536, табл. L, 4; Евтюхова Л.А., Киселёв С.В., 1941, с. 103, рис. 40^табл. II, рис. 1). Не смог понять надпись и указавший на ошибки предшественника А.К. Боровков (Боровков А.К., 1963, с. 194, рис. 3). Хотя работа с подлинником ещё не завершена, с моей точки зрения также нет в той изогнутой строке ни "кушака", ни "господина", ни имени самого Ак Кюна.

2

В 1979 г. В.Д. Кубаревым в верхнем течении р. Барбургазы был раскопан древнетюркский курган. Могильник был назван Барбургазы III, курган получил номер 9. В 1997 г. Г.В. Кубаревым были частично опубликованы сделанные в кургане находки — остатки ремней наборного пояса, портупеи и обуви, как и относящиеся к ним, вероятно, серебряные бляшки, пряжки, наконечники, распределительные кольца, железные части сумочки-каптаргака (Кубарев Г.В., 1997, с. 208-212, рис. 1 и 2)[1] Отдельная таблица представляет рисунки пряжи и наконечника от пояса, щитки которых, как выяснилось при камеральной очистке предметов, с обеих сторон покрыты резными знаками и многочисленными царапинами. Особое внимание автора привлекла краткая руническая надпись, обнаруженная им на оборотной стороне наконечника. Хотя изданная прорисовка передает надпись вместе с иными существующими на предмете резами, не имеющими отношения к руническим буквам, а текст заметки, к сожалению, не содержит описания характера борозд граффити и наблюдений над очерёдностью их нанесения на поверхность, всё же тщательно сделанная копия предоставляет определенные возможности для прочтения этого краткого текста.

Вопреки мнению Г.В. Кубарева, высказанному с некоторой неуверенностью, надпись, судя по рисунку (рис.1-3), состоит не из 7, а только из четырех букв, вырезанных и, следовательно, читаемых справа налево: (рис.1-4). Направление письма здесь определяется не только согласно общеизвестной традиции азиатских рунических надписей, но и проистекает из конкретных особенностей размещения букв и их размеров. Начальные (правые) знаки, как это и бывает обычно, высоки и широки, а последний (левый) знак, теснящийся около левой заклёпки наконечника, мельче и уже. По воспроизведению не ясен облик второго и четвёртого из этих знаков. Хотя точный их вид много значит для палеографической оценки надписи, но вероятные варианты восприятия этих букв, как увидим, не влияют на содержание предлагаемого прочтения.

Вторая буква надписи может быть č или, если верхняя косая черта на рисунке не относится к руне, Последний, четвёртый знак, наиболее вероятно, — š/s, нижний отводок которого остался не замеченным

---

1 Благодарю Вадима Владимировича Горбунова, предоставившего мне эту публикацию. Могильник в ней назван Барбургазы II, что, вероятно, опечатка, поскольку в архивной документации первооткрывателя он всюду именуется третьим (Кубарев В.Д , 1979, с. 10-12, рис. 76-78, 85-88).

издателем. Иное восприятие этой буквы ничего не даёт для прочтения.

В зависимости от облика второй буквы надпись правдоподобно прочесть как (e)rs(i)g или, менее вероятно, как (e)rč(i)g. Прилагательное ersig "мужественный, доблестный" в раннесредневековых тюркских текстах известно и в значении существительного "мужественный (воин)" (Древнетюркский словарь, 1969, с. 181). Так оно употреблено и в нашем случае. Этимологически слово восходит к существительному er "мужчина" (производные — "муж, воин, герой") и образовано присоединением аффикса -sig, создающего прилагательные уподобления. Буквально такая форма означает "подобный мужчине", но употребление её в этом первоначальном смысле в средневековье было уже второстепенным (Древнетюркский словарь, 1969, с.181) и не может подходить к надписи на воинском поясе.

При чтении erč(i)g возникает лишь иной звуковой вариант того же аффикса (Древнетюркский словарь, 1969, с. 650, 662). Быть может, нет основания для предпочтения той или другой формы, поскольку аффикс -sig/ -čig подчас имеет разный вид даже в рунических (орхонских) надписях одного автора: на стеле Кюль-тегина он имеет форму с начальным č (*ädïnčïy* "особый"), а Бильге-кагана — с начальным s (ödsig "дорогой") (Кононов А.Н., 1980, с. 110, § 162), хотя оба текста составлены Йоллыг-тегином. По-видимому, это связано с закрепившимся к тому времени цельным звучанием того или иного слова, уже утратившего в речи остроту восприятия своей составной природы. И всё же, судя по "Древнетюркскому словарю", обычным произношением разбираемого слова "мужественный" было ersig (разновидности erčig тезаурус не содержит).

Если подтвердится употребление в надписи буквы šš/s, это будет указывать на принадлежность барбургазинского граффито к енисейскому алфавиту. К этому палеографическому заключению нас подводит и особенность применения последнего знака резного текста.

Последний четвертый знак разбираемой надписи не имеет звукового значения. Эта буква нередко применяется в надписях алтайского варианта енисейского письма для обозначения конца слова, завершения устойчивого словосочетания, окончания фразы или всей надписи. Такая верная отличительная особенность письма и помогает опознать руну в опубликованной прорисовке. Поскольку указанная орфографическая манера по имеющимся данным более всего присуща енисейским надписям Алтая и Северо-Западной Монголии (см., например: Кызласов И.Л., 1996, с.127, рис. 5, 1; 1997а, 179-181, рис. 7, 8, 7; Кляшторный С.Г., 1973, с. 335, рис; Шинэхуу М., 1971, с, 140, рис.), она позволяет уверенно говорить о том, что надпись на наконечник ремня нанес местный житель. В остальном граффито выполнено в нормах классического рунического правописания.

Палеографические и орфографические данные маленькой рунической надписи порождают большую историко-культурную проблему. По палеографическим соображениям уже приходилось отмечать, что население Алтая восприняло енисейское письмо не позднее второй половины VIII — начала IX в., а его последующее особенно широкое распространение увязывалось с известными политическими событиями второй половины IX в. — созданием в Южной Сибири мощного единого государства во главе с правящим родом кыргыз, включившего в себя и Алтай. Именно в Древнехакасском государстве енисейский алфавит был официальным письмом и именно к енисейскому типу принадлежат единичные эпитафийные стелы Горного Алтая (Кызласов И.Л., 1994б; 1997б). До этого времени тюркоязычные жители Алтая знали и использовали орхонское письмо младшего извода. Об этом свидетельствуют как надписи смешанной палеографии (когда в енисейскую по знакам надпись писец включал изначально знакомые ему орхонские буквы) (Кызласов И.Л., 1994а, с. 83-91, 172), так и две надписи целиком выполненные собственно орхонскими буквами второй трети VIII в. (Кызласов И.Л., 1995; Кызласов Л.Р., 1997, с 110-112).

Разбираемая барбургазинская надпись, как мы видели, принадлежит алтайскому варианту енисейского письма, т.е. по существующим палеографическим приметам должна была бы появиться не ранее второй половины VIII в. Между тем, публикующий этот письменный памятник Г.В. Кубарев по совокупным признакам найденных с поясом предметов относит захоронение в кургане 9 к значительно более раннему времени - ко второй половине VII-VIII в. Как разрешить противоречие между палеографическими и археологическими определениями?

Начну с того, что хронологические основы палеографии алтайских надписей построены на фактах воздействия енисейского письма на орхонское, т.е. явлении, первоначально отмеченном для надписей Уйгурского каганата (Кызласов И.Л., 1994а, с. 80-93,160-162) и увязанном с известными датами его существования (745-840 гг.). Эти наблюдения, к тому же, вполне согласуются с тем, что енисейское письмо, как установлено археологически (Кызласов Л.Р., 1960, с. 97-100). а недавно подтверждено и палеографически (Кызласов И.Л., 1998, с. 68-72), применялось в Тувинской котловине ранее ее захвата древнехакасскими войсками — уже во второй половине VIII — начале IX в. Следовательно, допуская подобное в более широких размерах, правомерно полагать, что и на Алтае енисейский алфавит мог применяться еще и в уйгурский период местной истории. И хотя ныне все яснее проявляется палеографическое единство надписей Алтая и Северо-Западной Монголии в рассматриваемый период, всё же следует признать, что для постижения этапов алтайской письменной культуры обоснованно привлечены наблюдения над сходными процессами в соседних землях и странах. Но таково уж состояние местных источников.

Выход енисейского письма за первоначальные пределы Хакасско-Минусинской котловины в эпоху, предшествующую политическому объединению Южной Сибири, сегодня следует, пожалуй, связывать с причинами культурно-идеологического характера — с официальным принятием на Енисее манихейской религии. Она и применяла, и, в силу своей книжной направленности и рьяной миссионерской устремлённости, распространяла по Южной Сибири эту руническую азбуку. Обращение Древнехакасского государства в манихейскую веру, как показывают археологические данные, произошло под уйгурским воздействием, т.е., вероятно, вскоре после 763 г. (Кызласов Л.Р., 1998).

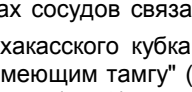
Решая вопрос о времени создания разбираемой барбургазинской надписи, следует, с другой стороны, учитывать, что и археологические датировки могут оказаться не вполне точными. Опубликованные изделия из кургана 9 не представляют всего набора находок и, следовательно, пока не позволяют читателю самостоятельно судить о хронологии памятника с необходимой уверенностью. Но то, что мы видим на рисунках Г.В. Кубарева,

полагаю, может быть отнесено и к VIII — началу IX в. (ср., например: Распопова В.И., 19679, с. 109-112; Археология СССР, 1981, рис. 19, 67-83, 20, 57, 65-67, 69, 70, 24, 22, 30, 42, 43, 45, 46). Так или иначе, на нельзя не признать, что датирование куршнов, содержащих письменные памятники, требует особого внимания. В нашем случае это важно не только для разрешения обрисованной историко-культурной алтайской ситуации, но и в связи с куда как более общей проблемой — по сей день ни в Сибири, ни в Центральной Азии науке не известно ни одного рунического памятника VII в. (Кызласов И.Л., 1994а, с. 81, 164). Возьмётся ли, осознав это, Г.В. Кубарев настаивать на предложенной датировке кургана 9? Необходим полный и подробный разбор столь значимых археологических материалов.

Напрасно Г.В.Кубарев обмолвился, что надписи на оборотной стороне ремённых наконечников находят часто. Полевое и камеральное открытие В.Д. и Г.В. Кубаревых важно и потому, что предоставляет рунической эпиграфике всего лишь третью подобную находку.

* * *

Разобранные надписи на двух ремённых наконечниках позволяют отметить ряд сближающих их обстоятельств, по-новому освещающих использование наборных поясов у раннесредневековых тюркских народов. Прежде всего, судя по резам и надписям, и барбургазинский пояс, как справедливо отметил Г.В. Кубарев, и набор с беллыкским наконечником не раз меняли владельцев, переходя из рук в руки. К тому же надписи на концевых бляхах, строго говоря, не выглядят владельческими: ersig (или erčig) "мужественный", er "эр (муж-воин)", čur "(титул) чур". И та, и другая особенность напоминает картину, выявленную для мужских серебряных пиршественных сосудов — многократно меняя хозяев, они всякий раз снабжались новыми тамговыми знаками и надписями. Приведу для примера вид донца такого кубка, найденного А.М.Илюшиным в Кузнецкой котловине. На нём вырезаны шесть разных личных тамг (рис.1 - 5), четыре из которых свидетельствуют о передаче питейной чары внутри двух разных семейств, по-видимому, от дяди к племяннику[2], Разными инструментами, а значит и людьми, вырезаны тамга и надпись катандинского сосуда Дважды наносились и тамги, и надписи на туяхтинский кубок. Чарка из Хакасско-Минусинской котловинь имеет три надписи (одна из которых р er). тамгу и некий знак сбоку поддона (Кызласов И.Л., 1991; 1994а, рис. 34, 1).

В двух случаях надписи на донцах сосудов связаны с податями (Копёны и Туяхта). Но общую ситуацию проясняет одна из строк серебряного хакасского кубка:  Atlïγ bol : inlig boluŋ "Будь(те) имеющим имя, будьте имеющим тамгу" (Кызласов И.Л., 1994а, с. 202, рис. 34). Следует думать, что при обряде наречения взрослого имени (er atï) юноша, становясь полноправным членом общества — эром, наделялся и личным гербовым знаком-тамгою и, допускаясь к мужским собраниям, получал личную пиршественную чашу (ср. разнообразие кубков в руках у изваяний). Ныне, после разбора надписей на ремённых наконечниках, указывающих не конкретные имена своих владельцев, а лишь в общей форме определяющих их как мужей-эров, можно предположить, что на том же посвятительном обряде новоявленному воину вручался и четвёртый знак его возросшего общественного положения — наборный пояс.

Восстанавливая обряд возведения юноши в эры, к нему сегодня следует добавить и ещё одну ритуальную черту. В ряде случаев при этом на вполне определённых местах столь значимых даров делались надписи. На сосудах на донце, на поясах — на наконечнике ремня. Быть может, подобное происходило и при наделении чинами, поскольку только из их названий состоят надпись на катандинском кубке и последнее граффито на беллыкском ремённом наконечнике.

Вполне очевидно, что со временем пиршественный кубок и воинский пояс могли быть переданы, и не раз, другому мужчине (что следует учитывать археологу при датировке находки)[3]. При каких обстоятельствах это происходило нам не известно. Нужно надеяться, что на этот вопрос помогут ответить будущие находки рунических надписей.

Литература и источники

1. Адрианов А.В., 1904. Писаницы (Отчёты за 1904 год). Рукопись // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, инв №55.
2. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. - М , 1981.
3. Боровков А.К. Енисейские надписи на сосудах // Тюркологические исследования. - М.-Л., 1963.
4. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей бассейна Енисея. - Л , 1983.
5. Древнетюркский словарь Редакторы В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М.Щербак. - Л , 1969.
6. Евтюхоэа Л.А., Киселёв С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного Исторического музея. - М., 1941. - Вып. XVI.
7. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово - памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. - Новосибирск, 1992.
8. Киселёв С.В. Саяно-Аптайская археологическая экспедиция 1935 г // Советская археология. - М.-Л., 1939 -Т I.
9. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951.
10. Кляшторный С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии // Тюркологический сборник. 1972 - М , 1973.

2 Авторы публикации ограничились прорисовкой только двух тамг (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.В., Стародубцев А.Г . 1992, с 15, 28, 40, 83, 109, рис. 44, 2). Благодарю Андрея Михайловича Илюшина за предоставленную мне возможность изучить подлинник и издать свои наблюдения.

3 Подобное отмечено для сбруйных наборов, вероятно, передававшихся из рук в руки при женских свадебных обрядах. В аскизских женских курганах XI-XII вв. встречаются старые, типичные тюхтятские бронзовые бляхи IX-X вв. (Кызласов И.Л , 1980, с. 159-161, рис. 11).

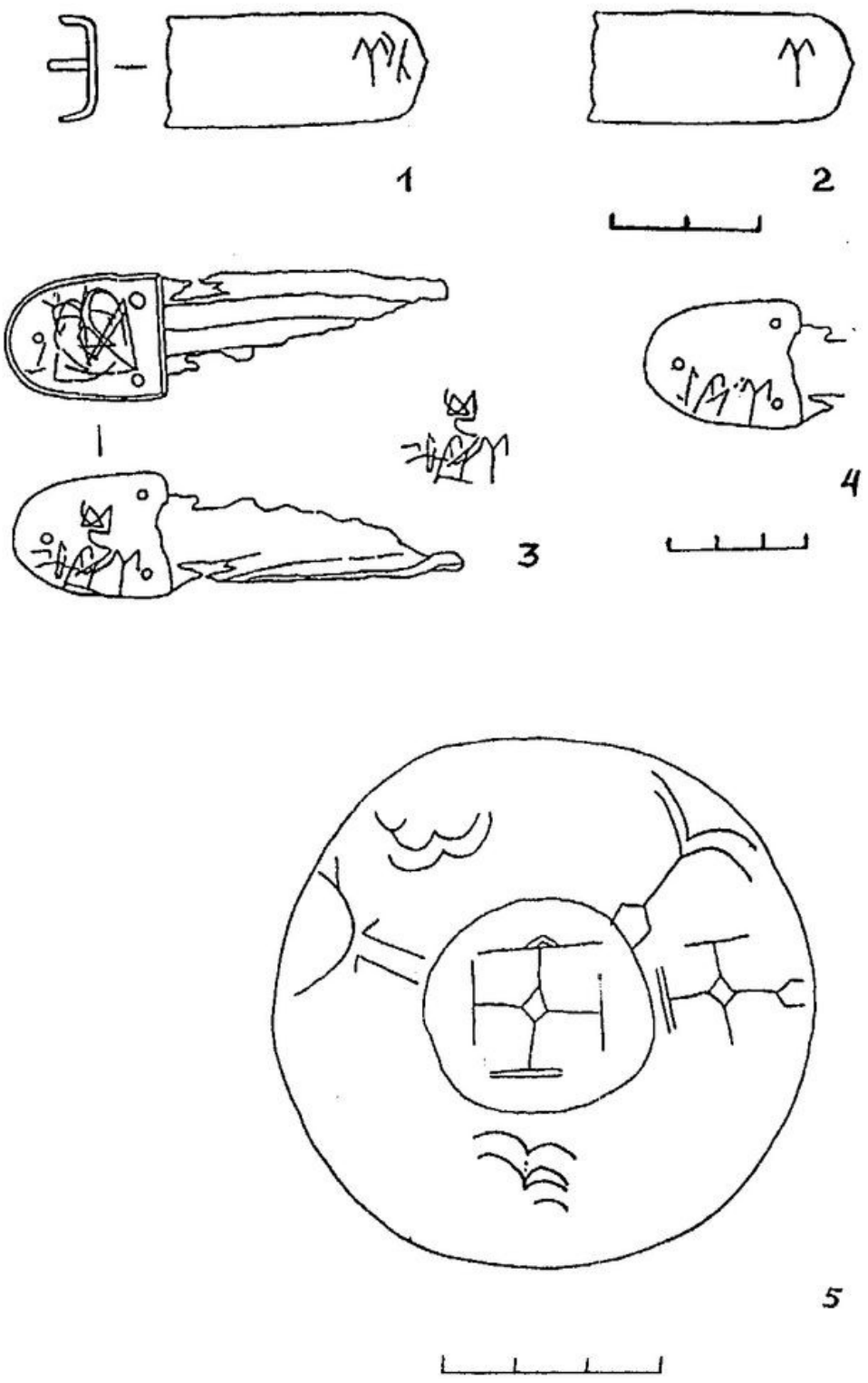


Рис. 1

11.
12. Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (Наскальные надписи Тепсея и Турана) // Советская тюркология. - 1976 , №1.
13. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв.-Л., 1980.
14. Кубарев В.Д. Научный отчет об археологических исследованиях в Горно-Алтайской автономной области в 1979 году Рукопись//Архив Института археологии РАН - 1979. - Д. 7444.
15. Кубарев Г.В. Новая руническая надпись с Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий -Новосибирск, 1997 -Т III.
16. Кызласов И.Л. Аскиэские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей, - М., 1980.
17. Кызласов И.Л. Рунические надписи на двух серебряных сосудах // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая - Горно-Алтайск, 1991.
18. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. - М , 1994а.
19. Кызласов И.Л. Горноалтайские рунические надписи на стелах // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая - Горно-Алтайск, 1994б.
20. Кызласов И.Л. Посвятительная орхонская надпись из окрестностей д.Купчегень // Известия лаборатории археологии ГАГУ - Горно-Алтайск, 1995. - №1.
21. Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А.Баскакову, НА Баскакову от коллег и учеников. - М , 1996.
22. Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungancae - 1997а -Т L, fasc 1-3.
23. Кызласов И.Л. Стелы с руническими надписями на Алтае (К выделению местных групп енисейских эпитафий) // Вопросы тюркской филологии. - М., 19976 - Вып. III.
24. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология -1998 -№3.
25. Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. - 1960. - №3.
26. Кызласов Л.Р. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестник Московского университета. Серия 8 История. - 1997. - №1.
27. Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии //Вестник Московского университета Серия 8. История - 1998. -№3.
28. Кызласов Л.Р., Король Г.Г., Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник - М., 1990.
29. Мелиоранский П.М. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями // Записки восточного отделения Русского археологического общества. - СПб.. 1902. - Т. XIV.
30. Распопова В.И. Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. - 1979 - Вып. 158.
31. Шинэхуу М. Даривын эртний турэг бичээс // Studia Archaeologies Улаанбаатар - 1971.-Т V, fasc 10
32. Donner O. Woterverzeichniss zu den Inscriptions de l'lemssei. - Helsmgissa (Memoires de la Soctcte Finno-Ougrienne. IV), 1892.
33. Orkun H.N. Eskitflrkyazitlan. - Istanbul, 1939. — Oil.
34. Orkun H.N. Eski tiirk yazitlan. — Ankara, 1989.
35. Radloff W. Die altturkischen Inschnften der Mongolei - St.-Pbg., 1895. - Lrg. 3

Подпись к рисунку статьи Кызласова И.Л.

Рис.1 1. Бронзовый наконечник ремня с рунической надписью (Е 80/2), найденный близ с.Беллык в Хакаско-Минусинской котловине. Минусинский музей, инв № 6136, Прорисовка автора 2. То же. Реконструкция первоначальной надписи (Е 30/1).

3. Оборотная сторона наконечника ремня с надписью из кургана 9 могильника Бар-бургаэы II. По рисунку Г.В. Кубарева.

4. Тоже Восприятие надписи И.Л. Кызласовым.

5. Донце серебряного кубка с тамговыми знаками из кургана 17 могильника Сапогово. Кузнецкая котловина. Прорисовка автора.

Соёнов В.И., Суханов Г.П.
(г. Горно-Алтайск)

ПЛИТА ИЗ ИНИ

В 1991 г. в ходе полевых исследований в окрестностях с.Ини Онгудайского района Республики Алтай одним из авторов данной заметки была обнаружена каменная плита с гравированными и выбитыми изображениями. Она лежала у прямоугольной оградки тюркского времени на территории обширного могильника, расположенного в 1 км. К северу от с.Иня на левом берегу Катуни Зеленовато-серая сланцевая плита неправильной формы имеет следующие размеры; длина 1,5 м., ширина 0,30-0.45 м., толщина до 0,10 м. Большинство изображений (рис.1 - 1-13) нанесены на ровную поверхность размерами 0,7 х 0,18 м Остальные рисунки (рис.1 - 14-18, рис.2) выполнены на ровном плоском выступе размерами 0,4х0,17 м. И на другой стороне плиты. Первоначальное положение плиты неизвестно По всей видимости, мы имеем дело с обломанной стелой, ранее стоявшей около каменной оградки. Рисунки, судя по композиции, нанесены на вертикально

расположенную плиту.

На "лицевой" стороне плиты в верхнем левом краю имеются две орнитоморфные фигуры, выполненные в технике граффити. Птицы изображены в полёте вниз головой с расправленными крыльями. Одна из птиц (рис.1 - 1) имеет туловище в виде высокого треугольника с загнутой вправо вершиной-головой. Левое крыло птицы имеет форму, напоминающую трапецию. Оно покрыто четырьмя продольными линиями. Левое крыло соединено с правым двумя линиями, проходящими через туловище птицы. Конец правого крыла заострён. Через правое крыло также проходят четыре продольные линии, которые соединяются в конце крыла. Хвост птицы покрыт двенадцатью поперечными линиями, обозначающими, видимо, окрас хвостового оперения. Изображение второй птицы (рис.1 - 2) имеет меньшие размеры. В отличие от первой, у этой птицы хвост округлён и имеет девять поперечных линий. Крылья серповидной формы соединены между собой. Через каждое крыло проходит по одной продольной линии, которая пересечена поперечными линиями: левая - шестью, правая - пятью. Голова птицы с неестественно большим клювом повёрнута вправо. Видимо, мы имеем здесь изображение орлов, которые охотятся на небольшого бегущего копытного животного с длинными торчащими ушами (рис.1 - 3) - сайгу или на её детёныша (определение Н.П. и Ю.П. Малковых).

Изображения птиц и сайги частично перекрыты выбитой антропоморфной фигурой (рис. 1 - 4). У данной фигуры выполнена часть лица с узкими глазами и треугольным носом, обозначен рот и усы с бородой (?). Туловища нет, а есть только контуры плеч и предплечья. Это антропоморфное изображения частично совмещается с изображением животного (марал по определению Н.П. и Ю.П. Малковых) тоже выполнено выбивкой (рис. 1 - 5). Животное изображено бегущим слева на право Ноги и рога до конца не оформлены, глаз смещён назад, рот приоткрыт. Изображение марала перекрывает неопределяемые прочерченные рисунки.

Ниже находится еще одно изображение - антропоморфная личина (рис.1 - 6). Личина прямоугольной формы с закругленными углами имеет узкие глаза, небольшой нос и рот. Она перекрывает несколько изображений, не поддающихся определению. Можно предположительно определить животное, у которого сохранилась задняя часть с коротким хвостом (рис.1 - 9), как дзерен. Здесь же имеется ещё одна сцена охоты орла (рис.1 - 8). Изображение орла напоминает одну из вышеописанных фигур птиц (рис.1 - 1). Отличия только в оформлении крыльев и количества полос на хвосте

Под описанными рисунками находится композиция из трёх статичных фигур животных, видимо маралов. Верхнее животное с большими ветвистыми рогами, торчащими вверх ушами позади рогов, вытянутой мордой с чёрточкой ртом, коротким хвостом изображен как бы наклонённым назад (рис.1 -11) Это изображение перекрывает (?) многочисленные линии от каких-то других рисунков. Над спиной марала имеется изображение не поддающееся определению (рис.1 - 10). Средняя фигура марала с большими ветвистыми рогами, длинными ушами торчащими вперёд и расположенными впереди рогов, острой мордой имеет приподнятую заднюю часть (рис.1 - 12). Эта фигура тоже перекрывает (?) многочисленные линии от других рисунков Самая нижняя фигура марала имеет чуть меньшие размеры (рис.1 - 13). Морда животного приподнята вверх. Рога лишь намечены. Ухо и глаз отмечены чёрточками. На месте передних ног изображение солнца с расходящимися лучами.

На плоском выступе, напротив двух вышеописанных маралов, имеются изображения двух животных. Левая фигура с длинной острой мордой, с массивными передними и тонкими задними ногами не закончена из-за неровности плиты (рис.1 - 16). Правая фигура со стоячими ушами, изогнутым хвостом имеет короткие передние и длинные задние ноги (рис.1 - 17). Данную композицию можно рассматривать как противостояние барсука собаке (определение Н.П. и Ю.П. Малковых). Под этой композицией и над ней имеются несколько изображений не поддающиеся расшифровке (рис.1 -14,15,18).

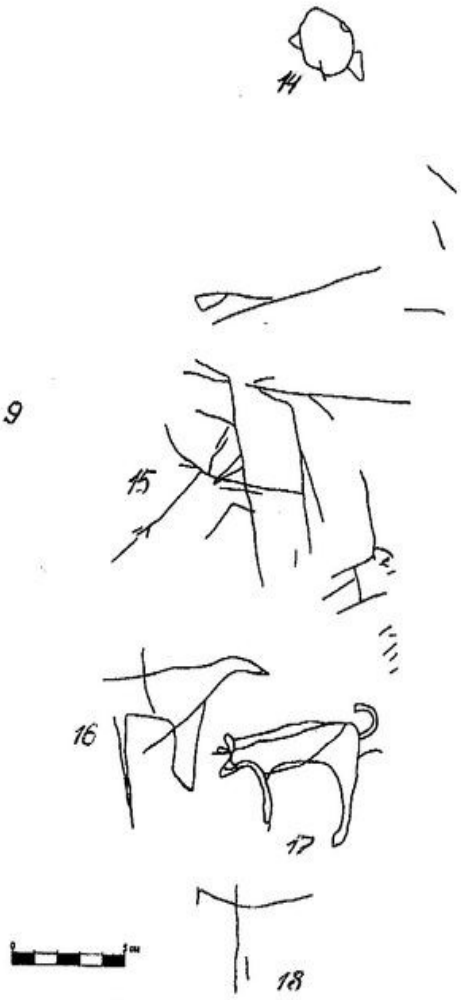
На обратной стороне плиты обнаружены прочерченные рисунки: лучи расходящиеся от одного центра и неопределяемые фрагменты какого-то изображения (рис. 2). Поверх изображения лучей выбиты буквы Ш.Н.

По стилю и технике выполнения, изображения на плите можно разделить на две группы: выбитые рисунки и прочерченные рисунки. Выбитые рисунки являются наиболее поздними, по крайней мере, из всех рисунков "лицевой" стороны плиты. Это подтверждается не только внутренней стратиграфией, т.е. наложением выбитых рисунков на прочерченные, но и различием в степени патинированности изображений: выбитые изображения имеют меньшую плотность патинизации. Прочерченные рисунки нанесены, видимо, одномоментно. Хотя не исключено, что неопределяемые изображения - это остатки рисунков, имевшихся на плите ранее. Возможно, использование более совершенных способов копирования (например, сканирование и последующая компьютерная обработка) позволит уточнить эти моменты. Что касается абсолютной хронологии рисунков, то эта проблема может быть решена предварительно по имеющимся аналогиям и изобразительному стилю рисунков. Аналогия изображениям орлов имеется в Горном Алтае на Караколе (Минорский А.И,. 1951, рис.56-5) Каракольский орёл отличается от изображений на плите из Ини небольшими деталями: более реалистичной передачей головы птицы и количеством полос на крыльях и туловище. Датировка каракольских рисунков в пределах VII - IX вв. (Евтюхова Л.А., 1951, с.190), в принципе, не противоречит хронологической принадлежности прямоугольной каменной ограды, возле которой обнаружена плита. Конечно невозможно пока установить одновременность факта сооружения стелы и нанесения рисунков Но в любом случае, стиль изображения фигур животных и передача их деталей свидетельствуют, что прочерченные рисунки укладываются в пределы второй половины I тыс. н.э. Выбитые рисунки плиты относятся к недавнему прошлому, т.е. этнографическому периоду, но к тому времени, когда плита ещё стояла в качестве стелы.

Литература

1. Евтюхова Л.А. К вопросу о писаницах Алтая // КСИИМК, 1951 - Вып. 34 -С.189-190.
2. Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК, 1951. - Вып. 34. - С. 184-188.

Рис.1



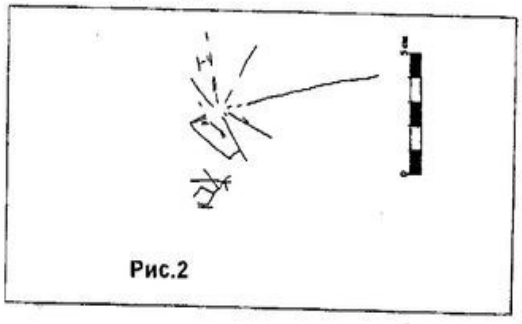


Рис.2

Список иллюстраций к статье Соёнова В.И., Суханова Г.П.

Рис 1. Изображения на «лицевой» стороне плиты из Ини.

Рис 2. Изображение на «оборотной» стороне плиты из Ини.

Суразаков А.С.
(г.Горно-Алтайск)

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Трудно переоценить ту роль, которую играет в жизни человечества мировоззрение, т.е. система представлений об окружающем мире, служащая базой для формирования ценностных ориентации, определяющих в свою очередь характер жизнедеятельности и конкретного индивида и социального организма [1]. Системное построение мировоззрения, если отвлечься от горизонтальной полярности, предполагает иерархию входящих в него понятий, группирующихся в целом в пределах частного, общего и всеобщего уровней. Причем, возникнув на первом из них, они нередко перемещаются на более высокие уровни иерархии за счет эффекта «расширения сферы охвата».

Так произошло и с понятиями «цивилизация» и «культура», без упоминания которых редко выходят сейчас в свет публикации гуманитарного направления. О значении в системе миропонимания этих категорий говорит уже тот факт, что, к примеру, по отношению к культуре на данный момент в мире сформулировано несколько сотен ее определений. Дело дошло до того, что потребовалось классифицировать уже сами эти определения [2].

Иными словами, значение этих понятий в социальной тематике велико и продолжает расти, тогда как огромный разброс во мнениях на их содержание является и еще долго будет являться постоянным стимулом к размышлениям на этот предмет. Здесь надо отметить и то обстоятельство, что масса противоречий имеется также на тему соотношения интересующих нас категорий между собой. Дело в том, что расширительное понимание и цивилизации, и культуры привело к «взаимоперекрыванию» ими друг друга, вслед за чем не замедлили появиться представления об этих понятиях как о синонимах [3]. «Культура или цивилизация, отождествил их в свое время известный исследователь первобытности Э.Б. Тайлор, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества»[4]. Далее в комментарии, относящемся к этому определению, он уточнил, что; «Культура... - способ и результат всей человеческой деятельности, в отличие оттого, что уже существует в природе; цивилизация... - эпоха классовых обществ., уровень их культуры или тип, разновидность их культуры....» [5]. - В целом, оба понятия в определении Тайлора, несмотря на имеющиеся в его труде оговорки, сливаются, а по своему содержанию, с одной стороны, включают конкретные виды человеческой деятельности, с другой, способ и результаты вообще всей этой деятельности.

Как бы там ни было, этот авторитетный исследователь предвосхитил дальнейший мыслительный процесс в том направлении, поскольку, несмотря на различные модификации, большинство последующих определений строилось в пределах очерченных им рамок Другой вопрос, что сюда, с одной стороны, включались все новые виды человеческой деятельности, естественно, с ее результатами, причем последние нередко противопоставлялись первым, с другой, к понятию «способ человеческой деятельности» добавлялось, что это сфера надбиологическая или специфически человеческая.

Ну что же, обозначенная тема, как уже говорилось, для человечества очень важна, отчего обсуждению ее в обозримом будущем не видно конца и очень многостороння, отчего обсуждение ее еще долго будет носить противоречивый характер. Отсюда, нисколько не заблуждаясь относительно полноты или верности своих собственных рассуждений на этот предмет, попытаемся насколько это возможно вплести их в общий мыслительный процесс, в чем то повторяя и тем самым поддерживая уже высказанные другими исследователями точки зрения, но в чем то внося в предмет обсуждения и новые нюансы.

Для начала вернемся к истокам и вкратце попытаемся еще раз проследить тенденции в развитии интересующих нас понятий. Итак, слово «культура», как известно, произошло от латинского, означавшего «возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание» и первоначально подразумевало, с одной стороны, деятельность по обработке земли и вообще целенаправленное воздействие человека на природу, с другой, воспитание и обучение самого человека» [6]. Иными словами, с самого начала понятие «культура» имело достаточно широкую трактовку, охватывавшую как производственную, гак и непроизводственную сферы деятельности человека.

Исходя из этого первоначального содержания, собственно, и шло дальнейшее развитие понятия, причем одно направление его эволюции все более расширяло сферу охвата человеческой жизнедеятельности, тогда как второе все более дробно конкретизировало субсферы его применения. В итоге, сейчас бытует масса как узкоспециализированных понятий культуры (физическая культура, политическая культура, культура речи, этническая культура, древнегреческая культура и т.д.), так и обобщенных представлений о ней (материальная культура, духовная культура) вплоть до значения вообще всех проявлений жизни или всех видов человеческой деятельности [7].

Слово «цивилизация», как известно, также произошло от латинского, означавшего «гражданский, государственный», причем применялось оно в тесной связи с категорией «культура», обозначая по преимуществу более высокую ступень ее развития [81] относительно более низких ступеней, именовавшихся «дикостью» и «варварством». Затем появилась теория локальных цивилизаций, что в общем то накладывалось на теорию локальных культур. Параллельно, начиная с Гегеля, цивилизация стала связываться с материально - техническим базисом духовной культуры [9], что в современности привело к пониманию ее в сущности как технологии или способа производства [10]. Здесь надо отметить и тенденцию последних лет, когда разговор зашел в целом о цивилизации будущего, т.е. третьего тысячелетия.

В общем, в самом верхнем своем значении обе категории на сегодня стали охватывать всю человеческую деятельность, в том числе и ее результаты, что вызвало негативную реакцию ряда исследователей. «Это дает

основание для того, - писал по этому поводу известный этнограф Ю.В. Бромлей, - чтобы усматривать главный недостаток таких определений в том, что они лишают понятие «культура» его специфического содержания. Поскольку дефиниции этого рода фактически включают как все сферы, так и все стороны жизни общества, то это позволяет утверждать, что данное понятие не нужно... даже самые широкие определения культуры не должны иметь тотального характера» [11].

Ну что же, такое замечание, конечно, имеет свой смысл хотя бы уже для того, чтобы сделать попытку ему возразить, мол, а почему бы и нет? Имеем же мы в обиходе такие категории, как «жизнь» или «бытие» и никому не приходит в голову «уменьшать» их значение. Всеохватность понятий «цивилизация» и «культура» относительно жизнедеятельности человечества давно стала фактом и, видимо, разумнее пытаться осмыслить сам этот факт как таковой. Другое дело - специфика понимания этих категорий относительно друг друга, поскольку от их синонимичности на самом деле проку мало. В общем, учитывая вышеприведенное замечание, попробуем определить ту грань, которая, не нарушая сложившегося единства понятий, обозначила бы в то же время между ними специфику.

Итак, оба понятия охватывают то явление, которое представляет собой совокупную функцию любого социального организма, в том числе и человечества в целом, именуемую «жизнедеятельность» [12]. Явление это, как и любое другое, проявляет себя через структурный синтез или структурно-функциональную организованность, имеющую в свою очередь, если подойти к ней с системных позиций, как вертикально-иерархическое, так и горизонтально-полярное строение.

Если бы категории «цивилизация» и «культура» занимали разные уровни иерархии, то специфичную грань между ними можно было бы уловить именно в этом. Однако мы имеем здесь дело с понятиями одного и того же иерархического уровня, т.е. их специфику надо искать в горизонтальной полярности. Уловить ее опираясь на бесконечно разнообразную жизненную конкретику очень трудно. В данном случае разумнее подняться выше, т.е., на уровень всеобщего или философско-универсального и попытаться соотнести «цивилизацию» и «культуру» с категориями этого плана. Наиболее подходящими для этих целей видятся такие понятия, как «содержание» и «форма», которые соотносятся между собой как внутреннее и внешнее качества объекта - субъекта - явления. Причем цивилизации здесь более подходит роль внутреннего содержания явления «жизнедеятельность», тогда как культуре - роль формы выражения или воплощения внутреннего содержания. Собственно к этому склоняет сама специфика тенденций в развитии анализируемых понятий. Тогда сжатое определение их могло бы звучать следующим образом.

Цивилизация и культура - это понятия, отражающие единое явление - человеческую жизнедеятельность вместе с ее результатами, где цивилизация определяет внутреннее качество и общий уровень продвинутости как отдельного социального организма, так и всего человечества на пути эволюции, тогда как культура - специфику форм проявления цивилизации.

Другой вопрос, что здесь сразу же встают две крупные сопутствующие проблемы, т.е. что в явлении «жизнедеятельность» понимать под формой и содержанием, а также - как быть с многочисленными более узкими значениями этих понятий. Осмысление первой проблемы во многом связано со спецификой того аналитического подхода, который применяется в процессе ее решения и базируется на определенном уровне мировоззренческого восприятия окружающего мира. В принципе, все разнообразие восприятий и проистекающих из них подходов можно сгруппировать в три иерархических уровня: структурно-механистический, функционально-системный и философско-смысловой.

Наиболее распространенный структурно-механистический подход базируется на первичном, целостном восприятии мира, присущем любому человеку. Под формой здесь понимается общая внешняя структурированность объектов или субъектов, а под внутренним содержанием - их составные части, структуросоставляющие или структурообразующие компоненты, которые ныне принято именовать субструктурами и между которыми зачастую декларируются некие взаимосвязи. Аналитика тут проста, описательна и нацелена как раз на выявление внутренних субструктур.

Как бы там ни было, но подход этот является базовым и предваряет собой все остальные, т.е. более продвинутые аналитические подходы. Практически - это уровень массового сознания, отталкиваясь от которого начинается профессиональная исследовательская аналитика и где понятия «цивилизация» и «культура» сливаются, т. е. выступают в роли синонимов, поскольку здесь трудно провести между ними какую бы то ни было разделительную грань.

Функционально-системный подход базируется уже на вторичном, т.е. собственно профессионально-аналитическом восприятии мира и характерен в основном для исследовательской среды. Под формой здесь понимается в целом как внешняя, так и внутренняя структурированность объектов -субъектов, а под внутренним содержанием - функциональные взаимосвязи их субструктур или системообразующие связи. Вот тут между цивилизацией и культурой уже заметны различия В частности, рядом исследователей предложено понимать под «цивилизацией» технологии. Ну что же, культуру тогда можно воспринимать как форму воплощения технологических процессов. Кроме того, здесь надо добавить еще и то, что технологии - это отнюдь не только сфера материального производства, но также вся жизнедеятельность в целом, включая технологии формирования социального настроения, а также технологии социального мышления.

Наконец, философско-смысловой подход базируется на высшем аналитическом уровне восприятия мира. Под формой здесь понимается в целом структурно-функциональная организованность объекта - субъекта - явления, тогда как под внутренним содержанием - их смысловая суть, которая, исходя из разных критериев, может иметь весьма дробную иерархию смыслов. Наиболее обобщенный смысл человеческой жизнедеятельности определяется самим понятием «жизнедеятельность», где цивилизация, как уже говорилось, характеризует внутреннее качество и общий уровень его продвинутости, а культура - специфичные формы его проявления

Что касается второй проблемы, то решить ее можно следующим образом. Всеохватность относительно социальной среды понятий «цивилизация» и «культура» отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает использование их в более узких значениях Причем как в узкоспециализированных направлениях (культура речи,

культура письма, культура производства чего-либо и т.д.), так и в целостно - иерархическом плане, допустим, цивилизованность конкретного индивида - семьи - производственного коллектива - клана - этноса, цивилизация государства (а в догосударственный период -региона) - этномира - конфессии - человечества, проявляющиеся в свою очередь в той же иерархии только специфичных культурных форм.

Примечания

1. Суразаков А.С. К изучению прошлых мировоззрений // История и культура народов Саяно-Алтая. в прошлом, настоящем и будущем - г.Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998 - С 11.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса -М Наука, 1983. - С 88-90.
3. Современная философия: словарь и хрестоматия - Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. - С. 87.
4. Тайлор Э.Б. Первобытная культура -М Политиздат, 1989. - С 18 5. Там же - С. 509.
5. БСЭ. Третье издание. - М: Советская энциклопедия, 1973.-Т. 13 - С. 594.
6. Современная философия... - С 37.
7. БСЭ. Третье издание. - М: Советская энциклопедия, 1978. - Т. 28 - С. 553.
8. Тайлор Э.Б. Ук. соч. - С 509.
9. Современная философия . -С. 87.
10. Бромлей Ю.В. Ук соч - С 96-97.
11. Суразаков А.С. К проблеме социологических реконструкций в археологии // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). - Новосибирск ИАЭ СО РАН, 1998. -Т.1. - С. 579-580.

Маточкин Е.П.
(г.Горно-Алтайск)

СОВРЕМЕННЫЕ РИСУНКИ АЛТАЙСКИХ ЧАБАНОВ

Еспи традиционное искусство алтайских народов конца XIX-начала XX в. нашло отражение в трудах С.В.Иванова (1954, с. 607-677) и других учёных, то современное народное творчество Горного Алтая известно гораздо меньше, а изобразительная деятельность, не связанная с декоративно-прикладными целями, вообще практически не изучалась. Исключение тут составляют некоторые работы археологов и этнографов, которые наряду с древними петроглифами фиксировали современные рисунки на скалах. В данной статье публикуется неисследовавшийся ранее пласт современных рисунков, находящихся в высокогорных аилах алтайских чабанов.

Представленный материал основан на результатах экспедиций 1984-1999 годов по территории Усть-Коксинского и Кош-Агачского районов, ограниченной с юга Катунским хребтом, с севера, запада и востока - долинами рек Катуни, Кучерлы и Аргута. На всей этой большой площади находится лишь одно небольшое поселение Кучерла в устье одноименной реки. Его население занимается в основном животноводством. На обширных альпийских лугах алтайские чабаны испокон веков пасут скот. Об этом напоминают и древние кочевые тропы, и названия урочищ по имени живших здесь племён, и память о камлавших перед ликом священной Белухи шаманах. Обилие памятников древности - курганов-захоронений, стел, петроглифов, жертвенников, изваяний - составляет особую атмосферу здешних мест, ещё не тронутых интенсивной хозяйственной деятельностью.

В середине июня, когда закончится стрижка овец и стают снега с перевалов, чабаны из Кучерлы отправляются со своими отарами на летние пастбища за несколько десятков километров. Живут там чабаны в одиночку или вдвоём недели по две в специально построенных аилах. Ранее это были совсем легкие сооружения из жердей, крытых корой. В последнее время все чаще в основание кладется пятистенный венец, а то и вовсе традиционный аил заменяется на теплый сруб.

В конце августа, до того, как закроются перевалы, чабаны возвращаются на свои зимние квартиры. По морозной погоде, когда встанут реки, на здешние пастбища гонят скот животноводы из Джазатора. В ущелье Аргута снега практически не бывает, что позволяет пасти овец и в зимнее время. Пришедшие чабаны из Кош-Агачского района живут в аилах, стоящих вдоль Аргута. В летнее же время они редко посещают стоянки кучерлинских чабанов. Эти «летние» и «зимние» бригады практически не встречаются, однако многое знают о труде и быте своих напарников. Оба эти района к тому же соревнуются между собой по показателям производства, и потому чабаны так заинтересованно относятся ко всему, что происходит у соседей. Помимо ставшей уже привычной газетной и радиоинформации роль контактов выполняют и собственноручные послания, стихи, рисунки, поделки, которые чабаны оставляют в своих аилах. В силу этого аргутские аилы можно считать своего рода музеями дружбы двух районов, музеями творчества алтайских чабанов. Примером этому может служить надпись из наиболее старого сохранившегося аила Сойон-Чадыр. Алтайцы, ранее не имевшие своей письменности, теперь с удовольствием пишут по-русски послания своим напарникам: «Привет! Кучерлинцам от Аргутских ребят. Желаем Всем крепкого здоровья, а также успехов в труде». Далее следует подпись шестерых чабанов и дата — 10/VII - 78 г. Ниже фигурирует ответная надпись: «Горящий привет Дорогим Аргутянам от чабанов ...»

Сопровождающий эти надписи рисунок - самый ранний из произведений этого круга. Собственно, большинство обследованных аилов было построено здесь именно за последние 25 лет и это время конца 70-х, 80-х и начала 90-х годов отмечено взлетом народного искусства. Об этом же говорит и тот факт, что в четырех старых, уже полуразвалившихся аилах, встреченных на маршруте, никаких произведений искусства не оказалось. Возможно, тут проявилась общая тенденция в народном искусстве Как свидетельствует петроглифический материал, историко-художественный процесс в Горном Алтае никогда не прерывался. Однако нельзя не отметить, что рисунков на скалах, созданных в последние годы, значительно больше, чем, скажем,

появившихся в середине века. Об этом же говорит и открытое нами поразительное новшество - изготовление й установление изваяний после более чем тысячелетнего перерыва (Маточкин Е.П., 1989).

Как правило, чабаны рисуют внутри аилов на бревнах сруба или на корьевом покрытии. Рисунки эти не предназначены для украшения каких-либо предметов быта и по сути дела являются продолжением обычая создания изображений на скалах и камнях. Это творчество охотников и скотоводов, связанное всеми нитями с их образом жизни и хозяйствования; поэтика их искусства посвящена в основном зверю. Действительно, в большинстве случаев в чабанских рисунках имеет место не повествователыная конкретика, не ситуация, а художественная образность. Подолгу оставаясь наедине с природой, чабан выражает свои эстетические чувства, потребность в общении, в создании вокруг себя красоты, переживание пространства и времени в художественных образах. Почва, питающая искусство кучерлинских чабанов, остается в основе своей неизменной. Это, прежде всего, исконное занятие животноводством и охотой. Сохраняющийся во многих своих чертах образ жизни, трудовой практики, черты национальной психологии, целостное восприятие мира - все это обуславливает и традиционность художественного мышления, обращение к типизированным синтетическим образам.

Всего нами обследовано более 20 стоянок чабанов, где обнаружено более 70 рисунков на коре, дереве, камне и тканой материи. Наиболее богатыми в художественном отношении оказались аилы Сойон-Чадыр. Куган, Ороктой, Шараш (свои названия аилы получили, в основном, по наименованию урочищ или рек). Обычно рисунки отсутствуют в аилах, которые служат перевалочными пунктами на пути к стоянкам. Немного изображений и в зимних избах джазаторских животноводов.

Рисунок из аила Сойон-Чадыр (рис. 3-3). Изображение горного козла-теке сопровождает здесь пространную надпись. Рисунок выполнен тупым, нешироким предметом, скорее всего, гвоздем или камнем по гладкой шоколадного цвета коре, так что линия имеет светло-коричневый оттенок. Движение руки было быстрым, вследствии чего процарапанный след имеет прерывистый характер. Рисунок козла по традиции выполнен в профиль одной контурной линией. Стилистически рисунок близок резному изображению лежащего козла поздних петроглифов Елангаша, где выразительность образа достигается плавной и изящной линией (Окладников А.П. и др., 1980, с. 83, рис.1). Два рога козла, проектирующиеся в один, очерчены традиционно в виде серпа. В то же время рисунок козла на коре осмыслен по-новому в отношении объектов его окружения. Если ранее в петроглифах и в декоративно-прикладном искусстве фигуры животных мыслились вне связи с пространством или эта связь представлялась условной, то сейчас чабаны пытаются поместить животное в реально осязаемую среду. Козел нарисован стоящим на уступе скалы, над ним кружит орел. И хотя сама птица и уступ очерчены достаточно схематично, тем не менее, этих деталей достаточно, чтобы создалось ощущение высоты и некоторой глубины пространства. Следует отметить, что рисунок из аила Сойон-Чадыр имеет сходные типологические черты с распространенным в разных районах страны образом рогатого горного животного, стоящего на утесе.

Рисунки аила Куган. Аил расположен неподалеку от грандиозного ущелья реки Каир - левого притока Аргута. Всего здесь находится около десяти рисунков, выполненных карандашом на стесанной поверхности бревен. Из надписей обращают на себя внимание следующие: «О, великий Каир, тебя приветствуют...» или «О, великий Каир! С тобой прощаются скотники ...» Первая надпись сопровождается миниатюрным пейзажем с горным хребтом и выглядывающим из-за треугольных вершин солнцем с лучами.

Один из рисунков аила Куган (фрагмент на рис. 5-3) повествует об охотнике, рассматривающем в бинокль козла, забравшегося на острые пики гор. Еще один пространный рисунок рассказывает о том, как два охотника преследуют козлов, перепрыгивающих через узкое ущелье. Фигурки людей и животных совсем крошечные, зато большое место отведено пейзажному фону.

На западной стене, под окном находится великолепная сцена охоты, нарисованная Ю. Сатушевым (рис. 3-1). Сам сюжет традиционен для алтайского искусства. Ранее охотник поражал зверя стрелой из лука, в современном варианте алтаец стреляет из ружья. Ранее олень или козел изображались, как правило, крупнее человека В данном случае соотношение обратное. Охотник масштабнее марала; поза его более экспрессивна. У него подробно прорисованы лицо, одежда и типично алтайская меховая шапка. Его образ, несомненно, воплощает представление о современном народном богатыре - сильном, смелом и свободном.

Нельзя не отметить характерного стилистического приема в изображении складок одежды. В отличие от реалистической обрисовки фигуры складки представлены условными значками в виде птички, буквы «и» или извивающейся ломаной линии. В современной сцене охоты появляются элементы пейзажа: линия земной поверхности и два дерева в отдалении. Возможно, что деревья были пририсованы другой рукой, однако сделано это явно со смыслом.

Из аила Куган происходит и сланцевая пластина с рисунками на обеих сторонах. По форме она напоминает широкий нож с максимальными размерами 9х28 см при толщине 0,6 см. На лицевой стороне пластины с солнечным «загаром» находится композиция с маралами, выполненная в 1981 году тем же талантливым народным мастером Ю. Сатушевым (рис. 3-4). На оборотной стороне большую часть пластины занимают надписи и рисунок гор в виде симметричных треугольников.

Композиция с маралами непосредственно продолжает искусство резных петроглифов. Самка и самец даны в традиционном профильном изображении. Марал с красивыми ветвистыми рогами щиплет траву (она намечена тонкой штриховкой). Стоящая за ним самка, словно к чему-то присушивается. Фигуры зверей обрисованы плавной линией, пластически-выразительной и декоративной. Довольно широкий и глубокий желобок контура, образованный многократным прочерком ножа, имеет белый цвет со слабым зеленоватым оттенком. Силуэт же тонирован темным карандашом и лишь хвостовое «зеркало» маралухи, слегка соскобленное лезвием, отливает белизной.

Народный мастер умело использует фактуру камня, его слоистость и волнообразные выпуклости на поверхности. Кажется, что маралы пасутся на широком, слегка всхолмленном поле, окруженном грядами гор и скалистым утесом, который образован выступающим слоем сланца. Тональное разнообразие окрашенности пластины и светлый белесоватый контур напоминают о подсвеченном луной абрисе животных в ясную летнюю ночь. Художник сумел передать не только характерный облик зверей, живость поз и движений, но и вписать их в

пространственную среду. Этот рисунок на пластине удивительно поэтичен, проникнут лирическим настроением и как бы представляет образ живого, нетронутого Алтая.

Рисунки аила Ороктой. Аил в истоках Сухого Ороктоя появился в 1979 году; из-за своей отдаленности он построен по старому образцу - конусом из жердей, крытых корой. Рисунки опоясывают всю внутреннюю поверхность аила. Они выполнены карандашом и углем или процарапаны на гладком слое коры и во многих случаях датированы 1979 и 1980 годами. В отличие от других аилов здесь представлено довольно большое разнообразие животных. Это козлы (рис. 1-9), снежные барсы (рис, 2-2), маралы (рис. 1-7), волк (рис. 2-3), верблюд (рис. 1-11), а также змея (рис. 1-12) и орел (рис. 2-1).

Встреча козла с барсом - излюбленный сюжет в Ороктое. На одном из рисунков показан старый козел, который ничуть не боится барса и готов принять бой (рис. 2-4). Его решительная поза на фоне скал - сама словно неприступный утес, На другом рисунке - молодой козлик с повернутой назад головой, который, видимо, не замечает подкрадывающегося хищника. Этот последний рисунок - самый крупный из всех встреченных и занимает площадь 40х25 см. Большое место отведено в нем очертаниям скал, проведенных отдельными прерывистыми и волнистыми линиями.

С правой стороны от двери виден детский рисунок, подписанный Витей Соколовым. Широкими штрихами углем он нарисовал орла, летящего над горами (рис. 2-1). Для его композиции характерно необычное пространственное решение Птица у него крупная; деревья же и горы, напротив, маленькие. Это как бы взгляд глазами орла.

Как правило, и взрослые, и дети воплощают одни и те же образы и подчас бывает трудно определить, кто же из них сделал тот или иной рисунок. Эта ранняя «зрелость» и взрослая «детскость» составляют своеобразный феномен традиционных культур, который не получил еще достаточного научного осмысления.

Рисунки аила Шараш. Можно сказать, что в этом аиле обитает муза поэзии. На срубе аила карандашом написано около полутора десятков различных стихов. Один из авторов свое творческое кредо выразил так:

Я здесь пишу рукой чабанской,
Чтоб через много, много лет
О трудной жизни чабанской
Какой-нибудь остался след.

(Подробнее о поэтическом творчестве чабанов изложено в нашей статье (Маточкин Е.П., 1999, с.6-7)).

Из рисунков в аиле Шараш выделяется изображение козла в легком грациозном движении с повернутой назад головой (рис. 1-6). Его ноги тонки и остры. Дуги спины, рогов и шеи напряжены, как натянутый лук. Сколько в этом сочетании линий мощной пружинистой силы! Этот рисунок с полным правом можно назвать шедевром народного искусства. В нем аккумулировались и тысячелетние знания животных, и воспитанная острота зрения, и традиции национального художественного мышления, и большая изобразительная культура линии. Ее некоторая условность и декоративность обогащают общую реалистическую образность.

Рисунки аила Ералух. В этом аиле, расположенном в верховьях реки Кулагаш (левого притока Кочурлы) молодой чабан Сергей Каймаштаев в 1987 году показал мне три рисунка, которые он сделал в детстве. На стесанной поверхности бревна он вырезал ножичком изображения козла, медведя и рогатой личины - Эрлика - властителя нижнего мира. Все изображения контурные. Рисунки животных профильные, личина дана в анфас. В рисунке медведя (рис. 1-15) угадываются реальные черты «хозяина тайги» с разинутой пастью и приподнятыми ушами. Треугольная в плане личина (рис. 5-2) во многом фантастична. У нее узкие глаза, непомерно длинные усы и торчащие в разные стороны рога-уши. Если оба эти рисунка исполнены в несколько робкой манере, то рисунок козла, напротив, покоряет смелой уверенностью линий, монументальным силуэтом (рис. 1-16). Это образ гордого и свободного животного. Под ногами козла вырезана линия горизонта с треугольной вершиной и маленькой елочкой на ее фоне. Этого оказалось достаточно, чтобы рисунок приобрел масштабный характер, созвучный фольклорным представлениям о козле как символе огня, носителе света.

Анималистические персонажи аила Ералух выполнены в традиционном духе. В стилистическом отношении они имеют аналоги в искусстве резьбы этнографического времени, например, на деревянных ведерках или на лицевой доске кровати (Иванов С.В., 1954, с.610 и 648).

Первые два изображения, возможно, не случайно даны фрагментарно. Это лишь напоминание, намек, в каком-то смысле иносказание о грозном духе Эрлике и медведе - его помощнике. Именно в таком качестве медведь нередко выступает в традиционных верованиях Сибири. Само же иносказание - широко распространенный прием в устном фольклоре по отношению к влиятельным духам.

В целом в этих трех небольших изображениях воплотилась своя философия, свой мир. Здесь и образы гор. и тайги, и их обитатели, и представления о злом и светлом начале.

Материалы других стоянок. Изображения, вырезанные ножом на дереве, обнаружены ещё в трёх местах. В устье Сухого Ороктоя, в избе, на подоконнике вырезано изображение сидящей птицы (рис. 1-14). Несколько орнаментальных мотивов, а также пейзаж с горами и восходящим солнцем украшают дверь в избе у ручья Куйлю (рис. 4-4). Две оригинальные резные композиции присутствуют в избе в Тунгупюке (рис. 3-5 и рис. 5-9).

В конце 80-х годов появились рисунки в аиле Балтырган, построенном в 1986 году. Много мелких карандашных рисунков были созданы в аиле Мойнок в самом начале 90-х годов. Тут репертуар рисунков, как и в аиле Куган. довольно широк: от традиционных анималистических образов до персонажей мультфильма «Ну, погоди!» и голых женщин.

В целом по технике исполнения все рисунки можно разделить на контурные и штриховые. По содержанию же их условно можно отнести к анималистическим, антропоморфным, пейзажным образам, жанровым и декоративным композициям.

Анималистические контурные рисунки (рис. 1). Контурные рисунки с одиночными изображениями животных составляют наибольший массив. Среди анималистических рисунков нередки парциальные изображения голов животных (Рис. 1-1 - 1-4). Пожалуй, сейчас парциальные изображения встречаются даже чаще, чем среди древних петроглифов.

Для искусства кучерлинских чабанов характерно обновление и обогащение художественных средств. Это

более всего касается обрисовки животных, которая нигде не сводится к однолинейному способу, столь распространенному в народном искусстве начала века. Более того, просматривается стилистическая близость к петроглифам не только этнографического времени, но и более раннего -древнетюркского. Близость эта проявляется, прежде всего, в возрождении мастерства владения линией. Здесь тот же лаконизм контурных очертаний, обощенный, в меру декоративный характер рисунка Везде можно уловить элемент любования линией, желание провести ее уверенно и красиво. Однако декоративное понимание рисунка не отвергает и жизненно-конкретного видения. Линия не только означает границы изображения, но, как правило, имеет объемно-пластический характер; благодаря чему достигается убедительность в передаче поз и движений,

В гроте Куйлю рядом с петроглифами находятся процарапанные рисунки, датированные 1978 годом (рис. 1-1, 1-5). Наш современник нарушил канон профильного показа животных и представил своего козла в сложном ракурсе, когда одни части тела накладываются на другие (рис. 1-5).

Разнообразие технических приемов просматривается в сочетании гибкой и угловатой линии, статических и динамических изображений, подчас в позе распластанного бега, как в древнетюркском искусстве. В нескольких случаях (например, рис. 1-8, 1-9) используется тот же древний прием проведения линии одного движения от паха одной ноги до окончания другой. Часть фигур животных характеризуется несколько укороченным туловищем (рис. 1-10), подчеркнуто закругленным задним крупом (рис. 1-8) и удлиненной дугообразной шеей (рис. 1-9, 1-10). Широко распространен в современном искусстве чабанов прием незавершенного рисунка ног или сведения их к остриям, что также было присуще древнетюркским образцам.

Штриховые рисунки (рис. 2). Штриховые рисунки значительно сложнее по своему повествовательному содержанию, В них обычно изображаются не только животные, но и окружающий пейзаж, причем животные видятся именно в пейзаже. Соотношение масштабов хотя и приближается к реальности, но все же остается достаточно условным. Перспектива отсутствует. Границы таких рисунков на плоскости аморфны, они не вписываются в какие-либо замкнутые прямоугольные рамки, как в станковых произведениях. Здесь все еще как бы ощущается плоскость скалы.

Выполнены штриховые рисунки чаще всего углем на коре. Древесный уголь - очень мягкий, несколько импровизационный материал удобный для проведения штрихов.

В штриховых рисунках происходит некоторый отход от традиционного художественного мышления. Форма уже не мыслится в виде условного силуэта с окаймляющим его контуром. В штриховом рисунке единая линия дробится, а с ней теряется и сконцентрированная в контуре предельная выразительность. Штрих обрисовывает теперь и животных, и пейзаж. Он стал всеобщим и потому менее связанным с традиционной стилистикой анималистических образов. В этой всеобщности несколько померкло то блестящее мастерство, которое было присуще контурным изображениям, идеальному характеру образов, их высоким декоративным и эстетическим качествам.

Вместе с тем в штриховой технике сказалось желание изобразить зверя в более реалистическом ключе. Дать его подробную пластическую характеристику, хотя бы некоторое ощущение объема, предметной материальности рогов, шерсти, копыт и т.д. Острая наблюдательность чабанов проявляется и здесь в яркой обрисовке какой-либо конкретной детали или какого-то движения, связанного с логикой определенного сюжета.

Выразительна встреча кошачьего хищника с копытным животным (рис. 2-4). Динамичны позы зверей и ритмика струящихся линий, моделирующих фигуру горного козла. Уместна и череда полос, дающих представление о скалистом рельефе.

В целом рассмотренные штриховые рисунки в определенной мере гармоничны по замыслу и исполнению и новыми средствами выражают богатые наблюдения алтайцев над миром живой природы.

Рисунки зверей с элементами пейзажа выполнены не только в штриховой технике, но и в контурной. Таков рисунок из аила Сойон-Чадыр (рис. 3-3) и пластина из аила Куган (рис. 3-4), таков и рисунок из аила Чох-Чох (рис. 3-2). Там карандашом нарисованы козел и кедр, растущий на скале. Козел изображен стоящим на четырех ногах, рог - серпом. Элементы пейзажа по-своему интересны и значительны. Кедр продолжает своим рисунком пирамиду скалистого утеса, а ветви дерева - словно руки, гибкие, как змеи, или как крылья птицы, изготовившейся к полету. Линии же скал вторят очертаниям козла. Такая изоморфность всех природных форм - суть выражение идеи всеобщего единства мира, нашедшей здесь свое поэтическое воплощение.

Пейзажные рисунки - совершенно новый, самостоятельный жанр в современном народном искусстве Алтая. Из пейзажных образов чабанов самый популярны - горный хребет с восходящим солнцем. Такой панорамный рисунок, вырезанный ножом, представлен в аиле Куган (рис. 4-1). Линии здесь строгие и лаконичные, очертания геометризованные, снежные поля в виде плоских фигур закрашены черным. Масштабы огромные, пространство двумерное, рисунок монументальный.

Останавливает на себе внимание пейзаж из аила Куган (рис. 4-2). Там изображена гора, своим обликом напоминающая голову огромного богатыря. Вокруг его лба летают птицы. И хотя уровень исполнения оставляет желать лучшего, однако сама идея выражена достаточно ясно. По-видимому, рисунок воплощает фольклорный образ Хан-Алтая, которого алтайцы традиционно представляют в виде треугольной вершины.

Панорамный вид на хребет с надписью «Алтай» находится в аиле Бортулган (рис. 4-3). В отличие от резного рисунка из аила Куган, линии здесь волнистые, извивающиеся. Горы по очертаниям традиционно предстают остроугольными, а дополнительные линии гребней по мысли художника должны придавать им форму пирамид. Это первые попытки нарушить плоскостность и моделировать трехмерный объём.

Орнаментальные композиции. На двери избы в Куйлю вырезаны три декоративных рисунка в виде розетки и растительного узора (рис. 4-4). Розетка с четырьмя лепестками, вписанная в ромбическую фигуру, - чрезвычайно характерный мотив древнетюркского орнамента. Именно такой тип орнамента на украшениях в форме золоченых бляшек существовал на Алтае более тысячи лет назад. Любовь древних тюрков к рисованию растений и узорочью воскрешается в этих небольших скромных рисунках.

Жанровые рисунки. Наиболее распространенным сюжетом у кучерлинских чабанов являются сцены охоты, Они представлены в аиле Куган (рис. 3-1). Кроме того, в избе в Тунгулюке в 1987 году нами обнаружено талантливое произведение искусства, вырезанное на столешнице (рис. 3-5). Это сложная многофигурная

композиция, исполненное большого символического смысла. В центре рисунка - мчащийся конь с развевающейся гривой. Его образ близок фольклорным представлениям о коне как о друге и помощнике богатыря, Здесь он является главным героем и явно воплощает в себе архетипический образ духа. Действительно, как пишет Юнг, архетип духа в образе животных возникает в зависимости от обстоятельств, в тех ситуациях, когда крайне необходимы благоразумие, понимание, добрый совет, решимость, замысел и т.п., которые, однако не могут быть порождены собственными силами. (Юнг К.Г., 1996, с. 92). Такую роль помощника в алтайском героическом эпосе, прежде всего, играет конь богатыря. Юнг отмечает: «Легенда приписывает лошади свойства, психологически присущие бессознательному человеку: лошади обладают даром ясновидения и сверхъестественно чуткого слуха; они играют роль проводника, выводящих заблудившегося на верную дорогу, они имеют дар прорицания» (Юнг К.Г., 1994. с. 278). Действительно, конь богатыря (а о последнем в композиции напоминает могучий нож) в алтайском эпосе обладает всеми этими качествами. Так и в этом рисунке конь сметает препятствия на пути, символически олицетворенные в фигуре волка.

Наверху изображены три белки. Три, как нечетное число, является мужским (Юнг К.Г., 1996, с 111) В правом нижнем углу вырезана жуткая личина; возможно, это Эрлик - властитель преисподней Надо полагать, это по его замыслу дух подвергается таким серьёзным испытаниям. Показательно, что самого богатыря здесь нет, есть лишь его неосознанное начало. Бешеная скачка без ясной цели на грани выживания - это ли не символ нашего времени?!

Тунгулюкская композиция исполнена на высоком художественном уровне. Строгий и выразительный рисунок коня покоряет своим динамизмом. Фигура хищника, данная в экспрессивном развороте дугообразно-изогнутого тела, живо напоминает персонажей из сцен терзания скифо-сибирского звериного стиля. И глубина памяти, и поразительное провидение соединились в этом замечательном произведении народного искусства,

Антропоморфные изображения (рис. 5). Ранее образ человека в наскальном искусстве встречался достаточно редко. Сейчас же в творчестве чабанов он появляется гораздо чаще, причем в широком смысловом диапазоне от образов божества и шамана до охотника и юмористического шаржа. И хотя антропоморфные персонажи предстают в довольно разнообразных ипостасях, подчас сугубо современных, в них, пожалуй, даже в большей степени, чем в изображениях животных, проявляются какие-то древние изобразительные элементы.

В аиле Балтырган обнаружено антропоморфное изображение, сплетенное из толстых крученых нитей (рис. 5-6). По внешнему виду это типичная фаллическая фигура, изображающая, по-видимому, шамана. Подобные персонажи нередко встречаются в наскальном искусстве, например, среди петроглифов Бийки (Окладникова Е.А., 1984, с. 66). Для придания фигуре характерной позы с расставленными ногами в плетение с оборотной стороны в качестве распорки вставлен кусочек спички. Объем головы образован большим узлом, настолько трепаным, что он превратился в комок твердой пакли. Шапка с перьями имитируется нитями, распушенными до мелких волосков. В аиле эта плетеная скульптурка подвешивалась на ниточке около стены и была рассчитана на фронтальный обзор, что как бы соответствует традиционным плоскостным изображениям на скале.

Большая личина из аила Чох-Чох, возможно, представляет какого-то духа (рис. 5-7). Рисунок построен на круговых линиях. В качестве далеких по времени прототипов, но близких по изобразительному решению можно указать на древние шаманские изображения, приводимые А.П.Окладниковым. Венчающие голову два направленных навстречу друг другу рога напоминают такие же, только более широкие рога у литого изображения из Восточной Сибири (Окладников А.П., 1948, рис.17).

Еще одна странная личина находится в аиле Куган (рис. 5-3). Это рисунок головы в виде незавершенного круга с двумя дугами на макушке в форме больших заячьих ушей. Вместо глаз, носа и рта три круга, как на широко распространенных трехчашечных личинах. Расходящиеся же дуги на голове можно опять-таки встретить на древнем шаманском изображении (Окладников А.П., 1948, рис.1).

В аиле Балтырган на восточной стене нарисовано погрудное изображение человека (рис. 5-4). Его облик напоминает древнетюркское каменное изваяние. В этом беглом рисунке немало общего с редким художественным документом начала века - карандашными зарисовками алтайца Санаша -проводника Г.И.Чорос-Гуркина в его экспедиции 1908 года вокруг Белухи. И хотя эти рисунки разделяет 80 лет, тем не менее в обоих случаях однотипно намечены глаза, рот, овал лица и шапочка на макушке (Иванов СВ., 1954, с. 639).

Шарж на человека, который пишет стихи, решен явно в гротескном духе (рис. 5-5). Абрис лица расширен до вогнутого четырехугольника, уши уподоблены ручкам от кружки. Нос, рот и зубы обрисованы в карикатурном плане. Глаза, как две частично затененные шальные луны окружены лучами вместо ресниц. Такой же лунный глаз излучает свет прямо в ухо. На голове вместо волос что-то вроде зубьев пилы или острого металлического венца. Кстати, такие же зубья венчают и шапку шаманов, изображаемых на бубнах (Иванов СВ., 1954, с. 646). И хотя образ доморощенного поэта должен вызывать улыбку, тем не менее, сама идея вслушивания в небесный глас выражена здесь очень непосредственно.

Еще одна гротескное изображение человека, грызущего кость, вырезано на дереве в Тунгулюке (рис. 5-7). Художнику явно не откажешь в чувстве юмора, но в то же время здесь, по-видимому, не только шарж, но еще и напоминание об известном в шаманской мистериальности персонаже -страшном существе нижнего мира - карь-ютпа или кер-тютпа (в переводе - живоглот). В те же 80-е годы карандашный рисунок керь-ютпы сделал народный художник Н.М.Чедоков (архив автора). Живоглот также предстает у него в образе антропоморфного кровожадного обжоры с огромным ртом и большими острыми зубами.

Итак, как следует из анализа рассмотренного материала, искусство алтайских чабанов непосредственно связано с актуализацией художественного наследия и традиций. Действительно, в общении с чабанами ощущается их стремление понять и осмыслить свою историю, духовные истоки, возродить исчезнувшие было ремесла, обычаи, уклад жизни, В поисках утраченной гармонии они вновь обращаются к традиционным культурным ценностям. В то же время нельзя не видеть, что столь упорно насаждаемая массовая культура также сказывается на формировании современного облика народного изобразительного искусства.

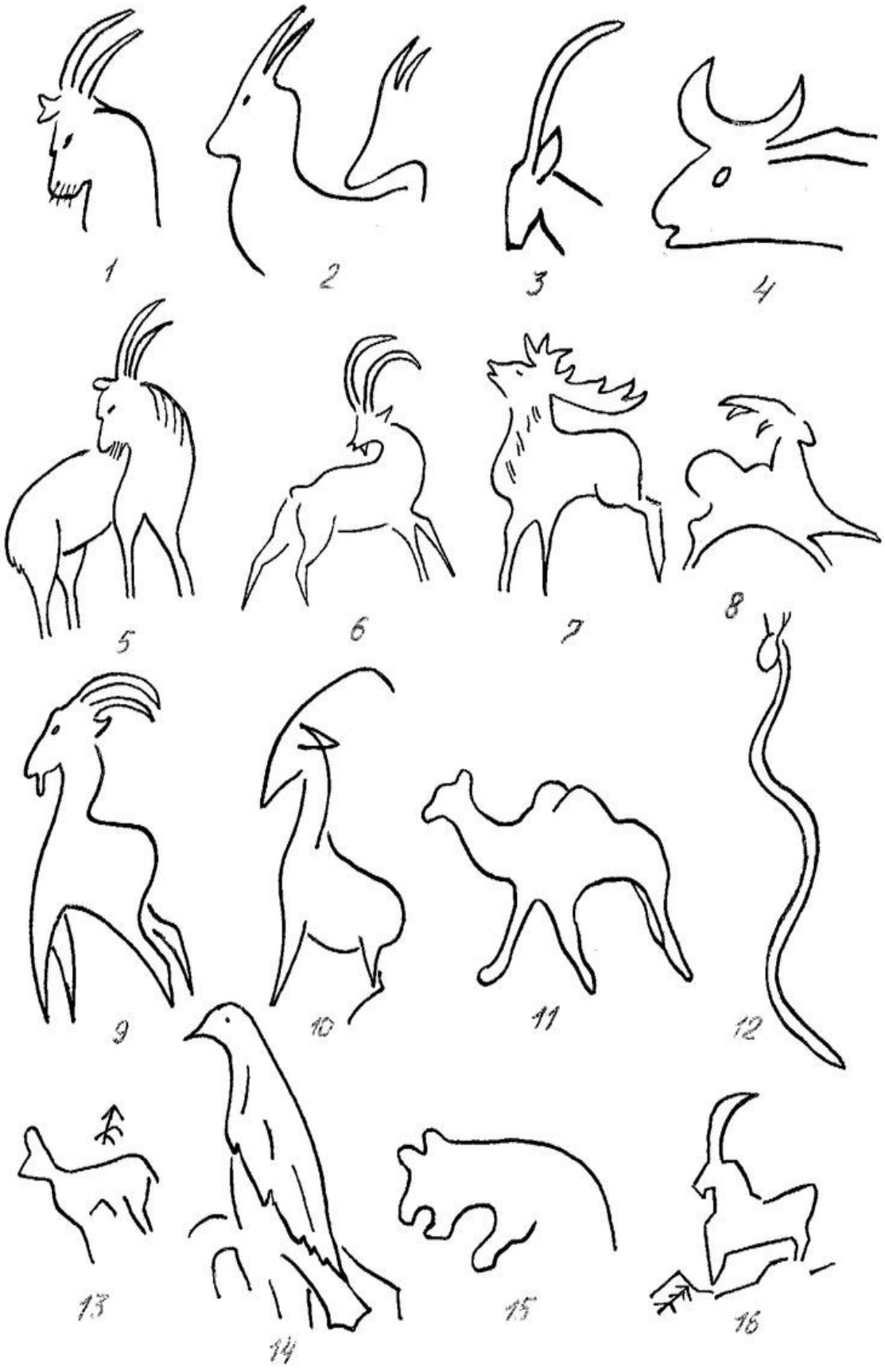


Рис. 1

Рис. 2

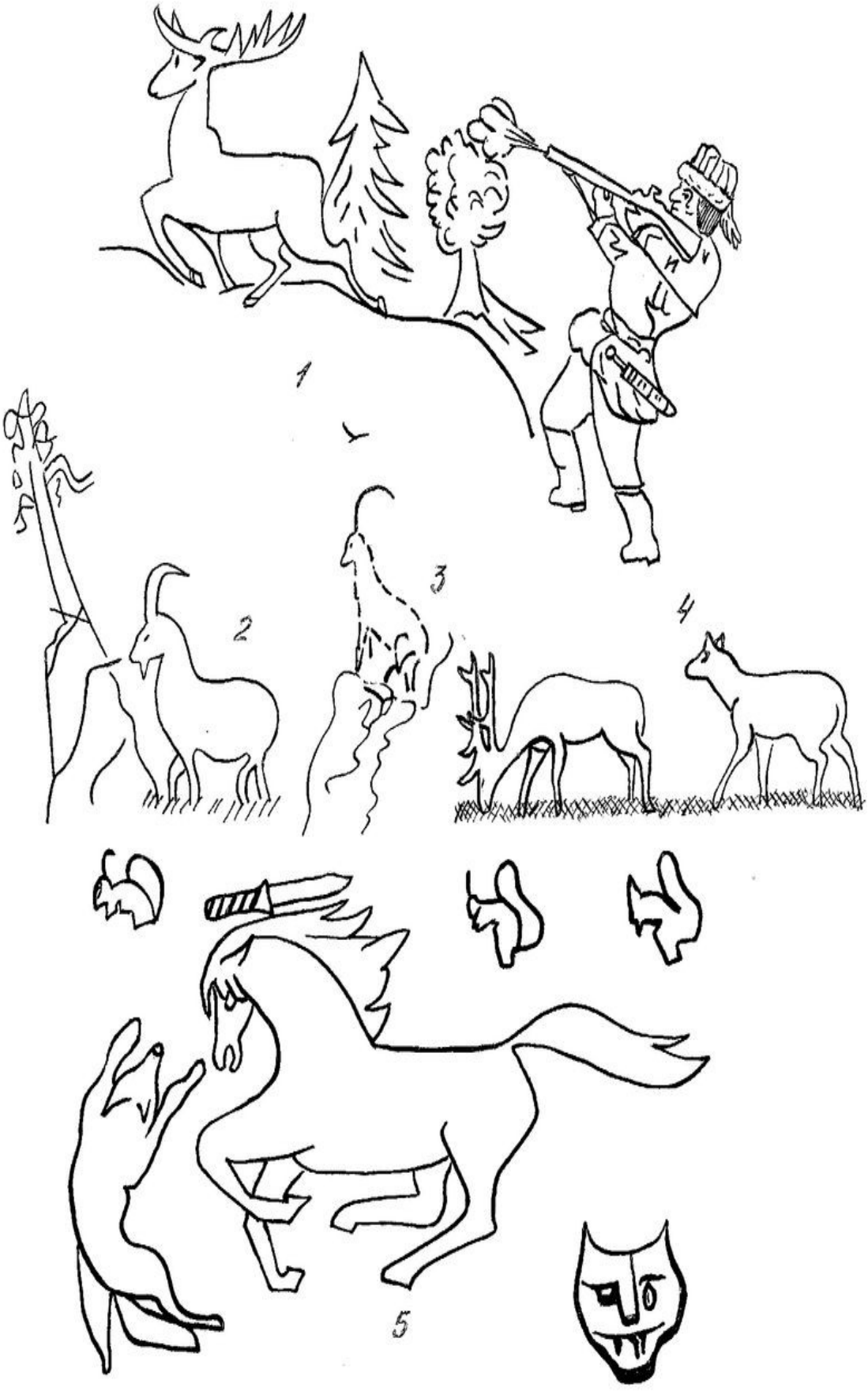


Рис. 3

Рис. 4

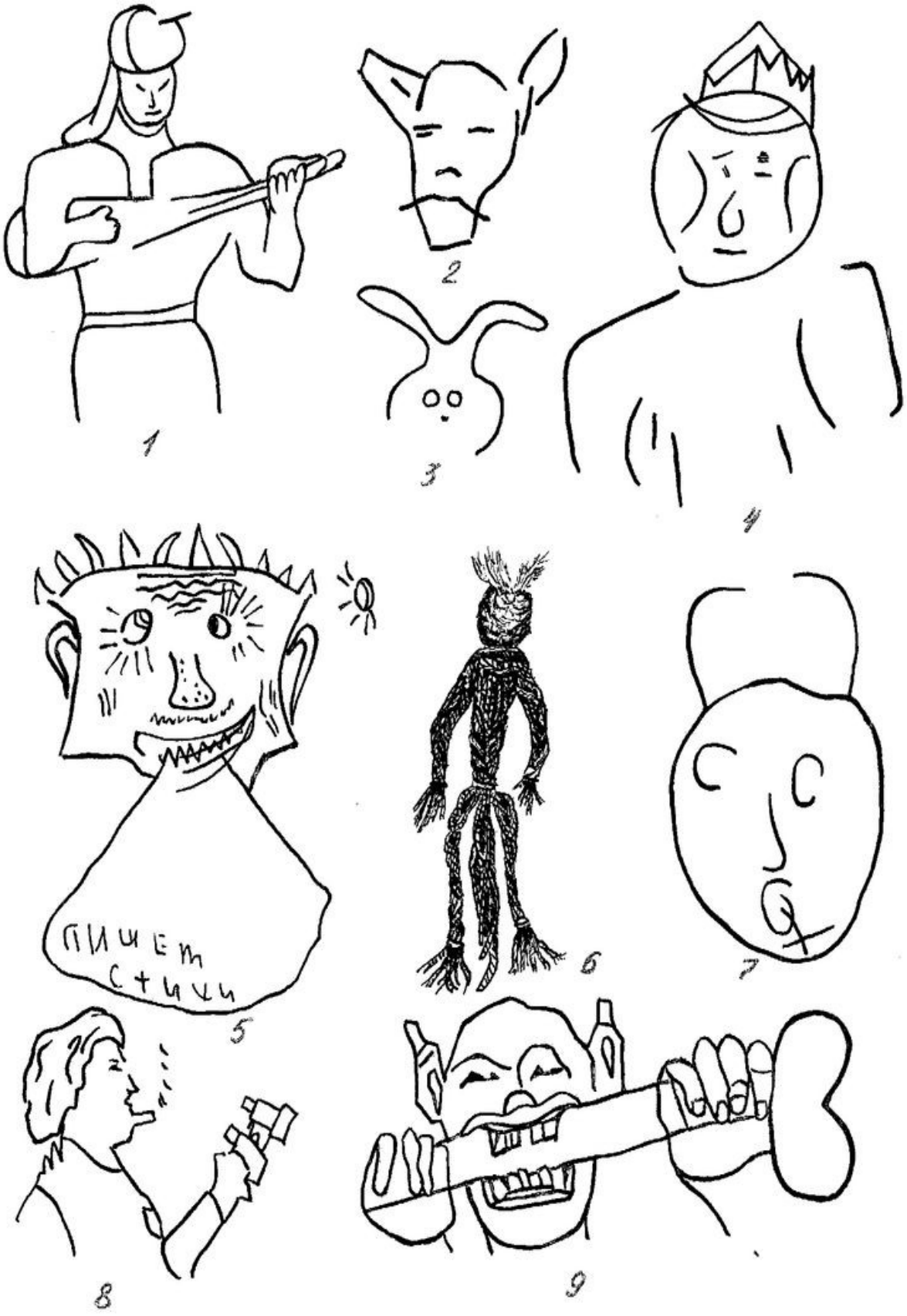


Рис. 5

Взлет искусства кучерлинских чабанов пришелся, как это ни покажется странным, на годы застоя. Тем не менее, обращение к традиционному, национальному, к самому творческому процессу в годы равнодушного, пренебрежительного отношения к человеку помогало обрести духовную стойкость, найти внутренние сипы противостоять прессингу административно-командной системы. Элемент некоторой противопоставленности, отстраненности, изолированности действительно присущ менталитету создателей рисунков. Характерно, что все произведения чабанов находятся в труднодоступных, отдаленных местах, где практически никого, кроме них самих не бывает. На вопросы случайного человека чабаны, чтобы не привлечь внимания, отвечают, что это просто «баловство» ребят. Понять их можно, так как слишком долго и воинственно феномены народного творчества объявлялись пережиточными и архаичными явлениями; в лучшем случае народное изобразительное искусство старались направить в русло, ориентированное на профессиональную живопись. Между тем именно в народном искусстве, являющемся самобытной частью культуры нации и народности, в наибольшей степени проявляется способность к сохранению преемственности в связях человека с природой и социальной средой (Некрасова М.А., 1983, с. 210).

Изучение рисунков кучерлинских чабанов приводит к выводу, что большая их часть создана в духе народных традиций, Тем не менее, есть корпус произведений, где авторы теряются в многословии и где ярче проступают черты самодеятельного искусства с его стремлением подражать профессиональному станковизму. Всё это свидетельствует, на наш взгляд, о сложных, неоднозначных явлениях в народном творчестве, отражающем процесс некоторой трансформации традиционных ценностей, интенсивное внедрение элементов городской культуры, разрушение былой информативной замкнутости. Будущее покажет, что из всех этих новшеств переработается и сохранится в сплаве традиций народного алтайского искусства.

Следует отметить, что за последние несколько лет в связи с ориентацией хозяйствования на рыночную экономику ситуация в жизни алтайских животноводов коренным образом изменилась. Поголовье скота уменьшилось раз в десять, и теперь кучерлинские чабаны уже не гоняют скот на прежние высокогорные пастбища. Разваливаются и растаскиваются стоявшие там аилы. Все это приводит к утрате исконных традиций и путей творчества.

Литература

1. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - начала XX в. Труды Института этнографии. Новая серия - М -Л. Изд-во АН СССР, 1954 - Т XXП. - 838 с.
2. Маточкин Е.Л. Традиционные образы в современном искусстве алтайских чабанов // Известия Сибирского Отделения Академии Наук СССР Серия истории, филологии и философии -1989.-Вып. 1 -С 68-71.
3. Маточкин Е.П. «Я здесь пишу рукой чабанской...» // Кан-Алтай, - 1999. - № 18- С. 6-7.
4. Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры. -М/. Изобразительное искусство, 1983 -344 с.
5. Окладников А.П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // Советская археология. - М.-Л. Изд-во АН СССР, 1948 -Т X. - С. 203-225.
6. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынинэ Э.А. Петроглифы Горного Алтая - Новосибирск. Наука, 1980. - 140 с.
7. Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катуни. - Новосибирск. Наука, 1984. - 111 с.
8. Юнг К.Г. Либидо, его метаморфозы и символы. - СПб : Восточно-Евопейский Институт Психоанализа, 1994. -416 с.
9. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. - М.: Наука, 1996 - 269 с.

Список иллюстраций к статье Маточкина Е.П.

Рис. 1. Контурные анималистические рисунки алтайских чабанов. 1970 - 1998 гг. Местонахождение: 1,5 - грот Куйлю, 2.13 - аил Мойнок; 3 - аил на Ороктое; 7,9,11,12 - аил в истоках Сухого Ороктоя; 4,8 - аил Куган, 6 -аил Шараш. 10 - аил Балтырган' 14 - изба в устье Сухого Ороктоя; 15,16 - аил Ералух. Материал, техника: 1,5 - камень, гравировка; 2,3,4,6 - дерево, карандаш, 7,8,11,12 - кора, уголь; 9 - кора, гравировка, 10 - сатин, краситель; 13-16 - дерево, резьба. Размеры 1,3,5,6-10, 13,16-0,5 натуральной величины, 2,4,14 - нат вел , 11- 0,3 нат вел., 12 - 0,2 нат вел

Рис. 2. Штриховые рисунки кучерлинских чабанов из аила в истоках Сухого Ороктоя. 1978 - 1980 гг Кора, уголь. Размеры 1 - 0,7 натуральной величины; 2 - нат вел., 3,4 - 0,5 нат. вел

Рис. 3 Анималистические образы с элементами пейзажа и жанровые рисунки кучерлинских чабанов, 1978 -1990 гг Местонахождение' 1,4 - аил Куган; 2 - аил Чох-Чох; 3 - аил Сойон-Чадыр; 5 - изба в Тунгу люке Материал, техника. 1,2 - дерево, карандаш; 3 - кора, гравировка: 4 - сланец, гравировка, 5 - дерево, резьба. Размеры 1-3 - 0,5 натуральной величины, 4 - 0,8 нат вел., 5 - 0,3 нат вел.

Рис. 4. Пейзажные и орнаментальные рисунки кучерлинских чабанов 1979 - 1989 гг. Местонахождение. 1,2-аил Куган; 3 - аил Балтырган, 4 - изба в Куйлю Материал, техника. 1 - дерево, тушь, 2,3 - дерево, карандаш, 4 - дерево, резьба Размеры 1-4 - 0,5 натуральной величины.

Рис. 5. Антропоморфные рисунки кучерлинских чабанов. 1978-1990 гг. Местонахождение: 1 - аил Мойнок, 2 - аил Ералух; 3,8 - аил Куган; 4, 6 - аил Баптырган, 5 - аил Шараш; 7 - аип Чох-Чох; 9 - изба в Тунгулюке. Материал, техника 1,3,4,5,8 - дерево, карандаш, 2 9 - дерево, резьба: 6 - нить, плетение; 7 - дерево, уголь. Размеры' 1-5,8 натуральная величина. 6 - 0,5 нат вел., 7,9 - 0,25 нат вел.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С,
(г. Новосибирск)

НЕМЕЦКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ АЛТАЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В XVIII-СЕРЕДИНЕ XIX ВВ.

В XVIII-XIX вв. значительный вклад в изучение и коллекционирование древностей Алтая внесли немецкие ученые, путешественники, администраторы, врачи, горные инженеры и мастера, находившиеся на службе в России. Многие из них проявляли интерес к истории и культуре народов Северной и Центральной Азии, к собиранию "куриозных вещей" Обнаруженные и описанные ими археологические памятники, собранные коллекции древних находок, карты, планы и рисунки представляют большой интерес для науки, поскольку многие уникальные памятники и находки не сохранились до настоящего времени.

Начало изучения сибирских древностей было связано с коллекционированием предметов из грабительских раскопок курганов бугровщиками в XVII-XV111 вв. Отдельные предметы из этих раскопок попадали в руки любознательных иностранцев, служивших а Сибири в XVII в. О том, что русские "часто выкапывают в Сибири из могильников то серебро, которое погребено там с покойниками", упоминает в своей книге о русской грамматике Г.В. Лудольф (Алексеев М.П., 1941, с.543).

Среди европейцев, интересовавшихся сибирскими древностями во второй половине XVII-начале XVIII вв., особая роль в их изучении принадлежала голландцу Н.К. Витзену. Им была собрана большая коллекция ювелирных украшений из раскопок бугровщиков в Сибири. Часть этих предметов происходит из памятников скифского и хунно-сарматского времени в степном Алтае и Верхнем Прииртышье. Они были присланы или подарены Н.К. Витзену разными людьми, в том числе европейцами, служившими в России. Находки из коллекции Н.К. Витзена были зарисованы и опубликованы в его капитальном труде о "северной и восточной Татарии" (Witsen N. MDCCLXXXY, таб.1-3,0). После ознакомления с коллекцией Н.К. Витзена во время пребывания в Нидерландах Петр I заинтересовался сибирскими древностями, что способствовало созданию в России первого музея - Кунсткамеры, изданию знаменитых указов о сдаче в казну "куриоэных вещей" и запрете грабительских раскопок. По инициативе Петра I в Сибирь была направлена первая научная экспедиция во главе с Д.Г. Мессершмидтом, одной из задач которой было изучение археологических памятников и собирание древних находок (Вадецкая Э.Б., 1973, с.95). В начале XVIII в. сибирский воевода М.П. Гагарин и горнозаводчик АН. Демидов преподнесли в дар Петру I и императрице Екатерине большое количество золотых вещей, "которые сыскивают в земле древних покпаж" (Завитухина М.П., 1977, с.41). Некоторые из вещей, составивших основу "Сибирской коллекции" Петра I происходят из разграбленных памятников Прииртышья и степного Алтая. Они находят точные аналогии коллекции Н.К. Витзена (Завитухина М.П., 1999, с.109-111). Именно бургомистр Амстердама порекомендовал российскому генералу, швейцарцу Ф Лефорту принять на российскую службу молодого голландского специалиста по фейерверкам Г.В. Де Генина, который в период своего пребывания на посту начальника уральских и сибирских горных заводов в 1722-1734 гг. собрал интересную коллекцию древностей и составил описание некоторых археологических памятников Верхнего Прииртышья (Де Геннин В., 1937, с.546-548).

В ходе военных экспедиций П. Ступина и И.М. Лихарева в 1716 и 1719 гг. вверх по Иртышу были осмотрены развалины джунгарских ламаистских монастырей, где были обнаружены тибетские рукописи. "Связку этих бумаг" смог купить у одного солдата в Тобольске член российского посольства в Китай, англичанин Д. Белл. Со слов бугровщика в г. Томске он описал захоронение в сводчатом склепе на "серебряной плите", находки из курганов, в том числе "вооруженного человека на коне, отлитого из желтой меди" (ЗиннерЭ.П., 1968, с.50-52). Судя поэтому описанию, Д. Белл ознакомился с находками бугровщиков из курганов культуры кимаков в верхнем Прииртышье и степном Алтае. В 1720 г. тибетские рукописи и коллекция бронзовых статуэток из Прииртышья была доставлена Петру I начальником военной экспедиции, посланной на поиски золота в г. Яркенд, майором И.М. Лихаревым (Княжецкая Е.А., 1989, с.21-32). Петр I проявил большой интерес к этим находкам и тибетским рукописям Сообщение о них было опубликовано во французской газете в 1721 г. В 1722 г. И.Д. Шумахер по распоряжению Петра I направил рисунки находок и рукописи ученым Германии и Франции. Немецкий ученый Б. Менке опубликовал страницу тибетской рукописи, благодаря чему она была сохранена для науки. Рисунки статуэток были описаны И.Д. Шумахером и опубликованы Б. Монфоконом (Княжецкая Е.А., 1989, с.28-29). Как отметил позднее А.А. Формозов, это была первая публикация русских археологических коллекций (Фомозов А.А., 1986, с.29).

После смерти Петра I аблайкитские находки были переданы в Кунсткамеру, где были зарисованы художниками рисовальной палаты Ф. Беренсом, Ф. Маттарнови, Г. Качаловым, И. Соколовым. Эти предметы погибли во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. К их анализу неоднократно обращались исследователи в XVIII - XX вв. И.В. Бакмейстер, А. Грюгведель, Я.И. Смирнов, Т.К. Шафрановская, В.П. Даркевич, О.Я. Неверов, А.А. Формозов, Е.А. Княжецкая, А.П. Терентьев-Катанский, А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 1997, с,129-130). Вероятно, эта коллекция портативных бронзовых статуэток не является результатом грабежа бугровщиков курганов в окрестностях джунгарского ламаистского монастыря Аблай-кит, как полагали многие исследователи, а собиралась в течение длительного времени в различных районах Сибири кем-то из иностранных, "приезжих офицеров", побывавших в Прииртышье в начале XVIII в. (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С, 1997, с 132).

Строительство крепостей в предгорьях Алтая и на Иртыше способствовало присоединению этих районов к России и освоению их русским населением. Важное значение для изучения древностей имело развитие горнорудной промышленности и строительство в 1727-1728 гг. заводчиком А.Н. Демидовым Колывано-Воскресенского медеплавильного завода (Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера, 1996, с. 26) Как отметил в своих путевых описаниях Г.Ф. Миллер, посетивший вместе с И.Г. Гмелиным этот район в 1734 г., "в этих горах в очень многих местах открыты следы больших ям и старых шурфов, из чего явствует, что прежние здешние жители также не забывали искать металлы..." (Сибирь..., 1996. с.17).

В поисках перспективных месторождений по следам древних "чудских копей" принимали участие и

иностранные "рудодельные и рудоплавильные мастера".

По данным А.В. Контева, первым немецким специалистом, побывавшем на Алтае с целью проверки сведений о медных месторождениях в "Алейских горах" в 1721 г. был бергаур Иоганн Пауль Прифцен, приехавший в Россию из Саксонии в 1699 г. В дальнейшем он принял участие в посольстве И. Унковского в Джунгарию (Конев А.В., 1997, с.25-26). Активно привлекал иностранных специалистов генерал-лейтенант Г.В. Де Геннин. В его книге упоминаются специалисты различных металлургических специальностей из Саксонии, Брачденбурга, Ганновера, Голландии, Швеции: бергсоветник Михаэлис, бергмастер И. Блиэр, капитан Берглин, мастера Т. Меллер, Г. Генель, Циммерман, Ваплер, Штифт, Барент, братья Кайзер, врач И. Спринцель (Де Геннин В., 1937, с.79-81). В 1727 г. он направил на Алтай, по просьбе А.Н. Демидова, бергешворена Н. Клеопина и берггаура Г. Келлера (Контев А.В., 1997, с.26-27). Оборудование для заводов, инструменты и специализация мастеров были заимствованы из Саксонии. Для управления заводами было создано специальное учреждение - Сибирский обербергамт За годы работы на Урале и в Сибири Г.В. Де Геннин способствовал развитию горнометаллургического производства, строил новые заводы, крепости, открывал школы. Однако, он занимался не только организацией металлургического и оружейного производства, но и научной деятельностью, подготовил рукопись книги от уральских и сибирских заводах. Г.В. Де Геннин серьезно интересовался сибирскими древностями еще проживая в Голландии, поскольку был знаком со знаменитым ученым и коллекционером Н.К. Витзеном. Г.В. Де Геннин составил описание памятников древности, собрал, описал и зарисовал большую коллекцию "куриозных вещей". Большая часть собранных им находок происходит из раскопок бугровщиков в степном Алтае и Прииртышье, из памятников скифского и древнетюркского времени, и ламаистских монастырей XVII в. (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С, 1998, с 171). Возможно, он во главе военного отряда сам раскапывал курганы в Прииртышье. В своей книге, подготовленной в 1735 г. Г.В. Де Геннин, в разделе о "старинных рудных копях", описал развалины джунгарских монастырей, рукописи с надписями на "тангутском" языке, скульптуры идолов, курганы с погребениями людей и лошадей. Особое внимание его привлекла могила с погребением в золотой фольге под названием "Пудовик" (Де Геннин В., 1937, с,627-628). Материалы из прииртышской коллекции были описаны П.Г. Демидовым, прокомментированы И.Р. Форстером и опубликованы в Великобритании в 1773 г. Отдельные выдержки из его книги опубликовал И. Шлаттер в начале XIX в. Впервые книга Г.В. Де Геннина была опубликована в 1937 г. Рисунки находок из его коллекции были специально рассмотрены в работах Е.Н. Дмитриевой В.П. Левашовой, А.А. Формозова, А.Ю. Борисенко, Ю.С Худякова (Дмитриева Е.Н., Левашова В.П., 1965, с.225-238; Формозов А.А., 1986, с.24-25, 127, БорисенкоА.Ю., Худяков Ю.С, 1998, с.170-173).

В 1734 г. по территории степного Алтая и верхнего Прииртышья прошел маршрут экспедиции Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина Исследователи посетили развалины ойратских монастырей Семи палат, Аблайкита и других памятников XVII в. на Иртыше, курганы и могилы, древние копи. Г.Ф. Миллер и художник И.В. Люрсениус раскопали несколько погребений, чтобы выяснить "внутреннее их состояние" (Демин М.А., 1989, с.22) Г.Ф. Миллер собрал большую коллекцию древних вещей из раскопок бугровщиков между Обью и Иртышом, которые были зарисованы И.В. Люрсениусом (Миллер Г.Ф., 1937, рис. 21-24), Среди них серьги, бляшки, накладки, подвески, зажимы для кистей, относящиеся к скифскому времени и культуре кимаков, скульптурное изображение будды на троне. Г.Ф. Миллер описал в специальных статьях увиденные памятники и некоторые находки. Согласно его наблюдениям самые богатые могилы находятся между Иртышом и Обью. Результаты раскопок могил у Ямышевской, Семипалатной и Устькаменогорской крепостей по его оценке состояли "токмо в малых и худых железных вещах, кои так перержавели, что едва узнать было можно, к чему они служили" (Миллер Г.Ф., 1937, с. 524) Некоторые наблюдения о древних горных выработках и укреплениях в окрестностях разрабатываемых месторождений металлических руд на Колывано-Воскресенском медном заводе принадлежат И.Г. Гмелину (Демин М.А., 1989, с.23). В своей книге он описал посещение "нашими людьми" - участниками экспедиции - Аблай-кита, сохранившиеся и разрушенные постройки, статуи ламаистских божеств. Участники экспедиции получили "множество тангутских и тибетских рукописей, разнообразных по форме и оформлению, исписанных различными письменами" (Гмелин И.Г., 1994, с. 141),Этих рукописей было так много, что "ими можно нагрузить еще около 20 подвод". И.Г. Гмелину было известно, что "Аблай-кит есть не что иное, как языческий храм калмыцкого хана Аблая из племени Хошот", правившего в середине XVII в. (Гмелин И.Г., 1994, с.142).Он упоминает о том, что Г.Ф. Миллер "отправился на кое-какие еще не открытые местные могильники. Ему хотелось видеть их внутренне состояние, и он нашел его следующим: покойник лежал голый в земле, с головой, обращенной на восток Все его уцелевшие кости были в натуральном положении, но совершенно трухлявые. Кроме этих костей он обнаружил там между ними несколько ржавых кусочков железа, первоначальное назначение которых установить было невозможно, так как они сильно пострадали от ржавчины. Могильная яма была сплошь выстлана галькой, словно там было русло речки или реки" (Гмелин И.Г., 1994, с.144).

Во время посещения горы Пихтовой, участники остановились у "штейгера, одного немца" и осмотрели шурфы, сделанные "в незапамятные времена" древними жителями. "Кто были эти древние жители, не так-то легко можно сказать. Это не могли быть калмыки, которые и по сегодняшний день не умеют даже толком плавить руду". Помимо горы Пихтовой, И.Т. Гмелин упоминает еще две горы, одна из которых называется Гольцовой. На этих горах "также имеется несколько шурфов". Вершина первой горы "окружена каменной стеной" (Гмелин И.Г., 1994, с.147).

Древние рудники упомянуты им и в окрестностях озера Белого и Воскресенских гор, где находился первый металлургический завод А.Н. Демидова (Гмелин И.Г., 1994, с.149).

В 1730-е гг., когда по Алтаю путешествовала экспедиция Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина, на Колывано-Воскресенском заводе работал иностранный мастер "пробирщик" Гиллигер. При определении состава медной руды ему удалось впервые выделить серебро. Однако ему не поверили, посчитав, что он добавил в руду в ходе плавки "могильное чудское серебро или серебряные копеечки" (Контев А.В., 1997, с.27). В 1740-х гг. на Колывано-Воскресенских заводах работали и другие иностранные специалисты Ф. Трейгер, И. Юнгханс, И.С. Христиани, И.Г. Шмидт из Саксонии и Венгрии. После того, как Ф. Трейгером в руде было выявлено золото, и сведения об этом дошли до императрицы Елизаветы I, на заводы была направлена комиссия во главе с А.Б. Беэром и И.Г.

Улихом, и предприятия были переданы в казну (Контев А.В., 1995, с.48; Контев А.В., 1997, с.27-35). В 1745 г. бригадир А.Б. Беэр направип 120 рудоискателей с Колывано-Воскресенских заводов на р. Чулышман для поиска рудных месторождений Они попытались раскапывать "бугры" - древние курганы. Однако осуществить этот замысел не удалось, так как этому активно сопротивлялось местное алтайское население (Демин М.А., 1989, с.16).

С переводом заводов Колывано-Воскресенского горного округа в государственное управление, поиск древних горных выработок стал государственным делом. "Чудские копи" служили надежным ориентиром для открытия и разработки новых месторождений. Указания на необходимость их поиска содержатся в приложении к сенатскому указу 1756 г. (Демин М.А., 1989, с.15). О необходимости поиска "чудских копей" для сокращения издержек в обнаружении и разработке новых месторождений писал в своем труде генерал Г. Веймарн (Веймарн Г., 1766, с.61). Он полагал, что "чудские копи" принадлежат не калмыкам или казахам, а древним "трудолюбивейшим и искуснейшим народам". Согласно изысканиям М.Ф. Розена на территории Рудного Алтая известно около 100 древних горных выработок, "чудских копей" (Розен М.Ф., 1983 с.29).

В связи с "превеликим уроном", который понесла Кунсткамера во время пожара 1747 г., когда в огне погибли многие ценные экспонаты, императорскому кабинету потребовалось восполнить это собрание новыми "антиквитетами и куриозными вещами". По сведениям И.В. Бакмейстера "первое приобретение" состояло "в собрании золотых, серебряных и медных могильных сибирских древностей", которые были переданы в Кунсткамеру Г.Ф. Миллером (Бакмейтсер И., 1779, с.128). О передаче археологических находок из своей коллекции в Кунсткамеру пишет и сам Г.Ф. Миллер (Миллер Т.Ф., 1937, с.522). Некоторые предметы из его коллекции: бронзовые навершия со скульптурами оленей и горных козлов, относящиеся к тага рекой культуре; железные удила и стремена, относящиеся к кыргызской культуре; бронзовый водолей в виде дракона и рыцаря-драконоборца, изготовленный в Лотарингии в XII-XIII вв., сохранились до настоящего времени (Завитухина М.П., 1978, с.37-40; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С, 1999, с.42-43).

В 1754 г. в Кунсткамеру было прислано "множество китайских и татарских диковинок" от наследников вице-губернатора Иркутска, бывшего члена нескольких посольских миссий в Китай, уроженца шведской столицы Стокгольма Лоренца Ланге (Бакмейстер И., 1779, с.128).

В 1761 г. Императорский Кабинет направил распоряжение в канцелярию Колывано-Воскресенского горного округа распоряжение о сборе и доставке в г. Санкт-Петербург куриозных вещей, предметов древности и геологических окаменелостей (Демин М.А., 1989, с.15). В распоряжении 1772 г. говорилось о сборе "любопытства достойных вещей и редкостей", в том числе обращалось внимание на "находимые иногда в земле при разных случаях прежних здешних мест обитателей монеты, оружие, идолы, различные орудия и тому подобные древности", причем для присланных находок нужно было оформить каталог с кратким описанием (Демин М.А., 1989, с,16). В 1763 г. в канцелярию горного округа поступил запрос о местонахождениях и образцах руд, составленный М.В. Ломоносовым с целью подготовки труда по российской минералогии, с одобрительной резолюцией императрицы Екатерины II (Демин М.А., 1989, с.20; Сергеев А.Д., 1999, с. 46).

Подготовка ответа была поручена уроженцу Саксонии, бывшему лютеранскому пастору и учителю Латинской школы горного округа, занимавшему в этот период должность управляющего Змеиногорским рудником, обербергмейстеру И.Б. Леубе (Сергеев А.Д., 1999, с.48). Им был подготовлен обстоятельный рапорт, в котором он кратко охарактеризовал чудские копи. И.Б. Леубе выделяет среди следов производства древних народов; шурфы и шахты от 3 до 4 саженей, медные, литые инструменты, отвалы и засыпи, останавливается на том, "каким образом сей народ" выплавлял из руд металл. Согласно его наблюдениям вокруг Змеевсего рудника "редкая гора находится, в которой бы они труда не приложили и в разных местах знатные работы производили" (СпбОА РАН, л. 3-4). О чудских копях на р. Большой Убе сообщил в своем рапорте рудоискатель Ф. Риддер (СпбОА РАН, л.7). Богатые залежи полиметаллических руд были обнаружены им на месте "старых чудских разработок" (Очерки истории Рудного Алтая, 1970, с.3О). Впоследствии его именем был назван открытый на этом месте рудник и город в Рудном Алтае.

Рукописные рапорты И.Б. Леубе и Ф. Риддера на русском языке хранятся в фонде Б.Ф. И Германа в Архиве РАН в г. Санкт-Петербурге.

В 1771 г. Алтайский горный округ посетил руководитель одной из физических экспедиций Академии Наук П.С. Паллас. Помимо разнообразных естественнонаучных исследований он занимался изучением древних памятников, культуры и языков народов Северной и Центральной Азии. Он побывал в Прииртышье в окрестностях Аблай-кита (Княжецкая Е.А., 1989, с.258-260). П.С. Палласом была собрана и опубликована большая коллекция ламаистской культовой пластики (Pallas P.S., 1773, s. 540-554; Pallas P.S., 1776-1801, tab). VIII-IX). Он составил их подробное описание. П.С. Паллас осмотрел многие памятники древности: курганы и могилы, каменные изваяния, наскальные рисунки, В Минусинской котловине им были проведены раскопки отдельных памятников (Паллас П.С, 1786, с.506). На основании сведений предшественников, расспросов бугровщиков и собственных наблюдений П.С. Паллас предложил свою собственную классификацию древних могил Южной Сибири. Ориентируясь на степень сохранности железных и бронзовых предметов, он предложил, что первые древнее последних Носители культуры бронзы, по его мнению, древний "рачительный народ" переселился из Сибири в Европу вплоть до Венгрии. Особое внимание П.С. Палласа привлекли "старинные рудные копи". Он довольно подробно описал древние карьеры, шахты, штольни, траншеи, разведочные шурфы и отвалы, упомянул о находке погребения в шахте древнего рудокопа, высказал свои соображения о плавке металлов из руды, о сходстве древних чудских копей в Сибири и Венгрии (Паллас П.С., 1780, с.312-337). Эти памятники от относил к "чуди", а не к татарам и монголам. В работах М.Ф, Розена и М.А. Демина подчеркнуто большое значение трудов П.С. Палласа в изучении древнего горного дела на Алтае (Розен М.Ф., 1983, с.20-22; Демин М.А., 1989, с.25-29).

В том же 1771 г. путешествовал по Сибири другой отряд академической экспедиции во главе с И.П Фальком. Иоганн Петер Фальк родился в 1725 г. в Шведской Вестготландии в семье проповедника Он учился медицине в Упсале. Путешествие И.П. Фалька по России началось в 5 сентября 1768 г. В экспедиции у И.Л. Фалька началось психическое расстройство, его преследовала мысль о ненужности его работы. Поэтому ему на

помощь был послан И.Г. Георги. Кроме того, конференция поставила вопрос об отзыве И.П. Фалька и расформировании его отряда. Часть его отряда предполагалось отправить в отряд П.С. Палпаса, а часть - в новый подотряд И.Г. Георги (Гнучева В.Ф., 1940, с.106). Несмотря на свое болезненное состояние И.П. Фальк проводил свои экспедиционные исследования до 1774 г. Однако болезнь, прогрессируя, довела И.П. Фалька до самоубийства, он застрелился в Казани 31 марта 1774 г. И.П. Фальк проявил определенный интерес к памятникам древности. Осматривая курганы, он часто отмечал следы грабительских раскопок в Приобье, на Оми, по притокам Иртыша. Он раскопал несколько курганов в Барабе. И.П. Фальк отметил, что термином "чудь" именуются все древние жители Сибири. Судя по находкам в курганах и отсутствию поселений, И.П. Фальк предположил, что "чудь" была кочующим народом, вероятно, это были монголы, "славившиеся своею мудростью и постановлениями, и удалившиеся в Зюнгорию (Джунгарию)" из мест прежнего обитания в "Колыванской стране" (Рудном Алтае) (Фальк И.П., 1824, с.446). От отметил, что "во многих местах находятся их шурфы и шахты, глубиною в 4 сажени; плотничные заделки, и кучи окалин и промывального сору". По мнению И.П. Фалька, древние рудокопы не знали железа, или не умели его "плавить", мало обрабатывали медь, поскольку на р. Алей мало следов плавления меди. Они были "худые рудокопы" и еще "гораздо худшие плавильщики", поскольку руду брали с поверхности земли и нигде не копали глубоко, умели промывать только "крупные самородные металлические зерна". Руду добывали медными долотами или клиньями, а вместо колотушек и молотков использовали "твердые каменья". Находки медных долот в период его путешествия хранились в Барнаульской канцелярии Алтайского горного округа (Фальк И.П., 1824, с.447).

В изданной в Берлине книге И.П. Фалька имеются таблицы рисунков Томской писаницы, минусинских каменных изваяний и необычной постройки, напоминающей башню или колонну (Falk I.P., 1794, tabl. II, III, IV). Возможно, это буддийская ступа. В трудах Д. Белла и Г.Ф. Миллера упоминается "Калбазинская башня", стоявшая на западном берегу Иртыша ниже развалин монастыря Дархан-Зорджин-Кит или Семи палат (Кызласов Л.Р., 1993, с.104). Эти рисунки очень схематичны и примитивны, искажающие пропорции оригинала. Как отметил М.П. Грязнов, они сделаны не И.П. Фальком, а геодезистом И. Шишковым (Грязнов М.П., 1952, с.148).

Из-за преждевременной смерти И.П. Фалька, его экспедиционные материалы были переданы в Академию Наук. Ими занимался сначала Э.Г. Лаксман, потом - И.Г. Георги (Лагус В., 1880, с.103-105). Обработка их была затруднительна, т.к. записи И.П. Фалька были сделаны на отдельных листках карандашом И.Г Георги какое-то время путешествовал по Сибири с И.П. Фальком, а затем с П.С. Палласом и опубликовал этнографические описания многих народов Сибири (Георги И.Г., 1776-1777). Материалы физических экспедиций П.С. Палласа и И.П. Фалька хранятся в архиве Академии Наук (СпбОА РАН, Ф.3, 140). Часть из них была собрана для журнала "Российская библиотека", который в 1772-1779 гг. издавал Г.Л.Х Бакмейстер (Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwartige Zustandes der Literatur in Russland). В 1779 г. И.В. Бакмейстер опубликовал книгу, в которой рассказал об истории формирования коллекций императорской Кунсткамеры и библиотеки. В частности, указано, что в библиотеке хранятся тангутские и монгольские рукописи из Аблай-кита, привезенные в 1720 г., а затем Г.Ф. Миллером и П.С. Палласом пересказана история их "перевода" братьями Фурмой (Бакмейстер И., 1779, с.87-92). Кратко описаны находки из древних памятников, причисляемых "к великим богатствам татар, сего победоносного и обладавшего некогда Сибирию народа", в том числе сосуды, украшения, воинские знаки, латы, изображения животных (Бакмейстер И., 1779, с.180). И. Бакмейстер был склонен приписать изготовление этих вещей "иностранным художникам", таким как "парижский золотых дел мастер" Вильгельм Бушер, с которым встречался в монгольской столице Каракоруме в 1253 г. В. Рубрук (Бакмейстер И., 1779, с.181).

В 1780-1788 гг. по Алтаю путешествовал обербергмейстер горного округа И.М. Ренованц. Иван Михайлович Ренованц (Hans-Micael Renovanz) родился в Дрездене 21 июля 1744 г. в семье купца "саксонской нации" Образование получил в Фрейбергском Горном Училище и в Саксонской Горной Академии. В 1772 г. прибыл в Россию и в июне того же года был определен на должность обер-берг-пробирера при Лаборатории Берг-Коллегии, в которой был утвержден в 1773 г. В 1774 г, И.М. Ренованц был назначен учителем физики, маркшейдерского искусства и минералогии в только что учрежденном Горном Училище, в июле 1776 г. был произведен в обер-гиттен-фервальтеры, а 8 июля 1779 г. был отправлен в командировку на Колывано-Воскресенские заводы. Перед отъездом он предложил Академии Наук свои услуги по ведению в Барнауле метеорологических наблюдений, чем Академия и воспользовалась, снабдив его необходимыми инструментами. После возвращения в Санкт-Петербург перешел в ведомство Кабинета и был вновь отправлен на эти заводы в качестве управляющего, где служил до 1785 г. Тогда он был вызван в Санкт-Петербург и назначен инспектором Горного Училища. В 1786 г, произведен в обер-бергмейстеры, а в 1788 г., незадолго до смерти, - в обер-гауптманы. 12 октября 1779 г был избран член-корреспондентом Академии Наук. И.М. Ренованц умер 28 августа 1798 г. в Санкт-Петербурге. За время своей работы в Сибири он собрал большую коллекцию минералов, проданную Кабинету при создании Горного Училища. В своей книге он упомянул о захоронении в древней шахте рудокопа с кожаной сумкой и орудиями для добывания руды (Ренованц И.М., 1792).

В 1792 г. по Алтаю путешествовал И.Э. Сивере - ученый аптекарь, член императорской Академии Наук и вольно-экономического общества в Санкт-Петербурге. Он побывал **в** горном округе, совершил поездку по Иртышу и Бухтарме. И.Э. Сивере интересовался древностями, проводил раскопки. Его книга была издана после его смерти (1795) в 1796 г. П.С. Палласом (sivers J.E., 1796).

В 1794 г. Г.Ф. Шторх опубликовал книгу, в которой кратко описал Академию Наук и Кунсткамеру, упомянул о коллекциях, привезенных из Сибири Д.Г. Мессершмидтом и о золотых изделиях из "могил татар" в Сибири (Storch H., 1794; Шафрановская Т.К., 1994, с.264-265),

О "чудских копях" упоминал в своих трудах и Б.Ф.И. (Иван Филиппович) Герман (Franz-Johann von Hermann)- уроженец Австрии, академик, минеролог, совершивший в 1783-1796 гг. путешествия по Сибири (Herman F , 1801). И.Ф. Герман родился 14 (15) марта 1755 г. в Мариенгофе, в Штирии. Первоначальное образование получил в городской школе в Мурау, откуда перешел в монастырскую (доминиканскую) школу во Фризах. По окончании курса был отправлен для ознакомления с соляной промышленностью в Аусзее. Посещал университет в Граце, изучал языки в Мурау, где посещал окрестные сталелитейные заводы, чем положил начало

своим познаниям в металлургии. В 1777 г. он был переведен в Вену. В 1781 г. для дальнейшего образования был отправлен в Германию, Италию, Венгрию, а после них добрался до России, где 14 января 1782 г. стал член-корреспондентом Академии Наук В 1783 г был послан Екатериной II для устройства сталелитейных заводов на Урале, был назначен директором Пышминского сталелитейного завода около Екатеринбурга. С 1785 г И.Ф. Герман объехал все Уральские и Сибирские и особенно Колывано-Воскресенские рудники. 18 сентября 1786 г. был избран почетным членом Академии Наук. С 1801 г. он стал опять начальником екатеринбургских заводов до 1805 г. Он считал древние чудские горные выработки самыми древними, поскольку о них нет упоминаний в истории (Герман И., 1797-1801). В его архиве сохранились рукописные рапорты И.Б. Леубе и Ф. Риддера. в которых упоминаются чудские копи в окрестностях Змеиногорска и на р. Большой Убе.

В 1804 г. на территории Горного Алтая работала рудно-поисковая партия во главе с маркшейдером И Шлатером, отметившая на петрографической карте ломимо рудных месторождений, древнее городище с валами, рвами, курганы, "древние чудские копи" (Демин М.А., 1989, с.35-36).

В 1823 г. в Барнауле врачом, натуралистом, член-корреспондентом Академии Наук Ф.В. Геблером был основан, при содействии начальника горного округа П.К. Фролова, первый в Сибири музей. Ф.В. Геблер составил и опубликовал первое сообщение о коллекциях музея, в котором были экспонаты "натуральной истории", этнографии и модели машин. В этнографическом разделе были представлены "посуда, украшения металлические и глиняные, найденные в чудских гробницах древнейших обитателей Сибири" Геблер Ф., 1993, с.30).

В 1826 г. на Алтае работала экспедиция профессоров, ботаников из Дерптского университета, К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге и К.А. Мейера. К.Ф. Ледебур и его сотрудники интересовались древностями и культурой коренных насельников Алтая. К.Ф. Ледебур описал и раскопал несколько "чудских могил" на р. Чарыш. В одном кургане оказалось парное впускное захоронение, а в могильной яме погребение ребенка с конем древнетюркского времени. Остальные 4 раскопанные могилы были разграблены (Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А., 1993, с.98-99). Он кратко охарактеризовал экспозицию Барнаульского музея, в которой упомянул "древности из чудских могил, частью сделанные из серебра, частью из меди". Особенно заинтересовал К.Ф. Ледебура "сфинкс, изваянный из камня", потому, что "этот памятник был найден в чудской могиле" (Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А., 1993, с. 148). Каменная скульптуоа барана относится к древнетюркскому поминальному комплексу. Она сохранилась в музее до настоящего времени К.Ф. Ледебур упомянул "несколько каменных плит с чудских могил, украшенных рельефными изображениями человеческих фигур" - каменные изваяния древних тюрок. Он осмотрел также частное собрание ПК Фролова, в котором были "древности из чудских и киргизских могил, как-то серебряные сосуды, фигуры в барельефах на серебряных пластинах" и "сделанные из серебра человеческие фигуры К.А. Мейер посетил и кратко описал развалины Албай-кити и "чудские" могилы вокруг него (Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А., 1993, с.149).

В 1829 г. по Алтаю и Сибири путешествовал знаменитый немецкий ученый и путешественник А. фон Гумбольдт, в сопровождении Х. Эренберга и Г. Розе. Они посетили музей, осмотрели экспозицию, в том числе находки из чудских могил (Падалкина О.В., 1993, с.9). Путешественники побывали на Зыряновском и Риддерском рудниках, на Бухтарме и озере Зайсан (Очерки..., 1970, с.75) В своем труде, написанном после путешествия, А. фон Гумбольдт коснулся и вопросов древней истории. Он считал, что а древности на Алтае обитали аримаспы и "стерегущие золото грифы", о которых упоминается в "Истории" Геродота. Из алтайских и уральских рудников получали золото европейские скифы (Гумбольдт А., 1837. с.7-8; Гкмбольдт А., 1915, с.190-194), Судя по сохранившейся описи Барнаульского музея 1836 г., в нем экспонировались следующие "чудские вещи из курганов", которые могли видеть К.Ф. Ледебур, А. фон Гумбольдт и их спутники: "девять старинных шпаг разных видов, конец медного копья, две чугунные посуды, две глиняные посуды, изображения трех человеческих фигур на камнях, изображение каменного барана на камне" (Гришаев В.Ф., 1993, с.38).

Согласно этому описанию, в начале XIX в. в музее было выставлено бронзовое копье, вероятно, бронзового века; каменные изваяния людей и барана древнетюркского времени: железные клинки и чугунные котлы эпохи средневековья; керамические сосуды.

В 1840-1843 гг. по Алтаю и Джунгарии путешествовал ботаник А.И. Шренк. Он интересовался древностями, в том числе "чудскими копями", собрал коллекцию древних вещей, среди которых бронзовые и железные наконечники стрел, топор, бронзовый наконечник копья, предметы конской сбруи, серебряная пластинка с рельефным орнаментом, происходят из "чудских могил" из различных районов Алтая (Демин М.А., 1989, с.52).

В те же годы горный инженер А.Б. Остермайер раскопал на Мельничной горе под Змеиногорском два захоронения в каменных ящиках с бронзовыми наконечниками стрел, ножом и украшениями сбрую (Демин М.А., 1989, с.36). Вероятно, эти могилы должны относиться к скифскому времени.

В 1846 г. А. Бальзер опубликовал обзор сведений о "чудских копях", в котором дал высокую оценку трудам Б.Ф.И. Германа и Г.В. Де Геннина, попытался сопоставить легендарные сведения о "чуди" с данными источников о гуннах, тюрках и монголах. Касаясь "чудских гробниц" он повторяет описание погребения с конем, раскопанного К.Ф. Ледебуром, затем перечисляет "горные инструменты чуди", которые "ограничивались медною кайлою, деревянною лопаткою, кожаною сумою, каменными клиньями и балдами" Завершает свой целиком компилятивный обзор он философским восклицанием "участь чуди есть участь многих народов..." (Бальзер А., 1846, с.115, 117-119, 124). Его статья не содержит каких-либо новых сведений, хотя автор уверяет в подзаголовке, что она основана "на новых материалах, найденных в архивах берг-коллегии" (Бальзер А., 1846. с 36).

Е.Г. Муральт, библиотекарь Эрмитажа, попытался обобщить материалы по скифским древностям, хранящимся в эрмитажном собрании. Большинство упомянутых им находок происходит с Алтая. Он попытался проанализировать известные гипотезы о тюрко-монгольской, славянской и финской принадлежности скифов. Он склоняется к мысли о том, что населением Алтая родственно самоедам "ледовитого океана, которые суть не что иное, как смесь монголов и китайцев" (Муральт Е.Г., 1853, с.210). Все предметы он разделил по материалу изготовления и отнес соответственно к каменному, бронзовому и железному веку. К эпохе бронзы оказалась отнесена не только "ваза" из красной меди "с двумя столбиками", в которой можно предполагать бронзовый

котел, но и бронзовые стремена этнографического времени, бронзовый наконечники копья, изображение лошади и орла с головой человека, а также барельеф из бронзы, изображающий человека с мечом и двумя собаками. К третьей или "поздней эпохе образованности" Е.Г. Мюральт отнес украшения и фигуры из дерева, покрытые листовым серебром, а также кольца с изображением голов животных (Мюральт Е.Г., 1853, с.210). Вероятно, это гривны или браслеты. К железному веку им отнесены железные мечи, стремена, кольчуга, латы и железный кинжал. По заключению Е.Г. Мюральта сказания о "чуди" "подтверждаются новейшими открытиями и современными исследованиями" (Мюральт Е.Г., 1853, с.216). Его статья представляет определенный интерес в связи с упоминанием мест находок отдельных вещей,

В 1856 г. сочинение о чудских копях опубликовал академик Э.И. Эйхвальд. Он описал рудники, открытые по следам чудских копей, охарактеризовал находки каменных молотов, топоров, пестов, булав, бронзовых гривен, кинжалов, котла со сливом и ручками на поддоне и железного палаша, которые приведены на рисунках (Эйхвальд Э.И., 1856, с. 12-17, табл. I - V). Э.И. Эйхвальд приводит ссылки на труды И.Э. Сиверса и Е.Г. Мюральта, по которым можно идентифицировать некоторые из описанных ими находок. Он упоминает о медном барельефе с изображением человека с мечом и двумя собаками и статуэтку рудокопа с молотом в руках (Эйхвальд Э.И., 1856, с.17-18). Э.И. Эйхвальд привел подборку сведений о древних кочевниках из Геродота и Страбона, попытался связать этнонимы массагетов и исседонов с топонимами Миасс и Исеть (Эйхвальд Э.И., 1856, с.23). Он связал воедино каменные статуи евразийских степей, считая самыми древними абаканские стелы, обнаруженные П.С. Палласом у с. Бельтыры (Эйхвальд Э.И., 1856, с.25). Вслед за своими предшественниками, он относил все эти памятники к древним финнам - "чуди", многочисленному и могущественному народу, населявшему евразийские степи и освоившему добычу металлов "в глубочайшей древности".

В некоторых современных историографических работах труд Э.И. Эйхвальда оценивается негативно, как "шаг назад", "вчерашний день сибирской археологии" (Белокобыльский Ю.Г., 1986, с.57). Для столь резких оценок нет достаточных оснований, поскольку его работа целиком основана на предшествующих разработках и находится в рамках сложившейся научной традиции.

Предложенный обзор исследований и коллекционирования алтайских древностей немецкими учеными, путешественниками, администраторами, военными, врачами и специалистами горного дела наглядно продемонстрировал их весомый вклад в становление и развитие археологической науки на Алтае в XVIII - первой половине XIX в., дальнейшие успехи которой неразрывно связаны с неутомимой деятельностью В. Радлова, в очень значительной степени опиравшегося на разработки своих предшественников.

Литература

1. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII - XVII вв. - Иркутск, 1941 -612 с.
2. Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской Академии наук. - СПб., 1779.
3. Бальзер А. Историческое воспоминание о чудских копях//Библиотека для чтения. 1846 - Т. 75 - Отд 3 -С 114-124.
4. Белокобыльский Ю.Г., Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований XVIII - первая треть XX в - -Новосибирск, 1986. - 167 с.
5. Борисенко А.Ю., Худяков Ю С Коллекция находок XVIII в с территории Рудного Алтая // Известия лаборатории археологии - Горно-Алтайск, 1997. №2 - С 129-134.
6. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С Г В. Де Геннин - исследователь алтайских древностей XVIII века // Гуляевские чтения. Материалы первой, второй и третьей историко-архивной конференций. - Барнаул, 1998 Вып,1. -С 170-173.
7. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Находки западноевропейских водолеев XII-XIII вв. на территории Западной Сибири // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. - Новосибирск, 1999. Вып. 1 -С, 38-44.
8. Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований - Кемерово, 1973. Вып. VI. - С.91-159.
9. Веймарн Г. История Колывано-Воскресенских заводов. - СПб., 1766.
10. Геблер Ф. Известие о Барнаульском музеуме//Алтайский сборник. - Барнаул, 1993. Вып. XVII. - С.25-30.
11. Герман И. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. - СПб., 1797 -Ч 1.
12. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитавших народов. - СПб, 1776-1777.
13. Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 года (из книги Reise durch Sibinen von dem Jahre 1733-1734)//Кузнецкая старина - Новокузнецк, 1994 - Вып. 2 - С 150-169
14. Гнучеаа В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.- М.-Л . 1940.
15. Гришаев В.Ф. Барнаульский музеум в 1836 г, (архивная находка) // Алтайских сборник. - Барнаул, 1993 -Вып. XVII. - С. 31-38.
16. Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // Советская археология 1952 - Вып. XII.
17. Гумбольдт А. Путешествие в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю -Спб, 1837.
18. Гумбольдт А. Центральная Азия.-М., 1915. - Т. 1.
19. Де Геннин В. Описание Уральских и сибирских заводов 1735. - М., 1937. - 662 с.
20. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. - Барнаул, 1989 - 120 с.
21. Дмитриева Е.Н., Левашова В.П. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // Советская археология -1965. -№2 -С.225-236.
22. Завитухина М.П. Собрание М.П Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // Археологический сборник - Л , 1977. - Вып 18 — С.41-151.

23. Завитухина М.П. Коллекция Г.Ф. Миллера из Сибири - одно из древнейших археологических собраний России //Сообщения государственного Эрмитажа. - Л., 1978 -Вып XLIII -С.37-40.
24. Завитухина М.П. Н.-К. Витсен и его собрание сибирских древностей // Археологических сборник - СПб 1999 -Вып 34 -С 102-114
25. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века - Иркутск, 1968.-345 с.
26. Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719-1720) // Страны и народы Востока - М., 1989 -Вып. XXVI -С. 10-35.
27. Контев А.Б. Открытие рудного золота на Алтае в XVIII веке // Золото Алтая; история и современность. -Барнаул 1995 - С. 43-49.
28. Контев А.В. Первые немецкие специалисты на Алтае // Алтайский сборник. - Барнаул, 1997. - Вып. XVIII. - С. 24-37.
29. Кызпассв Г.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. - М , 1993. - 136 с.
30. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. - СПб., 1880.
31. Ледебур К.Ф. Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. - Новосибирск 1993 -415 с.
32. Миллер Г.Ф. История Сибири - М.-Л, 1937. -Т 1. -607 с.
33. Мурапьт Е.Г. Скифские древности, хранящиеся в императорском Эрмитаже // Записки археологического общества -СПб. 1853. -Т V -С.205-216.
34. Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири - Л , 1970. - 18 с.
35. Очерки истории Рудного Алтая - Усть-Каменогорск, 1970
36. Падалчина О.В. Музей глазами современников // Археологических сборник - Барнаул, 1993. - Вып XVII.-С 6-24.
37. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. - СПб., 1786. - Ч. 2. - Кн. 2. - 571 с
38. Паллас П.С. Рассуждения о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с венгерскими, различествующими от копей римских // Академические известия 1780 - Ч 5.
39. Ренованц И.М. Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах - СПб , 1792.
40. Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае. Обзор исследований // Древние горняки и металлурги Сибири -Барнаул, 1983 - с 19-34.
41. Сергеев А.Д. Место и роль И.Б. Леубе в истории Алтайского края // История и культура немцев Алтая. -Барнаул, 1999. - Вып. 1 - С 37-52.
42. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники - Новосибирск, 1996 - Вып VI - 310 с.
43. Фальк И.П. Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий по России. - СПб., 1824. - Т VI
44. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. - М , 1986 -240 с.
45. Шафрановская Т.К. К вопросу о забытых источниках по истории Кунсткамеры (А.К. Штрох о Кунсткамере) // Кунсткамера Этнографические тетради -СПб., 1994 - Вып 5-6. - С. 262-274.
46. Эйхвальд Э.И. О чудских копях // Труды Восточного отделения археологического общества - СПб , 1856. -Ч.Ш - С 1-104.
47. Falk I P Reise in Russland. - Berlin, 1794.
48. Hermann F. Mineralogische Reisen in Sibinen. -St-Pb., 1801. -Th.lll.
49. Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des russisches Reiches. - St-Pb , 1773 - Th.2. - B.2.
50. Pallas P.S. Sammlungen histonscher Nachrichten Liber Mongolischen Vilkerschaften. - St-Pb., 1776-1801. -Th.1.
51. Russische Bibhothek zur Kenntniss des gegenvartige Zustandes der Literatur in Russland - St-Pb., 1774-1775.
52. Sieweis I. Bnefe aus Sibirien an seine Lehrer. der Konige groftbritanischen Hapoteker Herr Brande, der Konrge groftbntamscben Botaniker Herr Erhart und der Bergkomissanus und Rathsapoteker Herr Westrumb - St-Pb. 1796.
53. Storch H. Gemaelde von St-Petersburg.-Riga, 1794. - Th.1-2.
54. Wrtsen N. Noord enOosten Tartanyen' behekzend eene beschryving van verscheidene tartarische Nabuunge Gewesten, in de noorden en oostlykste deelen van Azien en Europa. - Amsterdam, MDCCLXXXY.

Самаев Г.П.
(г. Горно-Алтайск)

ИГРАЛЬНЫЕ КАРТЫ-КӦЗӦР У АЛТАЙЦЕВ

Игральные карты у алтайцев (алтай-кижи и теленгитов) не привлекали еще внимание исследователей. Очевидно, это связано с тем, что в них видели простое заимствование от русских. Между тем, по мнению Майкла Даммета, исследовавшего историю игральных карт, наиболее вероятным местом их первоначального возникновения является Центральная Азия [1].

У современных алтайцев бытуют две разновидности игральных карт: *кӧзӧр* и *талу.* Последняя, сохранившаяся лишь у чуйских теленгитов, имеет существенные отличия от современных карт и по внешним особенностям напоминает домино. Игра с подобным названием *(талы* или *тайлы)* зафиксирована также у тувинцев в XIX в. Н.Ф.Катановым [2]. Вероятно, игра «талу» существует у алтайцев с очень древних времен, т.к. у китайцев «карты-домино» отмечены еще в IX в. [3]. Параллельно с «талу», видимо, была распространена у предков алтайцев другая разновидность игральных карт -*кӧзӧр.*

С заимствованием «русских» карт и их правил, терминология *«кӧзӧр»* была перенесена на новые карты. Вследствие этого прежние правила *«кӧзӧр»* были забыты, однако терминология в основном сохранилась. На древнее происхождение этой терминологии указывает употребление многих идентичных терминов **в** карточной

игре другими народами Центральной Азии. Например, словом «көзөр» обозначают игральные карты современного типа казахи, киргизы, тувинцы, барабинцы, калмыки, монголы и другие близкие к алтайцам народы [4]. Учитывая широкое распространение указанного термина у соседних с алтайцами народов, можно предположить, что он имеет центальноазиатское происхождение

Термины *«кул»* и *«саракай»,* употребляемые алтайцами в игре *«көзөр»,* распространены также у тувинцев [5]. У киргизов алтайскому *«прас»* и *«мыйман»* соответствуют *«бороз»* и *«момун»* [6]. Словарь калмыков содержит термины *«иштг»*- пики и *«икитд»*- валет [7].

Непонятным на первый взгляд кажется употребление алтайцами термина «ага» для обозначения дамы. В современном алтайском языке названное слово имеет только значение «старший брат». Однако объяснение можно найти у соседних уйгуров, которые в XIX в. называли словом *«ага»* цыган [8], Таким образом, возможно, карточная дама у алтайцев ассоциировалась с цыганкой.

Интересно, что термин «туз» звучит практически одинаково в русском, алтайском (туе), тувинском (бус), киргизском (туз), казахском *(туз)* языках [9]. В монгольском вместо него употребляется слово «тамга», однако его синонимом является слово *«тийзя,* который в форме *«тииз»* есть и в калмыцком языке [10]. Можно предположить, что алтайский «туе» восходит к монгольскому *«тийз/тиис»* со значениями: клеймо, тавро, печать.

Полный набор терминов современной карточной игры *«көзөр»* у алтайцев выглядит следующим образом:

Тус - туз
Бий - король
Ага, абакай (у теленгитов: *әје*, *эти)* - дама
Кытат (у теленгитов: *кул, јалчы)* - валет
Онгөс - десятка
Тогусгөс - девятка
Сегисгөс- восьмерка
Јетигөс - семерка
Алтыгөс - шестерка
Саракай - трефы
Эшти (эштӱ) - пики
Мыйман - буби
Кајыл - черви
Чыгыт - козырь
Прас - не козырная игра
Туткан - проигравший
Ј имен - крытые карты

Примечания

1. Майкл Даммет. История игральных карт // Этнографическое обозрение. - 1996. - №3. - С.62.
2. Национальный архив Татарстана. Ф 969, оп. 1, д 75, л.55.
3. Майкл Даммет. Ук. соч. - С.62
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М.,1967. - .2. - С.279; Орос монгол толь. - Улаанбаа-тар, 1982. - С.209; Русско-тувинский словарь. - М.,1980. - С.208.
5. Русско-тувинский ... -С 59.
6. Киргизско-русский словарь -М.,1965.-С 147; Русско-киргизский словарь. - М , 1957 -С. 59.
7. Русско-калмыцкий словарь - М., 1964 -С.457, 769
8. Восточный Туркестан в древности и в раннем средневековье. - М., 1992. - С.425.
9. Русско-тувинский... - С.592; Русско-киргизский... - С.874, Русско-казахский словарь -М,, 1954 - С.828
10. Орос монгол толь...- С. 736; Калмыцко-русский словарь. - М., 1977. - С. 498.

Шинжин И.Б.
(г. Горно-Алтайск)

СХОДНЫЕ МОТИВЫ ИЗ СЮЖЕТА ЭПОСА СКАЗИТЕЛЕЙ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНИХ ХУДОЖНИКОВ

Все изданные труды, отдельные статьи видного археолога М.П.Грязнова 1902 - 1984, крупного специалиста по археологии Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии, не потеряли своего научного значения и по сей день Они дышат новизной не только в теоретической, но и особенно в своей практической части.

Михаил Петрович Грязнов обладал от природы большой интуицией и она всегда помогала ему в его самых трудных научных изысканиях.

Так, например, в 1923 году в селе Батени в Хакасии случайно были найдены скудные предметы, которые относились к незапамятным временам. Тридцать лет спустя, после долгих размышлений, М.П. Грязнов по этим данным дал более подробное описание. Он определил, что данные немногочисленные находки современных археологов принадлежат к неолитическим погребениям. Каменные орудия, кости диких животных, керамика натолкнули его на мысль, что «погребение представляет собой все же хороший археологический комплекс, дающий, хотя бы и в самых общих чертах, представление о своеобразии культуры неолитических племен, населявших Абакано-Енисейские степи» (Грязнов М.П., 1953, С.332).

Обломки костей (астрагалы) древних баранов, найденные в батеневском неолитическом погребении, по сравнению с астрагалами ныне диких баранов, более мелкие. Такая незначительная разница астрагалов баран

различных (до наших и наших) эр привела Грязнова к мысли об одомашнивании животных. При этом, как он высказался, основным занятием все же оставалась охота (Грязнов М.П., 1953, с.335). Данный пример из работы М.П.Грязнова поучителен для новых поколений археологов тем. что даже маленькая, незначительная деталь важна для исследования серьезных проблем в археологической науке.

М.П.Грязнов неоднократно участвовал в археологических экспедициях, особенно в регионах Южной Сибири, Казахстана. Но для нас важно то, что во время экспедиций в тех или иных регионах, в первую очередь национальных, за период раскопок курганов он близко ознакомился с обычаями, нравами, бытом местного населения. Особо интересовался устным народным творчеством. В частности, мифами и эпическими произведениями. Это доказывает одна из его больших статей под названием «Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири» (Грязнов М.П., 1965).

В данной статье Грязнов впервые, может быть, чем другие археологи Сибири, ставил вопросы об отражении в изобразительном искусстве древними художниками героической борьбы богатырей со своими врагами, рискованной охоты охотников за дикими зверями горных и лесостепных ландшафтов. Для глубокого рассмотрения этих актуальных для науки проблем М.П Грязнов знакомился с фольклором тюрко-монгольских и монголо-ойротских народов, в частности, с их героическим эпосом. А корни большей части героических сказаний уходят в глубокую древность.

Кстати, археолог сетует о том, что он знаком «с тюрко-монгольским эпосом только по переводам, часто в сокращенном виде, нередко в литературной обработке, которая всегда ради соблюдения размера, ритма и рифмы стиха ведет к отступлениям от подлинника и часто к незначительным искажениям его». (Грязнов М.П., 1965, с.8). Однако за последние двадцать с лишним лет, в связи с двуязычным научным изданием героических сказаний народов СССР, в настоящее время с Новосибирским изданием 60-томных «Памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» эти проблемы решались и решаются на более высоком уровне, что не приходится теперь сетовать на такие упущенные грехи.

Разумеется, М.П. Грязнов твердо знал, что фольклор в цепом, тем более эпос, не является закостенелым чем-то одним и каким-то законом устного творчества, а каждый раз остается развивающим в зависимости от исторических условий жизни народов на протяжении многих веков до наших дней. Естественно, Михаил Петрович Грязнов в тюрко-монгольских и монголо-ойротских героических сказаниях выискивал более древние черты взглядов наших предков на окружающий мир. Из наиболее древних пластов эпоса следует выделить мотивы борьбы богатырей с мифологическими существами и затем, жестокую схватку силачей со своими реальными врагами, а также сцены охоты человека за дикими зверями.

В алтайском эпосе подробно описываются сборы богатыря на войну или охоту. Он всегда одевается в военную одежду и берет с собою все боевые доспехи. Вот, например, старый богатырь Маадай-Кара из одноименного сказания решил вернуть ушедшую часть своего народа на свое становище. Однако ему придется, может быть, драться и от того так снарядился:

С шестьюдесятью двумя пуговицами
Широкие штаны, взяв, натягивает,
С чугунными подошвами в девяносто рядов
Чугунные черные сапоги натянул.
С шестьюдесятью двумя яркими, как луна,
Золотыми перламутровыми пуговицами
Горностаевую доху надел.
С семьюдесятью двумя сияющими, как солнце
Серебряными перламутровыми пуговицами
Солнечную доху надел.
С луноподобной звездой
Бронзовый с золотыми узорами шлем Взял и надел.
С солнцеподобной звездой
Бронзовым поясом, украшенным золотом,
Стал опоясываться.
С шестьюдесятью восемью пуговицами
Бронзовый с золотыми узорами
Панцирь [поверх] надел. (Маадай-Кара, 1973, с.257).

Маадай-Кара, тщательно заседлав коня, одевшись, стал в богатырские доспехи снаряжаться:

Свою темную, как безлунная ночь, пику
На крепкой спине прикрепил,
Нетупеющую стальную саблю
Взял и прицепил.
Остроконечную черную пику
На спине прикрепил.
Зеленоватую стальную саблю
Прицепил.
Боевым поясом опоясался,
Лук (на спину) надел
На колчане со стрелами
Сорока гнездо может свить,
На боевом поясе
Ворон гнездо может свить.
Конец пики сверкает,
Острие сабли блестит (Маадай-Кара, 1973, с.259).

Облачившись в богатырскую одежду и военные доспехи, герои-богатыри выходили не только на войну, но

и на охоту Такое случалось в периоды разложения родоплеменного строя, оно сохранилось и в последующие периоды жизни общества. Богатыри всегда охраняли свои владения, народ, свою честь и свободу. При встрече с неприятелями, врагами они сражались до победного конца.

Ясно, что человек с незапамятных времен выражал свое видение не только в устном творчестве, но и изображал на гладких сторонах камней, скал. Естественно, все наскальные изображения, так называемые петроглифы, относятся, в первую очередь, к искусствоведению, истории, археологии, этнографии, философии, психологии, даже и фольклористике. Безусловно, часть петроглифов относится не только к заре изобразительного творчества, но и к недавним временам, когда в момент создания рисунков эстетическое переживание и наслаждение стояло уже на более высоком уровне. А часть из этих наскальных рисунков относится к ближайшим нашим столетиям, изменилась и их семантика.

С возникновением остросюжетных мотивов в эпосе и обновляется древнее изобразительное искусство. Древние художники в некоторой степени от наскальных рисунков, гравюр постепенно стали переходить к изображению своей жизни и окружающего мира на предметах бытовой принадлежности человека. Рисунки стали появляться на луках седел, на блюдцах, на ковшах, бляхах, на саркофагах-колодах, на их крышках и т.д

Из археологических находок М.П. Грязнов берет «Серебряное блюдо из Кулагыша» (Приуралье, б. Кунгурский у.), где на внутренней стороне изображен бой двух богатырей и сравнивает со сражением богатырей из эпоса. Богатыри на серебряном блюде стараются убить друг друга. «У ног их валяются поломанные мечи, палицы, щиты, боевые топоры» - писал Грязнов (Грязное М.П., 1965, с.10). По мнению Михаила Петровича поединок двух богатырей заканчивается борьбой. Рассматривая эпические сказания, М.П. Грязнов нашел в них много общего с содержанием картины на «Серебряном блюде из Кулагыша». Это, прежде всего, смертельные схватки богатырей.

Сопоставляя подходящие мотивы из сюжета эпоса с содержанием картины на «Серебряном блюде из Кулагыша», Грязнов не затронул или не заметил некоторых деталей на рисунке. Не обратил должного внимания на возраст богатырей, на их одежды, на трехглавые шлемы-шапки, на их светящийся светильник, при свете которого дерутся силачи.

Алтайские бурханисты-ярлыкчи в старину, буквально до Октябрьской революции, носили трехглавые шапки Средняя глава была выше, чем две боковые. И в течение дня хозяин три раза поворачивал свою шапку на голове по солнечному кругу: утром, в обед и вечером. То есть, если первая глава утром была на востоке, то в обед окажется на юге, а вечером на западе. Таким образом, каждый раз они менялись по кругу. Старейшины поведали, что такая трехглавая шапка была изготовлена по подобию трехглавой горы Юч-Сюмер - Белухи, иногда она называется Кадын-Бажы, где берет свое начало река Катунь. А богатыри на «Серебряном блюде из Кулагыша» как раз одеты в трехглавые шапки-шлемы. Естественно, такая шапка, во-первых, означает начало жизни, затем, во-вторых, самый зрелый возраст человека и, в-третьих, конец жизни, и снова все это вращается по кругу. Таким образом, жизнь на земле бесконечна На наш взгляд, М.П.Грязнов при рассмотрении содержания алтайского, монголо-ойротского эпоса и при анализе боя богатырей на «Серебряном блюде из Кулагыша» не учел эти факты.

Следует привести еще один пример из сюжета алтайского эпоса с соотношением изображения «охоты в лесу» из Сибирской коллекции Петра 1 (3-1 вв. до нашей эры), который анализировал М.П Грязнов Он не только вставлял в качестве иллюстрации в своей статье изображения «охоты в лесу» на золотых пряжках коллекции Петра 1, но и подробно разбирал эту «картину». Археолог писал: «На переднем плане всадник на коне преследует мчащегося кабана и стреляет в него на скаку из лука. На заднем плане с одной стороны спешившийся всадник взобрался на дерево и тянет за собой своего коня, спасающегося от зверя. С другой стороны гора, камни которой изображены цветными вставками, и сбежавший на нее горный козел, изображенный в позе спасающегося от преследования. Это, во всяком случае, непромысловая охота. Кони изображены в богатом уборе, а всадники в боевом вооружении с горитом и мечом» (Грязнов М.П., 1965, с.21).

В разборе содержания сцены «охоты в лесу» у Грязнова нет никаких кривотолков. Однако с высказыванием мысли в последних трех предложениях из взятой цитаты можно не согласиться. Во-первых, охота у ранних кочевников, тем более скифо-сарматского времени и ближе к нашим столетиям, всегда считалась основным занятием Она все время имела прямое промысловое значение. Во-вторых, еспи взять эпос, едет ли богатырь на войну или на охоту, его конь всегда снаряжается богато, а сам герой, облачившись в богатырскую одежду, всегда с собой берет боевые доспехи. Вот как собирался, например, богатырь Алтай-Буучай из одноименного алтайского героического сказания на охоту Сначала батыр надел на голову коня золотую узду.

Белый, как хлопок, потник набросил,
Бронзовое седло с двумя крылами
Сверху, украшая, положил.
Пятьдесят подпруг крепко натянул,
Девяносто подпруг, считая, натянул,
Коня своего заседлав, приготовив,
Богатырское снаряжение стал на себя нацеплять.
Золотой самострел надел,
Колчан со стрелами надел,
Пику лунолодобную,
Саблю, как ночь, темную
Он на себя нацепил (Аптай-Буучай. 1961, с.81).

Да узда золотая, притом «с шестьюдесятью украшениями», стремена чугунные, Перед тем, как уехать на охоту, он «шесть кожаных мешков припасов приготовил». Из этого видно, что и на охоту богатырь отправлялся словно на войну. От того, как пишет М.П. Грязнов, на изображении охотник выглядит богатым А отчего богатырь, отправляясь на охоту, так тщательно вооружался, тоже ясно. Потому что на своем пути он всегда встречался с неприятелями. Порой встреча завязывалась войной и кончалась победой из двух

Теперь об охоте на кабана. Так как Грязнов конкретно не приводил мотива охоты из сюжета эпоса, мы в

качестве довода из алтайского сказания «Алтай-Буучай» берем пример, где говорится о зверях и кабане, убитых во время охоты Алтай-Буучаем:

Прямозубых медведей, волков
За клыки нанизывал.
Кривоклыких кабанов
За передние ноги нанизывал (Алтай-Буучай, 1961, с.82).

Таким образом, во время охоты в горах на пути Алтай-Буучая встречаются горные и речные, хищные звери выдры, соболя, медведи, волки и кабаны. Итак, кабан при охоте богатырей в эпосе встречается

Тема охоты на кабанов (вепрь) не только фиксирована в эпосе, алтайцев, она встречается и в малых сказочно-мифических жанрах, сказках, легендах, переданная устно из века в век, из поколения в поколение, также может пополнить, подтвердить, например, часть содержания «охоты в лесу».

Охота на кабанов хорошо передана в казахской сказке «Мастер Али» (Музыка-кудесница, 1987, с 18-21). У жестокого и злого хана был сын по имени Хусаин, «молодой человек замечательной красоты и ума». Он любил охотничать в горах за дикими зверями, возвращался домой радостный и довольный, а слуги несли за ним его добычу - туши диких вепрей (кабанов).

«Но вот однажды Хусаин снова собрался на охоту в горы. На этот раз он отправился один, не взяв с собой никого из слуг. Только своему старому конюху он сказал, что едет за диким вепрем, который недавно появился в этих местах». Старый конюх, естественно «как бы не напал на тебя вепрь». Засмеялся юноша: «Разве в первый раз я отправляюсь на такую охоту?» Долго не возвращался Хусаин, обозленный его отец во все стороны отправил слуг, чтобы они искали и нашли сына, «Не скоро нашли они бедного юношу. Лежал Хусаин с растерзанной грудью под большим развесистым деревом. Видно, напал на него дикий вепрь и вонзил ему в сердце острые клыки» (Музыка-кудесница, 1987, с.19).

Таким образом, из сказки видно, кроме охоты за дикими зверями, специально и за дикими кабанами. Притом, как сказано в тексте, появились впервые на охотничьих угодьях героев. Видимо, охота за кабанами стало необходимостью заядлых охотников, для которых другие звери при охоте их не интересовало. Это видно, как горный козел отскочил в сторону - взобрался на скалу, оказавшись спасенным от погони, теперь уже оглядывается на происходящее событие. Относительно козла, одно из двух; или он долго бежал в погоне, что сейчас высунул язык, или он спокойно пасся, щипал листы растения но в данный момент резко оглянулся назад от страшного визжания кабана. Но вернее будет сказать, что он находился в погоне. Естественно, козел в таком возбужденном состоянии оживляет дополняет динамичность движений центральных фигур картины «охоты в лесу».

В алтайской легенде «Про топшуур» (двухструнный музыкальный инструмент) говорится тоже об охоте ханского сына на кабана. Долго не возвращался домой, обеспокоенный хан отправляет людей на поиски его. Люди нашли сына. Оказывается, на охоте в горах он стрелой поранил дикого кабана. Разъяренный кабан напал на охотника-парня. Напав, съел его сердце и ушел (Алтай кеп-куучындар, 1994. с.282-283).

И еще. В одной из сказок алтайцев говорится, что у хана было трое сыновей. Старший погиб на охоте, тоже напал на него кабан. Его похоронили курганным способом на поляне около реки Средний и младший сыновья хана отправились на охоту за дикими кабанами, чтобы уничтожить их и тем самым отомстить за брата Братья уничтожили этих вепрей, в честь славы сыновей хан велел всем мастерам чеканным способом нарисовать облик братье в-охотников на пластинах, пряжках поясов, на луках седел, на стременах, на бренчащих металлических пластинах подхвостников, чтобы люди из века в век не забывали героической охоты братьев - сыновей хана.

Таким образом, древняя охота за кабанами, изображенная на пряжках, пластинах дошла до нас через изобразительное искусство. Но и народная память сохранила сказки, эпос, рассказы, легенды, мифы где упоминается охота богатырей, ханов на диких кабанов. Если верить приведенным мотивам из сюжета эпоса, сказок по поводу охоты на кабанов, то права М.П.Завитухина, которая утверждает, что охотник на переднем плане, «показанный в момент совершения подвига, несомненно, относился к высшей знати, в то время как его помощник на охоте принадлежал к другой, более низкой по социальному значению группе людей» (М.П.Завитухина, 1999, с.86). Она же заметила, что «Входящие в композицию деревья своими переплетенными ветвями и направленными навстречу друг другу листьями усиливают динамичность композиции» (там же, с.82).

К этому следует добавить, что именно у переднего охотника уздечные украшения значительно богаче своими изделиями, чем у уздечки у вздыбленного коня второго охотника-помощника Однако нужно заметить, как древний мастер-художник, индивидуализируя каждого живого и не живого предмета в большом и малом полукружии, сумел их слить в единую живую картину «охоты в лесу» Например, копыта коней, кабанов, козла й их уши, украшения нагрудных, подпружных и подхвостных ремней седла - все сделаны одинаково с формой листьев на деревьях, притом в сердцевидной форме. Даже глаза людей и животных, ноздри кабанов похожи на те же листья. А листья деревьев начинаются прямо с комля. Все кажется в движении от дуновении горного ветра. Вот почему М.П.Грязнов был неудержимо восхищен от талантливого изображения картины «охоты в лесу».

«Охота в лесу» на золотых пряжках изображена в трагедийном, но в мужественном плане. М.П.Грязнов исследовал, сопоставлял и высказывал свою версию. Естественно, он опирался и на предложение предыдущих ученых, что на пряжках изображены два эпизода из подвигов богатырей во время охоты на зверей. Грязнов одновременно восхищался «изумительным мастерством» древних художников «компоновать на малых ограниченных площадях несколько изображений» (Грязнов М.П, 1965, с.21).

Однако есть и другая версия размышлений над изображением «охоты в лесу». Нам, алтайцам, живущим в горах Алтая, эта «охота в лесу» очень близка и понятна. В ней изображены не два эпизода, а один. Дело в том, что один охотник заранее добирался на удобное открытое место. Он укрывался чуть в стороне за деревом, за камнем и ожидал подхода зверей. Охотник может залезть и на дерево, на камень, чтобы звери заранее его не заметили. Через определенное время другой охотник снизу вверх по логу (по песу) гнал зверей к тому месту, где сидит в засаде первый охотник. Тот, кто гнал снизу, создавал шум, чтобы выгнать зверей на открытое место. Когда звери выходят на открытое место, их стреляет охотник-дозор из засады. Порой стреляет в зверя и тот

охотник, который гонит его к засаде Некоторые звери убегали в сторону от гона или преследования и тем самым спасались. Древний художник и это изобразил в «охоте в лесу». Горный козел спасся, он оглядывается назад, на охотника, который уже достиг на коне дикого кабана и стреляет в него.

Дело обстояло так: охотник, который сидел в засаде на дереве, оставил своего коня внизу, под деревом, тоже в укрытии. Он уже истратил все стрелы на зверей, которые мчались мимо него. Его колчан (кобура) для стрел теперь пустой. В какой-то миг выскочил из кустов дикий, хищный кабан и со страшным визгом помчался стрелой вперед и уткнулся прямо на коня в укрытии под деревом.

Охотник на дереве в этот миг зацепил лук на левую руку, которой держится за дерево, правой рукой тянет к себе повод (чембур) коня, спасая" его. А всадник (гонщик) на коне уже догнал кабана и стреляет в кабана. У него в колчане еще есть стрелы. Он убьет кабана. Таким образом, весь этот эпизод из героической жизни охотников, как выше упомянули, происходил в одно время. И данный драматический эпизод изображен древними художниками в изумительном мастерстве и реально.

К этому еще можно добавить. У коня ноздри вздулись, глаза в ярости, он встал на дыбы, передние ноги направлены вперед, но голова повернута назад из-за задержки повода. Кабан в диком бешенстве. Кабан - самец. Гривы его четко вычеканены, глаза дикие.

Таково наше прочтение изображения «охоты в лесу» на золотых пряжках и нахождение соответствующих текстов из эпоса алтайцев к данным археологическим находкам, над которыми работал Михаил Петрович Грязнов. Его исследовательские работы в этой области дают молодым археологам и фольклористам, пищу для размышлений, для поисков оптимальных решений.

Примечания

1. Алтай кеп-куучындар (Мифы, легенды и предания алтайцев. На алтайском языке). - Горно-Алтайск, 1994 -С. 282-283.
2. Грязнов М.П. Неолитическое погребение в с.Батени на Енисее - МИА, 1953. - №39 - С 332.
3. Там же - С. 335.
4. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. - АС - №3 - Л , 1965. - С. 7-31.
5. Завитухина М.П. Изображение охоты на кабана на паре поясных пластин из Сибирской коллекции Петра 1 // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. - Барнаул, 1999 — С.282-283.
6. Маадай-Кара. - М , 1973.
7. Музыка-кудесница. - М., Изд. во. «Музыка», 1987.
8. Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. - Горно-Алтайск, 1961 — С.79-121.

Гончарова О.А.
(г. Горно-Алтайск)

ШАМАНСТВО И ЗДОРОВЬЕ

Сибирский шаманизм является одной из самых сложных и древних религиозных систем Евразии, он впитал наиболее архаичные предсгавления об окружающем мире и человеке. Ни древние тюрки, ни современные алтае-саянские народы не только не употребляли, но даже не знали термина "шаман", Это слово получило мировую известность в литературе в качестве одного из названий служителя культа Оно легло в основу распространяющегося в науке названия "шаманизм" или 'шаманство". Слово "шаман" стало универсальным в литературе, вытеснив собой порой такие названия, как "волшебник", "маг", "колдун". Само слово "шаман" в значении служителя религии появилось впервые в письменных сообщениях русских служивых людей из Сибири в XVII в.

Шаманство составляло часть повседневного быта алтайского народа. Оно основывалось на признании существования добрых и злых духов. Согласно этим верованиям, весь материальный, окружающий человека мир населен многочисленными духами, и их следовало умилостивить. Духи делились на небесных и подземных. Небесные духи несли добро, счастье. Напротив, подземные во главе с Эрликом причиняли зло посылая людям различные болезни. В сознании шаманиста господствовали понятия о хозяине горы, реки, огня и т.п. Поэтому все семейно-родовые праздники сопровождались религиозными обрядами. Почти в каждой семье были домашние духи (тосы) - семейные покровители. Они изготавливались по рекомендации шамана из дерева, бересты, шкурки животного, тряпочек 8 них, по представлениям алтайцев, вселялись духи, а чтобы они не навредили, не посылали болезни и неприятности, их надо было периодически подкармливать, умилостивлять.

Не ставя перед собой задачи описания шаманства как системы, выделим основные функции шамана (по Л.П. Потапову): лечебная магия, путешествие на небо, предсказания и прорицания. Обратимся к интересующей нас лечебной функции шамана.

Л.П. Потапов, прежде чем приступить к рассмотрению популярной функции шамана, которую можно назвать медицинской, обращает внимание на то, что конкретные сведения по этому вопросу размещены в источниках неравномерно. Материал, относящийся к древнетюркскому времени, тем более непосредственно к самим тюркам, в выявленных и опубликованных источниках крайне ограничен.

В отличие от скудных конкретных данных о древности. Поздний, по преимуществу этнографический, материал характеризуется обилием фактов, подробно освещавших шаманское лечение, его методы и приемы. Факты эти собраны учеными, главным образом этнографами, а также путешественниками, миссионерами и др., у различных народов Сибири, в том числе алтайцев. Нет оснований сомневаться в большом практическом значении для названных народов шаманского лечения: И веры в силу, возможностей шаманов как лекарей, но лекарей своеобразной категории, исцеляющих буквально все болезни не лекарствами, а путем общения с

духами и божествами. Хотя в течение нескольких столетий этнографами зафиксированы и способы лечения методами народной медицины, и даже частичное проникновение в среду сибирских народов научной медицины с ее медикаментозными средствами.

У алтайских шаманов лечение составляло популярную и фактически наиболее распространенную функцию и обязанность. Руководствовались они при этом двумя концепциями о происхождении болезней. Одна объясняет болезнь вселением в человека вредоносного духа и отражает представления, широко распространенные у многих народов мира. В алтайском шаманизме эта идея фиксируется уже в древнетюркских источниках, например, в древней надписи на камне, обнаруженной в 1981 г. в Горном Алтае Е.А. Окладниковой. В ней говорится о конкретном случае болезни, последовавшей от именуемого аза. У современных алтайцев злой дух, причиняющий болезнь, до сего времени называется аза.

Другая концепция болезни связывается с выходом из тела человека его двойника - "души". Длительное отсутствие двойника объяснялось либо нападением на него злого духа, либо неспособностью вернуться в тело из-за потери ориентировки.

Во всех случаях заболевания диагноз ставил шаман при помощи своих духов-помощников. Болезни, вызванные уходом двойника, были настолько распространены и обычны, что в телеутском шаманском бубне делали специальные углубления в рукоятке, куда шаман прятал пойманного им во время камлания двойника и затем впускал его в больного человека через правое ухо. Выяснив причину и характер болезни, шаман приступал к специальному камланию, целью которого было излечение больного.

Культовые действия, которые совершал шаман, и результаты, которых он добивался, осуществлялись его духами, которых он призывал в начале каждого камлания. Одни из них сообщали причины болезни человека, позвавшего кама для лечения, указывали, где найти потерявшуюся "душу", если болезнь была вызвана уходом двойника заболевшего; другие помогали каму ориентироваться и передвигаться во время камлания; третьи охраняли его от злых духов.

У каждого шамана имелись свои духи, (см. таблицу 2) причем, неоднородные по составу. Они делились на ряд категорий. Л.П. Потапов называет две категории - покровители и помощники. Покровителями выступали персонифицированные божества и духи высокого ранга (Ульгень, божество огня, хозяева гор и т.п.). Духи-помощники делились на два разряда: предки шамана и служебные духи.

Н.А. Алексеев отмечает что основными помощниками шаманов южных алтайцев при камлании считался дух Дьайык. Его послал Ульгень - глава божеств Верховного Мира - на землю охранять людей от всего злого и худого и давать всему жизнь. Во время камлания шаману помогал и дух Суйла, почитавшийся земным страхом человека. Газета "Ойротский край" в 1927 г., описывая камлание, рассказывала, что во время мистерии шаман мог вызвать от 9 до 14 духов-врачевателей. Так, Башка-тегри ведал болезнями суставов, Кажук-тошнотой и давлением под "ложечкой", Узун-Керемис ведал человеческой поясницей, Учучутхан - врачеватель уха, горла и носа.

Накануне камлания шаман мог измерять температуру, пульс больного, а затем применять травофизиолечение и даже уринотерапию.

Имеющиеся материалы и публикации позволяют восстановить картину лечебного камлания.

Камлание у телеутов, описанное А. В. Анохиным, начиналось с угощения духов-покровителей семьи больного У кумандинцев существовало поверье, как сделать, чтобы злые сверхъестественные существа не трогали людей. Нужно было приносить в жертву домашних животных. С этой же целью совершалось кропление брагой из ячменя или муки. Такой брагой шаман "угощал" духов, вызвавших болезнь, требуя вернуть душу человека. Если кам шаманил над больной женщиной, то он подносил главному духу подземного мира Эрлику семь чашек с брагой, а если над мужчиной, то - девять. После угощения шаман обращался с молением к Эрлику.

Ведя переговоры с Эрликом, не смущаясь, выдвигал перед ним почти ультимативные требования:

Эта моя жертва пусть вам вручится, Голова моя да здравствует!
Назад оглядываясь, не вынуждайте слово словить.
Всегда давайте вашу милость.
Отцу моему Эрлику кланяюсь.
Если три года проживу в покое,
Еще жертва ваша пусть дойдет (до вас).

Затем шаман призывал личных покровителей и "отправлялся" в нижний мир. В путешествии ему помогали духи, в которых превратились умершие родственники шамана, духи-хозяева бубна и шапки, Дьай учи и Суйла, а также сыновья Эрлика. На пути к Эрлику шаман проходил через семь препятствий, где его "ждали" "черные яры, через которые не проходил голос, кишащие черные лягушки, кишащие черные живоглоты, рычащие черные медведи, кипящее черное озеро, кипящий черный ад, место где девять быков ведут бой между собой и т.п.".

После последнего препятствия шаман прибывал к Эрлику - хану и вел с ним переговоры. "Возвратившись" в аил, где проводился обряд, шаман принимал поданную хозяином трубку и отвечал на вопросы о результатах камлания. Затем он обращался к духам - помощникам и благодарил их. В начале или конце камлания, обращаясь к Верховным божествам, шаманы молили о здравии и покое:

Этот кругом находившийся юрт
пусть будет спокоен!
Окруженный юрт мой пусть будет
с удобством
Эти данники - люди твои - пусть
живут хорошо!
Эти дети пусть живут в покое
и удобстве!

П. Головачев в работе "Сибирь. Природа. Люди. Жизнь" (1902) описывает лечебние камлание. "В трудные минуты жизни они призывают шамана... Шаманские обряды на Алтае проводятся иногда целую ночь. Тогда аил ярко освещается пламенем костров, вокруг которых усаживаются алтайские старухи в красных шушунах (род

короткой кофты) с трубками в зубах, как молчаливые статуи. Обреченные животные стоят около юрт. Шаман в своем странном костюме с развевающимися перьями выбегает из юрты, бьет в бубен и делает предсказания. Больной, если камлание происходит для его исцеления, лежит тут же на войлоке. При ярком пламени костров сумрачные окрестные горы как бы выступают вперед и надвигаются на аил".

Интересно описание лечебного камлания, данное исследователем В. П. Дьяконовой по результатам экспедиции в Улаганский район (1976).

У теленгитов первое камлание молодой шаман совершал с камом-наставником. Оно было посвящено ознакомлению новичка с дорогой к Эрлику. У Эрлйка молодой кам получал своего помощника Караша, а через Караша шаману вручалась байры, которая являлась его камчой (плетью). Караш-тос-илу, байры-помощники теленгитских шаманов. Караш, как главный помощник, помогал шаману в возвращении души человека. Теленгиты в случае болезни всегда обращались к каму, ибо источником недугов считали действия кормосов, которые постоянно ловят души людей. При заболеваниях, как правило, больной сам ехал к каму или привозил с собою мончо (ленту), которую привязывали к перекладине бубна и брызгал молоком в сторону бубна. Во время сеанса камлания над больным за сунезин (илу јула) шаман отправляется не сам, а посылает своих помощников, и, прежде всего Караша. О возвращении сунези узнавалось по узлу, который, якобы, сам завязывался на мончо.

Часто во время камлания шаман не только обращался к духам-помощникам, но и непосредственно к духу-болезни.

Обращение к духу-болезней описывается людьми вниз (назад, в прошлое). Из обращения к оспе:

От семнадцати соединений ханских (дорог),
От семнадцати морей,
Отделившись, вы вышли.
Будучи сами врачом, лечите!
Будучи сами наговорщицей, лечите!
К слиянию семнадцати морей,
К своей матери - большей реке,
Туда, где вы живете, возвращайтесь.
На земле, где кружатся семнадцать водоворотов,
вы жили.
На этой земле вышедши,
Вы были в числе девяти братьев.
С разрешения матери - великой реки
Вы обходите всех людей.
Вам тоскливо,
Теперь возвращайтесь,
Довольно вам!

В современной литературе вопросу об эффективности лечебного камлания дается всегда примерно однозначный ответ: малоэффективно. Общепринятой стала традиция, заложенная еще А. В. Анохиным, утверждавшим, что выздоровление наступало редко. Бывали и обратные случаи: больному делалось хуже и хуже. Больной, однако, продолжал лечение, - переходил от одной жертвы к другой, от одного "Кермеса" к другому, усугублял молитвы и постепенно увеличивал ценность приносимой жертвы. В таких случаях богатое семейство приносило в жертву до семи скотин, а бедное - до пяти, Но норма, по мере надобности, увеличивалась, и это иногда доводило больного до полного разорения. Однако в определенных случаях нельзя отрицать положительного влияния шаманских мистерий на психику человека. Современная медицинская наука признает, что в ходе камлания у некоторых людей происходила мобилизация внутренних сил и резервов организма, в результате чего наступало выздоровление Такой эффект отмечается практически во всех религиях). Анализ лечебных камланий позволяет отметить несколько моментов.

Первое. Камлание четко нормировано и регламентировано. Это говорит о его органической вписанности а культуру, повседневную жизнь. Именно такое положение еще более усиливало роль шамана как врачевателя. Он был целителем безусловно. Как врач в белом халате в современной медицинской практике Целительными в шаманстве являлись не только действия по отношению к больному (измерение пульса, температуры, траволечение и т.п.), но и сам ритуал, вид шамана. Человек видя, что кто-то борется за его жизнь, здоровье, и сам мобилизовывался, был "готов выздороветь".

Второе. "Специализация" духов помощников шамана разнообразна. Болезни глаз, уха, горла, носа, внутренние, кожные и др. разделены между разными "помощниками" (см. приложение). Это доказывает, что алтайцы знали и понимали различия болезней. А это знание требовало и различного воздействия, особого вмешательства. Можно предположить, что если было знание о болезни, то был и способ борьбы с ней, способ лечения.

Третье. Шаманы занимались лечебной практикой с древнейших времен. За тысячелетия ими накоплено и реальное знание о болезнях, и способы их лечении. Ведь, если народ в быту использовал травы, минералы, воду и т.п., то лекарь-шаман не мог оказаться вне этого знания.

Четвертое. В современной литературе много говорится о воздействии словом при лечении.

Шаманские обращения, бормотание, пение, подражание голосам зверей и птиц - это тоже своеобразное словесное влияние на присутствующих и больного. ("Как слово наши отзовется").

Не преувепичивая медицинских возможностей шамана, отметим, что в рамках традиционной культуры им решались основные проблемы здоровья алтайцев.

Таким образом, традиционная культура во многом обеспечивала надежную защиту от внешнего природного влияния, способствовала устойчивости этноса. Даже С. Потканов, изучая прирост инородческого населения, отмечал, что "тюркские племена средней и южной полосы Сибири, в том числе алтайцы, телеуты кумандинцы, имеют хорошее естественное приращение..., зависящее, главным образом, от образа жизни и занятий".

Эту же тенденцию отмечал Н. Ядринцев, говоря, что культура коренных народов обеспечивала сносное существование и плодовитость.

Таблица 4

Динамика численности алтайских дючмн в 1858-1897 гг.

Название волостей	1858-1859 гг.		1880 г.		1897 г.	
	Муж.	Обоего пола	Муж.	Обоего пола	Муж.	Обоего пола
1 Алтайская дючина	823	1622	1157	2324	1814	3640
2 Алтайская дючина	788	1575	945	1917	1641	3274
3 Алтайская дючина	662	1310	728	1429	1092	2129
4 Алтайская дючина	1560	3043	1726	3372	2047	4018
5 Алтайская дючина	1087	2180	1358	2718	1922	3726
6 Алтайская дючина	371	698	490	1001	586	1180
7 Алтайская дючина	593	1166	733	1472	1089	2143
Не принадлежали к дючине	нет сведений				76	155
ИТОГО	5884	11594	7146	14233	70267	20265

Об этом же в определенной степени свидетельствуют данные таблицы, хотя во многом цифры прироста населения отражают неполноту статистических сведений предыдущих лет. По некоторым данным в 1913 г. смертность (из расчета на 1000 населения) составляла в России 29,1, в Горном Алтае в среднем 30,2, а в отдаленных районах и того больше. Не только природное "чутье", но и социальная организация алтайцев способствовала сохранению этноса. Через обряды, традиции, повседневное бытовое общение передавались навыки жизнедеятельности, обеспечивающие достаточно комфортное проживание. И каждое поколение привносило свое знание в культуру, совершенствуя и улучшая жизнь человека.

Интересное рассуждение по этому вопросу приведено В.Б. Миневич. Им отмечено, что общество как бы стремится к совершенству, вытесняя из своей Среды "возмущающие элементы и действия". Ниспровергатели, бунтари, творцы новых идей, бродяги, преступники и т.п., подвергаются различным гонениям и преследованиям. Но подобные люди продолжают рождаться, а культура и мир все же изменяются, В.Б. Миневич относит это к проявлению генно-культурной коэволюции, считает что этот процесс вечен Так традиционная культура, оперируя на протяжении веков схожими символами, отражающими борьбу Добра и Зла, изменяется, постепенно впуская в себя новые заимствования и находки. Таким образом, культура как система развивается, достаточно гибко и тонко реагируя на чуждые вторжения. Ни эта ли гибкость способствовала сохранению традиционной культуры? Ни эта ли гибкость поведения самих носителей культуры, например, алтайцев помогла им адаптироваться в природе и организоваться на основе здоровьесберегающей жизнедеятельности.

Ряд авторов, оценивая традиционную культуру, характеризуют ее и как идеальную с точки зрения экологии Кочевое скотоводство, не трудоемко для людей и выгодно природе - скот не может съесть больше травы, чем нужно для выживания, количество скота ограничено выпасами. Трудоемкие технологии излишни кочевнику, нет надобностей архитектурных новаций - юрта идеальна, с точки зрения кочевой жизни Охота давала только столько животных и дичи, сколько было необходимо для жизни

Самое существенное во всем этом - жизнь в равновесии с природой.

Тадина Н.А., Ябыштаев С.Н.

(г. Горно-Алтайск)

АНТРОПОМОРФИЗАЦИЯ ЖИВОТНЫХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕНИЯ АЛТАЙЦЕВ*

В данной серии мы завершаем тему «Антропоморфизация природы в алтайском этикете». Предыдущая статья была посвящена роли этической категории «байланчак» в антропоморфизации природы [1]. Ранее в статьях «Алтайская традиция очеловечивания гор», «Почитание природных хранителей сеока-рода», «Мать-Береза в семейной обрядности алтайцев» мы анализировали различные стороны антропоморфизации природы в общении человека с окружающей средой как своеобразное проявление этикетной культуры [2].

Образ жизни скотоводов, охотников, рыболовов настолько тесно связан с хрупкими экосистемами тайги, гор, рек, что человек в его сознании не отделяется от природы. Это обстоятельство объясняет почему в системе морально-нравственных ценностей и, соответственно, в поведенческих нормах объекты природы (животные, растения, озера и т.п.) фигурируют наравне с человеком У алтайцев, как и у соседних сибирских народов, нормы этикета ориентированы не только на людей, но и объекты природы и вещи Это объясняется особым синкретизмом общественного сознания, основанным на взаимопроникновении мира природы и мира людей.

Учитывая это обстоятельство, надо трактовать многочисленные предписания и запреты, связанные с объектами природы и материальными предметами и явлениями, как этические и этикетные нормы. В культуре общения алтайцев можно выделить мировоззренческие категории, регулирующие поведение, которые в равной степени относятся и к людям и к объектам природы. Эти категории имеют негативный, запретительный характер и приблизительно на русский язык переводятся понятиями «грех» «нельзя», «страшно», «табу». Основой основ выступает категория «байланчак» [3].

Полностью смысл антропоморфизации природы можно понять лишь рассмотрев их в контексте мифологии и культовой практики алтайского народа. В одном из алтайских мифов говорится, что медведь прежде был человеком, Весь мир на земле творили два создателя - верховный бог Ульгень и подземный правитель Эрлик-Бий. Если небесный что-либо создавал, то ему подражал подземный творитель: например, Ульгень сотворил лошадь, а Эрлик-Бий корову; один - овцу, другой - козу, верховный - березу, кедр, лиственницу, подземный в ответ - осину, сосну, ель. Всему созданному миру Ульгень дал Человека, а Эрлик-Бий на земле живущим животным создал главу Медведя. Он был умным и сильным. Видя это, верховный бог решил уменьшить его силу, сломал один палец Медведю и передал его Человеку, а чтобы Медведь не был умнее Человека, отнял у него один ум и отдал Человеку. Сказано, за то что один палец и ум Медведя передан Человеку, Человек должен почитать Медведя, называя его «акабыс» («наш старший брат»), «Jaan карындаш» («старший единоутробный брат») [4].

В алтайской традиции антропоморфизации природы есть элементы народной природоохранной, природосберегающей стратегии, благодаря чему культуру алтайцев часто называют экофильной. Однако свести смысл только лишь к магии или прагматической функции бережного отношения к природной среде - означает чрезмерно упростить значение антропоморфизации природы.

Эвфемистическое обозначение волка, известное у алтайцев, является распространенным по всему миру. Оно практикуется у немцев, литовцев, греков, турков и многих других народов, не говоря даже о сибирских народах. По мнению В.Кпингера в основе эвфемистической замены названия волка лежит представление о том, что «достаточно назвать волка, чтобы вызвать его появление» [5]. В алтайской культуре антропоморфизации животных название волка заменяется термином родства, в данном случае «таай» («дядя по матери»). Причины замены названия животных терминами родства и свойства явится предметом отдельного изучения.

Эвфемистические запреты и прочие нормы в антропоморфизации природы являются элементами коммуникативной системы или, попросту говоря, общения людей с одушевленной природной средой. Эта система вторичных, метафорических наименований свойственна культуре общения алтайцев, а все антропомрфизационные нормы есть правила этого общения, алтайского этикета.

*** Изучение вопроса проведено при финансовой поддержке Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации - Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук (грант № 23): «Антропоморфизация природы в алтайском этикете».**

Примечания

1. Тадина Н.А., Ябыштаев С.Н. Роль этической категории «байланчак» в антропоморфизации природы // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 5. - Горно-Алтайск, 2000. - С139-141.
2. Тадина Н.А., Ябыштаев С.Н. Алтайская традиция очеловечивания гор // Россия и мировой исторический процесс (матер. Всерос межвуз конф,). - Бийск, 1999 - С.120-122; Тадина НА. Мать-Береза в семейной обрядности алтайцев // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (тезисы докл. IV Межд науч. конф.) - Томск, 1999. - С.211.
3. Тадина Н.А., Ябыштаев С.Н. Роль этической категории... - С.139-141.
4. Алтай Jан. - Горно-Алтайск, 1994. - С.7.
5. Клингер В. Животное в античном и современном суеверии - Киев, 1914 — С.240.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулганеев М.Т. *- докторант Алтайского государственного университета, старший научный сотрудник НПЦ «Наследие», кандидат исторических наук*

Борисенко А.Ю. *- аспирант Новосибирского государственного университета*

Гончарова О.А. *- докторант Томского государственного университета, доцент кафедры истории России Горно-Алтайского государственного университета кандидат исторических наук*

Горбунов В.В. *- директор Музея археологии и этнографии при Алтайском государственном университете, кандидат исторических наук*

Дашковский П.К. *- аспирант Алтайского государственного университета*

Деревянно АЛ. *- директор Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук, академик РАН*

Казаков А.А. *- Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат исторических наук*

Кубарев В.Д. *- главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук, член-корреспондент Германского археологического института*

Кызласов И.Л. *- ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, доктор исторических наук*

Кызласов Л.Р. *- профессор Московского государственного университета, доктор исторических наук*

Маточкин Е.П. *- научный сотрудник Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея, кандидат искусствоведения*

Постное А.В. *- старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук*

Самаев Г.Л. *- заведующий сектором истории Горно-Алтайского института гуманитарных исследований, кандидат исторических наук*

Ситников С.М. *- научный сотрудник лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета*

Слюсаренко И.Ю. *- научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН*

Соёнов В.И. *- докторант Алтайского государственного университета, доцент Горно-Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук*

Степанова Н.Ф. — *научный сотрудник Барнаульской лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН и НИИ Гуманитарных исследований при Алтайском государственном университете*

Суразаков А.С. *- заведующий сектором археологии Горно-Алтайского института гуманитарных исследований, кандидат исторических наук*

Суханов Г.П. *- выпускник исторического факультета Горно-Алтайского государственного университета*

Тадина Н.А. *- докторант Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук*

Тетерин Ю.В. *- Новосибирский государственный университет*

Тишкин А.А. *- заместитель заведующего кафедрой археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук*

Худяков Ю.С. *- главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, доктор исторических наук*

Чевалков Л.М. *- ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского института гуманитарных исследований, кандидат исторических наук*

Черемисин Д.В. *- научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН*

Шинжин И.Б. *- старший научный сотрудник Горно-Алтайского института гуманитарных исследований*

Ябыштаев С.Н. *- выпускник исторического факультета Горно-Алтайского государственного университета*

Содержание

Стр.

1. *Деревянко А .П., Постнов А.В., Чевалкое Л.М.* (г.Новосибирск, г. Горно-Алтайск) КОМПЛЕКСНЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТЬ-КАНСКОИ ПЕЩЕРЫ В 1999 г.....4

2. *Соёнов В.И* . (г.Горно-Алтайск) РЫБОЛОВСТВО НА АЛТАЕ.....16

3. *Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю.* {г.Новосибирск) БИКЕ I, II: ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ.....30

4. *Степанова Н.Ф.* (г. Барнаул) ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ.....51

5. *Ситников С.М.* (г.Барнаул) ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУР ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ (по материалам бегазы-дандыбаевской и саргаринско-алексеевской культур). 59

6. *Суразаков А.С.* (г. Горно-Алтайск) КЫЗЫК-ТЕЛАНЬ II.....65

7. *Дашковский П.К.* (г.Барнаул) ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПАЗЫРЫКЦЕВ.....68

8. *Абдулганвев М.Т.* (г. Барнаул) КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА ЕЛБАНКА.....74

9. *Кубарвв В.Д.* (г.Новосибирск) ШАМАНИСТСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПЕТРОГЛИФАХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ РОСПИСЯХ АЛТАЯ.....82

10. *Тетерин Ю.В.* (г.Новосибирск) ГРИВНЫ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ ЮЖНОЙ СИБИРИ 99

11. *Казаков А.А., Тишкин А.А., Горбунов В.В.* (г.Барнаул) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ ТЕЛЕУТСКИИ ВЗВОЗ-I В 1996 ГОДУ.....107

12. *Кызласое Л.Р.* (г.Москва) ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.....110

13. *Худяков Ю.С.* (г.Новосибирск) РАСКОПКИ ПОМИНАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В ДОЛИНЕ Р. ОРОКТОЙ.....114

14. *Кызласое И.Л.* (г.Москва) РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА ДВУХ ПОЯСНЫХ НАКОНЕЧНИКАХ.....121

15. *Соёнов В.И., Суханов Г.Л.* (г.Горно-Алтайск) ПЛИТА ИЗ ИНИ.....126

16. *Суразаков А.С.* (г.Горно-Алтайск) ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА.....129

17. *Маточкин Е.Л.* (г.Горно-Алтайск) СОВРЕМЕННЫЕ РИСУНКИ АЛТАЙСКИХ ЧАБАНОВ.....131

18. *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* (г.Новосибирск) НЕМЕЦКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ АЛТАЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В XVIII-СЕРЕДИНЕ XIX ВВ.....142

19. *Самаев Г.Л.* (г.Горно-Алтайск) ИГРАЛЬНЫЕ КАРТЫ-КӦЗӦР У АЛТАЙЦЕВ.....148

20. *Шинжин И.Б.* (г.Горно-Алтайск) СХОДНЫЕ МОТИВЫ ИЗ СЮЖЕТА ЭПОСА СКАЗИТЕЛЕЙ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНИХ ХУДОЖНИКОВ.....149

21. *Гончарова О.А.* (г.Горно-Алтайск) ШАМАНСТВО И ЗДОРОВЬЕ.....153

22. *Тадина Н.А., Ябыштаев С.Н.* (г.Горно-Алтайск) АНТРОПОМОРФИЗАЦИЯ ЖИВОТНЫХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕНИЯ АЛТАЙЦЕВ.....157

ДРЕВНОСТИ АЛТАЯ

известия лаборатории археологии №6

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор - ***С.Ю.Чевалков***

Составление, оформление, верстка, корректура, макет - ***В.И.Соёнов***

Лицензия ЛР №040332 от 21.02.97

Подписано в печать 05.07.2000. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.
Гарнитура: «Ариал» Усл. печ. л. - 21. Заказ №357. Тираж 200 экз.

РИО "Универ-Принт", ГАГУ, 659700, г.Горно-Алтайск, ул.А.Ленкина,1

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ALMA MATER